

БОРИС ЗАЙЦЕВ
НА АФОН

Литрес

Борис Константинович Зайцев

На Афон

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11130218

На Афон: Индрик; Москва; 2013

ISBN 978-5-91674-230-5

Аннотация

В книге собрано почти всё, написанное Б. К. Зайцевым в связи с его пребыванием в Греческой республике и на Святой Горе в апреле-июне 1927 г. Путевые очерки «Афон» воспроизводятся с учетом всех трех авторских редакций текста, впервые публикуются две тетради дневниковых записей и множество зарисовок автора. Фотографии посетившего Афон в 1928 и 1930 гг. швейцарца Фредерика Буассона позволяют читателю увидеть малодоступный мир Святой Горы таким, каким застал его Б. К. Зайцев. В приложении помещены очерки видных деятелей Русской Зарубежной Церкви из довоенных номеров газеты «Православная Русь».

Содержание

Афонские дневники и странствие Бориса Константиновича Зайцева (апрель – июнь 1927 года)	6
Источники публикации	90
На Афон. Записи	106
Афон. [записи]	145
«Святой Николай»	173
Письма Б. К. Зайцева жене Вере Алексеевне и дочери Наталии из Греции в Париж	179
1	179
2	183
3	188
4	193
5	201
6	207
7	216
8	218
9	224
10	230
11	232
12	238
13	240
На Афон. I. Морское странствие	246

На Афон. II. Афины (жизнь)	254
На Афон. III. Афины (Памятник)	268
АФОН	281
Андреевский скит	308
Монастырь св. Пантелеймона	328
Монастырская жизнь	345
Каруля	363
Лавра и путешествие	392
[Монастыри Афона] Пантократор, Ватопед	410
И СТАРЫЙ РУССИК[325]	
Святые Афона[341]	435
Строитель	439
Певец	446
Новая Фиваида	448
ТИХИЙ ЧАС БИБЛИОТЕК А	475
Крин Сельный	478
Гробница	482
Fuori Le Mura»[397]	485
Прощание с Афоном	488
«Хризаллида»	491
«В море далече»[406]	492
Творение	494
Бесстыдница в Афоне	497
Вновь об Афоне	518
Афонские тучи	529
Афон	534

Афон. К тысячелетию его	543
Монастырь св. Пантелеймона	544
Путешествие	550
Лавра и вновь странствие	560
Прощание с Афоном	567
Приложение	572
Архимандрит Феодосий Мельник	572
Архимандрит Серафим Иванов	594
Инок обители св. Панте леимона	609

Борис Зайцев

На Афон

Афонские дневники и странствие Бориса Константиновича Зайцева (апрель – июнь 1927 года)

Немногочисленные русские обители, располагавшиеся в пределах прежних русских губерний и чудом уцелевшие после катастрофы 1917 года, в течение десятилетий оставались средоточием русской церковной жизни в свободном мире. В различных государствах возникали и новые русские монастыри, часто очень недолговечные. Можно назвать лишь два монастыря, созданных русскими беженцами в межвоенные годы и оставивших значительный след в истории русского православия и отечественной культуры, – Иноческое типографское братство в селении Ладомирова в Чехословацкой, затем – в Словацкой республиках и Богородице-Казанский мужской монастырь в Харбине, на территории Великой Маньчжурской империи.

Прежние же – знаменитая Успенская Почаевская Лавра, Мелецкий и другие монастыри в Республике Польша, Валаамский, Коневецкий, Трифоно-Печенгский и Линтульский

монастыри в Финляндской республике, Печерский и Пюхтицкий монастыри в Эстонской республике, Свято-Духов монастырь в Литовской республике и многочисленные обители в Бессарабии – не имели в эти годы возможности активно окормлять русских изгнанников как в силу оскудения людьми, так и по причине политических обстоятельств и своей географической отдаленности от основных центров расселения русских беженцев.

Целое русское государство, раскинувшееся вдоль линий Китайской Восточной Железной Дороги, служащие которой, жившие в полосе отчуждения, не подпадали под действие местного законодательства и полностью сохраняли традиционный уклад жизни, существовало достаточно обособленно от европейских центров русского рассеяния. Русские владения в Святой Земле оставались в управлении Императорского Православного Палестинского Общества, формально подконтрольного архиерейскому синоду Русской православной церкви за границей, а русские обители на Афоне, защищенные принадлежностью к Вселенскому Патриархату, продолжали свое традиционное существование, лишившись, впрочем, всяческой помощи из России, ибо их имения и иная собственность там оказались конфискованы в пользу большевистского государства. При этом Афонские русские обители оставались наименее труднодоступными для посещения русскими беженцами, поскольку греческое правительство ограничивало их паломнические поездки не столь

усердно, как делали это вчерашние подданные Русской Короны в прежних Царстве Польском, Великом Княжестве Финляндском и прибалтийских губерниях.

Сам Борис Константинович Зайцев единственным поводом к посещению Святой Горы неоднократно называл встречу с приехавшим с Афона и уже знакомым ему по литературному творчеству князем Димитрием Алексеевичем Шаховским:

«Года три тому назад встретил я в Париже молодого иеромонаха, которого знал еще в миру. Он побывал на Афоне, под влиянием посещения и принял монашество. Как раз перед встречей с ним, я от нескольких лиц слышал об Афоне. Захотелось расспросить и у него.

Он улыбнулся, слегка застенчиво.

– Я страшно занят, и через три дня уезжаю в Югославию.

– Ну, а все-таки.

Он несколько задумался.

– Вот разве послезавтра, перед литургией, только это рано... встанете ли вы? надо быть уже в половине восьмого у нас...

Я не люблю рано вставать. Но тут сразу согласился.

И в условленный час – парижским зимним утром, сине-туманным, шел узким проходом Сергиева Подворья, мимо образа преп. Сергия в аудиторию под церковью. Иеромонах

встретил меня там.

Мы сидели на студенческой парте в полутемной аудитории, уединенно и негромко беседовали, т. е. говорил он, а я слушал. Разговор длился не более получаса – до звонка к литургии. Но какие-то слова, те самые, сказаны были.

Через месяц получил я греческую визу, а в конце апреля плыл уже на восток, „по хребтам беспредельно-пустынного моря“»¹.

Князь Д. А. Шаховской прибыл на Св. Гору 3 (16) июля 1926 г. и остановился в Пантелеимоновом монастыре². Судя по его письму матери, уже 17 (30) июля игумен Мисаил согласился его постричь, отложив утверждение этого своего решения до получения согласия еп. Вениамина (Федченкова)³, бывшего духовником молодого князя. «За эти две недели, что я тут, – ходил в Карею, выправлять паспорт. Из Карей прошел в недалеко оттуда лежащий Андреевский скит, оттуда несколько келий навестил, в частности – келью схимника Вениамина, пустытника, к которому мне дал письмо о. Алексей; потом побывал, в сопровождении о. Вениамина, в Ильинском скиту, который хотя и не так велик, как Ан-

¹ Зайцев Б. К. *Вновь об Афоне // Возрождение, № 1655, 13 декабря 1929 г., с. 3.* В записной книжке «На Афон» сохранился листок с перечнем изданий, просмотренных Зайцевым при подготовке текста книги. По-видимому, книги эти были разысканы им в библиотеке Пантелеимонова монастыря.

² Письмо матери от 3 (16) июля 1926 // *Шаховской, архиеп. Иоанн.* Биография юности. Установление единства. П.: YMCA-PRESS, Б.г. С. 110.

³ Письмо матери от 17 июля 1926 // Там же. С. 111–112.

древский, но тоже скорее похож на монастырь, чем на скит. В общем – посетил уже русский Афон. В греческих монастырях еще нигде не был, – скоро пойду и к их святыням»⁴. 23 августа ст. ст. «в 3 ⁵/₂ часа ночи, в одном из малых Афонских храмов, храме Введения Пресвятой Богородицы во Храм, был пострижен в первый иноческий чин, и наречен Иоанном – (память: 26-го сентября). Постригал отец архимандрит Кирик, одежду благословил Игумен – отец Мисаил»⁶, а уже в среду 22 сентября н. ст., проделав путь пароходом из Пирея в Марсель и поездом до Парижа, новопостриженный инок Иоанн прибыл на Сергиево Подворье и в тот же день отправился в Канны вместе с еп. Вениамином, намереваясь возвратиться на Подворье к началу занятий, то есть к 15 октября⁷. В субботу 4 декабря н. ст. 1926 г. митрополит Евлогий (Георгиевский) постриг монаха Иоанна в мантию⁸, а 2 (15) декабря он был рукоположен митрополитом Евлогием во иеродиакона в соборе св. Александра Невского на ул. Дагу⁹. Этим двухмесячным пребыванием и ограничивался афонский опыт человека, столь очаровавшего Зайцева сво-

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Письмо матери от 24 августа ст. ст. 1926 // *Шаховской, архиеп. Иоанн*. Биография юности... С. 115.

⁷ Письмо матери от 24 сентября н. ст. 1926 // Там же. С. 116–117.

⁸ Письмо матери от 2 декабря н. ст. 1926 // Там же. С. 118.

⁹ Письмо матери от 3 декабря ст. ст. 1926 // Там же. С. 119.

им рассказом о Святой Горе.

Организация этой поездки потребовала, по собственному признанию Зайцева, не свойственных ему усилий, поскольку для семьи, ежемесячный бюджет которой немногим превышал две тысячи французских франков, расходы требовались действительно значительные: «я, не имея ни копейки денег и не отличаясь, вообще, расторопностью, вдруг проявил энергию и выпросил у „Последних Новостей“ аванс в 5000 фр. на поездку. [Мне их не хватило, назад возвращался в трюме какого-то cargo греческого. Вера с Наташей сидели тоже без гроша, но все обошлось благополучно. Значит, была на все это не одна наша воля]». Зайцев не получал фиксированного жалованья в каком-либо из периодических изданий эмиграции, и его доходы складывались из гонораров от напечатанного в «Последних новостях» и небольшой суммы, доставлявшейся ему в числе некоторых избранных русских литераторов-эмигрантов правительством Чехословацкой республики. Позже, после писательского съезда в 1928 году в Белграде, подобное пособие начало выплачивать правительство Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев¹⁰.

¹⁰ Н. Н. Берберова называет восемь человек из числа получавших денежное пособие – Мережковский, Гиппиус, Бунин, Ремизов, Зайцев, Тэффи, Куприн и Шмелев: «Мне известны 8 человек в Париже, которые получали его, но я полагаю, что немало людей в самом Белграде, а также вероятно в Праге, стояли в списке. Пособие составляло приблизительно 300 франков в месяц на челове

ка. Другая сумма, тоже около 300 франков, приходила тем же лицам из Праги, из собственных фондов президента Масарика. На 600 франков в Париже в те годы прожить было нельзя, но они могли покрыть расходы по квартире, на электричество, газ, метро. Этого было немного, но это было хоть что-то. Сербская субсидия, насколько я помню, кончилась после 1934 г., чешская продолжалась до 1937 г.» (*Берберова Н. Н.* О переиздании политических дневников З. Н. Гиппиус // RUSICA-81. Литературный сборник. N.Y., 1982. С. 215–216).

Митрополит Евлогий. 1928 г.

Группа русских литераторов после приема королем Югославии Александром I. Белград, октябрь 1928 г. Слева направо: В первом ряду: М. Н. Могилянский,?. А. И. Ксюнин. Вас. В. Немирович-Данченко. Б. К. Зайцев. Во втором ряду: Жуков,? В. Ф. Зеелер, А. А. Боголепов.

Дочь писателя, Ната лья Борисовна Зайцева-Соллогуб называла нам иную, по ее мнению главную, причину столь

необычного путешествия. За год до поездки на Святую Гору Борис Константинович близко подружился с жившей в Шавиле супругой генерал-майора Корпуса жандармов А. И. Спиридовича¹¹ Маргаритой Александровной, встречи с которой быстро привели к взаимной симпатии и стали практически ежедневными. По словам Натальи Борисовны, Вера Алексеевна Зайцева тяжело переживала сложившуюся ситуацию. В это время Борис Константинович написал, возможно, самый изящный из созданных им текстов – эссе «Моя жизнь и Диана», посвященный столь частым свиданиям с Маргаритой Спиридович. Этот текст был передан Зайцевым в редакцию «Последних новостей» накануне отъезда в Грецию и появился в газете под заголовком «Диана» во время его пребывания на Афоне¹².

¹¹ Н. Н. Берберова называет восемь человек из числа получавших денежное пособие – Мережковский, Гиппиус, Бунин, Ремизов, Зайцев, Тэффи, Куприн и Шмелев: «Мне известны 8 человек в Париже, которые получали его, но я полагаю, что немало людей в самом Белграде, а также вероятно в Праге, стояли в списке. Пособие составляло приблизительно 300 франков в месяц на человека. Другая сумма, тоже около 300 франков, приходила тем же лицам из Праги, из собственных фондов президента Масарика. На 600 франков в Париже в те годы прожить было нельзя, но они могли покрыть расходы по квартире, на электричество, газ, метро. Этого было немного, но это было хоть что-то. Сербская субсидия, насколько я помню, кончилась после 1934 г., чешская продолжалась до 1937 г.» (*Берберова Н. Н. О переиздании политических дневников З. Н. Гиппиус // RUSICA-81. Литературный сборник. N.Y., 1982. С. 215–216.*)

¹² *Зайцев Б. Диана // Последние новости, № 2216, 17 апреля 1927, с. 2–3.* Зайцев продолжал встречаться с Маргаритой Спиридович и по возвращении со Святой Горы. Известны несколько ее записок 1929 года к Зайцеву (РГАЛИ. Ф. 1623

Наталья Борисовна полагала, что, не имея близких друзей и не решаясь обратиться за советом к кому-либо из знакомых ему лиц духовного звания, Борис Константинович направился на Святую Гору не за литературными впечатлениями, а именно в надежде разрешить эту тяжелую неопределенность¹³.

Публикуемые две тетради путевых записей, сделанные в дни поездки по Греции, и письма, посланные Борисом Константиновичем жене и дочери, позволяют достаточно подробно реконструировать маршрут его странствия:

29 апреля 1927 г. автор выехал из Парижа в Марсель¹⁴.

30 апреля выехал из Марселя и прибыл в Пирей 4 мая. 4–10 мая находился в Афинах.

10 мая выехал из Афин в Салоники, куда прибыл в 6 часов утра 11 мая.

12 мая (н. с.) 1927 года, утром, прибыл в Афонский порт

Б. К. Зайцева. Оп. 1. Ед. хр. 21).

¹³ 16 мая 1927 г. Зайцев писал жене с Афона: «Сегодня днем я исповедовался у ар хим.[андрита] Кирика, он меня совсем очаровал своей добротой и простотой. Он мне сказал, между прочим, что видит меня в перв.[ый] раз, а в духе любит уже меня, как сына. Будет писать тебе, и вообще он очень большое значение тебе придает в моей жизни – и тоже, ведь, в глаза не видал!»

¹⁴ «Главное событие – это то, что папа уехал в Грецию, было ужасно грустно, когда он уезжал 29-го апреля, в пятницу, ровно 2 н.[едели] тому назад», – записала На таша Зайцева в своем дневнике 13 мая 1927 года (Дневник Н. Б. Зайцевой. Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

Дафни, где его встречал монах Петр. За два с половиной часа, миновав монастырь Ксиропотам, верхом спустился в Карею, где ему отвели комнату в куняке Пантелеимонова монастыря. Здесь случились его первые афонские знакомства с оо. Миной и Иваном. Последний повел его в полицию для получения свидетельства на пребывание на Св. Горе. Позже о. Мина сопровождал писателя в Протат, где было получено разрешение на посещение обителей и занятия в библиотеках. К вечеру Зайцев добрался до Андреевского скита, где и заночевал.

13 мая, осмотрев скит и Собор, в сопровождении монаха Харалампия направился в Карею, где осматривал сам городок и Собор, уделив особенное внимание фрескам М. Панселина. В 2 часа дня с о. Стратоником вышел из Карееи, вместе они добрались до железного креста, откуда Зайцев продолжал путешествие самостоятельно. Сбившись с пути у Нагорного Руссика, он пришел в Пантелеимонов монастырь только к 5 часам вечера.

14–16 мая находился в Пантелеимоновом монастыре, знакомясь с братией, занимаясь в библиотеке при содействии библиотекаря иеромонаха Иосифа и готовясь к исповеди у духовника о. Кирика. 15 мая познакомился с о. Софронием (Сахаровым). 17 мая в 7 часов утра вместе с иеромонахом Пинуфрием (Ерофеевым), иеромонахом Василием (Кривошеиным) и немецким туристом вышли на лодке в монастырь Григориат, где посетили Собор Св. Николая. Затем

направились в Карулю, где общались с пустынником иеросхимонахом Феодосием (Василием Матвеевичем Харитоновым, 1869–1937). После поднялись в горы, ночевали в кельи св. Георгия.

Париж. 1926 г.

18 мая направились пешком в Лавру св. Афанасия. Осмотрев ее, выехали на лаврской лодке в Иверон, где Зайцев особо хотел поклониться чудотворному Иверскому образу Богородицы, который очень почитал еще со времени жизни в Москве. В лодке отправились затем в монастырь Пантократор, где ночевали.

19 мая, осмотрев с утра Собор и библиотеку Пантократора, отправились на лодке в монастырь Ватопед. Прошли на лодке келию св. Артемия и Воздвижения Креста, монастырь Каракалл, особенно отметил Зайцев Пирг монастыря Каракалл, Милопотам – дачу Лавры.

20 мая. О событиях этого дня записи отсутствуют.

21 мая вернулись в Пантелеимонов монастырь, где Зайцев оставался до 23 мая, занимаясь в библиотеке.

23 мая вместе с о. Виссарионом отправился в Новую Фиваиду, миновав на лодке монастыри Ксеноф и Дохиар. Посетили пустыньку о. Игнатия. Ночь провели на фондарики Фиваиды.

Сидят (слева направо): архимандрит Кирик, архимандрит Тихон (Троицкий). Стоят: монах Василий (Кривошеин), Димитрий Шаховской, монах Софроний (Сахаров). В Свято-Пантелеимоновом монастыре. 1926 г.

24 мая вместе с монахом Петром поднялись на гору в пустыньку о. Нила, затем были в пустыньке о. Ильи, из-за непогоды вновь ночевали, вернувшись на фондарики Новой Фиваиды.

25 мая после обеда отправились на лодке обратно и три с половиной часа спустя были в Пантелеимоновом монастыре.

26 мая работал в библиотеке Пантелеимонова монастыря.

ря, фотографировался с о. Пинуффрием (Ерофеевым) у монастырского фотографа о. Наума. Посетил лесопилку, где познакомился с молодым монахом Владимиром, эмигрантом из России. Вечером совершил прогулку в Дафни, беседовал с монахом Иосифом, осматривал помещения монастыря. Составил план будущей книги, посвященной Св. Горе.

27 мая работал в библиотеке, с оо. Виссарионом и Марком осматривал монастырь и монастырскую гробницу.

28 мая работал в библиотеке, беседовал с оо. Софронием (Сахаровым), Иосифом, духовником архим. Кириком (Максимовым), Иосифом – библиотекарем.

29 мая завершил написание трех очерков о морском плавании из Марселя в Пирей и о пребывании в Афинах, вечером уехал с Афона в Салоники.

30 мая – 5 июня находился в Салониках и в Афинах. 5 июня выехал из Греции в Марсель на пароходе.

Газетный репортаж¹⁵ Шарля-Андре Груаса, отправившегося в Грецию в качестве корреспондента газеты «L'Inde'pendance Belge», сохранил нам имена некоторых спутников Зайцева, которых принял на борт в Марселе пароход «Патрис II» греческой судоходной компании. В их числе Габриэль Буасси – знаменитый автор книги «De Sophocle à Mistral» и автор идеи возжжения вечного огня у могилы неизвестного солдата на площади Звезды в Пари-

¹⁵ *Crouas Ch. -A. Sur la magie de la mer bleue (De notre envoye' spe'cial) // L'Inde'pendance Belge, № 132, jeudi 12 mai 1927, p. 1.*

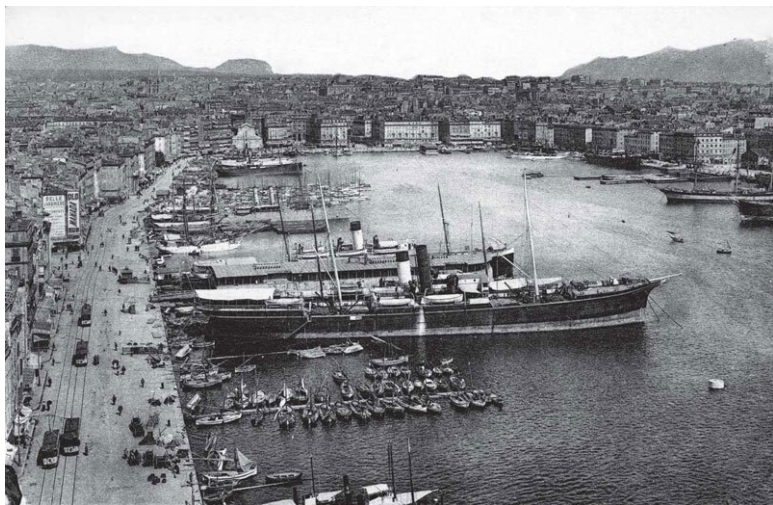
же, Марсель Буланже, снискавший громкую славу романом «L'Amazone blessee», еще один популярный автор газеты «L'Inde'pendance Belge» Андре Билли, только что завершивший свою «Историю современной французской литературы», Эжен Марсан, литературный критик «L'Action francaise», автор почти десятка романов и многих сборников литературных и исторических очерков, Марио Мёнье, известнейший переводчик древнегреческих авторов и исследователь их творчества, блестящий хроникер Пьер Плесси, а также голландский археолог Ликуди с женой бельгийкой, какой-то бывший министр в правительстве Е. Вензелоса, несколько англичан и студентов. Можно допустить, что Зайцев ничего не знал о своих известных спутниках, во всяком случае, на страницах его записей и писем сохранилось упоминание лишь о Ш.-А. Груасе.

Архимандрит Кассиан Безобразов, о. Василий Кривошеин и один из немецких исследователей. Фото из книги: «Münchenland Athos». München, 1945. S. 231.

Путь в Грецию, пребывание в Афинах и путешествие по Святой Горе нашли отражение в ряде очерков Зайцева. Первые три были написаны в Пантелеимоновом монастыре и посвящены пути на Афон. Первоначально предполагавшаяся посылка записей дорожных впечатлений из Греции в редакцию «Последних новостей» для скорейшего печатания не удалась как из-за затрудненного почтового сообщения со Святой Горой, так и по причине большой загружен-

ности самого путешественника.

Общий вид марсельского порта

Впрочем, в намерении написать книгу о Св. Горе Зайцев утверждается лишь по мере знакомства с афонскими насельниками и обителями: «Вообще же надо сказать, что эта поездка совсем особенная, она как-то не „для удовольствия“, но дает и еще даст оч.[ень] много. Не знаю, как буду писать книжку, это еще неясно, и тоже несколько тревожит. То, что читаю здесь, из библиотеки, очень мало приносит – это все штампы, хотя писано иногда прекрасными людьми», – сообщает он супруге 16 мая. А после исповеди у о. Кирика

и задушевной с ним беседы прибавляет вечером того же дня: «Нынче мне кажется, что, м.[ожет] б.[ыть], с Божьей помощью, я и сумею написать об Афоне»¹⁶.

Возможно, именно это письмо уже неделю спустя Вера Алексеевна читает митрополиту Евлогию: «Под Николин день, после всенощной, в Шавиле читала Борино письмо Владыке с Афона, он очень волновался. – Он никогда не был на Афоне [...]», – сообщала она Вере Буниной 11/24 мая 1927 г.

Две недели спустя Зайцев определенно сообщает Вере Алексеевне: «Писать буду об Аф.[оне], кажется, много. Есть о чем. Уже составил приблиз.[ительный] план книжки»¹⁷.

Этот предварительный план описания путешествия по Святой Горе (он несколько отличается от окончательного плана книги «Афон») был составлен, возможно, уже 26 мая:

«Афон.

Встреча.

Что такое Афон?

Мой первый день.

Русский мон.[астырь] св. Пантелеймона.

Люди Афона.

Путешествие – Каруля, Лавра, Иверон, Пантократор, Ва-

¹⁶ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой от 16 мая 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

¹⁷ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой от 29 мая 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

топед.

Жизнь монастыря – русск.[ого] и греческого.

Душевная настроенность.

Святые Афона.

Мученики.

Русские старцы XIX века.

Второе путешествие – еще о послушниках Афона.

Природа и пейзажи Афона.

Искусство на Афоне.

Смысл Афона для мира и смысл мира для Афона»¹⁸.

Краткие выписки из многих исследований по истории Афона, переводы греческих слов и выражений, тщательные записи об особенностях быта и повседневном распорядке жизни¹⁹ русских обителей сохранились во второй записной книжке «Афон», лишь отчасти заполненной собственно дневниковыми записями, впервые печатаемыми в настоящей книге.

Описанию самого афонского странствия Зайцев посвятил одиннадцать очерков, подготовленных уже в Париже по материалам дневниковых записей, с включением двух историко-агиографических экскурсов, основанных на сведениях, которые были извлечены писателем из книг библиотеки Пантелеимоновой обители.

В составленной из этих одиннадцати очерков книге

¹⁸ Записная книжка «Афон. Дневник». Л. 38.

¹⁹ «День монаха мон.[астыря] св. Пантелеймона. 1 ч. утра – Всенощн.[ая]

«Афон» автор не нарушает действительной последовательности своего маршрута, что легко установить при сличении содержания дневниковых записей и глав книги. Восемь лет спустя, работая над описанием другого своего путешествия – в Финляндскую республику и в Спасо-Преображенский монастырь на острове Валаам на Ладожском озере, Зайцев будет допускать некоторые отклонения от действительной последовательности знакомства с островом.

Другим источником к описанию афонского путешествия являются подробнейшие письма Зайцева к супруге и дочери в Париж. Только сопоставление всех этих документов, отчасти известных²⁰, отчасти публикуемых впервые, позволяет, наконец, составить достаточно полную картину событий этого незаурядного для русского беженца странствия, совершенного в тот период истории русского Афона, сведений о котором сохранилось немного...

За четыре года до приезда Зайцева на Святую Гору Пантелеимонова монастыря иеромонах Феодосий Харитонов составил подробнейшую «Историю русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря»²¹, в трех главах которой рассказал обо всех этапах развития русского монашества вплоть до 1923 г., когда его работа и была завершена. Можно пред-

²⁰ Фрагменты писем были использованы Зайцевым в публикации «Афонские дни. // (Из заметок)», подготовленной для рижского журнала «Перезвоны» (№ 40,

²¹ Богато иллюстрированный текст опубликован лишь недавно: *Феодосий, иеромонах. История русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря* // К Свету. Альманах. Вып. 18. М., 2000. С. 3–128.

положить, что Зайцев имел возможность ознакомиться с рукописью этого сочинения, хотя письменных свидетельств тому нам встречать не приходилось.

После напечатания книги «Афон», оставшейся, заметим, самым невостребованным из его писаний²², Зайцев много раз возвращался к теме истории и значения Святой Горы для современного мира. Почти все эти материалы собраны в настоящей книге.

Работа над книгой «Афон» велась автором в очень тяжелый для русской церкви период и пришлась на время опубликования печально известной «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского), усвоившего себе титул Патриаршего местоблюстителя в Москве. Будучи принципиальным и последовательным сторонником церковной политики митрополита Евлогия (Георгиевского), Зайцев, по-видимому, не допускал мысли о возможности подчинения церковной жизни русского рассеяния управлению из гнезда Третьего Интернационала и принял деятельное участие в составлении ответа на требование митрополита Сергия о признании советского государства: «Церковные распри очень расстраивают. Боря был у Владыки (19 челов.[ек] заседадо). Это бы-

²² Нам удалось просмотреть 27 непереплетенных экземпляров книги «Афон», находящихся в заграничных русских библиотеках или происходящих из ныне не существующих зарубежных русских общественных книжных собраний. 18 экземпляров оказались разрезанными не далее 42 страницы, 6 экземпляров были просмотрены примерно до середины, и лишь в трех случаях книгу разрезали до конца.

ло очень интересно. Как всегда, Владыко прекрасно ответил²³ и поступил, как настоящий христианин»²⁴, – писала Вера Алексеевна Зайцева в Грасс В. Н. Буниной.

Однако современные автору церковные нестроения не отражены на страницах «Афона», и Зайцев чрезвычайно дели-

²³ Ответ митрополита Евлогия был тогда же напечатан в «Церковном вестнике за падно-европейской епархии», издание которого было начато 20 июня/3 июля 1927 г. в Париже. См.: Слово Высокопреосвященнейшего Митрополита Евлогия, произнесенное за литургией 4 сентября 1927 г. // Церковный вестник за падно-европейской епархии, № 3, 9/22 сентября 1927 г., с. 6–9.

²⁴ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 11/24 сентября 1927 г. (Частное собрание. Париж). Об этом Зайцев сообщал В. Н. Буниной еще 29 августа 1927 г.: «А сейчас я получил взволновавшую меня пневму: нынче вечером быть у митрополита Евлогия на совещании о церкви. Ты понимаешь, что дело очень серьезное. Я не ждал никак, что меня позовут, в этих делах счи таю себя профаном, и могу только сказать о своих „чувствах“ (они определены, в данном случае, разумеется, „против“ подписки о лояльн.[ости] к Советам). Что-то будет!» (Новый журнал, № 139, 1980, с. 170). Впрочем, как явствует из письма В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 11/24 марта 1934 г., сама она испытывала известные колебания в отношении к советской церк ви: «Что касается общественной жизни, так это церковное разделение. Ты себе представить не можешь, как разгорелись страсти. Я была тоже два раза у Елевферия [т. е. на богослужениях, совершавшихся наведывавшимся в Париж митрополитом Ковенским и Литовским Елевферием (Богоявленс ким), в 1931 г. назначенным московским Синодом управляющим русскими приходами в Западной Европе, после наложения этим Синодом запрещения на митр. Евлогия, отказавшегося вместе с подчиненным ему духовенством заявить о своей лояльности большевистскому правительству. – А. К.], кот. [орый] приезжал от Сергия, и первое время не знала как быть? Остаться ли у Владыки Евлогия или отколоться и идти в Сергиеву церковь... и осталась у Владыки. Всего не напишешь, мистически мне близка церковь Сергиева, но нет уверенности, что нет нажима из Москвы» (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

катно рассказывает о событиях жизни на Святой Горе, лишь мельком упомянув об истории введения нового календарного стиля в Константинопольском патриархате и неудачной попытке насадить его в афонских обителях. И, хотя сами Борис Константинович и Вера Алексеевна продолжают придерживаться традиционного русского календаря²⁵, события афонского календарного противостояния, столь волнительные для русских и не только русских святогорцев, во все не нашли отражения в репортажах, составивших книгу Зайцева, как не упомянут даже и церковный раскол, порожденный календарной реформой в самой Греции. Восемью годами позже, рассказывая о жизни монастыря на о. Валаам, он не станет останавливаться на истории разделения братии на новостильников и старостильников, не дав читателю возможности почувствовать, сколь сильным потрясением стало введение нового календарного стиля для части мирян и духовенства в недавно еще русской Финляндской губернии.

Один из немногочисленных исследователей творчества писателя, внимательно отнесшихся к книге «Афон», разглядел красивый символ уже в первых ее строках: «Б. К. Зай-

²⁵ «Мы празднуем по старому, – писала 1/14 декабря 1927 г. В. А. Зайцева В. Н. Буниной. – Не могу привыкнуть к новому стилю. Скажи Яну, что я была на праздновании дня рождения Государыни Императрицы Марии Федоровны, пели „Боже Царя Храни“ и плакали же мы все. Показывали портреты в волшеб.[ном] фонаре весь царств.[ующий] Дом. Такой день незабываемый, такой подъем был. Очень хорошие воспоминания были о Ней. Не люблю социалистов и демократов» (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

цев подчеркивает одну подробность своего приближения к Афону – своеобразное омовение. Через омовение проходят все ступившие на Святую землю, оно является своеобразным действием, которому подвергается путешественник, находясь у цели своего многотрудного пути. Паломник снимает обувь, и ему омывают ноги, после чего он босым входит в храм: „Над зеленоватым блеском волн взлетает веер брызг, нос «Керкиры» опускается, и меня обдает соленой влагой. Невольно опускаю голову и, когда поднимаю ее, вижу справа, далеко в море, еле выступающую в бледно-сиреновом дыму одинокую гору“»²⁶. Письмо самого автора позволяет установить, что он, хоть и в обратном порядке, рассказывает о действительных событиях первых мгновений встречи с Афоном: «12-го на рассвете, я взшел на палубу парохода „Ке'ркира“ (Корци'ра, по-русски), чтобы взглянуть на приближающийся Афон. Братец²⁷, Татуша, я вдруг увидел гору, едва выступавшую в легком тумане – такой грандиозной силы и величины, и такую островерхую, что в первый момент мне показалось, не облако ли это. Но в следующий – меня обдало брызгами. Я обтерся и продолжал смотреть, в восторге»²⁸.

²⁶ Глушкова Н. Б. Дантовский код в «Афоне» Б. К. Зайцева // В поисках гармонии. (О творчестве Б. К. Зайцева). Межвузовский сборник научных трудов. Орел, 1998. С. 65.

²⁷ «Братом» Б. К. Зайцев часто называл свою супругу Веру Алексеевну.

²⁸ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой от 14 мая 1927 г. // Вестник русского студенческого христианского движения (впоследствии Вестник русского христианского движения); далее – ВРСХД, № 164 (I-1992), с. 196.

Однако это чуть ли не единственная неточность в изложении последовательности событий путешествия. Дальше – почти хроника, строго документальный рассказ о виденном, слышанном, прочувствованном прикоснувшегося к невидимому извне миру Святой Горы.

«Афон» Бориса Зайцева – это своеобразный путеводитель для непосвященного, приоткрывающий двери в мир благожелательной скромности, доверия, спокойствия и любви – всего того, что так часто не ценят, находясь дома, среди близких, и чего так недостает в изгнании.

У читателя действительно не остается сомнения в том, что каждый из спутников автора – лодочник о. Петр, гостиник о. Мина или сопровождающий его в странствии о. Пинуфрий – спокойно и с достоинством продолжает начатое за тысячу лет до них монастырское делание, послушание, пресечь исполнение которого не удалось никакому из внешних потрясений. «На горе Афон земное кончается, начинается вечное, – отмечала Екатерина Таубер. – Давно ушедшие святые подвижники – современники»²⁹.

Тихим, светлым, почти идеальным, хотя и живущим совсем рядом людям затаившейся в святогорской глуши прежней Святой Руси Зайцев резко противопоставляет современную ему Россию красную. На глазах автора Святая Русь в несколько лет обратилась в «сатанинский престол» –

²⁹ Таубер Е. В пути находящиеся (О творчестве Бориса Зайцева) // Грани, № 33, 1957, с. 161.

это самый устойчивый в творчестве Зайцева образ современной ему советской России, впервые возникший в дневниковых записях цикла «Странник» в связи с увиденным писателем в советском агитационном журнале «Прожектор» фотопортретом африканского «борца за свободу колониальных негров» Люниона, восседающего на древнем троне русских царей³⁰.

Здесь стоит упомянуть, что в 1925 г. Борис Константинович заводит специальную тетрадь, озаглавленную «Остров»³¹. Это тетрадь для вырезок и выписок из газет и журналов, в которую писатель собирает свидетельства о шествии по России нового властителя – современного хама. Здесь и советские дипломаты с лицами закоренелых каторжников, и заселяющие великокняжеские имения беспризорники, и африканец Люнион, и изгоняемые из обителей монахи, и разрушаемый в Москве Страстной монастырь, и многое, многое другое. И это, наряду с Афоном и Валаамом, еще один остров, земля беззакония, страдания и всеобщего одичания: «Если бы пятьдесят лет назад сказали тебе, что твоя родина при твоей жизни не будет уже называться Россией, а СССР, то тебе показалось бы это кошмаром и ты не поверил бы – мало ли что приснится»³²... У читающе-

³⁰ Зайцев Б. К. Странник. СПб., 1994. С. 47.

³¹ Зайцев Б. К. «Остров». Рукопись (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

³² Зайцев Б. К. Письмо неизвестному другу // Русская мысль, № 366, 27 июля

го тексты Зайцева не остается сомнений, что у этой земли нет настоящего и не может быть будущего: «...За время войны и революции [...] самый грозный внутренний опыт был опыт раскрывшейся силы зла. Из-за удобного, мирного „прогресса“ выглянула трагедия. И дикое лицо человека-зверя. Мы его раньше не знали. Им навсегда убито прекраснодушие нашей молодости. Если с ранних лет глубоко было наше отвращение к насилию, крови, казням, то для зрелости выпало жить в кошмаре убийств и казней. Все это обратилось в повседневность. [...]

Мальчишка-красноармеец, простой, „добродушный“, на площадке вагона близ Каширы. Улыбаясь рассказывал, как они воевали с белыми.

– И попался тут один нам в плен. Глядим, а он поп. А туда же, воевать... Наши очень над ним забавлялись. Сколько хотели мучили. Ремни все ему из спины вырезали.

Он сплевывал, затягиваясь цыгаркой. Весенний ветер полей каширских обдувал молодое – симпатичное! – лицо.

– Очень долго с ним баловались. [...]

Некие „ремни“ вырезались также из нашей души, сердца, мозга. [...]

Что спасало, удерживало и утешало русского человека в бедствиях нашей эпохи – конечно, религия, сделавшая огромные завоевания в сердцах. Были целые месяцы и недели в Москве, в революцию, когда жить, дышать и не прихо-

дить в отчаяние можно было лишь в церкви. Когда на литургии можно было плакать с первого ее слова до последнего, и все-таки уходить облегченным, ибо безобразию, зверству, свирепости окружающего противопоставался мир гармонии и любви. [...] В самые страшные минуты самый факт существования Евангелия так же неопровержимо свидетельствовал о величии добра, как встающее солнце ежедневно доказывает неистребимость света»³³.

В течение короткого времени Зайцеву довелось познакомиться с наиболее прославившимися впоследствии в русском рассеянии афонскими насельниками – иеромонахом Иоанном Шаховским, иеромонахом Василием Кривошеиным, иеромонахом Софронием Сахаровым. Знакомство же с о. Кассианом Безобразовым состоялось еще в Париже задолго до его пострига и последующего водворения на Святой Горе. Каждый из них, добровольно или в силу обстоятельств, избрал свой особенный путь, в дальнейшем протекавший и завершившийся вне Афона, однако начавшийся под покровом Святой Горы.

Знакомство с о. Иоанном Шаховским и о. Кассианом Безобразовым продолжится до смерти писателя, а о. Софроний Сахаров будет постоянным корреспондентом друга Зайцевых доктора Сергея Михеевича Серова. Епископ Кассиан Безобразов станет одним из героев повести «Река времен» – последней значительной литературной работы Зайцева.

³³ Зайцев Б. Наш опыт // Русский инвалид, № 79, май 1935, с. 5.

Лето 1927 г. по возвращении с Афона Зайцевы провели в Париже. Именно в это время афонские записи и впечатления перерабатываются в очерки, ставшие затем главами новой книги: «Мы, т. е. Борух и я прожили изумительно тихое лето, – пишет Вера Алексеевна В. Н. Буниной в сентябре, – Во всем доме остались одни. Боря горевал, да и до сих пор горюет о Матери³⁴. Много он работает, Афон еще будет в 3 или 4-х подвалах. Материально нам дико трудно. Про-

³⁴ Мать Б. К. Зайцева Татьяна Васильевна Рыбалкина скоропостижно скончалась в Москве 20 июля 1927 г. накануне планировавшегося отъезда из советской России. 20 июня 1927 г. Зайцев писал Бунину: «Итак, с Афона я вернулся. О тебе почти ничего не знаю, да и никто, кажется, не знает. Мы сидим в Париже. Видимо, останемся на все лето (Наташа будет гостить у Карбасниковых). На Афо не очень много интересного, к сожалению, у меня было очень мало денег, что сильно затрудняло путешествие. Передай Илье Исидоровичу, что, когда Вера в трудную минуту обратилась в журн. „Совр. Зап.“ с просьбой об авансе для уплаты за квартиру, ей было начисто отказано (равно и в „Посл. Нов.“). Добавь, пожалуйста, что если „С. З.“ думают, что такой образ действий способствует укреплению наших отношений, то это заблуждение. [...] // В Афинах была дикая жара и пыль. Чехов когда-то мудро сказал об этом го роде: „в Афинах много блох“. В Париже пока лето состоит в том, что я сожалею об отданном в чистку летнем пальто. Все же это лучше, чем задыхаться. // Благодаря дружной поддержке дружественных изданий я был вынужден возвращаться из Афин в III классе – это сильно напомнило мне камеру Особого Отдела в Г. П. У., где мы сидели в 1921 г., но и дало некоторый жизненный урок. Иван, тебе Афон страшно понравился бы! Там я жил чудно. Но в монахи никак не пригоден (в чем несколько, впрочем, и не сомневался, и ездил туда не за тем, чтобы монахом делаться). Я там путешествовал на лодке, муле и пешком. Принимали, как архиерея». (Новый журнал. № 139. 1980. С. 168–169). Тогда же Зайцев соглашается поделиться афонскими впечатлениями с участниками го товящегося съезда Студенческого Христианского Движения (ВРСХД. Париж. № 7, июль 1927. С. 28).

живали по 2 тысячи в месяц, а теперь с Наташенькой расходы»³⁵. Однако в «Последних новостях» выходит еще только один афонский очерк – «Лавра и путешествие» (2 октября 1927 г.), на чем сотрудничество Зайцева с газетой прекращается.

Сам главный редактор «Последних новостей» П. Н. Милюков, возможно, и хотел сохранить Зайцева для своей газеты. Во всяком случае, письмо его свидетельствует о переговорах с Зайцевым об условиях продолжения сотрудничества. Можно допустить, что не сам Милюков, а именно другие руководящие сотрудники редакции, названные в приводимом ниже письме, подвигли Бориса Константиновича на разрыв с газетой... 27 сентября 1927 г. Милюков писал:

«Дорогой Борис Константинович,

Хотя меня и считают самодержавным монархом в газете, но по вопросам бюджета я – монарх конституционный и, в ответ на Ваше письмо, должен обратиться за справкой к моему министру финансов, т. е. к Н. К. Волкову³⁶. Разрешить Ваши вопросы смогу

³⁵ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 11/24 сентября 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

³⁶ Николай Константинович Волков (1875–1950) – директор-распорядитель правления общества «Русское издательское дело в Париже» и руководитель хозяйственной части редакции газеты «Последние новости». Член III и IV Государственной Думы, член ЦК партии Народной свободы, в годы войны руко водил деятельностью Петроградского отделения Земгора, товарищ министра земледелия во Временном правительстве. Активно работал в антибольшевистском подполье в России. В годы Второй мировой войны

только после его справки. Из этого не следует, конечно, чтобы я лично был против Ваших предложений. С литературной стороны я против них ничего не имею. С Афоном ничего не поделаешь – пишите, как пишется. Мемуарно-беллетристический очерк тоже весьма приемлем.

„Местом“, как Вы знаете, мы стеснены, а потому на этот счет отсюда никаких обещаний давать не могу: тут надо сообразоваться с другими моими министрами: внутренних дел (И. П. Демидов³⁷) и – уже не знаю, как назвать министра, который в последней инстанции разверстывает материал и в обращении называется Александром Абрамовичем (Поляков³⁸). Аванс у нас строго запрещен, и по этому поводу нужно всякий раз особое разрешение, а иногда и оборот с моими личными суммами. Н. К. свиреп по этому поводу и никаких резонов не принимает. Впрочем, может быть, понадобится общая законодательная мера. Все это решим по моем приезде в Париж, т. е. не позже 15-го

сохранил имущество редакции, передал его впоследствии прежним сотрудникам газеты.

³⁷ Игорь Платонович Демидов (1873–1946) – внук В. И. Даля, земский деятель, член IV Государственной думы. Член ЦК Конституционно-демократической партии. После большевистского переворота создал «Всероссийский национальный центр» помощи Добровольческой армии. С марта 1924 г. был помощником редактора «Последних новостей».

³⁸ Александр Абрамович Поляков (1879–1971) – секретарь редакции газеты «Последние новости». Сотрудник петербургского «Русского слова», редактор газет «Юг» и «Юг России» в Севастополе в 1919–1920 гг. До 1970 г. был секретарем редакции нью-йоркского «Нового русского слова».

октября.

В статье Бердяева³⁹ я ценю, главным образом, его понимание внутри-русской психологии и правильную, на мой взгляд, расценку того, как мы, эмигранты, должны к этой психологии относиться. Что касается аргументации Бердяева, то, кроме сделанных в передовице оговорок, я мог бы сделать и другие, аналогичные Вашим. Но я не делаю из них того вывода, что требуемой Сергием подписки (в отрицательной форме) нельзя было давать. На этом основании пришлось бы осудить и вообще тактику Евлогия, – ибо ведь тогда „аполитичность“ для церкви и вообще невозможна.

[...]

Искренне уважающий Вас

*П. Миллюков*⁴⁰.

По словам Н. Б. Зайцевой, уход из «Последних новостей» был вызван прежде всего глубокой обидой Бориса Константиновича на отказ редакции предоставить его супруге небольшой аванс в период его пребывания в Греции. Так что вполне вероятно, что несогласие редакции увеличить построчную оплату стало лишь поводом к прекращению сотрудничества...

Письмо Миллюкова, однако, действия не возымело, и Вера

³⁹ По-видимому, речь идет о статье Н. А. Бердяева «Вопль русской церкви» // Последние новости, № 2365, 13 сентября 1927 г.

⁴⁰ Письмо П. Н. Миллюкова Б. К. Зайцеву (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

Зайцева сообщала Вере Буниной: «Верун! Пока я тебе писала письмо, у нас произошло событие. Боря будет писать в „Возрождении“! „Послед.[ние] Новости“ отказались платить по 1, 50 с. А по 1 fr. Боря больше писать не будет. Думали, думали, да и решился Боря. Не знаю, но у меня нет чувства, что это неправильно. К Струве⁴¹ он никогда не был близок, единственно, что Боре неприятно относительно Ивана, но Ваня-то ушел опять-таки из-за Струве. „Возрождение“ осталось „Возрождением“, ну а Гукасов⁴² с первого дня был „Гукасов“. Теперь, Бог даст, не будет вечера, довольно благотворительности. Все надоело»⁴³.

Со 2 октября в «Возрождении» регулярно помещаются материалы Зайцева, а уже 11 октября возобновляется печатание афонских очерков. Четыре заключительных очерка появились в пяти номерах газеты, причем общий заголовок «На Афон» был снят.

30 сентября 1927 в переписке двух Вер снова возникает тема Афона: «Я тебе забыла написать имя поэта, кот.[орый] едет на Афон – это Диомед Монашев. [...] Боря еще будет

⁴¹ Петр Бернгардович Струве (1870–1944) являлся главным редактором парижской газеты «Возрождение».

⁴² Абрам Осипович Гукасов (1872–1969) – нефтепромышленник, создатель и владелец парижского издательства «Возрождение» и одноименной газеты, выходящей в 1925–1940 гг. После войны издавал ежемесячный журнал «Возрождение». Создал типографию «Navarre».

⁴³ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 11/24 сентября 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

об Афоне писать 3–4 подвала и все в „Возрождении“, – сообщает В. А. Зайцева, – Пока материально еще не легко, ну, конечно, если „Возрожд.[ение]“ не закроется, то немного мы вздохнем»⁴⁴. Публикация очерков завершилась 11 декабря.

К началу нового года Зайцев начинает пересматривать опубликованный текст афонских очерков, не добавляя ничего существенного и внося лишь незначительные сокращения и уточнения.

Вскоре Зайцев заключил с издательством американского Христианского союза молодых людей (YMCA) договор на публикацию своего отчета об афонском странствии отдельной книгой. «Это один из тех писателей, которые работают по старинке, не думая о том, найдут ли они издателя и как разойдется написанная книга в Париже и Берлине»⁴⁵, – полагал интервьюировавший Бориса Константиновича Яков Цвибак. По-видимому, автора, напротив, очень волновала судьба рукописи о Св. Горе и возможность скорейшего появления ее в виде книги, так что обычно весьма щепетильный в отношениях с издательствами, Зайцев согласился на малопривлекательные условия издательства YMCA-Press, изначально ограничившего автора малым объемом текста... Книгу с рабочим названием «Афон» предполагалось вы-

⁴⁴ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 30 сентября 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁴⁵ Андрей Седых. У Бор. Зайцева в Париже. (От корреспондента «Сегодня»). (Отдельная газетная вырезка. Частное собрание).

пустить объемом в 5–6 печатных листов по 36.000 знаков в листе⁴⁶. Определено было, что «если размеры манускрипта будут превосходить размеры, упомянутые в § 1 более, чем на 20 %, то YMCA-PRESS может отказаться принять манускрипт»⁴⁷, причем «при чтении корректуры автор может делать изменения не более 5 % текста. Все расходы, которые могут произойти вследствие изменения превышающего 5 % текста, производятся за счет автора»⁴⁸. Даже в случае не выпуска книги издательством по не зависящим от автора причинам Зайцев соглашался, что будет иметь право передать рукопись другому издательству лишь «при условии уплаты YMCA-PRESS половины суммы, полученной от нового Издательства», а также передавал YMCA-PRESS «право ведения переговоров и заключения контракта с другими Издательствами» на переиздание книги и переводы ее на иностранные языки⁴⁹. Авторский гонорар был вполне эфемерным и лишь покрывал непредвиденные расходы на обратную дорогу из Греции: «За предоставление прав, упомянутых в § 1, уплачивает автору или уполномоченному им лицу следующее вознаграждение: за первое издание, т. е. до трех тысяч экземпляров, по двадцати долларов /

⁴⁶ Письмо-договор с Б. К. Зайцевым на издание рукописи «Афон», подписанный П. Андерсоном (Авторизованная машинопись. Архив YMCA-Press).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

Долл. 20. – / за лист; за следующие издания, а также издания на иностранных языках, по своевременному взаимному соглашению»⁵⁰. Договор был подписан секретарем УМСА П. Андерсоном 26 апреля 1927 г.

К моменту возвращения Зайцева из афонского странствия уже был подготовлен к печати другой подобный путевой дневник. Автором его был студент богословского факультета Белградского университета, большой любитель церковного пения Иван Гарднер, совершивший продолжительное паломничество на Святую Гору в 1926 г. Подробнейший и интереснейший отчет этот в основной своей части так и сохранился в рукописи, и первым значительным опубликованным свидетельством интереса русских беженцев к Афону стала книга Зайцева. Белградские русские студенты-богословы вообще любили Святую Гору, и для нескольких из них именно здесь началось монашеское служение⁵¹. Писали об Афоне и ставшие впоследствии известными в эмиграции литераторами недавние офицеры Русской армии П. Н. Врангеля. Один из лучших литературных отчетов о паломничестве на Святую Гору в сентябре 1924 г. оставил известный автор морских рассказов капитан Б. П. Ап-

⁵⁰ Там же. Т. о., при курсе, едва превышавшем 30 французских франков за 1 аме риканский доллар, Зайцев мог рассчитывать на вознаграждение в размере 3000–3600 фр.

⁵¹ *Иннокентий, архим.* Жизненный путь архиепископа Серафима [Иванова] // Суббота великого покоя. Сборник, посвященный архиепископу Серафиму. Магпопак, 1959. С. 7.

релев, не раз выступавший с публичными чтениями о современном состоянии русского монашества, в т. ч. и в белградском православном кружке имени преп. Серафима Саровского. 3/16 ноября 1924 г. он выступил в заседании, собравшем около 80 слушателей, преимущественно студентов. «Своими яркими описаниями он перенес всех нас на Святую Гору, – вспоминал один из участников. – Особенно поразительно было его посещение русских отшельников, живущих на Карухи [sic!] на совершенно отвисших скалах, где часто от одной келии к другой нет тропинки и только при помощи веревки, упираясь в стену ногами, можно перейти с места на место. В настоящее время их там 19 человек, начиная от слепого старца 112 лет и кончая бывшим офицером добровольческой армии. Живут они в большой бедности, питаюсь сухарями и луком, не зажигая огня круглый год, и, несмотря на всю свою отрезанность от мира, они следят за всеми современными событиями»⁵². Известный в русском рассеянии публицист, военный прокурор и профессиональный паломник, пешком обошедший чуть не все монастыри Сербии и Македонии, Евгений Вадимов (Ю. И. Лисовский) публиковал легенды о Святой Горе⁵³.

⁵² Белградский православный кружок имени преподобного отца Серафима Саровского чудотворца // Духовный мир студенчества, № 5, Париж, 1925, с. 38–39.

⁵³ Вадимов Е. Сказание о горе Афонской // Воскресное чтение, Варшава, № 1, 3 января 1937, с. 6–10.

Барини. К. Зайцеву

Милостивый Государь,

Соответственно происшедшему между нами соглашению, Вы предоставляете нам Вашу рукопись на следующих условиях:

1. Автор передает УМСА-пресс исключительное право на печатание, обнародование и распространение своего произведения, озаглавленного *Афон* размером 5.6 по 36.000 знаков в лист.
2. Если размеры манускрипта будут превосходить размеры, упомянутые в § 1 больше, чем на 20%, то УМСА-пресс может отказаться принять манускрипт.
3. Автор берет на себя доставить манускрипт УМСА-прессу, в переписанном виде, готовом для отправки в типографию.
4. Автор заявляет, что он один является автором и собственником упомянутого манускрипта и имеет право заключить настоящее соглашение.
5. УМСА-пресс имеет право делать необходимые сокращения и изменения в манускрипте, уведомив об этом автора.
6. Автор обязуется прочитать и исправить первую типографскую корректуру.
7. При чтении корректуры автор может делать изменения не более 5% текста. Все расходы, которые могут произойти вследствие изменений превышающих 5% текста, производятся за счет автора.
8. УМСА-пресс берет на себя опубликование вышеупомянутого произведения. Если по какой либо причине манускрипт не будет сдан в типографию в течение года после формального принятия его Издательством УМСА-пресс, автор имеет право продать издательские права на вышеупомянутое произведение другому Издательству, при условии уплаты УМСА-прессу пописки суммы, полученной от нового Издательства, но, во всяком случае не более той суммы, которая ранее была получена автором за эту рукопись от УМСА-пресс.
9. УМСА-пресс сохраняет за собой право по соглашению с автором на перевод означенного произведения на иностранные языки и право передать право издания другим лицам, причем право ведения переговоров и заключения контракта с другими Издательствами принадлежит исключительно УМСА-пресс.

10. За предоставленіє правъ, упомянутыхъ въ § 1, УМСА-прессъ уплачиваетъ автору или уполномоченному имъ лицу слѣдующее вознагражденіе: за первое изданіе, т.е. до трехъ тысячъ экземпляровъ, по двадцати долларовъ /Долл. 20.- / за листъ; за слѣдующія изданія, а также изданія на иностранныхъ языкахъ, по своевременному взаимному соглашенію.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

П. Андерсонъ.
Секретарь Сѣв. Амер. Ком. Христіанскаго
Союза Молодыхъ Лейдъ.

Парижъ.

"26" *Septembre* 1927 г.

Письмо прочелъ и съ Зашии условіями согласенъ

Договор об издании книги «Афон», с. 2

Еще один русский паломник, игумен монастыря в эстонском городе Петсери (Печоры) епископ Иоанн (Булин), вынужденный покинуть Эстонскую республику из-за внутрицерковных неурядиц и отправившийся в длительное путешествие по Европе и святым местам Христианского Востока, жил на Афоне в августе – сентябре 1934 г. и оставил солидный путевой дневник⁵⁴.

В том же 1927 г., сразу по возвращении Зайцева из Греции, была издана монография об Афоне итальянского исследователя Ф. Периллы, написанная по материалам, собранным за три поездки на Св. Гору – в августе 1923 и в апреле – мае и августе – сентябре 1924 годов, и иллюстрированная зарисовками автора. Обработка и приготовление собранных материалов к печати заняли около трех лет и были завершены в апреле 1927 года. Тогда же книга была отпечатана одновременно двумя тиражами на итальянском⁵⁵ и французском⁵⁶ языках, став одним из наиболее интересных науч-

⁵⁴ Эти и другие многочисленные свидетельства о межвоенном Афоне, прежде всего о русских его обителях, в значительной своей части сохранились лишь в рукописях.

⁵⁵ *Perilla F.* Il Monte Athos. La storia. I monasteri. Le opera d'arte. Le biblioteche. Di segni, xilografie, acquarelli dell'autore. Edizione dell'autore, Salonico. Chez J. Dan guin, Paris, MCMXXVII. XV+186 pp. 525 ex.

⁵⁶ *Perilla F.* Le Mont Athos. Son histoire. Ses monasteries. Ses oeuvres d'art. Ses bibliothèques. Dessins, bois, aquarelles de l'auteur. Chez l'auteur, Salonique – Chez

ных и одновременно художественных межвоенных отчетов о посещении Афона. Особенно полезным для возможных паломников являлся путеводитель по Св. Горе, содержащий разработанные автором маршруты трех, пяти, восьми, 15-ти и 30-тидневных путешествий⁵⁷. Подробному описанию святынь и иных достопримечательностей, а также и библиотек каждой из обителей посвящена была заключительная, десятая глава⁵⁸. Все это делало книгу Ф. Периллы наиболее примечательным для широкой аудитории изданием об Афоне из появившихся после Первой мировой войны⁵⁹.

Книга «Афон» выходит из печати в марте, и уже 23 июня Борис Константинович просит супругу: «Самое лучшее – в среду или четв.[ерг] тебе зайти к М-[аковском]у. Занеси ему „Афон“, скажи, что надпись я сделаю, когда приеду, и чтоб дали в газете отзыв»⁶⁰. «Дорогой мой, авторские экземпляры „Афона“ вели Имке отправить мне сюда, штук 10,

J. Danguin, Paris, MCMXXVII. XV+188 pp. 1000 ex.

⁵⁷ *Perilla F.* П Monte Athos. P. 162–164.

⁵⁸ *Perilla F.* П Monte Athos. P. 164–182.

⁵⁹ Тем не менее об этой книге, скорее всего известной Зайцеву, он не упоминает ни словом. Как, впрочем, не упоминает и о других весьма заметных изданиях (*Millet C.* Monuments de l’Athos. T. I. Les Peintures. Paris, Leroux, 1927; *Hasluck F.-W.* Athos and its Monasteries. London: Kegan Paul, 1924), появившихся как незадолго, так и в самый год его паломничества и работы над книгой.

⁶⁰ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Грасса в Париж 23 июня 1928 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж). Книга Зайцева уже была отмечена ре дакцией, см.: *С. И-кий.* «Афон» // Возрождение, № 1019, 17 марта 1928, с. 4.

я ведь должен еще разослать по „критикам“»⁶¹, – добавляет он пять дней спустя. К этому же времени относится и свидетельство о том, что поездка на Святую Гору дала не только литературные впечатления⁶²...

Между тем посланные им в Грецию экземпляры быстро достигли Святой Горы, и вскоре Зайцев сообщает жене: «Получил еще письмо с Афона, оч.[ень] милое, от о. Виссариона, и карточки фотогр. [афические]⁶³», а 8 июля добавляет, что «Получил письма с Афона, очень милые: официальн.[ую] благодарность от Игумена и братии, и частное письмо, оч.[ень] ласк.[овое] от арх.[имандрита] Кирика. Просит прислать ему еще один экземпляр»⁶⁴. И в наши дни⁶⁵ на Святой Горе сохраняется интерес к творчеству Зайцева.

⁶¹ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Грасса в Париж 28 июня 1928 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶² «Вот я проснулся и опять подумал, как-то особенно мне это стало ясно, что вне мира и любви с тобой я вообще не могу существовать, – писал Зайцев жене в июне 1928 г., – я как-то увядаю, и при этом знаю, что со мной очень нелегко жить, но ведь мы даны друг другу, наш союз не пустяк, не случайность, он имеет очень глубокий характер – мы не можем друг без друга» (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶³ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Грасса в Париж без даты [начало июля 1928 г.] (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶⁴ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Грасса в Порнишэ 8 июля 1928 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶⁵ См. перевод его книги о Валаамской обители в Финляндии, выполненный и изданный сербскими святогорцами: *Шмелев К, Зайцев Борис*. Стари Валаам. Превод хиландарски монаси. Света Гора Атонска. Манастир Хиландар, 1993. -119 стр. Илустр. (Хиландарски преводи; бр. 7).

**Б. К. Зайцев, Алексей Смирнов и В. А. Зайцева
в Притыкино**

Рецензия И. П. Демидова появляется в «Последних Новостях» в июле: «Мне кажется (такова тема книги), что автор хотел рамкой „православного человека“ немного обуздать „русского художника“, „подморозить“. Сознаюсь – это уже чтение в сердцах, чего не полагается. Виновен, но заслуживаю снисхождения, ибо имею смягчающие обстоятельства

все в том же непонятном „и только“⁶⁶. Если же я разгадал скрытое намерение, то рад, что оно автору не удалось, – кругозор художника не подморозился, кое-где вырвался за пределы нарочитого ударения, и это еще более украсило книгу, углубило ее.

„Святая гора“ – тысячелетний, „живой в себе“ мир, тысячелетняя традиция, тысячелетнее своеобразие. Для одних святыня, для других странный пережиток, но для всех что-то не обыденное, стоящее внимания. [...] Мир особый, для громадного большинства чуждый, даже юродивый, никогда не отвечавший ни одной эпохе, всегда „не современный“, всегда „пережиток“, куда во все эпохи „спасались“ те, кому эпоха была не по призванию. [...]

Жизнь и быт „Святой горы“ изображены эпически спокойно: так было, так будет. Автор – православный человек – не хочет, чтобы читатель заметил его. Пусть будет перед читателем только Афон, „стоящий перед Богом“, со всем своим „многообразием религиозного опыта“. Иногда случается, что „русский художник“ как будто хочет заглушить „православного“. Временами они как будто спорят и борются. Дух художника разрывает круг афонского ритма: он уносит автора в эпоху Трои и царицы Клитемнестры, а то и еще глубже, в века, когда мир жил мифом. [...] „Православный“

⁶⁶ «Ученого, философского или богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником. И только», – писал Зайцев в предисловии к книге «Афон».

спешит „одернуть“ замечтавшегося художника. [...] Афон не должен претендовать убить мир, убить в мире любовь и жизнь (он и не претендует, а лишь сам уходит от мира), но в мире должен быть Афон, „стоящий перед Богом“, не современный ни одной эпохе, всегда „пережиток“.

Здесь, как мне чувствуется, и лежит основное идеологическое достоинство книги Бориса Зайцева, так воспринявшего „Святую гору“, – книга милостивая и примиряющая. Афон не противоречит миру, мир не противоречит Афону; они друг друга дополняют.

В этом – я убежден – правда и залог успеха „Афона“ Бориса Зайцева»⁶⁷.

«Спроси маму, читала ли она в „П.[оследних] Н.[овостях]“ большую статью Демидова об „Афоне“? (Оч.[ень] сочувственно, но робко, и как бы извиняясь перед „нашими“)»⁶⁸, – пишет Борис Константинович дочери 21 июля из Грасса в Порнишэ.

Еще один отзыв выходит на страницах «Возрождения», к пишущим в котором Зайцев присоединился лишь недавно. С. К. Маковский⁶⁹ точно подметит удивительную притягательность новой книги, привлекающей внимание читате-

⁶⁷ И. Д. «Афон» Бориса Зайцева // Последние новости, № 2668, 12 июля 1928, с. 3.

⁶⁸ Письмо Б. К. Зайцева Н. Б. Зайцевой из Грасса в Порнишэ 21 июля 1928 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁶⁹ Сергей Константинович Маковский (1877–1962) – историк искусства, поэт и ре дактор. В 1926–1932 гг. был одним из редакторов газеты «Возрождение».

ля не сразу, пленящей «незаметно, внушением долгим, заставляя послушно возвращаться еще и еще на пройденный путь»⁷⁰...

Книга Зайцева – это прежде всего дневник его странствия, и историческая ценность его писания о Святой Горе несомненна, ибо оно стало наиболее значительным *опубликованным литературным* свидетельством о русском присутствии на Афоне в период между двумя мировыми войнами.

Возможно поэтому самое важное и ценное в книге Зайцева было точно подмечено именно в рецензии профессионального историка – петроградского медиевиста Г. П. Федотова, ученика И. М. Гревса, уже в эмиграции обратившегося к истории Русской церкви и русской святости⁷¹. Отметил Фе-

⁷⁰ *Маковский С.* Афонское уединение // Возрождение, № 1131, 7 июля 1928, суббота.

⁷¹ «Книга Б. Зайцева – не гид паломника, не описание святынь и древностей афонских. Научный, исторический, художественный груз сведен здесь к *minimum*’у. Это лишь искусно обработанные страницы из дневника „право славного человека и русского художника“, проведшего на Афоне „семнадцать незабываемых дней“. // Автор принес с собой на Афон смиренную готовность принять, не рассуждая, не сомневаясь, весь целиком, открывшийся ему особенный мир, – и в то же время зоркий взгляд, изошренный только что проплывшим перед ним волнующим образом Эллады и опытом давних итальянских странствий. Две души афонского странника незримо борются [sic!] между собою, но эта борьба остается скрытой глубоко под прозрачной ясностью умиротворенного сознания. Паломник повествует о ночных службах, о бессонном, голодном, трудовом подвиге Афона, аскетически суровом, как встарь. Художник запоминает очарование фракийской ночи, горизонты моря, ароматы жасмина и желтого дрока. Благоухание цветов покидает нас на Афоне лишь для того, чтобы ус тупить место церковным благовониям: „ладанно-сладковатым запахам“ со-

дотов и малоудачные исторические экскурсы, нарушающие

боров, „злато-маслянистым, медвяным“, исходящим даже от костей и черепов. Весь пронизанный ароматами, освеженный морем, Афон Б. Зайцева утрачивает свою суровость, баюкает волнами душевно-телесных ритмов. По природе своей, по свойству своего нежного и кроткого дарования, Б. Зайцев не может сказать „нет“ ничему. Принимает и фанатика, читающего „современные фило софские журналы“, хотя он совсем не в стиле Афона. Принимает и пустующие афонские библиотеки: „Впрочем, может быть, истинная Библиотека и вообще должна быть бесцельна. Еще вопрос, следует ли выдавать из нее книги“. Ему нравятся все-нощные стояния в афонских храмах, „легкое, текучее и благозвучное забвение“ молитв. Но „вот приподымешься слегка, в стасидии, и над подоконником раскрытого окна увидишь сребристо-забелевшую полосу моря с лунным играющим следом“. И сладко уловить „сквозь напевы утрени звук мирской“ – дальний гудок парохода. После поэзии послушания, трудов и поклонов – вдруг перед фресками Панселина долго сдержанный вскрик: „Гений есть вольность. Нет преграды, все возможно, все дозволено“. // Тишайшая, кротчайшая борьба с духом Афона (быть может, совершенно подсознательная) закликает на помощь духов древней Эллады, еще не покинувших этой некогда им посвященной земли. За Лемносом чудятся „рыжие холмы тысячелетней Трои“. Горизонт Святой Горы замыкает иная гора – снежный, недосыгаемый Олимп, „как некий легкий ковчег Эллады“. Древние боги оживают. „Вот теплым кармином тронула Эос верхушку Святой Горы, церковку Преображения“. Иоанн Кукузель, любимейший афонский святой Б. Зайцева, пастух, чаровавший козлов своим пением, ведет за собою тень „христианского Орфея, музыканта Господня“. И даже Афродита-Морфо, „в полудреме томящаяся“, скованная богиня, живет в имени залива Морфино и связанной с ним дохристианской легенде. Но пусть не подумает читатель, что Афон Б. Зайцева посвящен умершим и невоскреснувшим богам. Их тени так легки, их появления так редки и застенчивы, что, называя их имена, я боюсь, не совершаю ли я нескромности. // Есть и другие возможности раздвинуть аскетические рубежи Афона, не покидая его священной земли. В отложениях вековых культур, в соседстве десятков разноплеменных обитателей, составляющих монашескую республику, культурно изощренный глаз автора находит острую экзотику контрастов. Вот Карея, столица Афона – пустынный, точно вымерший восточный город, го род без женщин и детей. Вот заседание протата (монашеского

ткань живого повествования об Афонском странствовании

правления), которое напоминает „нечто среднее между советом десяти в Венеции и Карфагенским сенатом в христианской транскрипции“. „Косицы и рясы, древние иконы по стенам, литографии, пряность глико, раки, сладостность языка, мягкость диванов, медлительная лень движений – все слилось в дальнюю за вековую экзотику“. И на этой экзотике, в пряных благовониях Востока, особенно пронзительна, до боли, встреча с Великороссией. „Русские серые гла за, простые лица полумонашеского, полукрестьянского общежития“. После „медвяных“ запахов Византии „пахнет тут сладковато-кисло, щами, квасом, летают вялые мухи“. В гостинице Андреевского скита „облик неповторимо го“: „стены, увешанные портретами императоров, цариц – натертый пол блестит зеркалом. Чистые половички проложены на нем“. Всего лучше – самые лица, „крепкий и чистый лесной русский тип, заквашенный на Византии... Таким, как о. Пиннуфрий, мог быть посол российский времен Иоанна III, живописец Андрей Рублев или мастер Дионисий“. Это наваждение святой Руси становится непреодолимым в скитах и избах (каливах) отшельников в сосновых лесах „Новой Фиваиды“. Ну а где же святой Афон? Удалось ли художнику проникнуть не внешним лишь взором внутрь православной твердыни? Здесь начинается самая спорная часть книги. Многие, думаю, не согласятся с предложенным автором пониманием Афона. Не имея данных для оценки его, скажем все же, что оно обладает большою убедительностью. // Афонский „духовный тип“ для Б. Зайцева – „это спиритуальность прохладная и разреженная, очень здоровая и крепкая, весьма легкая от эротики“ – прибавим от себя: и от мистики. Впечатление церковной молитвы на Афоне сравни тельно с „мирским“ хра мом: „Здесь все ровнее, прохладнее, как бы и отрешеннее. Менее лирики... Я не видал слез на Афоне“. Ночи в церкви, дни на работе, в келье „тянут канончик“. Спят не больше 3–4 часов в сутки. „Монастырский ритм – вот, мне кажется, самое важное. Вы как будто плывете по широкой реке, по течению“. Такая жизнь для слабых – „душевная гигиена“. Мерность движений и размеренность дня становятся школой, покоряющей страстную природу. Автор мало останавливается на острой борьбе аскета. Он протестует против сурового Леонтьевского изображения. Его Афон добрый и спокойный. Паломника всюду окружает и несет волна любовной ласковости. Но если Б. Зайцев утаил от нас (утаил ли?) фанатическое лицо Афона (раза два оно проглядывает, впрочем), то не показал он (потому ли, что и нет его?) друго-

го, мистического лица. Прогулки по лесным скитам давали ему возможность видеть и беседовать с отшельниками очень строгой жизни. Но если это подлинная святость, то святость не мистического, не созерцательного склада. Удивительно жизненны портреты двух современных святых Афона. Один напоминает Толстого – не только наружностью, но и жизненным путем. Человек больших природных сил и страстей, сломивший себя к сорока годам: „серо-седой афонский мудрец“. Мудрость его вековая, святоотеческая... Вдруг в беседе с поэтом (на ловца и зверь бежит) „подошел к палисаднику, взглянул на море. – Вот люблю, люблю! Прямо говорю. Взглянул, вижу всю красоту, прелесть... Удивительная красота... а знаю, что рухнет, в огне Божиим завтра, может, сторит, по трубе архангельской... а люблю!“ // О. Нил не мудрец, а простец (из крестьян), в глухом лесу питается одни ми гнилыми фигами („прямо ко рту не поднесешь, вся склизкая, запах“). Его беседа не назидательна. „Глаза его, ровно выцветшие, с оттенком «вечности» слегка слезились“. Наивно-трогательно его смущение, когда его просят угостить посетителя. Вот святой, над которым не считают за грех посмеяться. Святой, у которого есть свои слабости. Однажды рассорился о. Нил с гостем своим Арсением, поспорив о том, что вреднее для человека: лук или масло. „Упрямые у нас бывают старики. Большого подвига оба и друг друга любят, а вот поди ты: что полезнее, лук или масло?“ Есть ли другие, идущие таинственным путем „умного делания“? Не знаем. Но что не мистический тип определяет жизнь современного Афона, это, думается, подмечено верно. Новый Афон не наследник „исихастов“ XIV–XV веков, воспитавших для Руси Нила Сорского. Не случайно изгнание из его стен имяславчества: духовного детища исихастов. Возвращаемся к книге Б. Зайцева. Одно из главных обаяний ее – это стиль. Он, как зеркало, отражает в себе остроту и сложность культурных впечатлений, обработанных в разреженном, строгом ритме Афона. Прозрачность великорусской речи, благодаря перестановке одного слова, одному благовонно-пышному эпитету, вдруг отзовется то терциной Данте, то стихом Гомера. Речь, весьма далекая от сомнительного жанра ритмической прозы, иной раз нечаян но разрешится в гекзаметре: „Белый и пышный жасмин, отягченный каплями влаги“... Впрочем, может быть, указание на это тоже принадлежит к числу не скромностей» (Федотов Г. П. Зайцев Б. К. Афон. Путевой очерк. Париж, 1928 // Современные записки, № 41, 1930, с. 537–540).

⁷² «Есть одна глава, где автор терпит стилистическое поражение. Это глава о „Святых Афона“. Самая неудача ее чрезвычайно поучительна. Она указы вает на почти непреодолимые трудности современной агиографии и вместе с тем на границы модного теперь „оцерковления“. В данном случае автора погубил Афонский Патерик, бесстильный продукт XIX века. Интересно сравнить два варианта легенды И. Кукузеля, данные в книге: свободно-народный (стр. 63) и книжный (стр. 92-3). Вот как надо и вот как нельзя писать легенды! // Историк мог бы сделать кое-какие придирчивые замечания: насчет значения имени „Ксилургу“, насчет Галлы Плацидии в Ватопеде (V век! Это пере ворачивает всю – впрочем, смутную еще – хронологию Афона). Культурный читатель посетует, что в примечаниях не нашлось места хотя бы краткому указателю литературы об Афоне. Но это мелочи. // Закрывая книгу, долго не можешь отрешиться от волнения, которое охватывает вместе с ритмом первых же ее строк. Перечитываешь, и волнение не проходит, но углубляется. Над этой книгой хорошо думается: о самом важном, о жизни, об истории, о вечности» (Там же. С. 540).

Алексей Смирнов, сын В. А. Зайцевой, расстрелянный большевиками в Москве осенью 1919 г.

Появление книги «Афон» явилось для Бориса Константиновича поводом к установлению диалога со многими представителями русского духовного сословия, жительствовавшими в свободном мире. Возможно, некоторые из них, как и Зайцев, полагали, что «вообще Афон только для русских! Иностранцам он непонятен»⁷³. В течение многих лет Зайцев вел переписку с известным аляскинским миссионером, архимандритом Герасимом (Шмальцем), своим земляком по Калужской губернии: «С о. архимандритом оказались мы тоже земляками. Он из краев калужских, уроженец Алексина и так навсегда уж считает, что лучше, красивее Алексина на Оке ничего и на свете нет. Прислал из Аляски открытку: вид Алексина, сохранил его с 1912 года! А еще Калугу – Каменный мост, по которому гимназистом ходил я более полувека назад.

[...] Русский консул в Америке то ли завез ему, то ли прислал – уж не помню, почему именно – мою книжку „Афон“. А он сам на Афоне бывал, и монаха о. Петра, лодочника, калужанина родом, о котором упоминаю – знал лично. Раз Афон, да Калуга, за нею Россия, лучше которой ничего

⁷³ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой от 21 мая 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж). Эти слова особо отметил рецензент-бенедиктинец в: Irenikon. Tome VI, 1929, p. 846.

он не знает, значит я как-то ему и свой – и вот мы переписывались, сведенные Словом, все так же извилистыми, незаметными путями добравшимся куда надо, по волнам, по далеким морям, странствиям консула, к могиле праведника, где русский инок смиренно вышивает крестиком, а сосны вековым гулом над ним гудят, да океан глухо и сыро бухает»⁷⁴.

Архимандрит Герасим посетил Св. Гору еще до октябрьского переворота и спустя десятилетия «вспоминал свое первое путешествие по Черному морю, бурную ночь, шумный Царь-Град и то незабвенное утро, когда мы тихо подходили к св. Горе Афон. Вспоминал, как я не мог читать вечерние молитвы: от сильной качки кружилась голова, прыгали буквы во все стороны, а довольно угрюмый монах о. Фортунат, из-под своих довольно густых бровей смотрел на меня сурово и порою что-то бормотал»⁷⁵.

Они писали друг другу невероятно длинные письма, в которых рассказ о современных событиях чередовался с подробными экскурсами в давно прошедшее. Тульский миссионер неделями писал в полном почти одиночестве аляскинских островов, прерывая очередное свое послание, как толь-

⁷⁴ Зайцев Б. К. Слово // Русская мысль, № 100, 7 января 1949, с. 5.

⁷⁵ Письмо архимандрита Герасима Шмальца Б. К. Зайцеву с о. Аяхталик на Аляске в Париж от 28 октября 1940 (?) г. (Частное собрание. Париж). Подборка посвященных истории пребывания на Афоне отрывков из писем о. Герасима к его американским корреспондентам помещена в книге «Abba Gerasim and his letters to his Brotherhood». Spruce Island, Alaska, 1988. P. 46–52 (8. Athonite Impressions).

ко мог добраться до почты в Кодьяке. Зайцев отвечал ему из многолюдного Парижа и, как представляется, из не меньшего одиночества. Их письма полны свидетельств тому, что так ценил Борис Константинович: «в прежней России не было наглости – это бесспорно на всех уровнях ее культуры и государственности. Россия была скромна. Иной раз даже чрезмерно»⁷⁶.

Их интерес к Афону не был только воспоминанием, и оба старались заинтересовать соотечественников судьбою насельников Св. Горы: «Письма с Афона получаю часто и почти каждое из них извещает меня о смерти кого-нибудь из иноков, – сообщал в Париж о. Герасим 27 октября 1940 г. – Вымирает там русское монашество, эти единственные хранители чистоты святого Православия. Вот что творят единоверные нам греки, из-за которых наша Русь пролила реки крови и которая до самой революции так щедро помогала всем восточным народам. А еще Немоловский⁷⁷ пи-

⁷⁶ Зайцев. Б. К. Путникам в Россию (Рукопись. Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж). Письма о. Герасима Зайцеву были подготовлены нами для публикации в журнале «Русский паломник» в 1997 г., однако увидели свет лишь частично – в переводе на английский язык. См.: Out of the Abundance of the Heart. The letters of archimandrite Gerasim of New Valaam, Alaska to the Well-known Russian Spiritual Writer Boris Zaitsev // The Orthodox Word. 1999: №№ 206–207 (p. 135–181), 208 (p. 211–240).

⁷⁷ Митрополит Александр Немоловский (1876–1960) – с 1909 г. епископ Аляскинский, с 1916 – епископ Канадский, с 1918 г. епископ Алеутский и Северо-Американский. Переехал в Константинополь в 1921 г. После 1928 г. жил на Афоне, в 1936 г. назначен архиепископом Брюссельским и Бельгийским (в юрисдикции

шет в Америку и соблазняет архиереев на подчинение алчным грекам. Что же – ему все равно, он не признает монашества и о том говорил открыто, когда находился в Америке. Значит таковым архиереям все то равно, что творится на св. Горе и что так переживают русские иноки. В наше жалкое и маловерное время многие миряне больше имеют любви к монашеству, чем некоторые архиереи и белые священники. Вот Вы так прекрасно, так трогательно описали о св. Горе, о подвижниках ее, и в каждой строчке Вашего писания видно любовь, сострадание к тем, кто избрал для себя иную жизнь вдали от мира! Прекрасная Ваша книга о русском Афоне, о св. острове Валаам. Спаси Вас за это Господь! [...] Конечно, в Америке проживают святители монахолюбцы: Архиепископ Тихон [Троицкий], Архиеп. Виталий [Максименко], Еп. Иоасаф [Скородумов], Еп. Иероним [Чернов], они помогают афонцам как только могут материально. Поэтому, всем бы Архиереям нужно подать прошение греческим властям об открытии Св. Горы для всех славян. Но печально то, что наши Владыки не живут в мире и любви в такое страшное время»⁷⁸.

Еще одним своеобразным откликом на книгу Зайцева, который, по словам его Валаамского приятеля иеромонаха Иувиана (Красноперова), «разбудил вновь интерес к Афо-

Патриарха Константинопольского).

⁷⁸ Письмо архимандрита Герасима Шмальца Б. К. Зайцеву с о. Аяхталик на Аляске в Париж от 27 октября 1940 (?) г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

ну»⁷⁹, можно считать появление в эмиграции целого ряда работ о Святой Горе⁸⁰. Бывший пермский губернатор, камергер

⁷⁹ Письмо о. Иувиана (Красноперова) к Ю. И. Репину с о. Валаам в Куоккала от марта (?) 1936 г. (Частное собрание. Хельсинки).

⁸⁰ В их числе: *Бокач Ф.* Афон. Значение Святой Афонской Горы в деле создания и распространения духовной культуры на Руси. Общество друзей русских обитателей на Святой Горе Афонской. Париж, 1959. 63 с. *Он же.* Святая Гора Афон русским людям в рассеянии сущим, о русских обителях на Святой Горе Афонской. Редактор Ф. Бокач. Париж, 1958. 29 с. *Большаков С. Н.* Иеросхи монах Иероним (Соломенцев) – возобновитель русского монашества на Афоне в XIX веке // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. Париж, 1963, № 41. С. 52–62. *Ващенко В.* Скит Святого пророка Илии // Православный путь. Джорданвилль, 1961. С. 157–170. *Лукьянов В., свящ.* Святая Гора Афон – земной удел Божией Матери // Православный путь, 1972. Джорданвилль. С. 33–91. *Маевский В. А.* Неугасимый светильник. Т. 1–2. Шанхай, 1940. 447 и 381 с. Афонские рассказы. Париж, 1950. 187 с. Афон и его судьба. Мадрид, 1968. 242 с. *И.[еромонах] С.[ерафим Иванов?]* На Св. Афоне // Вестник РСХД. № 8. 1927. С. 8–10. *Он же.* На Афон // Там же. № 10. 1927. С. 8–10. *И. С. [Игумен Серафим Иванов].* На Святом Афоне пасхальными днями. Ладомирова, 1931. 16 с. *Панайоти Н.* Святая Гора Афон и славяне // К ты сячелетию Святой Горы Афон. Джорданвилль, 1963. С. 13–39. То же. Берн, 1963. 32 с. *Смолич И. К.* Святая Гора Афонская. К тысячелетнему участию ее в жизни Православной Церкви. // ВРСХД, 1963, № 70–71, с. 29–43. *Софроний (Сахаров).* Старец Силуан. Париж, 1948. *Четвериков С., прот.* Молдавский старец схиархимандрит Паисий Величковский. Его жизнь, труды и влияние на православное монашество. Вып. 1–2. Петсери, 1938. // После Второй мировой войны подробный обзор положения Святой Горы и ее русских насельников впервые был приведен в докладе архиепископа Аверкия (Таушева), игумена Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, Собору епископов Русской Православной церкви за границей в октябре 1962 г., после чего Синод зарубежной церкви приступил к оказанию помощи русским насельникам Святой Горы: *Аверкий (Таушев), архиепископ.* Святая Гора Афон и ее современное состояние // К тысячелетию Святой Горы Афон. Джорданвилль, 1963. С. 3–12.

Александр Владимирович Болотов (1866–1938) был столь вдохновлен очерками Зайцева в «Возрождении», что, посетив Святую Гору на Страстной неделе 1929 г., уже в 1931 г. стал афонским иноком Амвросием, а в 1938 г. схимонахом⁸¹. Друг и духовник Бориса Константиновича архимандрит Киприан (Керн) вспомнил о монахолюбии писателя в год его семидесятилетия: «Не вожди и не социальные реформаторы – область его интересов. Не гонители и не обличители, а скорее изгнанники, одиночки, массам ненавистные и от них уходящие на свои вершины, в свои пустыни. Вот почему Данте, патрон изгнанников, так глубоко завладел Зайцевым; почему много вчитывался он в Шатобриановские „Воспоминания“; вот почему и Флобер, суровый аскет в литературе, безжалостный к литературному празднословью, а потому и совершенный стилист французской прозы. Отсюда же у Бориса Константиновича и тяготение к церковному, иноческому. Инок – иной, т. е. не такой, как все, как массы; монах – монада, одиночка, а не часть какой-то толпы, людского табуна. Да и церковность, религиозность есть печать известного избранничества. Не всем это дано, а по Божиему изволению, помазанием свыше, а не избранием снизу»⁸².

⁸¹ Болотов А. В. Страстные и светлые дни на Афоне. Варшава: «Добро», 1929. 39 с.

⁸² Киприан, архим. Б. К. Зайцев // Возрождение, № 17, сентябрь-октябрь 1951, с. 163.

Б. К. Зайцев. Югославия. 1928 г.

Когда в 1928 году Зайцев приедет в Белград на съезд русских писателей и журналистов, ему придется говорить и о своей последней книге:

«– Ваша последняя книга?

– „Афон“! Если бы Вы только знали, как он покоряет своей высокой духовной жизнью! Там отлично сохранилось то древнее Славянство. Нигде мне не приходилось слышать более чистую русскую речь. Именно в монастырях Афона. А как там музыкально звучит колокольный звон! [...]

– А в Белграде я остаюсь еще целую неделю. Ваша страна мне напоминает нашу: те же мощные реки, те же вьющиеся клубы дыма!

Алая лента на иконе трепещет: окошко светится, словно икона, из которой некий архангел вот-вот выпорхнет погулять. Господин Зайцев, ласково-задумчивый, словно позирует знаменитому церковному художнику Нестерову. Несомненно, г. Зайцев обрел мир. Возможно, лишь всемогущая Россия в состоянии дать такого – джентльмена Масличной Горы, который не говорит, а словно чинодействует в лакированных туфлях»⁸³.

Н. Б. Зайцева много раз говорила автору этих строк,

⁸³ – З. Св. Сергије. «Смисао живота је душевна јачина и духовна висина!» Каже г. Б. К. Зајцев. Центлмен Маслинове Горе // Новости, Београд, 28 септембар 1928. (Перевод А. Б. Арсеньева).

что отец ее вернулся с Афона немного другим человеком. Перемена произошла даже во внешнем облике – исчезла всем известная зайцевская борода, и, как рассказывала Наталья Борисовна, он сразу постарел. Эту перемену в облике известного писателя отметили даже обитатели Белграда. «Газеты нами полны. В день перед открытием, в 3–4 ч. дня наши физиономии положительно высматривали с каждого прилавка, каждого столика в кафе, каждого киоска. Нынче выходят два интервью со мной. Портреты все уже спустил в газеты. Вчера после торжеств.[енного] Толстов.[ского] вечера меня поймала хорватская студентка – в тетрадке у ней наклеен мой ульяновский портрет⁸⁴, и она плакалась, что там я с бородой, просила дать „без бороды“ – чему я помочь не мог. (Вообще о моей наружности пишут в газетах то что я похож на Ад. Манжу⁸⁵, то что я „нестареющий“, и пр.)»⁸⁶, – писал Зайцев жене из Белграда.

Вскоре после напечатания книги Зайцев вернулся к теме

⁸⁴ Портрет Б. К. Зайцева написан Н. П. Ульяновым (1875–1949) в 1911 г. Совместно с П. П. Муратовым и Н. П. Ульяновым Зайцев путешествовал в 1908 году по Италии.

⁸⁵ Адольф Манжу (Adolphe Jean Menjou, 1890–1963) был сыном француза и ирландки. На некоторых фотографиях Зайцев действительно поразительно похож на этого американского актера. В октябре 1927 г., за год до приезда Зайцева в Белград, были завершены съемки фильма «A Gentleman of Paris» с участием А. Манжу, что, возможно, послужило дополнительным поводом для сравнения прибывшего из Парижа писателя с известным актером.

⁸⁶ Письмо Б. К. Зайцева В. А. Зайцевой из Белграда в Париж 27 сентября 1928 г. (Частное собрание. Париж).

Святой Горы. Поводом к тому послужило появление описания другого афонского путешествия, описания французского и, как считал Борис Константинович, не заслуживающего никакого доверия. Это была книга «Месяц у мужчин» известной уже журналистки Маризы Шуази. Она рассказывала о своем необычном и нарушившем все вековые запреты вторжении на Святую Гору под видом юноши-слуги путешествующего иностранца, однако впечатления, вынесенные ею из жизни афонских обитателей, незнание очевидных реалий афонского быта и сама вульгарная манера изложения истории своего путешествия заставили Зайцева усомниться в подлинности ее рассказа, что было подтверждено знакомыми ему монашествующими и игуменом Мисаилом (Сапегиным), не запомнившими пребывания такого человека в Пантелеимоновом монастыре⁸⁷.

Мариза Шуази написала несколько книг в стиле репортажа: в июне 1928 г. выходит ее книга «Месяц у девиц. Репортаж»⁸⁸, 8 августа 1929 г. выходит из печати «Месяц у мужчин», в 1930 г. «Любовь в тюрьмах. Репортаж»⁸⁹ и книга

⁸⁷ Современный греческий автор самого, пожалуй, подробного путеводителя по Святой Горе особо отмечает, что книга М. Шуази не заслуживает никакого доверия. См.: Πενδζίκης Γ. Ν.. Άγιον Όρος. Άθήνα, 2003. Τ. 1. Σ. 175.

⁸⁸ Un mois chez les filles, reportage. Paris, editions Montaigne; 1928. (19 juin.) In-8, 255 p. [Collection du gai savoir. № 9].

⁸⁹ L'amour dans les prisons. Reportage. Montaigne. 1930. 226 p. [Collection du gai savoir. № 10].

о Жорже Дельтее⁹⁰, в сентябре 1931 г. очерк «Месяц в базарном зверинце»⁹¹, а в январе 1934 г. «Месяц у депутатов, произвольный репортаж»⁹². Из этих книг лишь репортаж с Афона был вновь переиздан уже через год⁹³ вопреки всем надеждам Зайцева «устыдить писательницу». Книге была суждена долгая судьба – в 1963 г., при жизни автора, она вышла вновь, на этот раз в английском переводе в Нью-Йорке⁹⁴.

Никаких свидетельств тому, что Мариза Шуази каким-либо образом пыталась отказаться от написанного или препятствовать переизданиям описания своего путешествия на Афон, нам отыскать не удалось, как не пришлось встретить и сколь-либо аргументированного свидетельства тому, что на Афоне она не была. Впрочем, обе «фотографии» Маризы Шуази в Карее, помещенные в ее книге, являются примером очень низкокачественного фотомонтажа⁹⁵.

⁹⁰ Delteil tout nu. Paris, editions Montaigne; 1930. In-16, 239 p.

⁹¹ Un Mois dans une me ' nagerie foraine. [S. l.], 1931. 18 p. [Extr. de «Gringoire», 4-25 septembre 1931].

⁹² Un mois chez les deputes, reportage fantaisiste. Paris, editions Baudiniere, 1933. (8 janvier 1934.) In-16, 254 p.

⁹³ Un mois chez les hommes. LEF (Les Editions de France). 1931. 230 p.

⁹⁴ A month among the men. Translated from the French «Un Mois Chez Hommes» by Lawrence G. Blochman. New York, Pyramid Books. 1962. 127 p.

⁹⁵ В последующие годы М. Шуази выпустила множество романов и популярных книг самого различного содержания, являлась редактором международного журнала психоанализа «Psyche», выходившего с ноября 1946 г., первоначально под редакцией Максима Клузе («Psyche». Revue internationale de psychanalyse et des sciences de l'homme. Directeur Maxime Clouzet. Paris: [s.n.], 1946–

В том же 1929 году петербургский уроженец Ринальдо Кюфферле, сын итальянского архитектора Пьетро Кюфферле и его русской супруги, берется по совету давнего знакомого и доброжелателя Зайцева Этторе Ло Гатто за перевод трех его книг: «Борю переводят на итальянский, „Анну“, „Афон“⁹⁶ и „Золотой узор“. А по-франц. [узски] „Анну“. Но денег кот нарыдал»⁹⁷, – сообщала Вера Зайцева Вере Буниной в декабре 1929 г. Через пятнадцать лет, в разгар новой войны, планировалось и неосуществившееся издание «Афона» в переводе на французский язык⁹⁸.

1963.), а так же руководила изданием «Словаря психоанализа» (Dictionnaire de psychanalyse et de psychotechnique, sous la direction de Maryse Choisy. Avec le concours de Char les Baudouin, Dr Andre Berge, Dr Juliette Boutonier... [etc.]. [Extrait de «Psyche»]. (S. l. n. d.). VI-288 p.).

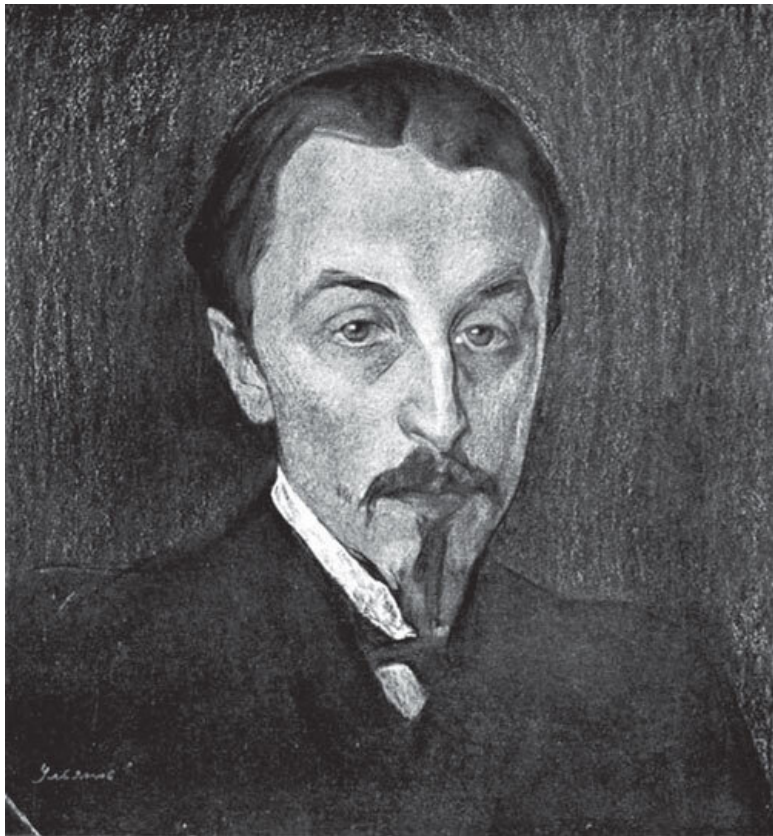
⁹⁶ *Zaitsev B.* L'Athos. Traduzione dall'originale e introduzione di R. Kufferle. Milano, Bietti. 1933. In-16 gr., 256 pp. [Diario di un pellegrinaggio al Monte Athos.] *Id.*: Al monte Athos. Un pellegrinaggio nel cuore spirituale del cristianesimo orto dosso, Muzzio, Padova, 1997, 192 p.

⁹⁷ Письмо В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной 16 декабря 1929 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

⁹⁸ «Сейчас пришел Борюшка – продал своего „Глеба“, это у Сорло [т. е. основанном у в 1928 г. Фернаном Сорло издательству „Nouvelles Editions latines“ – А. К.!] И еще хотят купить „Афон“. Очень рада. – Конечно не скоро выйдет, а все же аванс дают. Нам полегче будет», – писала В. А. Зайцева И. А. Бунину 15/28 декабря 1943 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

Б. К. Зайцев. Париж. 1928 г.

Портрет Б. К. Зайцева работы Н. П. Ульянова

Самый успешный образец возрождения русского монаше-

ства и монастырей в условиях эмиграции, на возможности и необходимости которого так настаивал Зайцев, являло собою Типографское иноческое братство преподобного Иова Почаевского, основанное знаменитым почаевским типографом и издателем журнала «Русский инок» архимандритом Виталием (Максименко) в селе Ладомирова в межвоенной Чехословакии и широко прославившееся на весь православный мир своей книгоиздательской деятельностью в годы новой мировой войны, когда типография Братства снабжала богослужebной и иной литературой возрождающиеся храмы и общины на значительных территориях России, оккупированных войсками Германии и ее союзников. В пасхальные дни 1931 г. Пантелеимонов монастырь на Афонской Горе посетил прежде здесь подвизавшийся насельник Ладомировского братства игумен Серафим (Иванов). Он отмечал, что из 2000 прежней братии в монастыре осталось около 200 человек, причем 20 из них были выходцами с Карпатской Руси. «Узнав, что я миссионер с Карпат, почти каждый из монахов ревновал внести свою лепту на дело Православной миссии. Один вручал мне заветный крестик с частицами св. мощей; другой брал с божницы дорогую по красоте живописи икону и передавал на благословение; третий, узнав о бедности убранства нашего храма, снимал из-за постели коврик и дарил мне, с просьбой постилать пред святым престолом; четвертый совал мне в руки книжку, четки, деревянную ложку своей работы и т. п. Весьма утешил нашу оби-

тель Пантелеимоновский иеромонах о. Пинуфрий. Он принес мне собрание камней и священных реликвий из разных мест Палестины и Синая, которые в благолепном ковчеге, снабженные соответствующими надписями и фотографиями, служат ныне украшением нашего миссийного храма»⁹⁹, незнакомый монах подарил с десятков ценных духовных книг. Старец игумен Мисаил «с охотой согласился благословить нашу Миссионерскую обитель во Владимировой на Карпатах благодатным образом Великомученика и Целителя Пантелеимона»¹⁰⁰ и дал на прощание знаменательное напутствие: «Вот ты по милости Владычицы нашей, получил в Ее святом Уделе много духовных сокровищ. Да почиет же с сими святынями на вашей Миссионерской Обители благодать святого Афона; да будет она отныне как бы малым КАРПАТОРУССКИМ АФОНОМ»¹⁰¹. Так живая афонская традиция выходила в мир русских изгнанников.

В течение нескольких предвоенных лет Зайцев продолжал поддерживать переписку с афонскими насельниками, прекратившуюся с началом военных действий в Европе и, по-видимому, не возобновившуюся. Из писем этих были почерпнуты сведения, использованные в очер-

⁹⁹ И.[игумен] С.[ерафим Иванов]. На св. Афоне пасхальными днями 1931 года // Православный Русский Календарь на 1932 год. Русская Церковная Типография – Владимирова на Словенску. 1931. С. 55.

¹⁰⁰ Там же. С. 46–47.

¹⁰¹ Там же. С. 55. (Фотоснимки образа св. Пантелеимона и прочих доставленных с Афона святынь помещены на с. 45 и 35).

ке «Вновь об Афоне». Много позже Борис Константинович опять вспомнит Святую Гору на страницах газеты «Русская мысль» очерками «Афон» (дневникового цикла «Дни») и «Афон. К тысячелетию его». Отзвук его афонского странствия донесется спустя тридцать семь лет из любимой писателем Италии¹⁰².

¹⁰² «Однажды, не так давно, – писал Зайцев в 1964 году, – пришла из Италии книжечка – сборник поэтически-философских „басен“. А втор мне неизвестен был – Джованни Ка виккиоли. Удивила и книжечка – очень умная и тонкая, и письмо. В нем указывал поэт, что перед каждой Пасхой прочитывает несколько страниц из „Афона“ моего (по-итальянски, конечно). Представить себе „современного“ писателя, интересующегося Афоном! Вот, однако, нашелся. Живет около Модены (северн.[ая] Италия, в городке Мирандола, откуда родом был знаменитый гуманист XV века Пико дела Мирандола. Пишет стихи (любит четверостишия, quartine), дальним, одиноким Афоном под Пасху пытается... // Я ему, конечно, ответил, поблагодарил» (Зайцев Б. К. Дни. Запись от 13 ноября 1964 г. // Русская мысль, № 2244, 17 декабря 1964). Вероятно автор послал Зайцеву один из двух своих поздних сборников: *Cavicchioli G.* (1894–1964). «Favole» (Capri, 1951) или «Nuove favole» (Padova, 1960).

Б. К. Зайцев. Портрет работы К. Юона

Зайцев будет деятельно участвовать в сборе средств для поддержания русских обителей Святой Горы, рассылая призывы о помощи и ближайшим сотоварищам по литературному труду, и различным организациям русского рассеяния¹⁰³. Когда в 1937 г. афонское «Братство Русских обителей (келлий) во имя Царицы Небесной»¹⁰⁴ обратится с призывом о помощи к православным русским изгнанникам, Борис Константинович примет на себя труд по рассылке этого обращения во многие страны, где проживали его соотечественники.

Возможно тогда же, вступив в переписку с братией Типографского монашеского братства преп. Иова Почаевского в Ладомировой, Зайцев заинтересовался историей Успенской Почаевской Лавры на Волыни, в пределах Польской республики. Во всяком случае, живший в Польше Мечислав Альбинович Буйневич, супруг его сестры Татьяны Констан-

¹⁰³ Приводим здесь иллюстрацию – письмо Зайцева И. С. Шмелеву от 4 февраля 1929 г. по поводу посылки денег на Святую Гору председателю Братства русских келлий о. Савве (Частное собрание). (см. с. 65).

¹⁰⁴ Эти «Афонские воззвания» обителей Воздвижения Креста Господня, Благовещения, Вознесения Господня и Св. Иоанна Златоуста были помещены в Православном русском календаре, издававшемся Русским типографским монашеским братством в Ладомировой в Чехословакии, а также отпечатаны отдельной брошюрой, экземпляры которой Зайцев рассылал различным русским организациям и частным лицам.

тиновны¹⁰⁵, настойчиво приглашал писателя посетить Почаевскую Лавру и сделать ее следующим объектом свидетельства о русских монастырях в свободном мире¹⁰⁶.

Примерно тогда же Зайцев поведал еще об одном творческом плане в интервью, данном журналисту В. Н. Унковскому для харбинского еженедельника «Рубеж»: «У меня большое желание, я очень увлечен мечтой, – поехать в Палестину, чтобы написать книгу о Святой Земле. Меня манит эта мечта, как призывный огонек. Реальных оснований для осуществления пока мало, но надеяться не возбраняется... Я бы хотел пройти всюду по следам Христа и пережить вновь евангельскую историю. Если я осуществлю поездку, то напишу книгу на манер моих впечатлений об Афо-

¹⁰⁵ В 1932 г. Зайцев опубликовал в «Возрождении» (28 августа, с. 3 и 11 сентября, с. 3) два очерка «Сен-Жермер де Фли», посвященных русской обители во имя иконы Богородицы «Нечаянная Радость» и детской школе при ней, которые были основаны монахиней Евгенией (Е. К. Митрофановой) и размещались в это время в одном из зданий средневекового католического аббатства неподалеку от г. Бовэ. Т. К. Буйне вич была воспитательницей в этой школе. Рассказывая о новой обители и ее жизни, писатель, опять-таки, избегал какой-либо критики. По словам Н. Б. Зайцевой, так же посещавшей свою тетку, детище игумении Евгении производило крайне удручающее впечатление своей неустроенностью, сыростью и обилием крыс, тревоживших сон детей и воспитателей. В этой обители Зайцев познакомился с выселенным с о. Валаам приверженцем старого календарного стиля иеромонахом Варсонофием (Толстухиным), рекомендовавшим ему написать о русском монашестве о. Валаам.

¹⁰⁶ Письма М. А. Буйневича Б. К. Зайцеву (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж).

не»¹⁰⁷. Это намерение Борису Константиновичу осуществить не пришлось.

В конце жизни Зайцев так определил место «Афона» в своем творчестве: «жанры биографические и агиографические – „Сергий Радонежский“, „Афон“, „Валаам“ – второстепенные вещи. Правда, „Валаам“ и „Афон“ только частично можно назвать агиографическими, но имеют отношение к религии, тесно связаны с ней. Но это все-таки на втором плане»¹⁰⁸.

В отличие от самого Бориса Константиновича, автор завершенной в сентябре 1929 г. брошюры «Страстные и светлые дни на Афоне» А. В. Болотов, жительствовавший в румынском городе Сибиу, полагал, что «после очаровательной книжки Б. К. Зайцева, где в общем чрезвычайно верно схвачена сущность Афона, всякая попытка возвращаться к описанию Св. Горы может показаться или дерзкой, или совершенно ненужной, но, во-первых, сама тема неисчерпаема,

¹⁰⁷ Цитируется по фрагменту вырезки из текста второго интервью, данного Б. К. Зайцевым В. Унковскому осенью 193? г. Источник публикации нам неизвестен. Публикация, подготовленная В. Унковским по материалам первого интервью, данного Б. К. Зайцевым за три дня до венчания его дочери Наталии с А. В. Соллогубом, совершившегося 6 марта 1932 г. в Соборе Святого Александра Невского на улице Дарю в Париже, была иллюстрирована фотопортретами Зайцева и его супруги (*Ун ковский В. У Бориса Зайцева. Над чем работает теперь наш талантливый писатель? От парижского корреспондента «Рубежа» // Рубеж, Харбин, № 16, 1932, с. 3–4*).

¹⁰⁸ *Крыжицкий С. Разговоры с Борисом Зайцевым // Новый журнал, № 150, Нью-Йорк, 1983, с. 195.*

а во-вторых, хотя лишь два года прошло с посещения Зайцевым Св. Горы, но уже многое на ней изменилось и изменилось к худшему»¹⁰⁹.

Слева направо: Татьяна Константиновна Зайцева-Буйневич, ее муж Мечислав Альбинович Буйневич, Алексей Смирнов, Юрий Буйневич (растерзан толпой в Петрограде перед входом в казармы, где нес дежурство 27 февраля 1917 г.), Надежда Константиновна Зайцева-Донзель, справа стоит мать Б. К. Зайцева Та-

¹⁰⁹ Болотов А. В. Страстные и светлые дни на Афоне. Варшава: «Добро», 1929, с 5.

тьяна Васильевна. В столовой дома в имени Притыкино

Через много лет после выхода в свет книги «Афон» прот. В. В. Зеньковский, рассуждая о творчестве Зайцева, коснется тех его особенностей, которые, быть может, отчасти объясняют такое отношение самого автора к своим писаниям «биографическим и агиографическим»: «в Зайцеве, в его творчестве со всей силой обнажается раздвоение Церкви и культуры. И оттого он, любя Церковь, *боится в ней утонуть*, боится отдаться ей безраздельно, ибо *боится растерять себя в ней*. Это не есть личный дефект Зайцева; наоборот, в упомянутом возвращении интеллигенции в Церковь он сильнее и прямее, можно сказать – мужественнее других. Но в Церкви он ищет прежде всего ее *человеческую* сторону – тут ему все яснее и дороже. Особенно это чувствуется в двух его замечательных книгах об Афоне и о Валаамском монастыре: все время при чтении этих книг ощущаешь, как Зайцев дорожит прежде всего своими „художественными переживаниями“. Он знает, что здесь с наибольшей силой бьется пульс „богочеловеческого бытия“, – но он „почтительно“ останавливается на пороге. Это точные слова Зайцева – то он строит „почтительные предположения“ о святине (Афон), то он застывает в „почтительном благоговении“ (Валаам), т. е. непременно хочет, чтобы быть и близко, но не слишком близко к тайне. *Дальше он не рискует идти!* Ве-

роятно, именно художник противится в нем тому, чтобы идти дальше, – а потерять в себе художника Зайцев и в Церкви не хочет. Отсюда эта *нота незаконченности*, которая чувствуется всюду в религиозных писаниях его... Вот на Афоне он расслышал „звук величайшей мировой нежности“, – что делает честь тонкости восприятия у Зайцева. Но на Афоне слышится ведь не один только „звук“ этой „мировой нежности“: вся его „суть“ заполнена, можно сказать, – насыщена этой „мировой нежностью“, как впрочем это можно сказать и о всяком монастыре, о всяком храме. А еще дальше с большой любовью говорит Зайцев о „белой песне славословия“ („Слава в вышних Богу...“), – и все он любит, все восхищается, а себя все же не теряет – и *оттого до конца и не вмещает в своем творчестве* того, что „означает“ и „белая песнь славословия“, и „звук величайшей мировой нежности“»¹¹⁰...

Современный исследователь А. М. Любомудров весьма суров к писателю: «Зайцев все время старается не перейти грань, сводит к минимуму описания собственно литургических аспектов, приноравливаясь к уровню „мирского“ читателя. Отсюда такие фразы, неуместные для паломника, как „мы *разглядывали* крещальный фиал (курсив мой – А. Л.)“; а в строке „мы проходили подлинно „по святым местам““ кавычки подчеркивают отстраненную позицию чело-

¹¹⁰ *Зеньковский В. В., прот.* Религиозные темы в творчестве Б. К. Зайцева (К пяти десятилетиям литературной деятельности) // ВРСХД, № I, 1952, с. 22.

века по отношению к святыням. Зайцев воссоздает взгляд не паломника, а вполне светского „туриста“, когда в одном ряду могут находиться и „святые“ и „ювелиры“. Конечно, после литургии у православного человека не „туман в голове“, и с молитвой перед мощами святых связаны совсем иные переживания. Но их нет в книге: Зайцев не хочет ничего говорить о сокровенном, внутреннем опыте, который чужд секулярному читателю. Очевидно, поэтому даже такие важнейшие христианские понятия, как *святость* и *благодать*, практически не встречаются на страницах „Афона“»¹¹¹.

¹¹¹ Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья. Борис Зайцев. Иван Шмелев. СПб., 2003. С. 77. «Афону» посвящены также С. 73–80, 89–92.

4 sept. 1939.

Doprovni shasni Lep-
stehurs, korni agpec
gis omipalku detelz
sa Avos:

Grèce, A. Mont. Athos. ^{Karta}
Au reverend Prêtre moine
Père Savas, Président de
la Fraternité de Cellules
Russes.

Идымаро Тонко, то кано
тускалс обпатромс то-
пуркт, т. е. счарана кену
а тотомс нурс куга!

Письмо Б. К. Зайцева И. С. Шмелеву от 4 февраля 1929 г. (Частное собрание)

В самом деле, Зайцев не предписывает своему читателю «разглядывать» или «благоговеино созерцать» (с чего бы?) крещальный фиал, и никакие кавычки здесь не подчеркивают отстраненности от святости автора, который уже несколько лет живет в повседневном общении с русской колонией французской столицы, где будущие святые и ювелиры (как пантелеимоновский игумен Иустин Соломатин!), аскеты и бродяги, иконописцы и таксисты, регенты и собачьи парикмахеры каждый день встречаются друг друга в русских лавках и русских библиотеках, в кабинетах неофициально практикующих русских докторов и в своих приходских русских храмах. В непривычно трудных, иногда почти невыносимых условиях они остаются людьми свободными, часто не потерявшими веру и сохранившими живую душу именно потому, что отказались принять отмеренные кем-то «пайки» святости, благодати и любви к Отечеству.

Ощущение же святости и благодати настолько пронизывает читающего книгу Зайцева, что даже тень сомнения в присутствии их на страницах этого повествования заставляет лишь недоумевать.

Знакомство с афонскими впечатлениями Зайцева дает удачную возможность уяснить, что Святая Гора едва ли станет ближе и понятнее для человека, подходящего к Афону

с заготовленными мерками ощущений и чувств. Непонятой, возможно, останется и книга о ней Бориса Зайцева, приехавшего на Святую Гору с искренним намерением именно *разглядеть* и *расслышать* невидимое и неслышное извне, чему свидетельством – оставленные им тексты...

Ф. А. Степун присоединялся к мнению Зеньковского: «В нем две души: поклонник древней Эллады, он одновременно и исповедник византийского православия. Это творческое единодушие отнюдь не означает мирозерцательно-го двоедушия [...] Зайцев действительно принес на Афон смиренную готовность принять, не рассуждая, открывшийся ему особый мир, но в то же время и зоркий взгляд, изощренный только что проплывшим перед ним волнующим образом Эллады и опытом давних итальянских странствий. [...] До чего глубоко жило в Зайцеве это чувство свободы, доказывается тем, что свой „Афон“, с его широко открытым видом на древнюю Элладу, он писал после работы над житием Сергея Радонежского»¹¹². «Это не могло быть написано в советских условиях, и, значит, это оправдывает долголетний отрыв от родной земли»¹¹³, – писал о книгах Зайцева близко

¹¹² *Степун Ф. А.* Встречи. Мюнхен, 1962. С. 130.

¹¹³ *Андрей Седых.* Б. К. Зайцев // Новое Русское слово, 14 февраля 1971 г., с. 5. «Над всем его творчеством был разлит какой-то прозрачный вечерний свет, отмечено оно глубоким христианским смирением и мудростью. Это прошло через все его книги – не только „Валаам“ или „Афон“, – писал Я. Цвибак год спустя по случаю кончины Зайцева (*Андрей Седых.* Памяти Б. К. Зайцева // Новое Русское слово, № 22513, 2 февраля 1972 г.).

знавший его журналист Яков Цвибак.

Возможно, Борис Константинович справедливо не относил книгу о Святой Горе к числу своих литературных достижений. Однако, может быть, именно ответственное стремление автора сказать современникам об увиденном, зафиксировать для будущего правду о современном ему состоянии русского монашества на одном из немногих сохранившихся островков традиционного русского мира понуждает Зайцева, который шел по литературному пути «с упорством верующего и мудреца»¹¹⁴, постоянно останавливаться, сдерживаться, не строить предположений, но лишь фиксировать, документально свидетельствовать увиденное.

Художественным самоограничением, сознательно налагаемым, автор лишь подчеркивает «достоинства сана и ответственности возложенного на себя служения, подвижнического дела православного интеллигента-писателя»¹¹⁵. «Путешественник должен уметь видеть, уметь заключать: в этом главное его достоинство., – полагал Г. В. Адамович. – Если же при этом он художник, то дарование его скажется в способности уловить и передать дух, склад, внутренний строй местности или страны. Художник – тот, кто заставляет нас быть там, где мы не были. Путевой дневник – лишь в том

¹¹⁴ Мих. Ос. [М. А. Ильин-Осоргин]. Борис Зайцев. Улица св. Николая. Изд. «Слово». Берлин, 1923 (144 стр.) // Современные записки, 1924, № XVIII, с. 434.

¹¹⁵ Солнцев К. Разговор Б. К. Зайцева с его читателями // Новое Русское слово, № 17506, 12 февраля 1961 г., с. 4.

случае произведение искусства, если, закрыв книгу, мы знаем, чувствуем описанный в ней край, как будто только что вернулись из поездки»¹¹⁶.

Описание этого путешествия останется одним из наиболее ярких и не теряющих свежести свидетельств о жизни русской части Афона в те совсем близкие к нам годы, когда связь с ним из России пресеклась совершенно. Останется живым свидетельством, и ныне погружающим в ни с чем не сравнимый мир Святой Горы всякого, кто стремится к этому миру прикоснуться.

Александр Клементьев

¹¹⁶ Адамович Г. В. Валаам // Последние новости, 15 октября 1936 г.

Источники публикации

В настоящую книгу вошли почти все известные нам тексты Б. К. Зайцева, посвященные его поездке на Святую гору Афон, а также фотографические материалы, происходящие из различных источников:

1. На Афон. Записи. [29 апреля – 13 мая 1927 г.]. Публикуется впервые по автографу. Записная книжка в твердом тканевом переплете светло-серого цвета. Постраничная пагинация: II+73+III с. (39 л.). Частное собрание.

Состав рукописи: л. 1. Титул; л. 2–3. Дневниковая запись от 29 апреля; л. 3–8. Дневниковая запись от 30 апреля; л. 9. Рисунок; л. 10–12. Дневниковая запись от 1 мая; л. 13. Рисунок; л. 14–18. Дневниковая запись от 2 мая; л. 18–19. Дневниковая запись от 3 мая; л. 19–23. Дневниковая запись от 5 мая; л. 24, 26–27. Дневниковая запись от 10 мая; л. 25. Рисунок; л. 27, 29–41. Дневниковая запись от 11 мая; л. 26. Рисунок; л. 41–53. Дневниковая запись от 12 мая; л. 52. Рисунок; л. 53–67. Продолжение записи от 12 мая; л. 67–73. Дневниковая запись от 13 мая; л. 74–76. Записи адресов, греческих слов и выражений.

2. Афон. [Записи 19 мая – 5 июня 1927 г.]. Публикуется впервые по автографу. Записная книжка в картонном переплете темно-зеленого цвета. РГАЛИ. Ф. 1623 Б. К. Зайцева.

Оп. 1. Ед. хр. № 8. 53 л.

Состав рукописи: Л. 1–2об. Заметки о русских на Афоне; л. 3об. – 5об. Об особенностях погребения на Афоне; л. 6. День монаха монастыря св. Пантелеимона; л. 6об. Рисунок; л. 7. Рисунок; л. 7об. Чистый; л. 8. Рисунок; л. 8об–9. Рисунок; л. 9об. Дневниковая запись от 19 мая; л. 10. Рисунок; л. 10об. Запись «Милопотом – дача Лаврская»; л. 11–11об. Рисунок и подпись к нему; 12–13об. Заметки о богах, о происхождении греческих топонимов; л. 13 об. – 15об. О святых Евфимии и Афанасии Афонским, о монахах Ватопеда и Хиландара; л. 15об. – 16. Отрывки из Акафиста Богородице; л. 18об. – 23. Дневниковые записи от 23–24 мая; л. 23–24. Об Иоанне Кукузеле; л. 24об. – 27. О мучениках; л. 27–32об. Выписки из жития и деяний св. Афанасия Афонского; л. 32об. – 33. Дневниковая запись от 25 мая; л. 33об. – 35. Порядок дня, молитвенные правила, праздники; л. 35–37об. Дневниковая запись от 26 мая; л. 38об. – 39. Предание о свв. Афанасии и Павле; л. 39–39об. Сравнительные выписки об истории русского и греческого землевладения на Афоне; л. 39об. – 40. Выписки из сочинений К. Леонтьева; л. 40–41об. Об особенностях пасхальной службы и служб Страстной и Светлой седмицы; л. 42–43. Выписки из книги монаха Селевкия о монахах Тимофее и Синесии; л. 43–43об. О пожаре в августе 1887 г.; л. 44–52. Дневниковые записи от 27 мая–5 июня; л. 53об. Запись Б. К. Зайцева от 15 апреля 1966 г., заверяющая его авторство текста дневника.

Прочие листы тетради остались чистыми.

3. Письма Б. К. Зайцева жене Вере Алексеевне и дочери Наталии из Греции в Париж. Автографы в архиве Б. К. Зайцева (Париж). Все четырнадцать сохранившихся писем первоначально предоставлены Н. Б. Зайцевой и опубликованы нами: Письма к родным с Афона // ВРХД, № 164 (I–1992), с. 188–216: Там же опубликованы две фотографии: 1. И. Г. Бутникова и Б. К. Зайцев. С автографом: «3/VI 1927. Симпатичнейшему Борису Константиновичу Зайцеву в память прекрасно проведенных, в его милом обществе, дней в Афинах. Ирина Григ. Бутникова» (С. 188. Подлинник в архиве Б. К. Зайцева. Париж). 2. Иеромонах Пинуфрий Ерофеев и Б. К. Зайцев на Святой горе. Подпись под фотографией «Б. К. Зайцев. По дороге на Афон» дана Н. А. Струве без ведома публикаторов и не соответствует действительности. Письмо Б. К. Зайцева к жене от 22 мая 1927 г. дает основания допустить, что снимок сделан 22 или 23 мая 1927 г. в окрестностях Пантелеимонова монастыря монастырским фотографом иеромонахом Наумом (С. 199. Подлинник в архиве Б. К. Зайцева. Париж). Письма печатаются по автографам из архива Б. К. Зайцева с исправлением неточностей первой публикации.

4. На Афон. 1. Морское странствие. Очерк печатается по тексту газетной публикации из архива Б. К. Зайцева (По-

следние новости, № 2267, 16 июня 1927 г., с. 2). Местонахождение автографа неизвестно.

5. На Афон. 2. Афины. (Жизнь). Очерк печатается по тексту газетной публикации из архива Б. К. Зайцева (Последние новости, № 2283, 23 июня 1927 г., с. 2–3). Местонахождение автографа неизвестно.

6. На Афон. 3. Афины. (Памятник). Очерк печатается по тексту газетной публикации из архива Б. К. Зайцева (Последние новости, № 2290, 30 июня 1927 г., с. 2–3). Местонахождение автографа неизвестно.

7. «Святой Николай». Очерк печатается по тексту газетной публикации (Возрождение, № 1048, 15 апреля 1928 г., с. 3). Местонахождение автографа неизвестно. Вероятно, очерк написан специально для пасхального номера «Возрождения» уже после завершения работы над текстом книги «Афон» и помещен нами здесь после материалов о посещении Б. К. Зайцевым Афин в целях сохранения хронологической последовательности в изложении событий этого путешествия.

8. Афон. YMCA-PRESS, Paris, 1928. 126 + [1] с. Текст книги «Афон» воспроизводится по принадлежавшему Б. К. Зайцеву экземпляру первого издания 1928 года,

содержащему правку, внесенную автором для второго издания 1973 года. Многочисленные фрагменты текста первой – газетной публикации, исключенные автором при подготовке книги, помещены нами в квадратных скобках в постраничных сносках или также в квадратных скобках внесены в основной текст. Дополнения и уточнения, сделанные для издания 1973 года, внесены в текст в фигурных скобках. В этом экземпляре книги «Афон» 16 примечаний, помещенных в первом издании после основного текста, перенесены автором в постраничные сноски, чему следуем и мы. Местонахождение автографов первоначальной газетной и первой книжной (если таковой автограф существовал) редакций текста неизвестно. Возможно, что автограф первой книжной редакции текста сохраняется в неразобранной части архива издательства УМСА-Пресс. Возможно также, что набор книги производился по тексту газетной публикации с учетом сделанных автором дополнений.

В книге «Афон» были воспроизведены шесть фотографий, полученных автором от о. Наума, все с пометой «Фото м. св. Пантелеймона»:

1. Греческий монастырь Ксеноф и общий вид афонского побережья.
2. Вход в монастырь св. Пантелеймона.
3. Внутренний двор мон. св. Пантелеймона и Собор.
4. Келлия св. Георгия (на Кирашах в Каруле).
5. Лавра св. Афанасия.

6. Монастырь Ватопед.

Книга была отпечатана в типографии «Imprimerie Beresniak» в доме № 12 по улице Lagrange, в пятом округе Парижа. Издательство YMCA в это время располагалось в доме № 10 по бульвару Монпарнас.

Через год после кончины Зайцева, книга «Афон» вышла вторым изданием в Нью-Йоркском издательстве «Путь жизни», возобновленном в США одним из активных деятелей Русского студенческого христианского движения в Эстонии протоиереем Александром Николаевичем Киселевым (1909–2001), перед войной священствовавшим в Нарве и Таллинне, а в 1935–1940 гг. редактировавшим и издававшим в эстонском городе Petseri (прежних Печорах) газету РСХД «Путь жизни» и основавшем там же одноименное книгоиздательство.

На этот раз текст «Афона» был включен в сборник (Б. К. Зайцев. Избранное. N.Y., 1973. 252 с.), составленный А. Н. Киселевым из повести «Преподобный Сергей Радонежский» и книг путевых очерков «Афон» и «Валаам». Тексты Зайцева предваряло вступление Вячеслава Завалишина. (Еще в апреле 1954 г. Зайцев договаривался с П. Ф. Андерсоном о переиздании этих трех книг в виде сборника, озаглавленного «Святая Русь», к которому планировал на писать особое предисловие. Издание это не осуществилось. См.: Письмо Б. Зайцева П. Ф. Андерсону от 15.IV.1955 // Вест-

ник РХД, № 191 (П-2006). С. 208–209.) Вопреки определенно высказанному автором пожеланию видеть свои сочинения напечатанными согласно правилам традиционной русской орфографии¹¹⁷, издатель использовал орфографию советскую. Сохранились правленные автором экземпляры первых изданий книг, с которых производился новый набор. И если работа о преп. Сергии была, как отмечал составитель, опубликована «с небольшими, внесенными автором, поправками и изменениями», то по меньшей мере одно изменение в тексте книги «Афон» принадлежит, без сомнения, самому о. А. Киселеву и существенно искажает волю автора.

Речь идет об исключении посвящения книги митрополиту Евлогию Георгиевскому, – как посвящения, предварявшего издание 1928 г., так и сделанного Зайцевым для издания 1973 г. посвящения той же книги «Памяти митрополита Евлогия».

Именно содействие митрополита Евлогия и его письмо к Афинскому митрополиту Хризостому Пападопулосу, который знал Евлогия еще по годам своей учебы в Киеве и Петрограде, открыло Зайцеву путь на Святую Гору. А письмо митр. Хризостома афонскому Протату давало преимущества при осмотре греческих обителей, в том числе столь интересовавших писателя древних памятников монастырских библиотек, куда допускали не всех паломников: «Сегодня был у митрополита, – писал Зайцев жене и дочери

¹¹⁷ *Адамович Г. В.* Валаам // Последние новости, 15 октября 1936 г.

4 мая 1927 г. – Он дает мне письмо на Афон, и я тронусь как можно скорей. Получу письмо послезавтра. Митр. [ополит] неплох, серьезен, принял меня хорошо. [...] Он говорит, что на Афон меня пустят беспрекословно». Вероятно и сам митр. Евлогий, не успевший посетить Святую Гору до своего окончательного отъезда из России, мог быть заинтересован в получении отзыва Зайцева (известного своим осторожным, взвешенным и крайне ответственным отношением к вопросам церковно-общественным) о современном положении русского монашества на Афоне и возможности участия афонских насельников в церковной работе его собственной епархии. Именно поэтому, полагаем, В. А. Зайцева, не дожидаясь возвращения мужа из Греции, спешила знакомить митрополита с его письмами: «Под Николин день, после всенощной, в Шавиле читала Борино письмо Владыке с Афона, он очень волновался – Он никогда не был на Афоне [...]», – писала она Вере Буниной 11/24 мая 1927 г. По возвращении Зайцева в Париж митр. Евлогий сам навестил его: «В среду к нам в гости приедет Владыка, Сам изъявил желание у нас побывать, – сообщала В. А. Зайцева той же В. Н. Буниной 26 июня 1927 г. – Я очень счастлива этим». Таким образом, снятие самим автором посвящения книги митрополиту Евлогию представляется немотивированным и совершенно невозможным...

У редактора же были веские причины это посвящение удержать. В эмиграции о. Александр Киселев был известен

своими межюрисдикционными странствиями, что вызывало немало нареканий. Незадолго до выхода в свет нового сборника Б. К. Зайцева, в 1970 г., о. Киселев покинул принявшую его в 1949 г. Американскую митрополию (пребывая в которой он воссоздал в Нью-Йорке основанное им в Печорах издательство «Путь жизни») и присоединился к Архиерейскому Синоду Русской Православной Церкви за границей. Так что появление в издательстве о. А. Киселева новой книги виднейшего писателя эмиграции с посвящением митрополиту Евлогию, отошедшему в 1927 г. вместе со множеством русских приходов в Европе от Архиерейского Синода в Сремских Карловцах, смотрелось бы странно, тем более что принципиальная приверженность Зайцева церковно-политическому курсу митр. Евлогия была широко известна. Борис Константинович не высказывался в поддержку Зарубежной Синодальной Русской Церкви и избегал посещения храмов и общения с духовенством Московского Патриархата¹¹⁸.

Скорее всего, также А. Н. Киселевым было унифицировано написание слова «келия», хотя сам автор различал «келии» – жилища монахов и «келлии» – небольшие обители, находящиеся в ведении крупных афонских монастырей.

9. Творение. Очерк печатается по тексту газетной публикации (Возрождение, № 1000, 27 февраля 1928 г., с. 3.).

¹¹⁸ *Адамович Г. В.* Валаам // Последние новости, 15 октября 1936 г.

Местонахождение автографа неизвестно. Вероятно, тот же текст «Творение» опубликован и в парижской газете «Русский шофер», № 1, май 1928 г., с. 2. Мы не имели возможности ознакомиться с этой публикацией.

10. Бесстыдница в Афоне. Этим очерком Зайцев открыл вторую серию своих дневниковых записей, печатавшихся под заголовком «Дневник писателя» (23 публикации с 22 сентября 1929 г. по 18 декабря 1932 г. в газете «Возрождение»). Печатается по правленному автором тексту газетной публикации (Возрождение, № 1573, 22 сентября 1929 г., с. 3–4. Частное собрание). Местонахождение автографа неизвестно.

11. Вновь об Афоне. Это шестой очерк серии «Дневник писателя». Печатается по тексту газетной публикации (Возрождение, № 1655, 13 декабря 1929 г., с. 3. Частное собрание). Местонахождение автографа неизвестно. Цитаты в тексте уточнены по сохраняющимся в архиве Б. К. Зайцева подлинникам писем, адресованных ему с Афона, даты написания и авторы писем указаны в сносках.

12. Афонские тучи. (Возрождение, № 3043, 1 октября 1933 г., с. 4). Местонахождение автографа неизвестно. Местонахождение подлинников цитируемых писем неизвестно.

13. Афон. К тысячелетию его. (Русская мысль, №№ 2024–2026, 24–26 июля 1963 г.). Местонахождение автографа неизвестно.

14. Афон. (Русская мысль, № 2720, 9 января 1969 г., с. 2–3). Восьмидесятый очерк дневниковой серии «Дни». Публикуется по правленому автором тексту газетной публикации. Автограф сохраняется в архиве Б. К. Зайцева. (Париж).

Четырнадцать очерков Б. К. Зайцева, посвященных пребыванию его в Греческой республике и на Святой Горе, первоначально публиковались в парижских русских ежедневных газетах «Последние новости» (под общим заголовком «На Афон») и «Возрождение» (общий заголовок был снят) в течение 1927 года:

На Афон. 1. Морское странствие // Последние новости, № 2267, 16 июня, с. 2. 2. Афины. (Жизнь) // Последние новости, № 2283, 23 июня, с. 2–3. 3. Афины. (Памятник) // Последние новости, № 2290, 30 июня, с. 2–3. 4. Встреча // Последние новости, № 2304, 14 июля, с. 2–3. 5. Андреевский скит // Последние новости, 31 июля, с. 2–3. 6. Монастырь Св. Пантелеймона // Последние новости, № 2332, 11 августа, с. 2–3. 7. Монастырская жизнь // Последние новости, № 2349, 28 августа, с. 2–3. 8. Каруля // Последние новости, № 2363, 11 сентября, с. 2–3. 9. Лавра и путешествие // Последние новости, № 2384, 2 октября, с. 2–3.

[10.] Монастыри Афона // Возрождение, № 861, 11 октября, с. 2–3. [11.] Святые Афона // Возрождение, № 879, 29 октября, с. 2–3. [12.] овая Фиваида // Возрождение, № 893, 12 ноября, с. 2; № 894, 13 ноября, с. 2. [13.] Тихий час // Возрождение, № 908, 27 ноября, с. 3. [14.] Прощание с Афоном // Возрождение, № 922, 11 декабря, с. 3.

Еще четыре текста Б. К. Зайцева, посвященных святой Горе, являются подвергшимися редактированию фрагментами вышеперечисленных публикаций и поэтому не включены в настоящую книгу:

1. Афонские дни. (Из заметок) // Перезвоны, Рига, № 40, 1928, с. 1278–1282. [Изложение на основании писем жене и дочери от 14, 16 и 21 мая 1927 г.]

2. Афон. Монастырская жизнь // Колос. Русские писатели русскому юношеству. Издание Общежития для русских мальчиков в Шавиле. Париж. 1928. С. 49–61.

3. Монастырская жизнь на Афоне // Златоцвет. Ежемесячный литературно-художественный журнал. Burlingame. № 10/11, 1962. С. 33а–33д.

4. Монастырь св. Пантелеймона // Новое русское слово, Нью-Йорк, № 20320, 27 октября 1968, с. 3.

При публикации всех текстов Б. К. Зайцева нами сохранена достаточно своеобразная авторская пунктуация, а также характерные особенности в написании имен собственных и отдельных слов. На чрезвычайное и, по их мнению, не всегда оправданное обилие знаков препинания в текстах Зайцева указывали в частной переписке многие его современники, в том числе и И. А. Бунин. Однако, как можно заключить из просмотренных нами гранок набора нескольких книг Зайцева, он категорически настаивал на сохранении особенностей авторских орфографии и пунктуации, тщательно выправлял изменения, вносившиеся корректорами, что зачастую существенно увеличивало срок подготовки его сочинений к изданию.

Выражаем признательность за предоставление сведений, использованных нами в некоторых примечаниях к публикуемым текстам Б. К. Зайцева: Наталии Борисовне Зайцевой-Соллогуб (†), Ирине Михайловне Посновой (†), Юлии Владимировне Ивановой (†), Нине Владимировне Ивановой (†), иеромонаху Антуану Ламбрехтсу из бенедиктинского монастыря в Chevetogne, графине Марии Николаевне Апраксиной, Лоре Герд, Ирине Лукка, Алексею Борисовичу Арсеньеву, Валентине Витальевне Клементьевой, Ольге Владимировне Скворцовой, профессору Йиржи Вацeku, иеромонаху Иоанну Абернети насельнику обители Свв. Киприана и Иустины, монахине Евфросинии Молчановой благочинной Леснинского Свято-Богородицкого монастыря

в Provemont, монахине Анне Грюнвальд из монастыря Покрова Пресвятой Богородицы в Bussyen-Othe и прото пресвитеру графу Борису Алексеевичу Бобринскому.

Настоящее издание иллюстрировано фотографиями, часть которых публикуется впервые.

Виды Святой горы, воспроизводимые в этой книге, заимствованы из альбома¹¹⁹ фотографий женевского фотографа Фредерика Буассона (Frederick Boissonnas, 1858–1946), совершившего в августе 1928 и в сентябре – октябре 1930 гг. две поездки на Афон¹²⁰ и ведшего дневниковые записи во время этих странствий. Во время первого путешествия фотограф использовал только стеклянные фотопластины (13×8 см). Во время второй поездки пользовался стеклянными пластинами (9×12 см, 13×18 см и 18×24 см), а также желатиновыми пластинами (13×18 см и 18×24 см). Сохранилось более 400 подлинных негативов. Таким образом, мы имеем возможность увидеть обители Святой Горы и некоторых из их насельников такими, какими застал их Б. К. Зайцев.

А. К

¹¹⁹ – 4 утр.[а] – Ранн.[ая] Литург.[ия] до 5 1/2 утр.[а]

¹²⁰ *Fred Boissonnas. Une excursion au Mont Athos // L'Acropole. Revue du monde hellénique. Janvier-Juin 1929, p. 1–19.*

Ма Аохир.

Затисси.

На Афон. Записи

//[1] 29. [апреля] Чудесн.[ый] день. Под Парижем нежные, желтозеленые, в дыму, тополя. Цветение фрукт. [овых] дерев. В Бургундии оч.[ень] коротко стрижен.[ный] виноград.[ад]. – За Лионом груши и сливы отцвели. Все пышно бледная зелень // [2] распускающихся наших провансальск.[их] тутовых деревьев. Жду Валенсии¹²¹ и Виенны¹²²,

¹²¹ Об этом нам рассказала Н. Б. Зайцева-Соллогуб, которая участвовала в переговорах с издателем.

¹²² Из русских писателей, жительствовавших в свободном мире, Б. К. Зайцев был, пожалуй, самым последовательным и деятельным врагом советского государства и, как можно заключить из некоторых его записей, писем и воспоминаний близ ко знавших его, склонен был рассматривать активную работу подконтрольной большевикам советской церковной организации в странах свободного мира лишь как одно из проявлений советского богоборчества за пределами подконтрольной большевикам территории. «Сколько теперь продлится оккупация России остается только гадать, – писал Зайцев в 1947 году Петру Константиновичу Иванову, своему московскому еще знакомцу, подумывавшему присоединиться к советской церкви, – какие обличия она с годами будет принимать сейчас не ясно. Ясное же отношение наше к тому, что творится там как никогда важно именно теперь. Как предположить, что останется там от русской церкви. А если что и сохранится, то русскою церковью ли будет это?» (Частное собрание. Париж). Тема «России подземной», прикровенной, сохраняющей свое подлинное бытие в тайне от стремящихся поработить ее враждебных сил, раскрывающей свой истинный внутренний мир лишь избранным одиночкам, стала одной из главных в творчестве Зайцева в годы жизни во Франции, чему, думаем, немало способствовало и посещение обителей Святой Горы, удержавших, сберегавших то, от чего в России не осталось и следа... И книга «Афон», как и последо-

чтобы проверить Водуае¹²³. Все время домашние. Слегка грустно, но мирно.

Лазурно-известковая река вблизи // [3] Мон Венту¹²⁴.

Чудесные имена. Милый Прованс.

30. [апреля] Сероватый день в Марселе. Утром грусть. М. [арсель] меньше нравится, чем раньше. Notre Dame de la Garde¹²⁵ взирает, как всегда, на позор порта. Видел свадьбу.

вавшая за ней в 1936 г. книга «Валаам», стали документальным свидетельством автора об этой подлинной «России немногих». В последующие годы неприятие Зайцевым современной ему России подсоветской только усилится (см.: *Клементьев А. К. Зайцев Борис Константинович. В эмиграции // Православная Богословская энциклопедия. Т. XIX. М., 2008. С. 532–535*). После нападения большевистского государства на маленькую Финляндию и советских налетов на остров Валаам он запишет: «Валаамские старцы являются заступниками за всех нас, русских, и за Россию. Россию, находящуюся сейчас в стихии демонической, порождающую собою весь мир. Она на скамье подсудимых» (Дни. 10 мая. 12 мая. 15 мая. 20 мая // *Возрождение*, № 4237, 24 мая 1940, с. 3).

¹²³ *Fred Boissonnas. Οδοιπορικό στον Αθω 1928–1930. ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 2006. 228 σελ.*

¹²⁴ Mont Ventoux – гора высотой 1912 м. в Провансе, в 20 км к северо-востоку от г. Карпентрас.

¹²⁵ сентября 1928 г. в белградской сербской газете «Время» появилась статья Антуна Бруно Херенды «Разговор за дружеским ужином с гг. Куприным и Зайцевым», отрывок из которой приводим здесь: // «БЕСЕДА С Г. ЗАЙЦЕВЫМ // Напротив г. Куприна сидит г. Борис Зайцев. Его облик в полной противоположности с Куприным. В его выражении лица имеется нечто утонченное – до изысканности; нечто, что могло бы показаться пресыщенным, если бы не было глубоко продуманным, и что могло бы показаться извращенным, если бы не было глубоко прочувствованным. Г. Зайцев сбрил бороду, с которой мы обычно его

Все как всегда – от века и до ве- // [4] ка.

видим на известных портретах. И, странно, по некоторым чертам и выражениям лица он напоминает Адольфа Манжу. Предполагаю, г. Зайцев не будет упрекать меня за такое сравнение, но внешняя схожесть то и дело поражает. Я вполне уверен, что г. Манжу, если бы прочитал эту заметку, мне бы не ставил в вину это сравнение. // – Какое Ваше мнение о послевоенной русской литературе в России и в эмиграции? – обращаюсь к г. Зайцеву. // – Такой сложный вопрос! – отвечает г. Зайцев. – Но, суммарно могу выскать и затеять Вам свое мнение, что русская литература и по сей день остается единой; различия лишь в нюансах. Основным признаком, по которому она может отличаться, – это возраст самих писателей. Если в эмиграции проживают писатели уже в годах, приобретшие имя, то там они моложе. Второе – литература в эмиграции свободна, тогда как там она вынуждена считаться с политическими обстоятельствами. Всё-таки основной русской литературой я всё ещё считаю ту, которая создается в эмиграции, хотя у нее есть несчастье пребывать в эмиграции, а у той – что она несвободна. // – Какое Ваше мнение о послевоенном психическом состоянии нового поколения? // – И на этот вопрос трудно ответить в коротком интервью. Ответ мог бы стать предметом обширного труда. Во всем мире существует некая преграда между психологией старого и нового поколения. Между собой их позиции различаются, независимо от определенной страны. Литература это уже отмечает, в особенности во Франции, не говоря уже о России, где между старым и новым поколением образовалась настоящая пропасть. // РАБОТА ЗАГРАНИЦЕЙ // – Как Вы себя чувствуете и как работаете во Франции? // – Хорошо. Франция, тем более Париж, напитаны духом искусства, вдохновляют вас серьезно заниматься творчеством, в первую очередь художественной литературой. Конечно, в Москве я бы себя чувствовал лучше, но если уже так сложились обстоятельства, и во Франции мне неплохо. // – Какие Ваши труды были написаны во Франции? // – За границей я написал и опубликовал „Золотой узор“, „Преподобный Сергей Радонежский“, „Афон“ и сборник рассказов „Странное путешествие“, а сейчас находится в печати роман „Анна“. // С такой охотой мне бы еще хотелось брать интервью у остальных вы дающихся русских писателей и общественных деятелей, сидящих рядом: у Яблоновского и Вишняка, Зеелера, Руднева и прочих! Но места в газете слишком мало. Тут можно было бы собрать материала для целого альманаха» (См.: *Херенда А. Б.* Ведан разговор на другарской вечери са г. г. Куприном

„Patris“ – 1 ¹²⁶/2 ч.[аса] дня. Съезжаются. Одиноко. В 3 ч. [аса] гудок. Сошел в каюту, помолился. На пристани музыканты. Безрукий с рыженькой женой и мальчиком. Арфистка дама с семьей. Играют очень печально – точно провожают нас в Елисейские поля.

// [5] В открытом море – все сердце к своим и на Францию. Что значит „свой“! В одиночестве-то как чувствуешь!

Из наблюдений днем: когда волны разваливаются от носа, то плывут на еиней темно синей бездне белые разводы узоры, как жилы на яшме. А из // [6] тьмы сапфира временами местами медленно вскипает туманность бледно-млечная – тонкие пузырьки.

После обеда – темно, одинокое море! Маяк Антиба¹²⁷. Как далеко и жалобно. Милая Франция. Все тусклее он,

и Зајцовом // Време, Београд, № 2427. Уторак, 25 септембар 1928, с. 6. (Перевод А. Б. Арсеньева)).

¹²⁶ Valence или Valence-sur-Rhone – город во французском департаменте Дром на р. Рона.

¹²⁷ Построенный в 1830-х гг. и электрифицированный лишь в 1933 г. маяк на мысе Cap d'Antibes (Le phare de la Garoupe à Antibes Juan-Les-Pins), который видел Б. К. Зайцев, не сохранился. Он был разрушен германской оккупационной ад министрацией в августе 1944 г. В 1948 г. был сооружен существующий ныне маяк, являющийся наиболее мощным на Средиземноморском побережье. В наше время его сигнал состоит из двух последовательных белых световых импульсов длительностью 10 секунд каждый. Чуть ниже маяка стоит часовня Notre Dame de Garoupe, в которой хранятся икона Богородицы 16 в., плащаница, пожертвованная семьей Воронцовых и крест, вывезенные во время Крымской войны из одной из Севастопольских церквей капитаном французского судна Б. Обером.

и красный, как звезда, // [7] сошедшая к горизонту. Юпитер – яркий, очень сильный. Не таков, как у нас на Клод Лоррэн¹²⁸.

Ласточка залетела из тьмы под освещенный навес. Вьется, и сесть хочется, и жутко, да и тьмы вокруг страшно.

Десятый час. Наши где? Тата у // [8] Ельяшевичей¹²⁹ танцует. Вера где-то в гостях – где, забыл. В понедельник пойду в Лицей. Господь их храни.

// [9] [Рисунок] Корсика

// [10] 1 мая, воскресенье. Утро, проходим между Корсикой и Сардинией¹³⁰. Серо-сизо, горы туманятся. Солнца совсем мало.

Каменистая гряда – островок на южн.[ом] берегу Корсики. Таможенный пост. Сардиния тоже пустынна и мрачна – скалы, туманы.

// [11] Утром от 10–12 работаю в рубке. День бесцветный. Видел трех дельфинов... Рыжие, однорогие, скакали из волны, как по команде. Потом кой-где мелькал их рог. Чайки. Их напев жалобен.

Жизнь похожа на санаторию.

Вечером от 8–9 один бродил // [12] по палубе и сидел

¹²⁸ ч. утра – Поздн.[яя] литург.[ия] – 9 ч.

¹²⁹ ч. веч.[ера] до 1 ч. – Сон» (Там же. Л. 6).

¹³⁰ – 10 ч. ут.[ра] – Трапеза 4 1/2 – 5 1/2 дня – Вечерня 6–7 ч. веч.[ера] – Трапеза 7–8 ч. в.[ечера] – Повечерие

на корме. Чернота, тьма. Нашел в кармане последнюю конфетку, что Вера положила в мешочке. Съел, а бумажку пожалел выбросить в море: спрятал. Своя бумажка, милая.

Корсика. (Записная книжка. л. 9.)

// [13] [Рисунок] Стромболи (Вулкан).

// [14] 2 мая, понедельник.

Утром пишу в рубке. (С 8 ¹³/₂ ч!) Проходим мимо оди-

¹³¹ Построенный в 1830-х гг. и электрифицированный лишь в 1933 г. маяк на мысе Cap d'Antibes (Le phare de la Garoupe à Antibes Juan-Les-Pins), который видел Б. К. Зайцев, не сохранился. Он был разрушен германской оккупационной администрацией в августе 1944 г. В 1948 г. был сооружен существующий ныне маяк, являющийся наиболее мощным на Средиземноморском побережье. В наше время его сигнал состоит из двух последовательных белых световых им-

ноких кругловатых островков-гор. Думаю, что это уже Сицилия. Нет, – совсем малоизвестные штучки. Русский (еврей, разумеется) из Афин. Показывает мне Стромболи¹³², это слева от нас, тоже коническая // [15] двурогая гора, торчит из моря. Верхушка, из седла, дымится. По бокам содранные мясины, видимо пласты сползали. У моря, все-таки, селение. Через 2 часа Мессина и Реджио – пролив между ними¹³³. Италия! Голые горы, тоже вулк.[анического] характера, но местами с нежной зеленью, // [16] чудесной, бледно-нежной – весна.

пульсов длительностью 10 секунд каждый. Чуть ниже маяка стоит часовня Notre Dame de Garoure, в которой хранятся икона Богородицы 16 в., плащаница, пожертвованная семьей Воронцовых и крест, вывезенные во время Крымской войны из одной из Севастопольских церквей капитаном французского судна Б. Обером.

¹³² Стромболи (Stromboli) – маленький вулканический остров с действующим вулканом. Расположен в Тирренском море к северу от Сицилии, находится на территории Италии и принадлежит группе Липарских островов. Стромболи иногда связывают с Эолией – островом, описанным в Одиссее Гомера как дом Эола, повелителя ветров.

¹³³ Мессинский пролив из Тирренского моря в Ионическое между восточным берегом Сицилии и южным берегом Калабрии, шириной в 3,1 км в наиболее узком месте, связанный с легендой о Скилле и Харибде (Харибда помещалась в сицилийской части пролива под Пелорским мысом, а Скилла на противоположном мысе, в Брутии).

Стромболи (Вулкан). (Записная книжка. л. 13.)

Сицилия в сереновом тумане. Мессина уже живет. Дальше Этна¹³⁴ – в сумраке, и пестро разбелена снегами.

Выходим в открытое море – Ионическое. Идем берегом Италии. Иной свет! Греческий, золотой, пол- // [17] ный, точно воздух светится.

Чудесный вечер. Первый раз черное ночное небо в оч. [ень] крупн.[ых] звездах. Тепло, но влажно. Борт`а влажные.

Перв.[ый] раз видел на-кø за кормой фосфоресценцию – синезеленые искры в воде, оч.[ень] красиво. Зна- // [18] ком-

¹³⁴ Действующий вулкан высотой 3330 м. на восточном побережье Сицилии близ г. Катания.

ство с бельг.[ийским] журналистом¹³⁵, знающим Худ.[оже-
ственный] Пражск.[ий] театр¹³⁶.

3 мая, вторн.[ик]

Голубовато-сиреневые шелка тишайших вод у подножия
гор Беотии¹³⁷. Вдали Парнас¹³⁸, искрапленный белыми сне-
гами. К Коринфу воды бледно-лазурные, кое-где пересечены
синими струями, тон- // [19] кие лиловые линии гор

¹³⁵ Шарль Андре Груас (Grouas, Charles-Andre', 1883–1968) – бельгийский по-
эт, журналист и искусствовед, посещал Грецию с конца 1910-х г.г. Одна из афин-
ский фотогра фий Зайцева с Груасом у подножия Акрополя на фоне храма Ники
была помещена в книжке Н. Б. Зайцевой-Соллогуб «Я вспоминаю...» (М., 1998.
С. 96) с такой подписью: «Б. Зайцев и художник Д. Стеллецкий (?) в Италии.
(Возможно, Неаполь. Июль 1926 г.). Ш. А. Груас был автором нескольких книг
поэзии, публикаций о П. де Ронса ре и Ж. де Бошере, многочисленных очерков
в газете «L'Inde'pendance Belge».

¹³⁶ Первый раскол труппы МХТ произошел на харьковских гастроях в июне
1919 г., когда город был отбит у большевиков добровольцами А. И. Деникина.
5 октября 1920 г. часть труппы высадилась в Константинополе. «Пражская груп-
па» московского Художественного театра сложилась после раскола находившей-
ся в Берлине труппы театра и возвращения части ее в советскую Россию. В 1925 г.
коллектив переехал в Париж. В. А. и Б. К. Зайцевы были большими почитателя-
ми Художественного театра. В Париже Б. Зайцев часто встречался с извес-
тными актерами Верой Греч (1893–1974) и ее мужем Поликарпом Павловым (1885–
1974) и переписывался с ними.

¹³⁷ Беотия – самая обширная из областей средней Греции.

¹³⁸ Парнас – священная гора в Греции, в Фокиде, считавшаяся местопребыва-
нием муз.

5 мая. В 12 ¹³⁹/2 ч.[асов] ночи, на главной улице проходил человек, предлагая пирожки, он нес их на сковороде – на голове!

Подхожу к отелю. Лавка гробовщика. Освещена. Через окно вид- // [20] на полная комната гробов. Рядом с одним из них, при полном освещении, укладывается спать на диванчике хозяин!

В старом Соборе¹⁴⁰ приклады- // [21] вался к иконам св. Дионисия Ареопагита и св. Филофея (в черной рясе с серебряным сиянием вокруг головы и с серебр.[яным] крестом в прав.[ой] руке. В левой – четки).

Богородица Невеста (в храме Карнокраки¹⁴¹) – вся // [22] икона во флер д'оранжах. Икона пророка Илии.

Акрополь. Сизеющий, золотисто-опаловый дым над Элевзином.

¹³⁹ Парнас – священная гора в Греции, в Фокиде, считавшаяся местопребыванием муз.

¹⁴⁰ То есть в старом Кафедральном соборе на площади Митрополеос – византийском храме XII в., посвященном иконе Богородицы Скоропослушница и св. Елевферию.

¹⁴¹ Вероятно, Капникарея, – церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (называемая иногда храмом Богородицы Царевны, XI–XIII вв.). Расположена в центре Афин неподалеку от парламента, на ул. Ерму.

В киоске продаются газеты. Беру „П.[оследние] Н.[овости]“. В это время газетчик продает греку три яйца.

„Афинские ночи“ состоят в том, что // [23] в два часа таковой ночи можно на улице купить запонку, а в 11 ч.[асов] вечера побриться.

Катаифи – кушанье это состоит из козла, варенья, орехов и волос.

// [24] 10 мая, утро, 8 ¹⁴²/2 ч.[асов]

Стоим в Халкисе¹⁴³ – городке, мною нарисованном. Пароход простенький, грязный. Утро чудесное. Вблизи греческая земля (Остров Евбея). Видны бедные посевы, горы, но посевы уже выгорают, не бледно-зеленого, а желтеющего тона. Благоухание страны,

// [25] [Рисунок:] Chalcis

¹⁴² Вероятно, Капникарея, – церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (называемая иногда храмом Богородицы Царевны, XI–XIII вв.). Расположена в центре Афин неподалеку от парламента, на ул. Ерму.

¹⁴³ Халкис (в средние века Негропонт) – главный город острова Эвбея, второго по величине греческого острова после Крита.

Chalcis. (Записная книжка. л. 25.)

// [26] гор. Скромный греческий городок. Кипарисы, набережная. Грузим какие-то бочки с баржи. Вода лазурно-сиреневая. Тихо. Хорошо.

Женщина колотит белье на камне вальк`ом. Давно, давно не видел!

На Евбее уже убирают хлеба. Издали // [27] видны снопы, крестцы...

Вблизи Халкиса бараки – беженцы из Малой Азии¹⁴⁴. Вез-

¹⁴⁴ Несколько позже беженцами был построен новый город Артаки.

де беда.

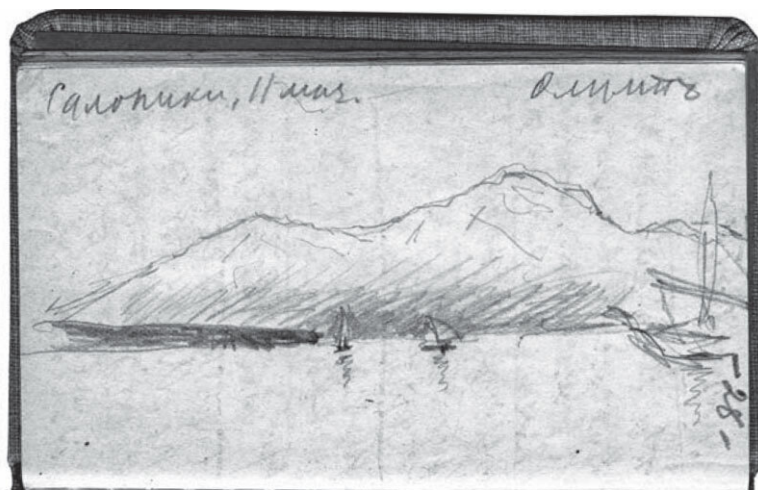
Выше, по горам, еще видны пятна светлой зелени – вот уж, действительно, „акварель!“

11 мая. Салоники.

Грязно-зеленое море. Олимп в бледном золоте снега, справа наползает на него сине-сизая туча.

// [28] [Рисунок:] Салоники, 11 мая. Олимп

// [29] У древних римских ворот развешаны туши барашков с красными головами и оскаленными глазами. К каждой прикреплен национальный (торговый?) флажок.

Салоники, 11 мая. Олимп. (Записная книжка. л. 28.)

Новый цвет моря: мыльно-зеленый, над ним морем туча.

У римск.[их] ворот мясники в красных передниках. Заимствовать бы Луначарским и К° // Турецкий голубь, дом с выступающим балконом увит виноградом. В окне цветущая герань.

Вышел из ресторана на набережной – прямо перед глазами, через залив, златисто-снеговой Олимп.

Афон начинается.

У пристани вижу коричневую // [31] двухмачтовую шхуну, на ней люди в черных шапочках – клобуках. Присматриваюсь, решаюсь спросить рыжеватого монаха, всего в волосах, с лицом Силена – он варил какую-то похлебку.

– Вы с Афона? Оказалось, да. Взошел к ним по одной доске, перекинутой с берега, слегка гнувшейся под ногой. // [32] Встретили с любопытством, но благожелательным. Оказывается, они уже неделю здесь, привезли лес и торгуют им. Рыжий все варил свою похлебку из какого-то зеленого не то горошку, не то еще какой-то местной дряни. Два других – черный, красивый, с прекрасными глазами и тихим // [33] голосом, и другой, старше, блондин, с умным и приятным русским лицом – пригласили меня к себе в каюту. Небольшая комнатка под палубой. Прямо против двери – иконостас, по бокам нары, посреди – стол.

– Описывать нас едете? Спросил красивый и слегка задум- // [34] чивый. – Ну, что ж, посмотрите нашу жизнь. Что-то к нам теперь все писатели стали ездить. Англичанин был, потом этот австриец... Чего это нами так стали интересоваться?

– Ну, а как там у вас? В Париже? Избаловалась, поди, мо-
лодежь?

Мы недолго говорили. Ничего особен- // [35] ного сказа-
но не было, но весь их тон, манера говорить и воспринимать
настолько показались мне отличными от постоянно видимо-
го и слышимого.

Я спросил блондина, знает ли он Шаховского. Оказывает-
ся – да.

– Ведь его у вас постригли?

– Да. Так бы скоро // [36] не вышло, да знакомые были¹⁴⁵.
Ну, и он ведь такой, знаете... такое в нем расположение мяг-
кое, и подходящее...

¹⁴⁵ Следует отметить, что, по мнению очень многих лиц, знавших Шаховско-
го, имен но молниеносно совершившееся вопреки сложившейся традиции по-
стрижение его, никакими специфическими достоинствами кроме происхожде-
ния и связей не обусловленное, способствовало его экстравагантному поведе-
нию, болезнен но отозвавшемуся на церковной жизни нескольких русских зару-
бежных общин. Демонстративное оставление иеромонахом Иоанном места сво-
его служения в г. Белая Церковь в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев
также не способствовало возрастанию его авторитета в русском рассеянии. См.,
например, его крайне сбивчивую брошюру «Почему я ушел из юрисдикции митро-
полита Антония» (Париж, 1931. 31 с.) из которой совершенно неясно, отче-
го же о. Шаховской покинул облагодетельствовавшего его митрополита.

– Что же, хорошо жить на Афоне, спросил я красив первого.

Он опустил свои прекрасные черные глаза.

– Вот сами увидите. Жизнь нелег- // [37] кая, но зато покойная.

Он говорил таким тоном, да и другой имел такое выражение, что, мол, не надо думать, что Афон это просто так, что-то „поэтически приятное“ и красивое место для экскурсий праздных писателей. Это жизнь (так я перевожу их манеру держаться) – жизнь // [38] очень серьезная, не забава, и для нее нужны несколько особые характеры.

– Вот, сказал я, и Россия началась. Брюнет улыбнулся:

– Да, вы там Россию увидите, настоящую и даже очень прежнюю, древнюю...

Ошибаюсь ли я? Посмотрим. Что-то мягкое и ровное, круглое и глубоко // [39] русское мне показалось в этих людях – и с оттенком грусти, отдаленности какой-то. И еще: благообразие. После крика, гама на пристанях, в кофейнях, как приятно видеть людей ровных, ясных, выношенных.

Да, посмотрим. Первое впечатление...

// [40] Проходя часа через два по набережной подробнее рассмотрел шхуну. Она темно-коричневая, хорошо оснащенная, вообще вид ее прочный и основательный (как сильны и прочны были и люди на ней). Приятно было видеть, как резко она выделяется из ряда других суденышек, греческих, // [41] и еще приятнее, уже просто волнительно было

прочитать на корме: „Русского Св. Пантелеймона монастыря (полукругом, а внутри) Св. Николай[“]

12 мая. Знаменательный для меня день. На рассвете, поднявшись на палубу, справа вдалеке, сквозь утренний туман уви- // [42] дел едва проступавшую гору, исполински поднимающуюся над морем. Крутизна скатов ее поразила меня. Считал, глядя на рисунок Афонской св.[ятой] Горы, что это преувеличение, но оказывается нисколько. Она выдается из моря похоже на сахарную голову, но в это утро имела вид // [43] почти грозный –

За нею клубились тучи, и ветер развел такую волну, что пока я любовался на Гору, меня раза два взбрызнуло соленой и прохладной водой. В третий раз обдало так, что я принужден был сойти в каюту. Точно бы Афон говорил: „я не шутка“. В самом деле, такой // [44] качки не было еще нигде за почти недельное пребывание на море. В каюте пришлось пробыть почти до самой „выгрузки“ в заливчике Дафни¹⁴⁶. Там на лодке подплыл русский монах, худой, высокий со светлыми глазами, лицом в морщинах, русскою бородой и удивительно добро- // [45] тою взгляда – отец Петр. К сожалению, он не мог везти меня прямо в монастырь – предвзительно непременно надо побывать в Карее, админ.[истра-

¹⁴⁶ Главная пристань Св. Горы, расположенная на юго-западном ее склоне, именуется Дафни. Здесь находятся наемные подворья Пантелеимонова монастыря и русских Ильинского и Андреевского скитов, на которых размещали русских паломников по прибытии их на Афон.

тивном] центре Афона, и получить от греч.[еского] управления паспорт.

– Святое имя ваше, спросил монах ласково

* * *

– А, Борис, хорошо, Борис, – как будто действительно- // [46] но что-то особенно хорошее есть в том, что я Борис.

О. Петр (так его звали) устроил мне мула. (Когда он подъезжал на своей лодке, потом придерживая полы кафтана, ловко и быстро бросал якорь с кормы – что-то от Петра Апостола даже в нем можно было почувствовать).

// [47] На мула я сел с особо приготовленной приступочки.

– Ничего, сказал о. Петр. – И Митрополиту Антонию¹⁴⁷

¹⁴⁷ Митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Алексей Павлович Храповицкий, 1863–1936) прибыл на Афон после эвакуации из Новороссийска частей Добровольческой Армии под командованием А. И. Деникина. Вопреки своему желанию он был вывезен из Новороссийска в Пирей на греческом военном судне и в самый праздник Благовещения приехал в Афины. Ему удалось переехать на Святую Гору, получив специальное разрешение Греческого правительства. На Афоне он оставался до 5 сентября 1920 г., а 6 сентября выехал в Крым, куда был вызван новым главнокомандующим Русской армии бароном П. Н. Вран гелем для организации церковной жизни на территориях, освобожденных от большевиков. Подробный рассказ об этих событиях оставил епископ Никон (Рклицкий), бывший спутником митрополита Антония в этих странствиях: «На Св. Афоне. После Фоминой владыка просил, чтобы его отпустили на Афон, но его не хотели пускать, а готовились к его встрече в Академии Наук, где читались рефераты о его сочинениях и где присутствовали все архиереи, духовенство и семина-

пришлось на таком же муле путешествовать.

ристы. Было очень торжественно обставлено, а через несколько дней владыке дали от правительства 15 тысяч драхм, тогда нам совсем стало хорошо. От правительства была послана телеграмма в Афонский Кинот, где правительство приказало пустить владыку на Афон. И так, после недели мирноносиец, мы должны были ехать и понемногу собирались. Наконец, настал день отъезда: мы все трое поехали раньше, чтобы устроить погрузку вещей, а владыка приехал на автомобиле митрополии в сопровождении архидиакона – очень симпатичного и доброго человека, он теперь митрополит. Пароходик, правда, был небольшой, но нам дали огромную каюту, где мы рас положились, как в комнате, и через 12 часов были на св. Афоне, где владыку встретили на пристани Дафна: 2 проигумена из Кинота, из монастыря Пан телеимона наместник и 2 иеромонаха и представители от каждого монастыря. С парохода отправились прямо в кинот, где по обыкновению был устроен торжественный обед. Правда, вышло недоразумение, только за пол часа греки узнали, что владыка мясного не ест, а ведь греки и на св. Афоне вкушают яг нятину и пр. Тогда наскоро был приготовлен постный обед, более похожий на нашу предобеденную закуску, но довольно хорошо и вкусно приготовленную, а затем поехали в монастырь св. Великомученика Пантелеимона; с пристани до кинота мы ехали 2 или 3 часа, а оттуда до монастыря 3 1/2, итого 5 1/2, а то и 6 часов. Владыка никогда на лошади не ездил, а тут пришлось сесть на мулашку, на котором было положено седло, убранное великолепным ковром. Но владыка даже не мог сесть как следует. Вместо того, чтобы согнуть ногу при посадке, он переносил ногу прямо и от боли даже кричал, мы же никто не догадывались в чем дело. Всю дорогу он ни с кем не разговаривал, держась обеими руками за седло, а мулашка преспокойно шла себе, ничего не замечая, несмотря на то, что приходилось ехать над такими пропастями, что страшно подумать. Почти за версту от монастыря св. Пантелеимона раздался громоподобный звон, а затем, как фисгармония – трезвон и множество братии во главе с игуменом Мисаилом вышло навстречу. Дорога была усыпана цветами около версты. В соборе паникадила качались, что придавало особую незримую торжественность. О. архимандрит Кирик произнес очень душевное приветствие с приездом. Архидиакон после эктении и молитвы „Владыко многомилостиве“, прочитанной владыкой, как гром, произнес многолетие, пел огромный хор. На Афоне началась для нас жизнь по новому. Ходили в церковь кот всем

службам, кормили нас очень хорошо, так как для владыки и нас троих была устроена отдельная кухня, монахи убирали комнаты, а мы и, в частности, я, ничего не делали и я думал о себе, что „без драки попал в большие забияки“, так как без образования и дворянского происхождения, сделался барином, несмотря на то что денег ни копейки не было в кармане; правда я пел на клиросе, но и там немного помогал, а больше мешал. Очень редко ходил на общие послушания... но зато после долго отдыхал и воображал, что я делаю великое дело. 1 сентября 1920 года я поехал с братией резать виноград „на крумницу“, там пробыл пять дней. Мне нравилось работать, а в особенности думаю, что за всю свою жизнь в России я не ел столько винограду, как в эти пять дней.» // «Возвращение в Крым. 5 сентября вечером из монастыря прибыла таинствен но лодка и только я пришел, сейчас же явился ко мне старец из лодки и сказал, что мы сейчас же после ужина должны ехать в монастырь, так как владыка получил какую-то телеграмму и должен уезжать. Я был в недоумении, сердце затрепетало, просят никому не говорить, чтобы все не побежали в монастырь, прощаться с владыкой, я же не мог ужинать – все думал, куда же поедем, что за телеграмма? // Лодочники поужинали. О. Моисей – эконоом крумницы снабдил меня вином сладким новым, яблоками и дал мулашку и мы направились к морю, где ждала лодка. Сели в лодку, подняли парус и поплыли тихонько, меня матросы старцы уложили спать, а сами стали читать вечерню и утреню. На рассвете мы приехали. Я пытался было уснуть, но никак не мог. Наконец, увидел владыку и узнал, в чем дело. Владыку вызывает ген. Врангели в Крым управлять Церковью. Отслужили литургию и собрались, простившись с братией, которая со слезами провожала нас до парохода. Сели на пароход, который идет прямо в Константинополь, но он сделал несколько рейсов в Солунь и в другую пристань, наконец, мы приплыли в Константинополь. Владыка поместился в посольстве в квартире архиепископа Анастасия, а мы трое в Андреевском подворье, где нам дали комнату, потолок, че тыре стены и окно в коридор [...]. Пробыли мы там дней 8. Наконец, говорят, есть специальный пароход в Крым в Севастополь, где едут многие знатные люди для занятия высоких должностей и вот на этом пароходе мы и отправились. Долго он плыл, не очень спешил. На второй день утром пришел пароход. Нас сразу не впус кали, какие-то мальчишки стояли в очереди, не избежал ее и владыка. [...] Через два дня мы переехали в Херсонесский монастырь [...]». (Никон (Рклицкий), еп. Жиз-

Путешествие удивительное. Ветер все сильнее задувал, мул мирно шел по каменистой тропинке, вслед за другим, на кот.[ором] была чья-то поклажа (мои // [48] вещи о. Петр взял с собою в лодку). Дикая гора, леса, кипарисы, кедр, буя, желтые дроки, свешивающиеся к самой дороге, горный поток, летящий у монастыря Ксиропотама¹⁴⁸ отвесной струей, самый монастырь, старинный, молчаливый, с кипарисами и тополями, маками... По временам руки совсем // [49] замерзают. На хребте горы, слава Богу, лес, не так ветрено. Путь, путь, одинокой лесной тропинкой, по скользким, иногда острым камням – и мы начинаем спускаться в Карею. Грек показывает мне „кунак“ (подворье Пант.[елеимонова] монастыря). Внизу едва видно пенно-кипучее море, // [50] в тяжких пеленах туч, сквозь полу-дождь, полу-туман. Слава Богу, что во время доехали, но у меня все время, как и в море, было такое ощущение не своей воли и власти, что я просто и не думал ни о чем. Ну, мог мул оступиться и кувыр-

неписание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. I. В. Н.-И., 1958. С. 316–319). Митрополит Антоний вскоре вновь посетил Святую Гору и 21 июля 1921 г. совершил освящение храма св. Пантелеимона в Старом Нагорном Русике. Митрополиту Антонию не удалось окончательно удалиться на Афон после упразднения Высшего Русского Церковного Управления за границей, поскольку афонский Протат неожиданно отменил данное ему разрешение поселиться на Святой Горе, о чем уже направлявшийся на Афон митрополит узнал 5 января 1923 г. в Белграде, куда приехал из Сремских Карловцев.

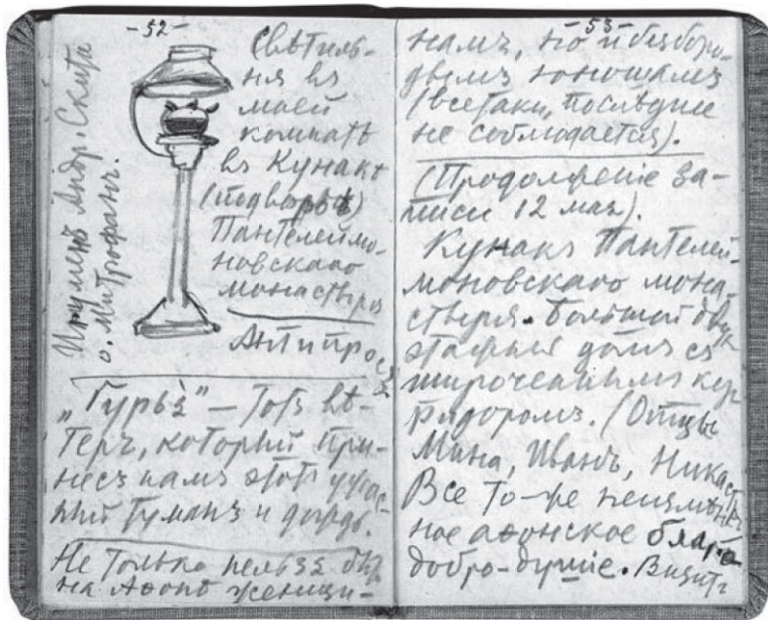
¹⁴⁸ Монастырь Ксиропотам посвящен Сорока мученикам Севастийским, расположен близ дороги из Дафни в Карею. В библиотеке обители хранятся 409 рукописей и пять тысяч книг. Пешего пути до Свято-Пантелеимонова монастыря – около 45 минут, до Кареи – около двух часов.

нуть меня под откос, ну // [51] могла быть буря (между проч. [им], я это предчувствовал; мне давно казалось, что когда я буду подъезжать к Афону, будет непогода. И даже есть объяснение... Тоже, чтобы серьезнее принял, да и достоин-ли, это вопрос. Так что все должно происходить, как надо.

// [52] Игумен Андр.[еевского] Скита¹⁴⁹ о. Митрофан.

[Рисунок:] Светильня в моей комнате в Кунаке (подворье) Пантелеймоновского монастыря.

¹⁴⁹ Андреевский скит – расположен в двадцати минутах пути от Кареи. Соборный храм посвящен св. Апостолу Андрею Первозванному, в скиту еще девять церквей.

«Светильня в моей комнате...» (Записная книжка.

л. 52.)

Антипросоп.

„Гурья“ – тот ветер, который принес нам этот ужасный туман и дождь.

Не только нельзя быть на Афоне женщи- // [53] нам, но и безбородым юношам (все-таки, последнее не соблюдается).

[Продолжение записи 12 мая].

Кунак Пантелеймоновского монастыря. Большой двухэтажный дом с широченным коридором. (Отцы Мина, Иван, Никанор [?]. Все то же неизменное афонское благо-добро-душие. Визит // [54] к начальнику полиции – ведет меня отец Иван – рыжеватый, полнощекий, быстро-говорящий монах. Начальника нет. Заходим в (кафе!) Картина в нем: волки гонятся за уносящейся тройкой, последний винокур, виды Афонской горы, и др.[угие] Возвращаемся. Меня проводят наверх. Во втором этаже // [55] парадные комнаты для приезжающих, большая как бы аванзала с удивительными часами, циферблат и маятник которых сплошь в разноцветных камешков [sic!]. На огромной крытой стеклянной галерее, выступающей из стен дома, диваны, фотографии, стол с букетом чудных роз. Виден сад и кусты роз в нем. // [56] Мне отводят комнату с тремя постелями. О. Мина седоватый южанин из под Херсона, приносит завтрак: суп из риса, довольно вкусный, и рыбу со стручками – это невыносимо и несъедобно.

Помни, всяк брат:

Что мы были
// [57] как Вы,
И Вы будете,
как мы.

Туман, сквозь него хлещет дождь. Ложусь немного отдох-

нуть. Затем иду к астимону, беру полиц.[ейское] свидет.[ельство], а затем мы с о. Миной идем в Протат. Во дворе, на большой террасе два сардара в шапоч- // [58] ках и юбках, рослые и красивые (один седой с черными глазами), готовят кофе и по временам носят его в куда-то в дверь. Проходят туда же, один за другим, толстые монахи – греки, это эпистаты и антипросопы, с косичками, завяз.[анными] узлом погречески – на заседание. О. Мина пода- // [59] ет и мое письмо Митроп.[олита] Афинского чрез нек.[оторое] время меня приглашают. Вводит в залу эпистат-брюнет, говорящий порусски. В зале по стенам скамьи с трех сторон. Прямо против входа на троне и возвышении сидит проэстос – тоже толстый, почему-то напомнимший мне карфагенского суффета¹⁵⁰ – // [60] воспоминания еще по Флоберу¹⁵¹! – а самый зал, с заседающими по скамьям греческ.[ими] архимандритами – тоже какой-то синедрион или, в миниатюре, венецианский сенат. – Kyrios Boris¹⁵² говорит по-гречески? Переводит брюнет: оч.[ень] любезный. Благодушные вопросы. Секретарь пишет

¹⁵⁰ Суфкет являлся высшим должностным лицом в Карфагене. Два суффета, еже годно выбиравшихся из аристократических семей и исполнявших свои функции безвозмездно были подотчетны Совету 104-х.

¹⁵¹ Исполненный Зайцевым перевод «Искушения святого Антония» Г. Флобера опубликован в Сборниках товарищества Знание, кн. 16, в 1907 г., и тогда же отдельным изданием. Перевод вошел в Полное собрание сочинений Г. Флобера. Т. III, СПб., изд. «Шиповник», 1914. 193 с., а отрывок текста помещен в Литературно-художественных альманахах издательства «Шиповник», кн. 12, СПб., 1910. С. 49–87.

¹⁵² Господин Борис (Греч.).

бумаг у. Сардары дважды // [61] угощают меня – раз кофе, другой раз приносят какое-то варенье – я даже не знаю, куда его положить! Прозэстос на каждый мой ответ любезно и самодовольно крутит головой, с таким видом, что он именно так и сам думал, все самоочевидно. Наконец, секретарь начинает обходить эпистатов. Я замечаю, что из // [62] широких своих ряс они вынимают какие-то металлич.[еские] кусочки и подают секретарю. Это – части печати, которую ставят на выдаваемую мне, очень милостивую, бумагу! Значит, все греч.[еские] монастыри согласны, чтобы мне показали их библиотеки, и т. п.

Вечер этого дня в Андреевском скиту. Сразу попадаю в огромный Собор на // [63] службу – короткое повечерие. Очень худой, высокий и еще довольно молодой игумен¹⁵³ с серебряными передними зубами и очень добрыми глазами отводит меня в гостиницу. Вечер. Отец Стратони`к подает мне ужин в столовой, и беседует, беседует без конца – словоохотливый монашек типа прислужников при Пантелеймоновской часовне¹⁵⁴ на Никольской в Москве.

¹⁵³ По-видимому, речь идет об архимандрите Митрофане (Михаиле Васильевиче Щербакове (1874–1949), игумене с 1920 г.). Воспоминания о встречах с ним в 1923 и 1931 гг. оставил архиеп. Серафим (Иванов). Перепечатано в приложении к пере изданию книги «Летопись русского Св. Андреевского скита на Афоне». Скарбо ро, Онтарио, 1983. С. 443–445. Там же его фотопортреты на с. 457–458.

¹⁵⁴ Основание этой часовни связано с доставлением в 1866 г. в Москву из русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне иконы Богородицы «Скоропослушница» и других святынь. В связи с огромным числом паломников в 1873 го-

// [64] В 9 ч.[асов] веч.[ера] ложусь спать., в 12 о. Стр. [атоник] меня будит, я по огромной каменной террасе, в беспросветном ночью[м] тумане я иду в Собор [sic!]. У двери монах бьет в било, железную полосу, которую держит в руке. Собор совершенно темен. Становлюсь в то же „стоялище“ с ручками и сиденьем, где стоял и на повечерии. // [65] Служба бесконечная. Справа и слева от меня по клиросу, над ними загорается зеленый свет в лампах с резным [?] абажуром, освещая только книгу чтецу или ноты. Иногда монах выходит на середину, и читает кафизмы, а полукруг других монахов поет каждый произнесенный им стих. Потом монах в черной мантии мелкой склад- // [66] ки читает на одном клиросе, и распуская свою мантию как крылья, перебегает чер.[ез] весь Собор к другому клир.[осу], там продолжает. Вот игумену зажигают свет у его резного, с балдахином, стоялища, он своим ровным и приятным, неск.[олько] грустным голосом читает псалмы. Затем читается некое настав- // [67] ление, где о блуде сказано, что главный его корень в чревоугодии. „Борящийся против блуда и не искореняющий чре-

ду при Божоявленском монастыре выстроили Афонскую часовню для этих святых, на Никольской улице. Однако уже в 1880 г. брат настоятеля Пантелеимоновского монастыря Иван Сушкин подарил монастырю участок земли на Никольской улице ближе в Владимирским воротам для новой часовни. Спустя год началось строительство новой часовни по проекту архитектора А. С. Каминского, который воспроизвел на фасаде нового здания облик фасада прежней Афонской часовни. Часовня была закрыта в 1932 году и спустя два года сломана вместе с крепостной стеной Китай-города.

воугодия подобен тому, кто заливает пожар маслом“.

В 4 ч.[аса] ночи вернулся домой. Впечатление ночной службы сильное, и не без мрачности.

13 мая.

Утром у игумена, прием тоже почти с трона, но оч.[ень] приветливо. Показывают монастырь Поразитель- // [68] ны черепа умерших. Для игуменов особый шкаф, там пять черепов. По стенам залы висят железн.[ые] кресты (есть около 30 фунт.[ов] пуда весом), жел. [езные] пояса, кольчуги – все это носили некоторые из подвижников. На Афоне через три года всегда вырывают тело умершего, и смотрят, совсем ли оно истлело. Если кости вполне уже чисты, то // [69] их собирают в особую (эту самую) комнату (гро`бница) – черепа отдельно, кости мелкие складывают штабелями – в углу я увидел такой склад, сделано настолько аккур.[атно], что можно издали принять за погонную сажень валежника. На шкафу с черепами (а их ок.[оло] 700) надписи, одна из кот.[орых] приведена выше.

Осмотр библиотеки – // [70] Евангелие 10го века, ноты византийские, пергамент, заставки, как обычно. Заведует старичек-монах. Обед в общей трапезе.

После обеда иду в Карею¹⁵⁵ с молодым монахом о. Харалампием¹⁵⁶ [sic!], довольно красивым блондином, склонным к полноте, но и нек.[оторой] внутренней грусти. Постригся 17^и лет, сейчас 38, ничего кроме Афона не видал и не знает.

¹⁵⁵ Городец Карея расположен в четверти часа пути от русского Андреевского скита почти в самой середине Афонской горы на северо-восточном ее склоне. В Карее расположены конаки или подворья каждого из афонских монастырей, богословское училище, почтовое отделение и другие учреждения.

¹⁵⁶ Фотопортрет о. Харалампия помещена в книге «Летопись русского Св. Андреевского скита на Афоне». Скарборо, Онтарио, 1983. С. 459 и воспроизводится здесь с этого издания.

Говорит (как все; никто, конечно, не скажет, если ему плохо), что чувству- // [71] ет себя хорошо. Но мне кажется, неск. [олько] скучает. Осмотр Собора¹⁵⁷ в Карее.

Хорос – металлич.[еский] круг в середине, висящий на цепочках. Его раскачивают, а люстру, внутри его, кач.[ают] в другую сторону, т. ч. получается в роде землетрясения момента Крестн.[ой] смерти Спасителя. Фрески Панселина – хороши, не совсем понимаю, куда их отнести, но впечатление полное – как будто Рафаэль византийский, что ли, во всяком случае уже не примитив, и возможно, итальянцев видел // [72] где-то.

В два часа о. Стратоник выводит меня из Карее, мы идем в гору, он провожает меня до жел.[езного] креста¹⁵⁸, в горах, дальше я иду один. Лес, вчерашний дождь перестал, лишь легкий туман, тихо, понемногу солнце начинает просвечивать среди стволов ясеней, каштанов. Афонская кукушка – очень нежно кукует. Мне накуковала несколько еще лет жизни, но не > 10, Вере больше¹⁵⁹. Около Нагорн. [ого] Русси-

¹⁵⁷ Собор в Карее – древнейший храм Св. Горы. Построен по преданию в 335 г., но в 362 г. сожжен при Юлиане Отступнике. Возобновлен в X веке императором Никифором Фокою. Вновь сожжен каталанцами, но возобновлен болгарскими царями.

¹⁵⁸ От Карее до железного креста около получаса пути, от креста до монастыря Симонопетра около трех с половиной часов.

¹⁵⁹ В газетной публикации: «Десять лет прокуковала она мне». (Последние новости, №. 2321, 31 июля 1927 г., с. 3).

ка¹⁶⁰ // [73] немного сбился, но показали дорогу дровосеки – греки, под команд.[ой] нашего монаха. От Наг.[орного] Р.[уссика] шел за мулами тихого, кривого грека. Мулы несли на себе хворост. Я положил на них пальто и плэд. Грек все меня спрашивал про Россию. „Кристиянска вера все есть? Все старая вера? Без старая какая вера?“ Потом „А царя нет?“ „А может быть, опять немножко будет?“ [“] 5 ч.[асов] веч.[ера] – Пант.[елеимонов] мон.[астырь] // [74]

¹⁶⁰ Старый Нагорный Руссик отстоит в полутора часах ходьбы от Пантелеимонова монастыря по дороге в Карею. Был уступлен святогорцами в 1169 г. русским инокам по просьбе игумена Богородичного скита Ксилургу о. Лаврентия. В башне Старого Нагорного Руссика принял иноческий постриг сербский царевич – бу душий святой Савва Сербский. Придя в заустение находился в развалинах до 1869 г., когда началось его восстановление с благословения Полтавского епископа Александра на средства благотворителей. В 1880–1883 гг. возведен новый храм Почаевской иконы Божией матери. В начале века его населяли около двадцати монашествующих и, фактически, Старый Нагорный Руссик являлся отдельным небольшим скитом.

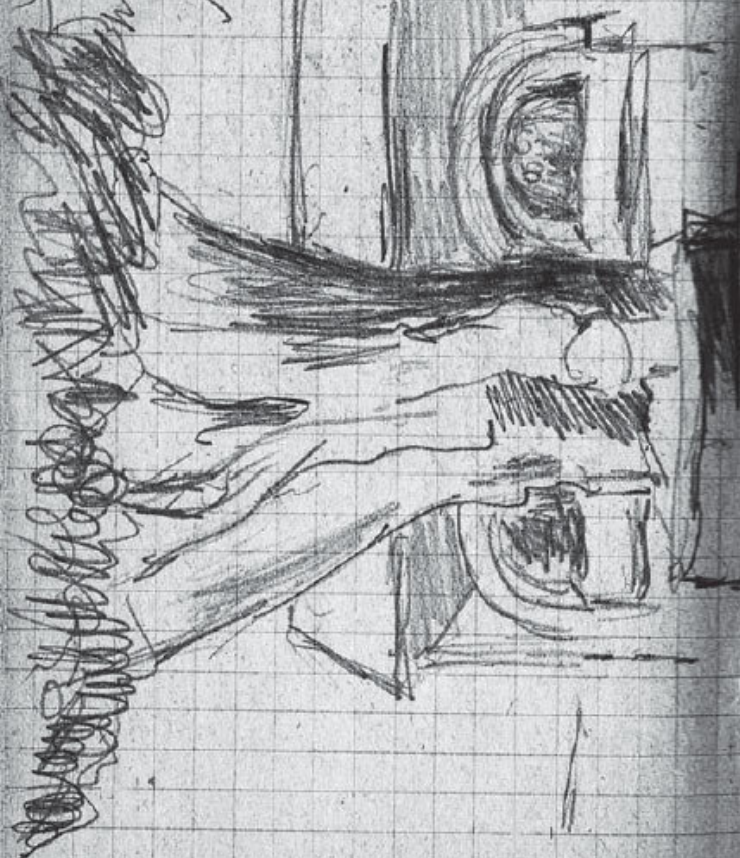
Акоуа.

"Вспомогательн. русск. др.
до. Точно неясно. Мотив
не ясно, что лежит в
основе русск.
справоч. для Токит.
на св. ризы, кот. упр. в
10 в. аныч. средот. макс
Нас. из Токит, и из. в
Токит Терекис, отдаленно
отсюда.

Несомненно, что русск.
много там же до. в 2-й
пол. 12 в. до. в 1169 г. в
спуль в мост. Кемперу,
спуск своего на Токитис,
Токит. в св. Токит. в
Токит (на св. в. св. / св. до.)

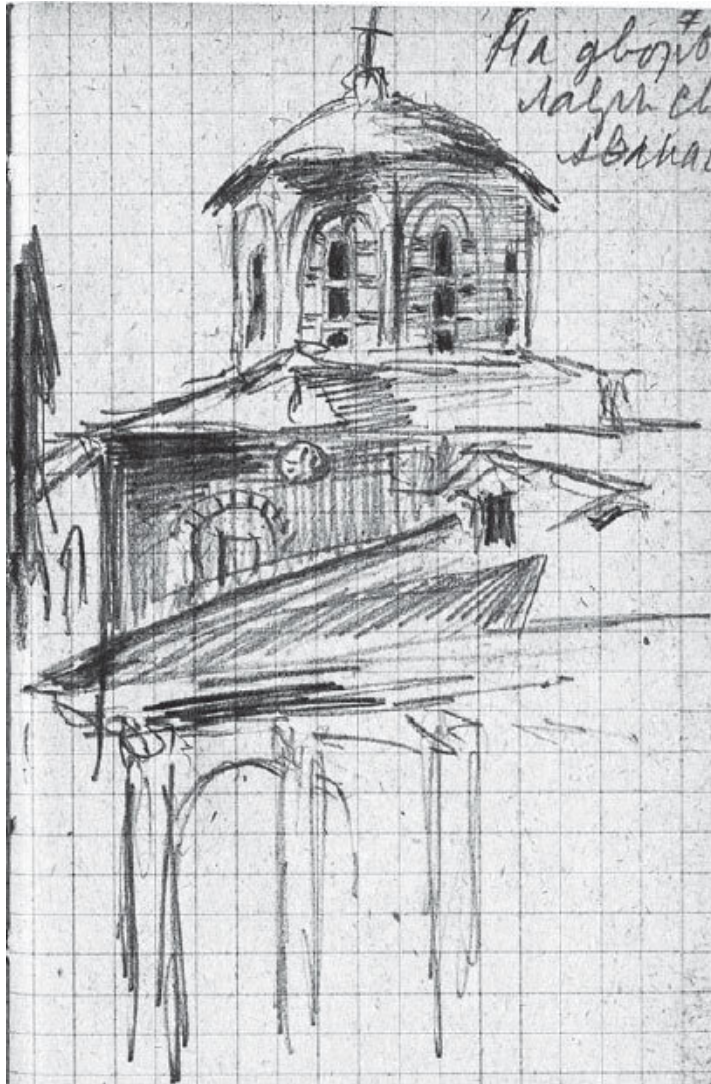
**Первая страница записной книжки Б. К. Зайцева
«Афон». 1927 г.**

4 chroan
muya vatti
apdoli.
Salpa 2. 1. 1. 1.
muck

**Усыпальница патриархов. Лавра Св. Афанасия.
(Записная книжка, л. 6 об.)**

На горах
Салтук Ч.
Самарканд

«На дворе Лавры Св. Афанасия». (Записная книжка, л. 7)

Серверов, 19 мая
1924.

Путь от Лабзги к
Шерскому монастырю.
Привет от Морфино
Абакира привет вам и
любимки из дружки.

Наша лодка. (На пристани Морфино [?]. Записная

книжка, лл. 8 об. – 9)

Афон. [записи]

// [8 об.-9]

// [9 об.] 19 мая, 2. ч.[аса] дня. Идем в лодке под парусом. Правят два албанца, монаха. Слабый ветер. Припекает. Только что прошли келлию св. Артемия¹⁶¹ и Воздвижения Креста. Монастырь Каракалл¹⁶². У самой воды „Пирг“ (башня)¹⁶³. К-[аракалл]ского монастыря. Туда укрывались, когда налетали с моря пираты. Древняя башня, средневековая.

Вода мягко журчит. Шелестят лопающиеся пузырьки.

// [10] Гора Афон.

// [10 об.] Милопотом – дача Лаврская¹⁶⁴. Тут жил в уеди-

¹⁶¹ Русская Артемиевская келлия находится примерно в часе пути от монастыря Каракалла по дороге в Лавру. В начале XX века в ней жило до двадцати монашествующих и она служила местом приюта паломникам, направляющимся в Лавру.

¹⁶² Vienne – город во французском департаменте Изер на р. Рона в 30 км к югу от Лиона и в 88 км к северо-востоку от Гренобля.

¹⁶³ Книги Ж.-Л. Водуае Зайцев, по-видимому, неплохо знал, во всяком случае, две из них хранились в его библиотеке: *Vaudoyer, Jean-Louis. Beaute's [-Nouvelles beaute's] de la Provence*. Paris, B. Grasset, 1926–1928. 2 vol. *Id.*: *Portrait de la France*. Publ. sous la dir. de Jean-Louis Vaudoyer. Paris, Emile-Paul freres, 1926–1931. По словам Н. Б. Зайцевой, обратиться к ним ему, возможно, рекомандовал А. Н. Бенуа, которому Водуае посвятил статью в парижском журнале «Жар-Птица», одним из авторов которого был и Зайцев, дважды печатавшийся в журнале сразу по приезде в Берлин («Душа» – № 7, 1922; «Души чистилища» – № 10, 1923).

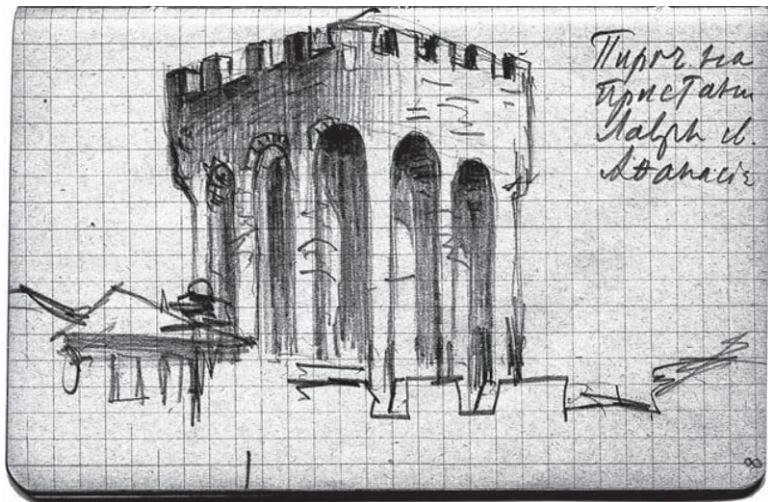
¹⁶⁴ Св. Афанасий основал здесь церковь и келлии, которые использовались

нении и изгнании патриарх Иоаким. (Старая башня на скале и деревянный флигелек, приросший к ней). Очень пустынно и красиво.

Пирг Каракальского монастыря

как мо настырское подворье и место отдыха. Храм посвящен св. Евстафию Плакиде. Константинопольский Патриарх Иоаким III проживал в расположенной здесь башне в 1887–1901 гг.

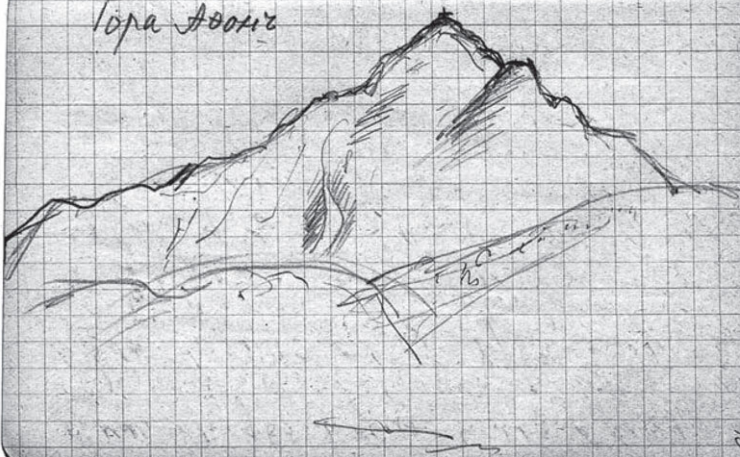

Пирг на пристани Лавры св. Афанасия. (Записная книжка, л. 8).

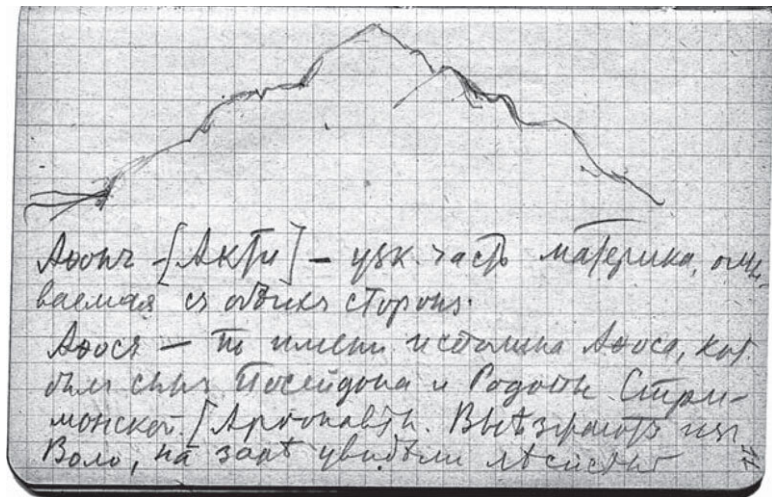
// [11] Афон – Акти – узк.[ая] часть материка, омываемая с обеих сторон. Аюось – по имени исполина Аюоса, кот. [орый] был сын Посейдона и Родоны Стримонской. Аргонавты. Выезжают из Воло, на заре увидели лесистый Афон, но не пристали к берегу его, а направились прямо к острову Самофраки, где принесли жертвы богам, узнав, что тут Пеласги совершают неизреч.[енные] и странные таинства.

19 мая, 2-й день. Угрюм в лохот погос
парусом. Кралат гла албанци - мо
наха. Славс в буга. Притискает. Там
ето протин келико св. Лутенц и
Воздвигенц креста. Монастыр Кап
канс. У самм вога "Турор" /дан
изик - старо монастыр. Туда урн
самб, кога налетам с саур
параж. Дрехасе таме, срекуе
кблас.
Вога мэрко чуритц. ~~Там~~ Шелетат
монумента стублци.

Гора Афон

Гора Афон. (Записная книжка, лл. 9 об. – 10).

Афон. (Записная книжка, л. 11).

// [18 об.] 23 мая. Утро, в 7 ч.[асов] поздняя литургия. Служит о. Мисаил¹⁶⁵ в сослуж.[ении] оо. Пинофрия¹⁶⁶ [sic!] и Виссариона — половина по русски, пол.[овина] по-грече-ски. После обеда едем с о. Виссарионом на лодке в Нов.

¹⁶⁵ Базилика Notre Dame de la Garde расположена на скале высотой 149 метров к югу от марсельского Старого порта. Построена по проекту Henri Esperandieu и освящена 5 июня 1864 г. на месте капеллы, сооруженной в 1214 г. и реконструированной в XV в. Колокольню высотой 41 м. венчает статуя Богородицы с Младенцем, имеющая высоту 11,2 м. См.: *Lenzini, Jose. Notre-Dame de la Garde. [photographies Thierry Garro] Nice, 2003. 1 vol. 175 p.*

¹⁶⁶ Иеромонах Пинуфрий (Полиевкт Иванович Ерофеев, 1866–1953) сопровождал Зайцева в странствиях по Святой Горе.

[ую] Фиваиду¹⁶⁷. Погода чудная. Проходим мимо Ксенофа¹⁶⁸ и Дохиара¹⁶⁹. В Фиваиде встречает о. Николай, „фондаричный“. Идем по „пустынникам“. Подымаемся в гору, покрытую сосн. [овым] лесом, кое где по ней разбросаны каливы пустынников – отдельн.[ые] домики. Заходим к о. Игнатию. Выходит оч.[ень] высокий старик, борода с проседью, но оч.[ень] бодрый, ведет к себе в домик, состоя-

¹⁶⁷ С марта 1926 до начала февраля 1932 года Зайцевы жили в Париже по адресу 11, rue Claude Lorrain.

¹⁶⁸ Правовед и историк Василий Борисович Ельяшевич (1875–1959) и его супруга Фаина Осиповна – друзья семьи Зайцевых, православные караимы, в имениях у которых Зайцевы часто отдыхали, как в Провансе, (в расположенном на землях знаменитого цистерцианского аббатства Торонэ (Thoronet) около города Druguignan в департаменте Var имении «Le Domaine de la Pugette», позже проданном владельцу и ныне занятом винодельческим предприятием «Le Domaine de l'Abbaye»), так и в Бургундии: «...в пять идем – Ф.[аина] О.[сиповна], В.[асилий] Б.[орисович] и я, за 21/2 километра в аббатство 12-го века. Заброшенное, упраздненное. Грустно там, но и величественно. Удивительные арочки романского стиля во дворе монастырском. Площ и печаль. Местность – холмы и горы, долины, в сосновых лесах, кое-где фермы, оливки, виноград. Приблизительно то, как подняться за Кави в раеде. И запахи те же. Только нет моря. Тишина и безлюдие поражают (после Парижа)». [Письмо Б. К. Зайцева от 14.04.1925. Частное собрание, Париж]. После смерти супругов Ельяшевич (их дочь Ирина (1908–1935), в замужестве Цитович, скончалась ранее) их имение в бургундской деревне Bussy-en-Othe отошло согласно завещанию В. Б. Ельяшевича в собственность находившейся в юрисдикции Вселенского Патриархата русской Покровской женской монашеской общины, преобразованной затем в Покровский женский монастырь, который и ныне располагается там. В доме Ельяшевичей в Бюсси скончался писатель И. С. Шмелев.

¹⁶⁹ – 10 ч. ут.[ра] – Трапеза 4 1/2 – 5 1/2 дня – Вечерня 6–7 ч. веч.[ера] – Трапеза 7–8 ч. в.[ечера] – Повечерие

щий из галлерейки стеклянной // [19] стеклянной, как всегда с портретами царей и иконами (на одн.[ой], большой, изображено Распятие Спасителя), начинается разговор. О. Игнатий оч.[ень] словоохотлив, рассказывает горячо, с жаром, – свою биографию, свое обращение, события, помогшие ему. Говорит много, сбивает отклоняется, но расск.[азывает] оч.[ень] живо, хотя и неск.[олько] утомительно. Отдельные части расск.[аза] оч. весьма ярки. В общ.[ем] впеч.[атление] оч.[ень] хорошее.

24 мая. Ночь на „фондарике“. Блохи. Отворяю окно, свеж. [ий] воздух, засыпаю. В 6 ч.[асов] литургия. Мал.[енькая] церковь, поют оч.[ень] плохо, хуже, чем где-либо на Афоне, монахов мало. Все очень // [19 об.] старые, и очень утомленные. Одеты оч.[ень] бедно. Днем они работают на „киперах“ („кипос“, по-греч.[ески] огород, русское искажение – кипер). Тем трогательнее упорство их. Некоторые дремлют в стасидиях.

Подымаемся в гору – опять по пустынным. Первый из них – не помню имени – тоже высокий старик, как и о. Игнатий, мы заходим только на минуту взглянуть каливу. Говорить он особенно не может. Идем дальше, вглубь лесов по горам. Запахи как в Кави¹⁷⁰. Искусств.[енные] пруды для по-

¹⁷⁰ В прибрежной деревушке Cavi di Lavagna, около городка Sestri Levante, в Лигурии, в продолжении многих лет располагалась колония русских эмигрантов, здесь жили некоторые члены партии социалистов-революционеров. Здесь Зайцев с женой неоднократно останавливались. Окрестности Кави стали местом действия главы «Тишина Барди» романа «Древо жизни» (Н. И., 1953), являющегося

ливки киперов. Нако- //

[20] нец, доходим до каливы нуеын о. Нила. Вылезает старичек со слезящимися глазами. Вокруг его каливы виноградничек и растут фиговые деревья. Он очень тих, едва ворочает языком. Хочет угостить фигами, идет, роется, потом смущенно докладывает, что нам не могут понравиться его смоквы. Впоследствии, от правожатого [sic!] нашего, о. Петра, узнаю, что питается старец почти исключительно „камарней“ и гнилыми фигами, запасы кот. [орых] делает на год. (О. Петр сам оч.[ень] интерес- // [20 об.] ный и замеч.[ательный] человек, оч.[ень] застенч.[ивый] и некрасивый, со слипшимися волосенками, маленькими, полными „доброто“ ветра глазками, редкой, нелепой бороденкой. Весь день он работает на кипере, ночью поет на клиросе в церкви. Работает так много, что у него „кровь пошла, значит, моя унутренность доктор сказал, не в порядке, чтой-то в сродке неладно, и велел мне неделю ничего не делать“. О. Петр спит 1–2 ч.[аса] в сутки. Время, свободное от работ и пения прово- // [21] дит в кѣ келии за чтением. Этот смиренный и замечательный облик, м.[ожет] б.[ыть] за таких

заключительной частью автобиографической тетралогии «Пу тешествие Глеба». Один из русских обитателей Кави, двоюродный (?) брат Б. Савинкова стал прототипом Эдуарда Романыча в романе «Древо жизни». В Кави Зайцев с женой и дочерью поселились в октябре 1923 года, отсюда писатель ездил на организованный в Риме конгресс русских деятелей куль туры. 30 декабря он отправился из Кави в Париж, куда 14 января 1924 г. к нему приехали жена и дочь. Так началось их совместное почти полувековое пребывание в столице Франции.

Господь милует тысячи).

Итак, о. Нил – он сторожит монастырский виноградник от кабанов. Кладет в день 1000 поклонов, „тянет канончик“, в прочее время всегда читает Псалтырь. „Прихожу к нему“, расск.[азывает] нам фонд.[аричный] о. Николай. [„]слышу, он читает кафизму. Прочел, другую. Думаю, дай, кончит, не стану мешать, сижу под окошечком. А он кафизму, за ка- // [21 об.] физмой, я посидел-посидел, оставил ему знак, что был – положил предмет, а сам домой“. Или такой случай: о. Арсения Нил пргласил к себе обедать. Арсений „по мудрованию“ не ест лука (считает, что он „горячит кровь“), а Нил не ест масла. Когда А.[рсений] пришел, Нил стал варить щи, и крошить туда лук. А.[рсений] говорит ему: „Я ведь не ем лука, что ты делаешь, это зелье премерзкое. Ты бы положил ложку маслица“. Тогда Нил отвечает: „Масло. // [22] Вот стану я такую гадостью щи портить. Я масла не ем“. И они так поспорили, что лучше, лук или масло, и оба оказались так упрямы, что о. Арсений ушел ничего у него не съев.

Дискуссионный или двубед-
решник

(Мозаика из терракоты, слонов. кости и индийской гудроны)

"Апокапсис покрывает крест мильской вола"

(Четыре змеи слушают Еван-
гелие)

1814-1818 - мур. Гвозди, Мокри, Акаки и Водяной, 4) Кост. 22 1814,
2) 150кт 3/1 марта 1816
4) 7 авг. 1818

Вот эти мурелники Ака-
кии отразились в
маромет, а вотони,
могс вичикум ачон
и к сибригелу (в част-
ности, модала туповис,
агорова вичишана икс,
врядим мурелликуе ст
в хресте, вору, вичишана
тупро или Сурот, сау-
в или Суроту ~~или~~ архим-
в или Мадонета и мо-
в или Хреста. Но рудо
крест и Пандево, в ваче,
в вичишана своего каллику и
тототипус се.

Омид. горову, друг.
в вичишана. Туповарис в
Кутаеф Юна
в Корта, муровис повлган
Юна Ковина Уматас, Мо

Изображение аналая: «Четыре змеи слушают Еван- гелие» (Записная книжка, л. 24 об. – 25)

Делаем крюк круг по пустынным горам и заходим к о. Илье. Старик очень благообразный, некогда и красивый, теперь, вероятно, страдает вид начинающейся „водянкой“. Жалуется на „бронфит“ в груди, ведет в свою каливу, угощает недурным // [22 об.] сладким красным вином. Кутается в зи-пунок, по всему видно, что умен, спокоен и начинает стра-дать от болезни. Как везде – галлерейка, моленная и спаль-ня. Так же и у его брата, занимающ.[его] другую половину

каливы.

После обеда собираемся ехать. Дождь. Невозможно. Вечер после обеда проводим в разговоре – о. Виссарион, о. Николай и я – о монашеской жизни, ее трудностях, тяготах, // [23] радостях и вообще характере ее.

// [32 об.] 25 мая. среда. Утро ненастное. Боимся, как бы опять не остаться. Все-таки, после обеда (октоподы, пойманные вчера нашими матросами, султанка, вино, хлеб) решаем трогаться. Довольно сильн.[ый] прибор. Когда садимся в лодку, хлопает волна, обрызгивает. Моряки кричат: „Выскакивайте, выскакивайте, сейчас ударит“. Выпрыгиваю, о. Виссарион, благодаря длин.[ной] рясе, чуть, чуть запаздыв.[ает], его окатывает почти всего. Снова садимся, моряки торопятся и нервничают, чтобы успеть вывести лодку из под ударов волн о камен- // [33] ную пристань и о ближайшие утесы. Выходим. В море покойнее, идем берегом. Часа через 3 ¹⁷¹/₂, при приличн.[ой] погоде подходим к Пантелей-

¹⁷¹ В прибрежной деревушке Cavi di Lavagna, около городка Sestri Levante, в Лигурии, в продолжении многих лет располагалась колония русских эмигрантов, здесь жили некоторые члены партии социалистов-революционеров. Здесь Зайцев с женой неоднократно останавливались. Окрестности Кави стали местом действия главы «Тишина Барди» романа «Древо жизни» (Н. И., 1953), являющегося заключительной частью автобиографической тетралогии «Пу тешествие Глеба». Один из русских обитателей Кави, двоюродный (?) брат Б. Савинкова стал прототипом Эдуарда Романыча в романе «Древо жизни». В Кави Зайцев с женой и дочерью поселились в октябре 1923 года, отсюда писатель ездил на организованный в Риме конгресс русских деятелей куль туры. 30 декабря он отправился из Кави в Париж, куда 14 января 1924 г. к нему приехали жена и дочь. Так началось их совместное почти полувековое пребывание в столице Франции.

мон.[овскому] Монастырю. Из-за Афона идут ветер тучи, дождь и ветер (навстречу и наискось). Думаем, что не миновать вымокнуть. Но к удивлению туча как-то боком выдвигается в море и мы успеваем добраться совсем благополучно.

Вечером у меня – о. Софроний¹⁷², затем о. Кирик, о. Виссарион¹⁷³ – приносит Вере на память четки.

// [35] 26 мая, четверг. Встаю в 6^{174/2} (по европейски),

¹⁷² Софроний (в мире Сергей Семенович Сахаров, 1896–1993). Выехал из советской России в 1921 г., стремясь заниматься живописью. В 1925 г. поступил в Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. В 1930 г. познакомился с афонским подвижником, старцем Силуаном. Последующие годы подвизался на Афоне. В 1941 г. рукоположен в иеромонаха, в 1947 г. выслан по решению греческого суда, как и о. Василий Кривошеин за сотрудничество с германскими представителями, проводившими научные исследования на Святой Горе в годы Второй мировой войны. В 1958 г. основал монастырь в Великобритании, где и скончался.

¹⁷³ Архимандрит Кирик (Константин Никифорович Максимов, 1864 – 2/15 декабря 1938, Панчево) с 1886 г. в Пантелеимоновом монастыре, после жил на подворье в Москве, трудился в монастырском книгоиздательстве, в т. ч. готовил к печати сочинения еп. Феофана Затворника. С 1899 г. казначей, а с 1905 г. настоятель подворья в Одессе. В 1910–1914 гг. жил на Афоне, был ревностным гонителем имяславия. В 1914–1920 г. снова в Одессе, затем духовник на Афоне. С 1931 г. поселился в Королевстве СХС, где был духовником нескольких монастырей, в т. ч. русской Леснинской женской обители, разместившейся после эвакуации из Румынии в Хоповском монастыре на Фрушкой горе близ г. Нови Сад. Автор множества проповедей, печатавшихся на Афоне и в Сербии и собранных в книгу «Иноческие поучения схи-архимандрита Кирика» (Мадрид, 1973). Похоронен на русском участке «Нового кладбища» в Белграде, за абсидой Иверской часовни. // О. Виссарион (Вячеслав Иванович Хлыстов, 1878–1954) – корреспондент журнала «Душеполезный собеседник», библиотекарь и казначей.

¹⁷⁴ Софроний (в мире Сергей Семенович Сахаров, 1896–1993). Выехал из со-

еще лежа в постели слышу доносящуюся службу и ответы хора „Господи помилуй“ – это где-ниб.[удь] в ближнем параклисе кончается ранняя литургия. Читаю Успенского¹⁷⁵, делаю выписки. Патерик¹⁷⁶. Жизнь св. Афанасия Афонского¹⁷⁷. В 9 ч. Мне подают уж обед. В 10 идем с о. Пинуфрием к о. Науму сниматься. Затем он (о. П.[инуфрий]) показывает мне монастырскую лесопилку. В огромном корпусе локомотивчик привод.[ит] в движе- // [35 об.] ние лесопильн.[ую] машину в три вертик.[альные] пилы. При нас распилив.[ают] дубок вдоль – середина идет на шпалы. Работают монахи здесь по 10 ч., во второй полов.[ине] дня работа будет сопровождаться чтением Псалтири, взамен слушания

ветской России в 1921 г., стремясь заниматься живописью. В 1925 г. посту пил в Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. В 1930 г. познакомился с афонским подвижником, старцем Силуаном. Последующие годы подвизался на Афоне. В 1941 г. рукоположен в иеромонаха, в 1947 г. выслан по решению греческого суда, как и о. Василий Кривошеин за сотрудничество с германскими представителями, проводившими научные исследования на Святой Горе в годы Второй мировой войны. В 1958 г. основал монастырь в Великобритании, где и скончался.

¹⁷⁵ То есть работу *Порфирий (К. А. Успенский), еп. Чигиринский*. История Афона. Ч. 1–3. СПб., 1877, 1892., или какие-то иные сочинения этого автора.

¹⁷⁶ [*Азария, монах*. Александр Иванович Попцов (†1878 г.)]. Афонский патерик или жизнеописание святых, во Святой Афонской Горе просиявших. В 2-х частях. СПб., Издание Русского Пантелеимонова монастыря. 1860. Последующие шесть изданий вышли в 1865, 1867, 1875 и 1876, 1883 и 1884, 1889 и 1890, 1897 гг. Лучшее фототипическое переиздание подготовлено прот. В. Мальченко (Scarborough, Ontario, 1984).

¹⁷⁷ Жизнеописание преп. Афанасия помещено в части II Афонского Патерика. С. 5–58.

вечерни. Идем на мон.[астырский] огород („кипер“). Около 2 ¹⁷⁸/₂ дес.[ятин] земли. Фасоль, лук, огурцы, петрушка и т. п. Показывает нам помощник заведующего, молодой монашек о. Владимир, с редкой, бѣрѣ легкой бородкой, рыжеват.[ого] цвета, такими-же усиками и теми добрыми и слегка застенч.[ивыми] глазами, которых уже столько я видел здесь. Это беже- // [36] нец.

Дома дневной сон. Опять книги и выписки. Прогулка (в 5 ч., до би) к пристани Дафни. Довольно свежий ветер с моря, „батос“, море яркосинее, с гребешками. В заливчике Дафни нарядная белая яхта. Американец какой-ниб.[удь] сюда заплыл? На моих глазах яхта снимается и уходит в море – бесшумно, и неизвестно, кто на ней, куда едут, с какой целью. Легкая грусть. В ту сторону – Салоники, Афины, Париж. В Ощущение, все таки, робинзонское...

Вечером о. Иосиф. Запись „дня в мон.[астыре] Св. Пантелеймона“. Думаю, что о. Иосиф // [36 об.] будущий игумен¹⁷⁹. Человек умный и властный, вероятно, нелегкий. Ко мне удивительно внимателен.

В сумерках хожу по веранде над морем. На серебре его, к закату, стоймя резко вычерчивается колокольня св. Пантелеймона. Правее луковичные купола, зеленые, с крестами,

¹⁷⁸ Жизнеописание преп. Афанасия помещено в части II Афонского Патерика. С. 5–58.

¹⁷⁹ 31.01.1940 г. О. Мисаила сменил о. Иустин (в мире Иван Семенович Соломатин (1878–1958)), ювелир, сорок один год руководивший монастырской серебряной мастерской).

такие русские.

Захожу в залу приемов. 25 ар.[шин] дл.[ины], 16 шир. [ины.] По стенам портреты – в середине Ал[ександр] II, зат. [ем] А.[лександр] III, Ник.[олай] II, царицы, дети, архиереи, митрополиты. В середине залы стол, на нем, эллипсом, лицом к зрит.[елю], тоже портреты. Стол окружен комн.[атными] растениями. // [37] (лапчатня, как ставили в дворянско-мещ. [анских] домах в Калуге и Туле лет 30–40 назад, и фикусы). Вокруг всего этого сооружения – эллипс стульев – тоже лицом наружу, т. ч. если бы на эти стулья сели, то каждый естественно отворачивался бы от соседа (веер людей). Никогда и нигде не видал такого устройства. На веранде прохладно, а в зале всегда тепло и слегка спертый, застоявшийся запах – Боже мой, как безнадежно ушедшее, само по себе серое, но вот уже время делает его трогательным, и Бог знает, // [37 об.] не возникнет ли чер.[ез] 10–15 лет мода на „эпоху Александра III-го“¹⁸⁰. Как волнует и радует тишина, бывшее, синева моря за семью окнами справа, семью слева и четыре-мя – пятью в узкой стороне. Россия в Архипелаге.

Лилии у домика о. Наума – их называют здесь „крин сельный“. Еще видел вблизи игуменской келии куст роз на высоком стволе, поднявшемся ко второму этажу. Чудные розы.

¹⁸⁰ Мода на означенную эпоху наступила, кажется, только в середине первого десятилетия XXI века.

не Лашнахето - м. гир. 10.
15 или мога на 2акоу
Александра III "Кам"
вотуеи и радуиуи Тимон-
на, Флава, енека мучу
за елиао окнами етрава,
сидио сибка и четармиу
- тубон в урхон етрава.
Росиа в Архителат.

Тим и голшка в Чауче
- и в асаб. 397 сб. кримо
елитни. "Еже вуге и вогим
поучиеиу катике кучи
раз на вхокии етрава, топ
кхилмиу ко второму етрава,
тугна раше.

Еже об Лавраси, по преда-
нио (сооуу. опер. монаху
в Лавре) - он много ел.
Ему ставили три обеда,
ва или етрава, и когда
послушн. урхи, на вог
вртубуеиу, вавориме.

"Еривонск. мит мисср ка-
го"

Авонс.

- I. Везиптра.
- II. То Тавме Авонс? ~~.....~~
- III. Мери тирли гелб.
- IV. Русскіи мон. с. Пантлеон
- V. Авоуи Авона. на.
- VI. Туцешовие Каниса,
сатра, илептант оува,
VII. Мисно лотавитиуи ~~.....~~
VIII. Русск. иперскаво мегр.
IX. Думелкас. настрочинио.
- X. Св.Тис Авона.
- XI. Мученики.
- XII. Русскіи старуи ХІХ вѣка.
- XIII. Второе Туцешовие - еше
о туцешовиках Авона.
- XIV. Триврога и пейзаж Авона
- XV. Мекучеро на Авонс.
- XVI. Сибелии Авона дие мина
авелси мина дие Авона.

Первоначальный план описания путешествия по Святой Горе (Записная книжка, лл. 37 об. – 38).

Еще об Афанасии: по преданию (сообщ.[ено] греч. [еским] монахом в Лавре) – он много ел. Ему ставили три обеда, он их съедал, и когда послушн.[ик] удивл.[енно] на него взглядывал, говорил: // [38] „Я большой, мне много надо“.

[Первоначальный план описания путешествия по Святой Горе]

Афон.

Встреча.

Что такое Афон?

Мой первый день.

Русский мон.[астырь] св. Пантелеймона.

Люди Афона.

Путешествие – Каруля¹⁸¹, Лавра¹⁸², Иверон¹⁸³, Пантокра-

¹⁸¹ Каруля – одна из келлий Великой Лавры, расположена на отвесной прибрежной скале с южной стороны Св. Горы, в получасе пути от малого скита Св. Прав. Анны, в котором до 20 отшельнических келлий, и в получасе же пути от главного скита Св. Прав. Анны. Основана Каруля в X веке. Спуск в нее весьма труден. Здесь есть храм Св. Георгия Победоносца и в начале XX века подвизались несколько русских монахов.

¹⁸² Великая Лавра, главный из монастырей Святой горы, основан в 963 году преп. Афанасием Афонским на месте древнего города Акрофи. Собор, освященный первоначально в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, ныне отмечает престольный праздник 5 июля в день памяти преп. Афанасия. Фрески собора написаны Феофаном Кипрским. Монастырь является крупнейшим после Иверона хранилищем произведений церковного искусства и священных предметов и реликвий, располагает значительной коллекцией рукописей (до 2500, в том числе 470 кодексов и 50 свитков на пергамене) и печатных изданий (до двадцати тысяч). Ему принадлежат рас положенные на южной и юго-западной оконечностях полуострова скиты Св. Иоанна Предтечи (с основанным в 1857 г. одноименным храмом, ныне населенный румынами, в часе пути от Лавры), Св. Прав. Анны (с одноименным храмом, построенным по случаю принесения в 1686 г. части мощей св. Анны, в скиту есть пятьдесят одна келия; скит – самый большой на Св. Горе расположен в четырех часах пути от Лавры) и Кавсокаливия (с собором во имя Святой Троицы, состоящий из сорока калив, в трех часах пути от Лавры) и сорок отдельных келлий. От Лавры пять часов пути до монастыря Каракалл.

¹⁸³ Монастырь Иверон расположен на берегу моря между монастырями Фило-

тор¹⁸⁴, Ватопед¹⁸⁵.

Жизнь монастыря – русск.[ого] и греческого.

Душевная настроенность.

Святые Афона.

Мученики.

Русские старцы XIX века.

Второе путешествие – еще о послушниках Афона.

Природа и пейзажи Афона.

фей и Ставреникита. Согласно преданию основан в конце X века двумя грузинскими монахами, учениками преп. Афанасия Афонского. Посвящен Успению Пресвятой Богородицы. Разрушен в 1259 году. Собор построен в первой половине XI века. Библиотека включает в себя более 2000 тысяч рукописей и до двадцати тысяч книг. От Иверона до Филофея около двух часов пути, до Кареи около полутора часов.

¹⁸⁴ Монастырь Пантократор расположен между обителями Ставреникита и Ватопед недалеко от моря в северо-восточной части Святой Горы. Основан в середине XIV века. Посвящен Преображению Господню. Собор посвящен этому празднику и сохраняет фрески XIV века. Монастырское собрание икон одно из самых значительных на Святой Горе. Монастырю принадлежат тридцать шесть калив и пятнадцать келлий вне пределов его территории. В библиотеке монастыря 350 рукописей и до трех с половиной тысяч книг. От монастыря Пантократор до Ставреникиты около часа пути.

¹⁸⁵ Монастырь Ватопед расположен между обителями Эсфигмен и Пантократор в северо-восточной части Святой Горы. Основан, согласно преданию, учениками Св. Афанасия Афонского – Антонием, Афанасием и Николаем между 972 и 985 годами. Посвящен Благовещению Пресвятой Богородицы. Построенный на рубеже X–XI веков Собор монастыря посвящен этому празднику и имеет много общих черт с Собором Великой Лавры. Украшен фресками македонских мастеров XIV века и, единственный на Святой Горе, византийскими мозаиками. Располагает богатейшим собранием рукописей (до 2000) и около двадцати пяти тысяч книг.

Искусство на Афоне.

Смысл Афона для мира и смысл мира Для Афона.

// [38 об.] На Афоне и доселе рукополагаются в иерархическ. [ие] степени (иером.[онаха], архимандр.[ита]) только люди, соблюдавшие свою физич.[ескую] чист.[оту], „девственники“.

// [44] 27 мая, пятн.[ица.] После обеда (т. е. в 10 ч.[асов] утра) захожу в библиот.[еку], к о. Виссариону. Огромн.[ое] двух. эт.[ажное] здание, с плоской крышей, полно книг. О. Виссарион составляет каталог. Беседуем. Когда он выходит за кн.[игами] и статьей, оставл.[енными] в келлии, ко мне походит его помощник, о. Марк, простой черноволосый монашек.

– Здравствуйте, господин.

– Здравствуйте.

– Христос Воскресе.

// [44 об.] – Востину Воскресе.

Смущенно подходит к столу.

– А я уж и не знаю, как с вами, образованными, и здороваться. Простите, коли не так. Может у вас в миру и не говорят Христос Воскресе..

Начинается разговор. Он слышал, что я жаловался о. Виссариону на то, что не получил утром письма от своих, и что я расстроился.

– Да, трудно, конечно, что говорить. Я тоже как молодой сюда попал, сначала очень даже скучал по родным. А они,

женщины-то, тоже очень скупчивые. Потом я привык, ко мне брат приезжал, в Палестину ехал паломником, и у нас жил. Да. Так вот из дому то – мы сами самарские – жена ему и пишет: „Я сына своего // [45] прогнала, поссорилась, я теперь одна[“]. Он очень удивился, сын у них хороший, почему прогнала? А оно оказалось, это она так, нарочно написала, чтоб его поскорей домой вызвать, потому что очень за ним скупчала.

С о. Виссарионом идем смотреть кое-что в монастыре – гробница.

– Вот это послед.[ний] путь монаха, говорит о. Виссарион, вздыхая и глядя рано поседевшую бороду. Ох-охо! Видите, от цветущих олеандров у входа, мимо этого орехового дерева, подъем, и к кипарисам... Тут мы все и проходим.

Кладбище осенено кипарисами. Мы заходим сначала в гробницу. Небольш.[ая] часовня, под нею церковь. В часовне против входа икона с лам- // [45 об.] падкой, от иконы вниз висит шелк. Плат, а по бокам ее, на правильных деревянных полках аккуратно разложены черепа умерших братьев. На кажд.[ом] надпись – кто, когда скончался. Слева, за загородкой, как мелкий валежник, не менее тщательно сложены кости, до потолка. В часовне полутемно и довольно душно.

О. Виссарион, вздыхая, приседает, разглядывая нижние черепа.

– Вот, хорошая головка, говорит он, смотрите, какая хо-

рошая. Кость вся коричневая, густая, ровная.

Действ.[ительно], этот череп ровно-коричневый, слегка даже маслянистого оттенка. Рядом черепа белыми пятнами по желтому, или с черными пятнами.

– Эти уж хуже, прибавляет о. Виссарион.

// [46] Выходим наружу. Очень светло, и всегдашняя чернота кипарисов кладбищенских. Могил немного, они неглубоки, над кажд.[ым] крест и точная надп.[ись], когда скончался. Через три года по смерти каждого вырывают, кости моют водою с вином, и по виду останков судят (как всюду на Востоке) о состоянии души умершего. Тело должно совершенно истлеть, земля, значит „приняла“ упокоившегося. В противн.[ом] случае о нем возносят особ.[ые] разрешит.[ельные] молитвы.

Веч.[ером] того же дня добрейший о. Виссарион приносит подарки от игумена (икону св. Пант.[елеймона], альбом¹⁸⁶ и книгу о монастыре¹⁸⁷) и от себя лично (ложечку Наташе, апельсины и благословенное масло св. Пантелеймона).

// [47 об.] 28 мая. суббота. Утром чтение. Иду еще посмотреть гробницу. Кедровая рощица. В ней отдыхают монастырские волы. Общий памятник инокам.

¹⁸⁶ Альбом фотографий Святой Горы и пояснениями на греческом языке сохранился в библиотеке Б. К. Зайцева.

¹⁸⁷ В библиотеке Б. К. Зайцева сохранился этот «Путеводитель по Святой Афонской Горе с объяснением ее святых и прочих достопамятностей». Издание 5-ое исправленное и дополненное Русского общежительного скита св. пророка Или на св. Афонской Горе. Одесса., 1902. 117 с. и 3 плана Св. Горы.

Днем опять читаю. Вечером – о. Софроний, о. Иосиф с Н. [овой] Фив.[аиды] и о. Иосиф библиотекарь. Позже о. Кирик. Читаю „Лествицу“ св. Иоанна Лествичника¹⁸⁸. Завтра трогаюсь. Прощальн.[ый] визит к игумену. День „средней“ значимости – впрочем, хорошо было на вечерне. С Кириком условились встретиться на ранней обедне, после кот.[орой] он отслужит молебен. Погода чудесная. О. Кирик едет меня провожать.

// [48] 29 мая вечер.

// [48 об.] Неск.[олько] позже. Лонгос¹⁸⁹ смутно-лиловый. Над ним оранжевые облака, у подножья его резкая серебряно-розовая струя, и зеркально розово-голубое море.

// [49] 5 июня., 8 1/2 ч. утра. „Патрис II“, при тихой погоде, солнечной, идем к Италии. Она должна быть часа через три. (Ошибка! К вечеру).

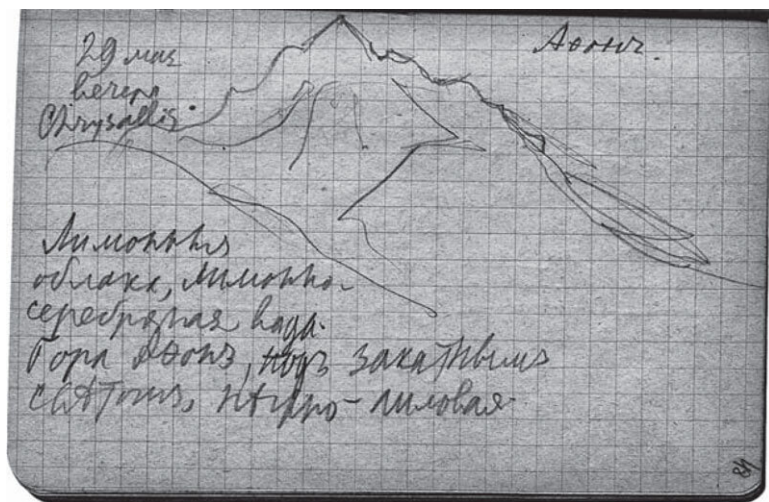
Вчера неприятный день. Едва не опоздали с И.[риной] Гр.[игорьевной]¹⁹⁰ на пароход, из-за дурацкой неаккуратности греков с моим бельем. (Прачкой). Приехали за 10 мин.[ут.] И.[рина] Гр.[игорьевна] нервничала, ругала греч.[еских] ло-

¹⁸⁸ Экземпляр «Лествицы», полученный Зайцевым на Святой Горе, сохранился в его библиотеке.

¹⁸⁹ Полуостров Халкидики разветвляется на три меньших полуострова – Касандра (или Паллини) на западе, Ситонья (или Лонгос) в середине и Агион Орос (Афон или Акти) на востоке.

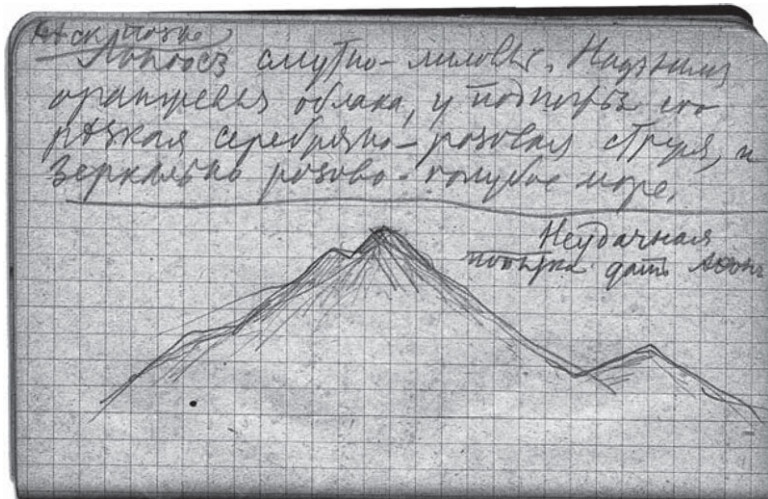
¹⁹⁰ В Афинах Зайцев жил у Ирины Григорьевны Бутниковой на улице Солому дом № 34. Весь квартал впоследствии разрушен, ныне сохранился только соседний дом № 36.

дочников. В Пирее чиновник не захотел было ставить мне выездн.[ую] визу, т. к. у меня не оказ.[алось] carte d'identite¹⁹¹ греческой! 4го истек месс.[яц], что я в Греции, > мес.[яца] надо брать carte, иначе может выйти скандал при отъезде. А я и понятия об этом не имел. // [49 об.] Какая безмерная тоска эти визы и полицейские!

29 мая, вечер. Chrysallis. Афон. Лимонные облака, лимонно-серебряная вода. Гора Афон под закатным светом, нежно-лиловая. (Записная книжка, л. 48).

¹⁹¹, с. 1278–1282. Из писем от 14, 16 и 21 мая 1927 г.).

Неудачная попытка дать Афон. (Записная книжка, л. 48 об.).

Еду в III классе. Училище смирения. На палубе хорошо. Взял себе лонгшез. Внизу же, вначале, когда вышел, показалось, что опять „контора Аванесова“¹⁹² или, вообще, тюрьма. Нары, семьи, дети, голые пятки греков, для усиления сходств. С тюрьмой – посреди „камеры“ огороженное жел. [езной] решетк.[ой.] место для вещей. Когда стоишь около этой решетки, то люди на противоп.[оложном] конце камеры

¹⁹² То есть тюрьма ВЧК на ул. Лубянка в Москве, прозванная так в честь Су-рена Мартиросяна (известного как Варлаам Аванесов, 1884–1930), члена Коллегии ВЧК (1919, 1920–1922) и второго заместителя начальника Особого отдела ВЧК (1919).

видны чрез решетку, за решеткой.

В начале места мне не было. А потом нашлось. Нары для двоих, но // [50] у меня, к счастью, не оказалось даже соседа ни справа, ни слева.

Вечером проходили мимо Пелопоннеса¹⁹³ и Дориды¹⁹⁴. К 10 ч. [асам] веч.[ера] Патрас¹⁹⁵ светился слева огнями, а потом пошло открытое – Ионическое – море. Бледный месяц, сквозь туман. Но ни Занте¹⁹⁶, ни Кефаллени¹⁹⁷ [sic!] я уже не видал.

¹⁹³ Пелопоннес – южный полуостров Балканского полуострова, соединяющийся в нем Коринфским перешейком.

¹⁹⁴ Дорида – небольшая гористая область в средней Греции, расположенная между Этой и Парнасом.

¹⁹⁵ Патра – город в Греции, столица Ахеи, крупнейший порт на Пелопоннесе, расположен на берегу Патрасского залива. Место мученичества св. Апостола Андрея.

¹⁹⁶ Занте – итальянское название о. Закинф из группы Ионических островов. Присоединен в 1864 г. к Королевству Греции.

¹⁹⁷ Кефалиния или Кефалония – крупнейший из группы Ионических островов.

5 июня, 8 1/2 з. утра. Татари
 II" при Тухом порог, кол-
 нерной, наезд из Удана
 Ша горюха шумт саа реж
 ным. 10 минут. Кр березы.

Врепа тегистини ген. Ефа
 се отоспане из У. Гр. та
 тапостоз, нес са дйрауке
 неаккыра тугеу охехол из
 монис Шелес. Угитрам са
 10 мин. У. Гр. перхурана,
 пырана опер. дугархунис.
 Вр Тупет мачохавк се са-
 хоттар. Шво еталубо мут
 хитсон. бун, Т. К. у мear
 не охас. кард д'идентити оу
 реам! 4-у иетевс мот
 2-е 2-и тегис, > мбс. тагот
 тапб caste, унаре мурет бас
 те скандис тун етотот. А 5
 н татот. об стам се м

Страница из записной книжки. 5 июня. (Записная книжка, л. 49).

Ночью: блохи, но умеренно В Греции я к ним уже привык, это точно. Есть ли, вообще, более грязная страна? Впрочем, чем далее на восток, тем сильнее, наверно.

Из заметок легких, увеселяющих этот невеселый путь: 1) Стайка дельфи- // [50 об.] нов, человек семь, жарили наперегонки с пароходом. Выскакивают из воды, делают дугу в воздухе, и вновь туда-же! Один отбился и пошел совсем у носа парохода. Стал уставать. Пароход совсем его настигает. Стою у борта и смотрю, что будет. В темносиней воде дельфин отлично виден, он идет на глубине одного, двух аршин – выскакивать боится, ибо рядом гудит наш гигант. И наконец – стрелой в воздух вбок, сразу шагов на двадцать, вовсе выходит из нашей области.

// [51] 2) Опять стою на носу. Опять вода цвета синьки. И вижу в ней рыжую черепаху – м.б. она и не так называется, но я ее понял черепахою. Расставляя короткие свои ножки, в этих морях ионийских тоже плывет куда-то. Чего она хочет? На что надеется? Ведь она в беспредельном мире, они для меня-то бескраен, но я надеюсь чрез два три дня быть уже дома, ну а она может быть дома в этих темно-синие-прозрачных водах?

Плывет она медленно (мы ее обгоняем мгновенно), но весело, точно она уже дома у себя. Тогда, зна[-] // [51 об.] чит,

она гораздо меня счастливее, ибо я здесь чужой, не весь мир мне дом, хотя должен бы быть им. И пожалеешь эту рыжую тварь, и позавидуешь ей. 3). Куропатка. Неизвестно откуда летит – неизвестно, куда. Полет ее царственный – как полагается. Но все-таки, здесь потише, чем когда поднимаешь ее из под собаки. (Устала!) Пробует сесть к нам на мачту, раз круг, два круг, но боится, и прелестным своим полетом, выставляя пестро-рыжеющее брюшко, уходит в nullite' // [52] воздуха, бесконечный простор морей.

// [53 об.] Записи ведены мною

Летом 1927 года на

Афоне.

Бор. Зайцев

15 апр. 1966.

Парижъ

«Святой Николай»

Салоники пришли на рассвете. Море грязно-зеленое, сильный ветер, окрестные холмы затянуты облаками. Лишь Олимп в бледном золоте снега, но и на него наползает туча.

Путаное, пестро-разорванное впечатление осталось от Салоник. Вот город не-цельный! Часть его недавно сгорела, заново возводятся кварталы, редкостные по безобразию. Кое-где обгоревшие стены, пустыри. Выше, по склонам холмов, полукружие старого, греко-турецкого города – сады, домики, удивительные храмы – все замкнуто древними стенами и средневековыми башнями.

В узеньких улочках здесь старомодные голубые дома с выступающими балконами, увитыми виноградом. В окнах цветущая герань.

Бегают рваные дети, нагруженный ослик стучит копытцами по неровной мостовой, грек идет рядом. Все очень цветисто, радует глаз, отдает пряностью и востоком. Можно целое утро бродить среди этих закоулков, тонущих в садах, натываясь на развалины храма византийского. Иногда этот храм еще держится круглой громадой, как «Агиос Георгиос», рядом с ним турецкий минарет. Или встретишь римские ворота, времен императорских, с грубоватыми барельефами. Тут же базар, пахнет остро и едко, мясники в красных фартуках возятся около жалко висящих, ободранных барашков

с вылупленными глазами – почему-то на каждом прикреплен флажок. В кофейнях вечные греки за чашечкой турецкой гущи, грязные и болтливые.

К завтраку надо спуститься вниз, к отелям, банкам, магазинам «балканского» неприятного города. В окно ресторана виднеется море, пенно-мыльно-зеленое, кое-где белеют по нем паруса, темнеют очертания пароходов, дым тянется тусклою кисеей, и вновь – далеким, туманно-снеговым золотом сияет Олимп, прав да, в нем нечто прохладно-нетленное, можно себе представить богов Эллады в некоем подморожении, как бы за кристальным стеклом, полуживых, питающихся не вполне земным нектаром и амброзией. Элизим есть в Олимпе! Ни жизнь, ни смерть, вроде золотого сна, или анабиоза.

* * *

У набережной разные суденышки, в большинстве рыбацкие. Вот двухмачтовая шхуна, на ней люди в подрясниках, черных камилавках. Присматриваюсь. Решаюсь спросить с берега рыжеватого монаха – весь он в волосах, лицо Силена, варит какую-то похлебку в котелке на своем корабле.

– Вы не с Афона?

– С Афона.

– Можно зайти к вам?

– Можно.

На берег перекинута доска, танцующая под ногой – над грязно-зеленой влагою моря. Вот и борт «Св. Николая», запах дров, смолы, канаты, свернутые кругами, огонек, как на плотях где-нибудь на Оке. Встретили с любопытством, но благожелательным. «Св. Николай» стоит на якоре, чуть-чуть покачивается. Средняя часть его занята дровами и шпалами, это привезено из тихих афонских лесов, пойдет грекам. «Наши» здесь уже с неделю, и торгуют для своего монастыря. Все это нарублено, напилено, свезено собственными, в большинстве старческими, руками, иногда под чтение молитв и псалмов.

Рыжий монах, очень крепкий, загорелый и волосатый, все варил свое варево из зеленого горошку, не то бобов, не то еще какой местной снеди. Два других – черный, красивый, с пре красными глазами и тихим голосом, и третий, старше, блондин с умным и приятным великорусским лицом – пригласили к себе в каюту. Мы прошли узким проходом вдоль борта, мимо каких-то ящиков и бочек на корму и спустились по лесенке в небольшую комнату под палубой. Прямо напротив двери иконостас. Лампадки теплятся, образ Николая Угодника. По бокам нары, посреди деревянный стол. Вот она, не туретчина, не восток греко-фракийский – Русь! Теплая и широкая, чинная, мягкая, столь давно в чистом виде не виданная...

– На Афон пробираетесь? – спросил красивый монах,

слегка задумчиво. — Что ж, посмотрите нашу жизнь. Чего это нами стали теперь интересоваться? Англичанин был, потом этот австриец... Ну, как там у вас? В Париже? Избаловалась, поди, молодежь?

По стенам висели афонские литографии, кажется, и портреты царей, великих князей. Кусок хлеба лежал на столе. В крохотные оконца видна зеленая зыбь, от нее световые зайки поколыхивались на бревенчатой перегородке. Мы разговаривали тихо, ни о чем особенном. Уютность и благообразие есть в монашеской манере говорить. Может быть, это отголосок всей ровной и не напрасной жизни, проникнутой трудом, молитвой, вообще, «зна чительным». Монахи бывают иногда словоохотливы, но очень редко болтливы.

— Что же, хорошо жить на Афоне?

Собеседник опустил свои черные глаза.

— Сами увидите. Жизнь, конечно, нелегкая, но зато покойная.

И он, и более пожилой, говорили таким тоном, и у них было такое внутреннее выражение, что, мол, не надо думать, будто Афон есть просто так, поэтически-приятное и красивое место для экскурсий. Это жизнь — очень серьезная, не забава, и для нее нужны особые характеры.

— Вот, сказал я, и Россия началась.

Монах улыбнулся.

— Да, вы так Россию увидите, настоящую, и даже очень прежнюю, древнюю...

В каюте было тепло, как-то обсижено, обжито и обмолено, пахло монашески-сладковатым. Очень казалось все живым и простым, человеческим и обожествленным. В сущности, на таком судне, под парусами, с этими спокойными и закаленными, но с оттенком грусти, людьми и плыть бы на Афон... Но они должны распродать еще в Салониках свой лес и оливковое масло, лишь тогда тронутся домой.

Попрощавшись, я вновь сошел на берег, теперь внимательнее и подробней рассмотрел шхуну. Темно-коричневая, вся точно пропитанная смолой, хорошо оснащенная, облик прочный и основательный. Приятно видеть, как резко она выделяется из ряда других, и еще приятнее, уже просто волнительно прочесть на корме: «Русского св. Пантелеймона монастыря» (полукругом), внутри: – «Св. Николай».

* * *

Мы выходили из Салоник, в направлении Афона, вечером. Хмурая заря как-то невесело гасла. Потянулся пестрый, уже слегка знакомый полукруг города, пристани, магазинов, отелей. Окрестные холмы и горы опять курились. Огни зажигались кое-где по склонам. С рыже-зеленеющей равнины на востоке потянуло пустыней, до человеческой древностью и одиночеством. Олимпа не видно уже было сзади.

Внимательно вглядываясь можно было рассмотреть у берега силуэт «Св. Николая». Моряки в камилавках зажгли

уже на мачте его огонь, напоминавший лампаду. Весь он стоял, как и тогда, стройно и прочно, темный, верный, надежный. Может быть в той каюте, перед образами, они вычитывают сейчас вечерню или повечерие. Мы покидаем Салоники. Уйдем в надвигающуюся с суровых склонов Фракии ночь, зажжем свои огни, и наш греческий капитан будет вести свою «Керкиру» по законам морской науки.

Афонские же мореходы тоже двинутся скоро домой, выждав погоду. Их странствие будет иное. Им плыть чуть не неделю. О, не легко плыть! Может быть, рыжий монах станет у руля, другие у парусов, свертывая их при опасении бури, вновь ставя, возясь с веревками, моя палубу, варя пищу... Днем будут идти вдоль берега, попадать под дожди, мокнуть от брызг, ночью идти по звездам, чередуясь на вахте.

Нелегкий путь. Но в каюте затеплятся у образов свечи, жизнь теплая, человеческая. С путниками Святитель. Он пошлет им попутного ветра. Отведет корабль от скал и рифов, не даст сесть на мель. И в ночном море скромной звездой будет сиять огонь на мачте «Св. Николая».

Письма Б. К. Зайцева жене Вере Алексеевне и дочери Наталии из Греции в Париж

1

10 ч.[асов] 40 м.[инут] веч.[ера]

Дорогие, съел кусок ветчины, пью пиво. Номер мне оставили – в 30 фр. – дороговато, но другим всем отказывали. Ехал хорошо, обычно. Но уж очень теперь обычен этот путь! Настроение ровное, тоски нет, но все же грустно. Все время с Вами. Сейчас Наташенька, наверное, спать уже легла, а братец читает «Слово»¹⁹⁸... впрочем, виноват, Вы нынче на Родольфо¹⁹⁹. Вот и ошибся. Все равно, эта же картина про-

¹⁹⁸ Ежедневная русская газета «Слово» выходила с 1925 г. в Риге под редакцией И. С. Лукаша и Н. Г. Бережанского. Б. К. Зайцев регулярно получал ее наряду с парижскими «Последними новостями».

¹⁹⁹ Монастырь Каракалл посвящен Святым апостолам Петру и Павлу. Занимает одиннадцатое место в Афонской иерархии. Расположен между Великой лаврой и монастырем Иверон высоко над морем. В монастыре собор XVI века, обители принадлежат еще семь храмов и часовен и восемнадцать келлий за границами монастыря. В библиотеке хранятся 279 рукописей и около двух с половиной тысяч книг. До Великой лавры около пяти часов пути, до монастыря Филофей около 45 минут.

изойдет через час.

Сейчас пойду, узнаю точно, когда завтра уходит пароход. С утра пойду куплю кое-какие мелочи, особенно же каскетку, это необходимо. Здесь, между прочим, вовсе не так уж тепло, т. ч. плед на море, наверно, пригодится.

Пойду лягу, еще раз мысленно Вас обниму и перекрещу. Господь храни Вас, ангелы мои.

Ваш Папа.

P. S. Да, узнал: завтра около трех!

**Б. К. Зайцев и В. А. Зайцева в окне своей квартиры
на 11, rue Claude Lorraine. 1928 (?) г.**

4 мая

1927

Афины

Дорогой мой дружок, сегодня отправил тебе телеграмму, был на телеграфе, который называется «Телеграфин», а я сам называюсь «грамматико'с» (писатель). Не удивляйся, что пишу на бланке «Inde'pendance Belge», я в дороге познакомился с ее сотрудником и одним из редакторов отдела (литературного), и мы так сдружились, что остановились вместе в отеле, вместе завтракали и обедали, и он даже дал мне эту бумагу, для ускорения дела. Очень милый человек, и оч.[ень] наш, сейчас он пишет «артикуль» в свою газету, где (как сказал мне за завтраком) «упоминает обо мне».

Дорогой друг, путешествие это довольно фантастическое, впечатлений много, но они все пестры и разорваны, такой цельности, как бывало, когда мы с тобой ездили по Италии, нет. Вообще, конечно, я могу только с тобой путешествовать, в одиночестве бывают моменты острой тоски, ощущение заброшенности в какой-то вовсе иной мир – непрерывно Последний день парохода, когда шли вдоль берегов Греции, был замечателен. Замечательна ночь, при проходе Коринфского канала, когда с земли совершенно потрясающе пахло цветами и медом. Афины, как город... об этом гово-

ритель нечего, это пустяк. Вечером был на Акрополе. От жары и усталости за день, оттого что в Пирее нас разбудили в 5 ч. Утра – разболелась голова, но Акрополь очень большое впечатление. В общем же, передай Пате²⁰⁰ и сама запомни, Афины и Флоренция – просто и разговаривать тут не о чем. Это несоизмеримые величины. Акрополь же – остаток совсем другого мира, никак не вошедшего в мир здешний: Греция как страна, после Италии, гола и суха, но имеет поразительную свою красоту, совсем особую. Погода нынче неважная, жарко, но серо, пыльно (безмерно! Как в Воронеже!), и краски страны, с Акрополя, какие-то рыжие, коричневые, кой-где только тронутые нежной зеленью. Горы пустынные.

Сегодня был у митрополита. Он дает мне письмо на Афон, и я тронусь как можно скорей. Получу письмо послезавтра. Митр. [ополит]²⁰¹ неплох, серьезен, принял меня хорошо. Послезавтра снесу ему книжку (о Сергии). Он говорит, что на Афон меня пустят беспрекословно. Пойду к нему с Груасом, который хочет его интервьюировать для «Inde'r.

²⁰⁰ Некоторые исследователи полагают, что эта башня сооружена была императором Каракаллой во II веке по Р. Х.

²⁰¹ Архиепископ Афинский Хризостом I (Пападопулос) (1923–1938) хорошо знал Россию, где учился в Киевской и Петроградской Духовных академиях. До занятия Афинской кафедры состоял профессором церковной истории Афинского университета. Его работы: «История Иерусалимской Церкви» (1910), «История Греческой Церкви» (Афины, 1920), «История Александрийской Церкви» (Александрия, 1935).

[endance] Belge»²⁰².

Без языка, все-таки, невесело. Но уже за сегодняшний день я сделал успехи в греческом, и дня чер.[ез] 2–3 необходимое буду уметь говорить. По-французски – практика огромная. Дорогие мои, братец и Тата, я вас очень и очень люблю, постоянно о вас думаю и молюсь за вас. Господь Вас храни. Посылаю открытки с дороги²⁰³.

²⁰² Архимандрит Мисаил (Михаил Григорьевич Сапегин, 1852–1940) – игумен Пантелеимонова монастыря. *Верин С.* Архимандрит Михаил, Игумен Русского Пантелеимоновского монастыря с 1905 г. на Афоне. (К 25-летию его игуменства) // Православный Русский Календарь на 1931-й год. Владимирова на Словенску, 1930. С. 66–69. 6 Иеромонах Пинуфрий (Полиевкт Иванович Ерофеев, 1866–1953) сопровождал Зайцева в странствиях по Святой Горе.

²⁰³ 31.01.1940 г. О. Мисаила сменил о. Иустин (в мире Иван Семенович Солломатин (1878–1958)), ювелир, сорок один год руководивший монастырской серебряной мастерской).

Б. К. Зайцев и Шарль Андре Груас в Афинах 7 мая 1927 г.

Папа

Н. В. Первый очерк для «П. [оследних] Н. [овостей]» почти кончил, это с дороги, вышлю на твое имя, почти. Кажется, довольно грустно и пронзительно. Пиши пока на Афины, *poste restante* (хотя это я получу лишь на обратн.[ом] проезде), на Афоне же – Его Высокопреподобию, Архим. Мисаилу, Пантелеймоновск. *Mont Athos, Grece* (для меня).

8 мая

1927

8²⁰⁴/2 ч.[асов] у.[тра]

Дорогие мои золотые душеньки, вчера впервые получил от Вас весточку, страшно был рад. Милый друг мой, как я узнаю вашу горячую и обильную душу, добрую и порывистую. Но не устраивайте только себе никаких терзаний – нет причин к тому. Молитесь обо мне – пишу, но и так знаю, что молитесь, все-таки это хорошо.

Я завтра выезжаю, наконец, на Афон. Предполагалось, что это будет во вторник, но греки передумали, и мы едем в Понед. [ельник] в 6 ч.[асов] веч. [ера], а в среду ранним утром уже в Пантелейм.[оновском] монастыре. Афины мне сейчас больше нравятся, чем по первому впечатлению – очень живой, веселый и необыкновенно] шумный город, с поздней ночной жизнью (в 11²⁰⁵/2 ч.[аса] веч. [ера])

²⁰⁴ Архиепископ Афинский Хризостом I (Пападопулос) (1923–1938) хорошо знал Россию, где учился в Киевской и Петроградской Духовных академиях. До занятия Афинской кафедры состоял профессором церковной истории Афинского университета. Его работы: «История Иерусалимской Церкви» (1910), «История Греческой Церкви» (Афины, 1920), «История Александрийской Церкви» (Александрия, 1935).

²⁰⁵ Архиепископ Афинский Хризостом I (Пападопулос) (1923–1938) хорошо знал Россию, где учился в Киевской и Петроградской Духовных академиях.

можно постричься, в 1 ч.[ас] – купить в киоске запонки). Все поздно здесь. Главная жизнь вечером, но жизнь состоит в том, что один старается продать другому (оба нищие) неск.[олько] фисташек, лотерейный билет и т. п. Бедность большая – после Парижа разительная. Иностранцы в особом почете. Первый раз за границей я чувствую себя гран-сеньёром. В отелях, ресторанах, кафе, на улицах на нас смотрят с благоговейным «ужасом».

Сейчас мы с Груасом ходили в Национальный] Муз. [ей]²⁰⁶, – он оказался заперт, в 11 ч.[асов] у.[тра] я иду на концерт, дирижирует Бутников²⁰⁷, муж той дамы, к кому у меня письмо от Ж-ос. Я был у нее. Она очень мила и мно-

До занятия Афинской кафедры состоял профессором церковной истории Афинского университета. Его работы: «История Иерусалимской Церкви» (1910), «История Греческой Церкви» (Афины, 1920), «История Александрийской Церкви» (Александрия, 1935).

²⁰⁶ То есть в старом Кафедральном соборе на площади Митрополеос – византийском храме XII в., посвященном иконе Богородицы Скоропослушница и св. Елевферию. В годы турецкого правления являлся местом пребывания епископа Афин.

²⁰⁷ Монастырь Ксенофонт расположен в юго-западной части Св. Горы, между монастырями Святого Пантелеимона и Дохиаром. Посвящен Святому Ге оргию Победоносцу. Согласно преданию основан в X веке св. Ксенофонтом. В 1784 году первым из обителей Св. Горы перешел от идиоритмической к киновиальной жизни. Собор Св. Георгия построен в 1809–1819 гг. и является самым большим на Афоне. На территории обители расположены 11 параклисов. В библиотеке сохраняется 600 рукописей и до 7000 книг. Пути от Ксенофонта до Дохиара около получаса, а до Свято-Пантелеимоновского монастыря около полутора часов.

го мне помогла. По вечерам мы ужинаем в «Стрельне»²⁰⁸, в компании русск.[их] музыкантов. (Но не ее мужа, тут целая история, расскажу дома). Вчера мы с ней купили мне отличную белую шляпу для Афона, брали билеты, и т. п. Вообще я здесь не чувствую уже себя таким отброшенным, как первые дни на пароходе. Вчера с Груасом полдня просидели на Акрополе – это место, действительно], «мировое». И Музей его поразителен (главн.[ым] обр.[азом], архаические скульптуры)²⁰⁹.

К сожалению, билет назад (в Марсель) будет стоить уже дороже – греки подняли цену в виду сезона. Это обидно, ибо, конечно, денег в обрез. (Будет 1–1/2 фунта англ.[ийских] лишних, т. е. 150–200 франков). Ну, да ничего. Ком.[ната] у меня хорошая, плачу 60 драхм (=20 фр.[анков]), обед и ужин по 40–50 др.[ахм], но денег все же идет много, ибо все время в движении!

Митрополит здешний дал мне на Афон «грамоту» ко всем тамошним властям, чтобы мне жить месяц и чтобы оказывали всяческую поддержку.

На пароходе писал, а здесь положительно некогда, завтра

²⁰⁸ То есть через пролив Бонифачо, длиною 19 км, отделяющий Корсику от Сардинии и соединяющий Тирренское море с востока и Средиземное море с запада.

²⁰⁹ Первый музей Акрополя был сооружен в 1874 году. После того как в результате раскопок было обнаружено значительно больше предметов, чем мог вместить первоначальный музей было начато строительство нового здания, открытого в 2009 г.

и послезавтра dokonчу на пароходе начатое и пришлю уже с Афона. Адр.[ес] теперь будет такой:

Mont – Athos, *Grece*

Его Высокопреподобию Архимандриту Русск.[ого] Пантелеймоновск.[ого] монастыря Мисаилу (для меня).

Милая Тусенька, целую Вас нежно, часто вспоминаю, и всегда вспоминаю, когда вижу афинскую девочку с косичками, а тут много девочек так ходят, но ни у кого не видал таких хороших кос, как у тебя.

Братец²¹⁰, дорогой, Христос с тобой.

С Груасом сдружились. Он такой же растяпа как и я, рассеянный и мало практичный. Снимок наш будет в Ind'ependance Belge²¹¹. Обо мне он уже написал²¹². Ходит

²¹⁰ Зайцев часто называл так свою супругу Веру Алексеевну

²¹¹ Снимок Б. К. Зайцева с Ш.-А. Груасом на фоне построек Акрополя появился в газете 3 июня 1927 г., почему-то в тексте интервью, данного Груасу министром иностранных дел Греческой республики М. Михалакопулосом и вне какой-либо связи с этим текстом. Подпись под снимком: «„L'Inde'pendance Belge“ в Греции. Наш специальный корреспондент г. Шарль-Андре Груас (справа), у подножия Акрополя и лестницы, которая ведет к Пропилеям в обществе русского романиста г. Бориса Зайцева» (См.: Grouas Ch.-A. La Politique exte'rieure de la Gre`ce. Ce que nous dit M. Michalacopoulos Ministre des Affaires Etrang`eres. // «L'Inde'pendance Belge». № 154, vendredi 3 juin 1927, p. 1). Это другой вариант фотографии (Груас и Зайцев стоят, оба в шляпах), помещенной с ошибочной подписью (Ш.-А. Груас назван здесь художни ком Д. Стеллециком) в книге *Зайцева-Соллогуб Н. Б. Я вспоминаю*. М., 1998, с. 96.

²¹² Это «писание» Ш.-А. Груаса о Зайцеве ограничилось упоминанием фамилии последнего («Un e'crivain russe, M. Boris Zaitsev») при перечислении спут-

за мной по пятам – очень мил и восторжен. (Напомнил мне Донзеля²¹³ в «прежнем» виде! Как сильно напомнил!)

ников по плаванию на пароходе «Патрис II» из Марселя в Пирей 30 апреля – 4 мая 1927 г. См.: *Grouas Ch.-A. Sur la magie de la mer bleue (De notre envoye special) // L'Inde'pendance Belge. Jeudi 12 mai 1927, p. 1.*

²¹³ Донзель Морис (Maurice Donzel, 1885–1937) – второй муж сестры Бориса Конс тантиновича – Надежды Константиновны Зайцевой (по первому браку – Буй невич, с которой он познакомился в Калуге, куда приехал из Франции и слу жил учителем французского языка. Печатался под псевдонимом Parijanine, пере- водчик. Обладал тяжелым физическим недостатком – одна его нога была почти на двадцать сантиметров короче другой. Был в тесном контакте с комму нистиче- ской партией Франции, много переводил Л. Троцкого. Под псевдонимом Maurice Dumarais перевел роман Б. Зайцева «Золотой узор» («La guirlande dore'e»). Paris, 1933). Памяти его посвящен сборник статей с двумя его портретами: A Mau rice Parijanine (1885–1937). Les Humbles (Cahiers №№ 8 `a 12, Aout-December 1939), Paris. 64 p.

*Салоники,
11 мая 1927.*

6 ч.[асов] утра.

Дорогие мои любимые, только что вошли в салоникийский порт, пароход будет стоять целый день! – я сойду и опущу это письмо. Едем страшно медленно. Из Афин в понедельник (9-го) вечером, на

Борис Константинович Зайцев. Мюнхен. 1956 г.

Афоне буду только завтра на рассвете! Еду пока что хорошо, но все неожиданности: от Пирея до Марселя увеличили цену на билеты, здесь пароход целые лишние сутки в пути, за билет взяли в Афинах как бы с продовольствием, а приходится, видимо (другие, сошедшие в С.[алониках], платили) – тоже платить, хоть и не так много, а все же. Не так легко с языком, хотя я знаю теперь несколько слов греческих: рыба – пс'ари, жаркое – пси'то, и т. п. Этот пароход премерзкий, грязь чисто греческая. Уборная... ну лучше уж не говорить. Есть и клопы, разумеется, но в ограниченном количестве.

Душки мои, я чувствую себя ужасно отдаленным от Вас, ведь последнее письмо было еще от 2-го мая, а уезжая из Афин, в посл. [едний] день, ничего на почте не получил. Но понимаю, конечно, что иначе быть и не может. А теперь, на Афоне, еще разобщеннее. Но завтра, наконец, я его увижу. Везде, где пароход подходит близко к берегу, греческая земля благоухает. В общем путешествие не очень легкое. Погода средняя. Для Греции в мае полагалось бы получше. Вчера ночью вышел на палубу – море пустынное, стои'т луна, под ней туча, и золотисто-серебряная до рога от луны к нашему кораблю. И другой в море корабль – весь светящийся огнями. Очень красиво было, но сумрачно как-то. Первый очерк для «П.[оследних] Н.[овостей]» почти кончил, вышло с Афона тотчас – он довольно грустный получился.

Да, дорогой брат, во избежание очень возможных недо-

разумений, покажи это письмо Демидову²¹⁴ или Алданову²¹⁵, пусть мне переведут немедленно еще 300–400 фр.[анков] в Афины, по адресу: Madame Ir`ene Boutnikoff, 34, rue Solomou, Athe`nes (улица наз.[ывается] «Солому'», если напис.[ать] по-русски). Уезжая, я предупредил ее, что такой оборот возможен. Она человек верный и надежный, т. ч. все правильно. Сейчас у меня денег в обрез, я боюсь, что в Афинах сяду на корабль слишком «налегке», ибо точно ведь не знаю и условий афонской жизни! Везде оказывается дороже, чем говорят, и чем предполагал. Вчера вечером стоял один на палубе и помолился, о всех Вас, дорогих и единственно любимых, ветром мне дуло в лицо легким и влажным, странное и величественное впечатление, вот уж, действительно, наедине с Богом.

Ну, Господь Вас храни, мои дорогие. Сейчас сойду с парохода, поброжу по Салоникам. Очень благодари Мишу²¹⁶ за перо: оно неоценимо для меня. Целую всех Вас, мои радости. Буду ждать писем на Афоне, из Афона заказал переслать, но исполнят ли греки? Такой народ...

²¹⁴ Несмотря на просьбу, высказанную в письме, И. П. Демидов отказал В. А. Зайцевой в авансе, что, по-видимому, послужило решающим поводом к уходу Б. Зайцева из газеты после его возвращения из Греции.

²¹⁵ Марк Ландау (Алданов, 1886–1957) – прозаик и публицист, сотрудник «Последних Новостей». Автор исторических романов. Давний знакомый и корреспондент Зайцева, именовавшего Алданова «Марко богатый».

²¹⁶ Писатель Михаил Андреевич Осоргин (Ильин, 1878–1942) – друг семьи Зайцевых.

Обнимаю. Б.

Худож. Агостокъ Тима

Пристань на Аѳонѣ

АѲОНСКІЕ ДНИ

(Изъ замѣтокъ)

14 мая 1927 г.

Третью сутки на Аѳонѣ, — кажется, прошелъ уже мѣсяць, какъ я въ бурю высидѣлся утромъ 12-го числа въ маленькой гавани Дафни, на землѣ Аѳонской — столько впечатлѣній, ни на что непохожих!

12-го на разсвѣтѣ взошелъ на палубу парохода „Керкира“ (Корцира, по-русски), чтобы взглянуть на приближающійся Аѳонъ. Я вдругъ увидѣлъ гору, едва выступающую въ легкомъ туманѣ — такой грандіозной силы и величины и такую островерхую, что въ первый моментъ показалось, не облако ли это. Но въ слѣдующій — меня обдало брызгами. Я оберся и продолжалъ смотрѣть, въ восторгѣ. Качка усиливалась. Нигдѣ такъ не качало, какъ вблизи Аѳона! Изъ-за горы вѣтеръ дулъ во всю силу, стало такъ обдавать водой, что пришлось спуститься въ каюту. Но впечатлѣніе этой горы незабываемо.

Въ гавани Дафни меня встрѣтилъ монахъ о. Петръ. Худой, высокой, со свѣтлыми глазами, лицомъ въ морщинахъ, съ русской бородой и удивительной доброты взглядомъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ вести меня прямо въ монастырь — предварительнаго надо побывать въ Кареѣ, административномъ центрѣ Аѳона, и получить отъ греческаго управления паспортъ.

— Святое имя ваше? — спросилъ онъ ласково. — А, Борисъ, хорошо, Борисъ, — какъ будто дѣйствительно что-то особенно хорошее есть въ томъ, что я Борисъ.

Между прочимъ, когда онъ подѣзжалъ на своей лодкѣ, потомъ, придерживая полы кафтана, ловко и быстро бросалъ якорь съ кормы — что-то отъ Петра апостола даже въ немъ можно было почувствовать. Онъ мнѣ устроилъ мула.

Ничего, и митрополиту Антонію пришлось на такомъ мулѣ путешествовать. Путешествіе удивительное. Вѣтеръ все сильнѣй задувалъ, мулъ мирно шелъ по каменистой тропинкѣ, вслѣдъ за другимъ, на которомъ была чья-то поклажа (мои вещи о. Петръ взялъ съ собою въ лодку). Дикія горы, лѣса, кедры, буря, желтые дроки, свѣшивающіеся къ самой дорогѣ. Вотъ когда я оцѣнилъ пладѣ! Вспомнилъ и о перчаткахъ (руки стали коченѣть), напялялъ ихъ кое-какъ и „предался волѣ Божіей“.

... Часа черезъ два съ половиной мы были въ Кареѣ — единственномъ въ мірѣ городкѣ, гдѣ нѣтъ ни единой женщины, въ лавкахъ выставлены товары, и нѣтъ ни продавцовъ, ни покупателей и т. д. Тамъ я остановился въ „русс. кунакъ“, т. е. подворьѣ нашего монастыря. Приѣхали во-время. Начался проливной дождь. У меня были цѣлѣе „аппаратменты“. Пришлось ходить за документами — все это фантастика! Меня принималъ греческій „протать“, т. е. парламентъ монастырей. „Прозость“ (предсѣдатель) черезъ переводчика привѣтствовалъ меня, два сардара въ юбкахъ подносили кофе и отдѣльно варенье, которое я не умѣлъ даже взять. (Не зналъ куда положить). Ночевалъ въ Андреевскомъ скиту (это чудный монастырь, съ огромнымъ соборомъ, гостиницей и пр.). Въ 12 час. ночи былъ въ соборѣ на службѣ. Стоялъ въ монашеской стасиди, — такое кресло съ ручками, на которыя опираешься стоя, а если усталъ, то можно и сѣсть. Соборъ былъ почти во мракѣ, я выстоялъ до 4-хъ часовъ, но еще литургія и е началась. Больше не хватило силъ. Выспался, всталъ въ 8 час., весь день и утро осматривалъ монастырь, видѣлъ сотни монашескихъ череповъ (и четыре черепа игуменовъ, въ

Б. К. Зайцев. Афонские дни. (Из заметок). Перезвоны, Рига. № 40, 1928 г.

**Борис Константинович Зайцев в своей комнате
на 5, avenue des Chalets**

Р. S. Греки оч.[ень] любезны и приятны в обращении
очень бедны и жалки. У них тоже масса несчастий, полны
бараки бежен.[цев] из Малой Азии, и т. п.

Монастырь св. Пантелеймона

на Афоне

14 мая

1927

Дорогие мои и единственные, сегодня третьи сутки, что я на Афоне – мне кажется, что пошел уже месяц как я в бурю высадился утром 12-го числа в мал.[енькой] гавани Дафни, на земле Афонской – столько впечатлений, ни на что непохожих!

12-го на рассвете, я взошел на палубу парохода «Ке'ркира» (Корци'ра²¹⁷, по-русски), чтобы взглянуть на приближающийся Афон. Братец, Татуша, я вдруг увидел гору, едва выступавшую в легком тумане – такой грандиозной силы и величины, и такую островерхую, что в первый момент мне показалось, не облако ли это. Но в следующий – меня обдало брызгами. Я обтерся и продолжал смотреть, в восторге. Качка усиливалась. Нигде так не качало, как вблизи Афона! Из-за горы ветер дул во всю силу, стало так обдавать водой, что пришлось спуститься в каюту. Но впечатление этой горы незабываемо. – В гавани Дафни меня встретил монах о. Петр. Худой, высокий, со светлыми глазами,

²¹⁷ Керкира – греческое название самого северного из Ионических островов, по-русски чаще именуемого Корфу.

лицом в морщинах, с русской бородой и удивительной доброты взглядом. К сожалению, он не мог взять меня прямо в монастырь – предварит.[ельно] надо побывать в Карее, админ.[истративном] центре Афона, и получить от греч.[еского] управл.[ения] паспорт.

– Святое имя ваше? – спросил он ласково.

– А, Борис, хорошо, Борис, – как будто действительно что-то особенно хорошее есть в том, что я Борис.

Между прочим, когда он подъезжал на своей лодке, по том, придерживая полы кафтана, ловко и быстро бросал якорь с кормы – что-то от Петра Апостола даже в нем можно было почувствовать.

Он мне устроил мула. – Ничего, и митрополиту Антонию пришлось на таком муле путешествовать. Путешествие удивительное. Ветер все сильнее заду вал, мул мирно шел по каменистой тропинке, вслед за другим, на кот. [ором] была чья-то поклажа (мои вещи о. Петр взял с собою в лодку). Дикае горы, леса, кедры, буря, желтые дроки, свешивающиеся к самой дороге. Вот когда я оценил плед! Вспомнил и о твоих милых перчаточках, друг, (руки стали коченеть), напялил их кое-как, и «предался воле Божией».

(Я сделал выписку из дневника. Он так подробен и длинен, что прерываю²¹⁸)... Часа через 2¹/₂ мы были в Карее, единств.[енном] в мире городке, где нет ни единой женщи-

²¹⁸ То есть из первой афонской записной книжки, публикуемой полностью в настоящем томе.

ны, в лавках выставлены товары, и нет ни продавцов, ни покупателей и т. д. Там я остановился в «русск.[ом] кунаке», т. е. подворье нашего монастыря. Приехали вовремя. Начался проливной дождь. У меня были целые апартаменты [sic!]. Пришлось ходить за документами – все это фантастика. Меня принимал греческий «протат», т. е. парламент монастырей, «проэстис» (председатель) через переводчика приветств.[овал] меня, два сардара в юбках подносили кофе и отдельно варенье, которое я не умел даже взять! Не знал куда положить! – Ночевал в Андре евском скиту (это чудный монастырь, с огромным Собо ром, гостиницей и пр.). В 12 ч.[асов] ночи был в Соборе на службе, стоял в монашеском «кресле» или не знаю, как назвать, такая клетка с ручками, на которые опираешься, стоя, а если устал, то можно и сесть. Собор был почти во мраке, я выстоял до 4-х часов, но еще литургия не началась. Больше не хватило сил. Выспался, встал в 8 ч.[асов], весь день и утро осматр.[ивал] монастырь, видел сотни монашеских черепов (и четыре черепа игуменов, в отдельн.[ом] больш.[ом] шкафу) – вообще описать всего не могу. 12 и 13 мая – из самых замечательных дней моей жизни, из самых «необыкновенных»!

Б. К. Зайцев и В. А. Зайцева на Сергиевском Подворье. Париж. (Фрагмент групповой фотографии)

Вышел с монахом из Андреевск.[ого] скита и через три часа дошел сюда, до Пантелейм.[оновского] монастыря, откуда и пишу. Монахи везде оч.[ень] добрые и ласковые. Тут мон.[астырь] уже прямо грандиозный. Мне отвели чудную комнату с розами, балконом на море, увитым виноградом, тишина, роскошь... Я великолепно выспался, но вчера все же был на «повечерии», это коротк.[ая] служба, акафист Божией Матери. Опять стоял в «кресле». Познакомился с ар-

химандритом Кириком (это исповед ник всего мон.[астыря]), он сказал, что хорошо мне поговеть. В понедельн.[ик] буду у него исповедов.[аться], во вторн.[ик] – причащаться. Нынче утр.[ом] пришел ко мне библиотекарь, о. Иосиф, водил меня в библиотеку, я принес домой грудку книг. Все здесь необычайно! Время *не* наше! Когда солнце заходит, то часы ставят на 12, т. ч. «гостинничник» мой, о. Иоасаф, подал мне сегодня обед в 8 ч.[асов] утра (по их времени). Нынче пойду веч.[ером] на службу. Чувствую себя хорошо, очень возбужденно и сов сем по-особенному. В сущности, настоящее, т. е. необык новенное, только сейчас началось. Одно очень грустно: нет никаких вестей от Вас после Афин, послед.[нее] твое письмо от 2-го мая! В письме из Салоник я писал тебе, что надо выслать франк. [ов] 300–400 на имя Madame Ire`ne Boutnikoff, 34, rue Solomou, Athe`nes – это необходимо! Прости, друг, я знаю, что и тебе нелегко, но иначе не обернусь – здесь все-таки постоянно приходится раздавать деньги, платить за мулов, наним.[ать] лодку (на днях еду в поездку на неделю, по греч.[еским] мон.[астырям], с проводником-мона хом – это большая честь, редко кому дают монаха на не делю, но придется, конечно, платить). Дорогие мои, если бы Вы были тут. Но это невозможно. Уже третий день я не вижу ни одного женского лица. Передай дорогому Пате, что везде в монастырях висит портрет Фомы Уйтмора. – Бесконечно Вас обнимаю и целую. В Андреевском скиту с нынешн.[его] дня начинают за Вас молиться.

Б.

Р. S. Сейчас иду прогуляться к морю. Погода средняя. Целую, люблю Вас.

14-го, суббота, веч.[ером]. Сейчас иду на «бдение». Оно будет продолжаться всю ночь. Я простою часа два, потом меня разбудят к Литургии в 7 ч.[асов] утра.

Понедельник

16 мая

Мон.[астырь] Св. Пантелеймона

7 ч.[асов] 50 м.[инут] утра.

Дорогой друг мой, только что встал. Спал, вдруг твой голос так явственно сказал сквозь сон: «Борюшка, пора вставать». Я вскочил, и правда, оказалось, пора: мы условились с моим «гостинником», или как здесь называют, «фондаричным» (от греч.[еского] слова), что в 8 ч.[асов] он принесет мне чаю. Меня страшно тронуло и обрадовало, что слышу твой голос. В действительности-то я его не слышал, как и Тагушеньки моей бесценной, уже более двух недель! (Да и пишем жду – терпеливо, знаю, что дело не в Вас, Вы-то пишете, но пароходы здесь не так часты, раз в неделю, в среднем. Ждем во вторник, т. е. завтра). – Продолжаю – и действительно, о. Иоасаф принес мне чер.[ез] десять минут, как ты меня позвала, чаю.

Я сегодня исповедуюсь у о. Кирика архимандрита, духовника всей братии. Ночь сегодняшнюю провел так: в 1 ч.[ас] ночи у заутрени в большой церкви св. Митрофания, до 4-х час.[ов] утра (в начале служения в окна светила луна, и если приподняться в стоялище на цыпочки, то видно серебряное море; а потом стало светло – как раз к концу утрени, когда

служивший ее, библиотекарь иеромонах о. Иосиф произнес:
«Слава Тебе, показавшему нам свет!»)

В. Б. Ельяшевич с дочерью Ириной (справа) и Наташей Зайцевой (слева). Thoronet, 1926 г.

Потом (когда приложились к иконам и ковчезцам), по-дошел ко мне мой о. Иоасаф – он вообще ходит за мной, как за малым дитятей – и повел еще полутемными, бесконечными монастырскими корридорами в т.[ак] н.[азываемый] «параклис», т. е. малую, как бы «домовую» церковь, где служил литургию мой архимандрит Кирик, старичок с бровями как у покой.[ного] о. Крониды²¹⁹, с белой, легкой и обильнейшей бородой и черными, когда-то красивыми глазами – правый иногда оч.[ень] смешно подмигивает. Эту литургию я прослушал, и в нек. [оторых] местах сон так меня одолевал, что я боялся прислониться, чтобы не заснуть стоя. Кончили в шесть часов. Вообще здесь другая мера службам: такая ночь, какую я провел впервые в жизни, здесь есть каждая ночь монаха. В больш.[ой] церкви также была после утрени литургия, и все присутствуют. Кроме того две дневные службы (короткие), работа физическая и т. н. «келейное послушание», т. е. чтение молитв у себя в келии, причем простой монах кладет 500–600 поклонов, а схимонах – 1200 в день (чер.[ез] каждые 10 по ясных 11-й земной). Вот жизнь. Но они имеют очень усталый вид.

Вчера было воскр.[есенье], и я отстоял позднюю литургию (нач. [алась] в 7 ч.[асов] утра), они *до* нее отстояли с 12-

²¹⁹ Герой раннего рассказа Зайцева «Священник Кронид».

ти ночи до 5 утра утреню и раннюю литургию! Затем меня пригласили на общую трапезу в громадн.[ый] зал. Приказано было посадить меня на место наместника, рядом с тронем игумена, но я решительно отказался, это стесняет (должен тебе вообще сказать, что принимают они меня здесь очень, очень... как «особу», что ли. Обедать подают в отдельн.[ую] комнату, стол исключительный – я видел, что они сами едят на трапезе, и притом в воскресный день!) За трапезой все время чтец читал с высоченной кафедры, украшенной золотым летящим орлом, направл.[енным] в залу. Игум.[ен] был в лиловой мантии с золотыми отворотами на груди и посохом с зол.[отой] рукояткой. Когда кончили, то раздавали кусочки освящ.[енного] хлеба, и его тут же окуривали кадильном т.[ак] ч.[то] он имел запах ладана – его запивали святой водой. Все это устроено очень торжественно и красиво. Поет хор, игумен благословляет, монахов масса – большинство старики.

Но самое замечательное, что я вообще видел пока на Афоне, была служба от 4–6-и веч.[ера] в тот же день – «Акафист Богоматери». Надо тебе сказать, что Богоматерь – покровительница Афона, это единственная Женщина, присутствующая здесь постоянно. Главная, заключительная часть службы состояла в том, что игумен и два иеромонаха, в белых праздничных ризах, по очереди читали на солее акафист Пречистой, Образ Которой в это время медленно, на особых невидных роликах, спускался со своего места над Царскими

Вратами – к нам, вниз. Это образ особенный. Он написан как бы на золотом «плате» вот такой формы [здесь – рисунок – А. К.] ниже его тончайшей работы кружево, и он спускается тоже на ткани. Так что выходит, что Пресв.[ятая] Дева как бы Сама является молящимся. Впечатление исключительно! Все прикладываются, хор поет, необычайное воодушевление и удивительная красота.

Вот такова, приблизит.[ельно], моя жизнь. Чувствую себя хорошо, но бывает и грустно, и одиноко. Вообще же надо сказать, что эта поездка совсем особенная, она как-то не «для удовольствия», но дает и еще даст оч.[ень] много. Не знаю, как буду писать книжку, это еще неясно, и тоже несколько тревожит. То, что читаю здесь, из библиотеки, очень мало приносит – это все штампы, хотя писано иногда прекрасными людьми. Афон оч.[ень] большая тема, и неразрывная с аскетикой, вообще с глубиной религии, молитвой, созерцанием, а я в этой области чувствую себя щенком. Погода, кажется, устанавливается. Поговев, еду в большое путешествие по греч.[еским] монастырям, б.[ыть] м.[ожет] подымусь и на «шпиль» (вершину), как они здесь говорят, но это будет зависеть от раз.[ных] причин, и от погоды в том числе. О «Клод Лоррен» вспоминаю с необыч.[айной] нежностью – кажется так далеко, и как будто уж год тут прожил. Вчера видел опять Сахарова (о. Софрония) – он необыкновенный вид имеет, молодого святителя (странным образом, гла-

за и улыбка очень мне напомнили... Эренбурга²²⁰! – кажется мало подходящ. [ее] имя). Но представилось: вот, у этого мол.[одого] чел.[овека] есть, м.[ожет] б.[ыть], мать, сестра, невеста – и они его никогда больше не увидят. Нет, Афон не шутка. Тут: или – или. Итак, мне оч.[ень] хочется досмотреть здесь по возм.[ожности] больше, и иногда очень хочется просто домой, к Вам. Этот мир замечательный, мне все же неблизок. Целую без конца. Привет всем.

Среди м.[онахов] много прелестных, оч.[ень] кротк.[их] и добрых.

²²⁰ Илья Григорьевич Эренбург (1891–1967) в 1921–1924 годах жил в Берлине, где часто встречался с Зайцевыми.

Б. К. Зайцев и Ш.-А. Груас на Акрополе (Фото из газеты «L'Inde'pendance Belge» от 3 июня 1927 г.)

Понедельн[ик]

16 мая

9 ч. веч.

Дорогие, сейчас ложусь спать. В 1 ч.[ас] меня разбудят к заутрени и литургии (до 6-и час.[ов] утра). Сегодня днем я исповедовался у архим. [андрита] Кирика, он меня совсем очаровал своей добротой и простотой. Он мне сказал, между прочим, что видит меня в перв.[ый] раз, а в духе любит у же меня, как сына. Будет писать тебе, и вообще он очень большое значение тебе придает в моей жизни – и тоже, ведь, в глаза не видал!

После литургии выезжаю в путешествие по Афону – мне дают лодку и ученого монаха, бывшего антипросопа (представителя в греч.[еском] киноте), знающего по-гречески. Нынче погода чудная. Если завтра и послез.[автра] будет так же, мы подыдемся на «шпиль», где стои'т церковь Богородицы, господствующая над всем Афоном. Увидим отшельников, посетим греч.[ескую] Лавру и знаменитый монастырь Ватопед. Дней через 5–6 вернемся в Пантелейм[оновский] монастырь, где я проведу еще неск.[олько] дней до парохода.

Итак, еще раз обнимаю и без конца целую моих дорогих. Арх. [имандрит] Кирик будет также за Вас молиться.

Папа

Р. S. Нынче мне кажется, что, м.[ожет] б.[ыть], с Божьей помощью, я и сумею написать об Афоне.

17 м.[ая] 5 ч.[асов] 30 м.[инут] утра.

Душеньки. Только что причащался. О. Кирик пришлет тебе свою фотографию²²¹. Сейчас едем с о. Пинуфрием в лодке на Карулю и в Лавру.

²²¹ Нам не пришлось видеть этой фотографии среди документов парижского архива Б. К. Зайцева.

Суббота,

21

мая

Дорогие мои, только что вернулся из пятидневного путешествия по Афону – поездки во всех отношениях великолепной и редкостной, сегодня мне подали, наконец, 5 Ваших писем сразу, а то у меня не было никаких вестей две недели! Друже, ты пишешь: телеграфируй с Афона, это легко сказать, здесь нельзя отправить письма заказным, а о телеграфе и не слыхали. Уезжая, отправил Вам большое письмо, но, вообще, отсюда чаще раза в неделю почты нет. Я немного не понял, что ты пишешь, брат, о моих афинских друзьях, будто *бы* едущих со мной на Афон? Никто и не собирался! Ты что-то не так поняла, что ли. Никак нельзя и того понять, как я на обратн.[ом] пути буду в Афинах столько, как ты пишешь: пароход, на кот.[орый] у меня записан билет, отходит 4-го июня, я должен быть в А.[финах] 1–2-го самое позднее, чтобы не потерять билета. Но и вообще я смогу выехать из Афин лишь в том случае, если ты пришлешь мне на имя г-жи I. Boutnikoff, 34 Rue Solomou, Ath`enes, Grece франков 300–400. Жизнь на Афоне сравнит. [ельно] оч.[ень] дешева, все же приходится платить за лодки, мулов, давать на чай в греч.[еских] мон.[астырях] – путешествие мне стоило зна-

чит.[ельно] больше, чем я ожидал (о «Н.[овой] Ниве»²²² я написал уже тебе письмо, приложил)²²³.

Трапеза в монастыре Иверон

Вот начало путешествия: 7 ч.[асов] утра, я предш.[ествующую] ночь говел и не спал вовсе, ни одной минуты, но чувствую себя отлично. Садимся в лодку. Погода райская, вода

²²² В № 9 парижского журнала «Новая нива» за 1927 г. был опубликован рассказ Зайцева «Климка». Возможно речь идет об этой публикации. В № 9 того же журнала за 1929 г. помещено интервью с Б. К. Зайцевым.

²²³ Среди документов парижского архива Б. К. Зайцева этого письма нам видеть не пришлось.

зеркальной голубизны, на руле о. Василий (Кривошеин)²²⁴, с ним немец, дальше я и мой провожатый о. Пинуфрий (чуждый человек, я искренно его полюбил за эти 5 дней). Лодка трогается, о. Пинуфрий поет «Христос Воскресе», я подтягиваю. Залив наш в этот час оч.[ень] напоминает Генисаретское озеро, и о. Василий, с нежн.[ыми] кудрями волос, раздвоенной слегка бородой, кроткостью и внутренним светом, тоже возводит к евангельскому рассказу. Здесь скрывался в уединении Патриарх, под видом простого рабочего (искал смирения). Когда однажды нес вязанку хворосту в монастырь, колокола сами зазвонили, его узнали. Таков воздух этого путешествия. Заезжали в Григориат²²⁵ (тоже мона-

²²⁴ О. Василий (Всеволод Александрович Кривошеин, 1900–1985) – впоследствии архиепископ Брюссельский и Бельгийский в юрисдикции Московской патриархии, ученый богослов и церковный писатель. Сын главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина. Воевал в Добровольческой армии, после обморожения вывезен в Каир, после переехал в Париж. В 1925 г. отправился на Афон, остался там послушником в Пантелеимоновском монастыре, занялся изучением святоотеческого наследия. Пострижен в рясофор в марте 1926 г., в мантию в марте 1927 г. В 1929–1942 гг. заведовал канцелярией монастыря, в 1942–1945 гг. был представителем монастыря в Афонском Киноте. Лишен греческого гражданства и выслан с Афона в 1947 г. за сотрудничество с германскими представителями, работавшими на Афоне во время Второй мировой войны. Автор многих научных публикаций по патристике и монографии «Преподобный Симеон Новый Богослов». Париж, УМСА-Press, 1980.

²²⁵ Монастырь Григориат расположен в юго-западной части полуострова. Основан в XIV св. Григорием Синаитом. Первоначально был посвящен св. Николаю Мирликийскому, затем получил наименование в честь своего основателя. В 1500 г. реставрирован и до начала XIX века пользовался покровительством правителей дунайских княжеств. Собор, сооруженный в XVIII веке, посвящен

стырь), т. к. о. Пинуфрий слышал, что ты оч.[ень] почитаешь святителя Николая. В древнем маленьком соборе прикладываемся к его образу – тоже древнему. Далее идет Каруля. Пристаем под отвесными скалами, поднимаемся по крутизне. (Нигде по опасн.[ому] месту не шли, но смотреть жутко, где живут!) Есть места, где надо пролезать в дырку рядом с бездной, или идти по краю скалы, придерживаясь за веревку. Здесь живут пустынники, в маленьк.[их] хибарках. К одному из них, о. Феодосию, мы и приходим. Все встречным здесь говорят «Христос Воскресе» – отв.[ечают] «Воистину». Тут только христиане, и ничего другого не существует, кроме Бога. В кажд.[ом] домике – маленьк.[ая] церковь.

1914
12/10
Самаритинский музей
Бориса Калитинского
Зато для него найдены различные
материалы, в его музей
открылся. Значит в Афинах
найдены Аполл. Эрмитаж

Б. К. Зайцев и И. Г. Бутникова. Афины. Май 1927 г.

К сожалению, у о. Ф.[еодосия], удивительнейшего (и образованного) отшельника, нам испортил дело немец своей нелепостью и ненужностью. Нет, вообще Афон только для русских! Иностранцам он непонятен. Если интересуются – снобизм.

Пока кончаю. Завтра буду продолжать, с дороги устал. Но вообще это путешествие будет, видимо, центром моего писания об Афоне. Поеду еще в Нов.[ую] Фиваиду, Дохиар и [1 нрзб.] – но это на 1–1 1/2 дня. Устал, ложусь спать. Завтра иду к литургии поздней, т. е. в 7 ч.[асов] утра, и пойду посмотреть колокольный звон. Скажи А. И. Вот ему здесь бы подошло! За Вас уже молятся и здесь, о. Иосиф.

Воскресенье

22-го мая

Дорогая моя Тусенька, спасибо тебе за милые письма, наконец-то я получил от тебя вести, но как все это идет медленно! Последнее письмо от мамы лишь от 14-го. Завтра па-роход, надеюсь, что Вы получите это мое письмо поскорее.

Не очень ли ты замучиваешься с учением? Боюсь я немно-го, чтобы ты опять не извелась как прошлой весной. Пусть мама за тобой следит, чтобы не переутомляться.

Теперь я продолжаю прерванное вчера. Сегодня был у поздней обедни (нач.[алась] в 7 ч.[асов] утр.[а], конч.[илась] в 9 1/2 - 10, с акафистом св. Николаю). У меня комна-та прямо на море, два окна, сплошной балкон, по перилам кот.[орого] идет горизонтально старая виноградн.[ая] лоза, т.[ак] ч.[то] весь балкон украшен виноградн.[ыми] листь-ями. Сквозь них синее море. В комнате висят портреты ца-рей, наследников, архиереев, и т. п. Скромная и прекрасная икона Божией Матери (Покровительницей Афона вообще считается Богородица). Да, еще перед обедней был на коло-кольне, смотрел трезвон. Татушенька, это очень интересно. В нижнем этаже 4 колокола, из них один чуть не с мою ком-нату, в нем можно жить²²⁶. Язык его весит несколько пудов.

²²⁶ Н. Б. Зайцева в это время сдавала экзамены в лицее.

При мне молодой монашек раскачивал очень, очень долго, а потом как бахнул, то воздух весь задрожал, и во мне все затрепетало, прямо насквозь прозванивает. Во втором же этаже десять колоколов меньших. Старенький звонарь нажимает ногой на педаль для самого большого, веревочки трех маленьких у него в правой руке, а левой он играет на натянутых струнах остальных шести средних, т.[ак] ч.[то] получается вроде оркестра. Удивительно хорошо. Но ни слова не слышно, если разговаривать, не только на колокольне, но и когда мы спустились вблизи здания.

Дальше – читал многотомный труд П. Успенского об Афоне²²⁷, было 10 ч.[асов], вошел мой «гостинник» («фондаричный») о. Иоасаф, и доложил, что готов обед. Обычно меня здесь кормят между 9–10 ч.[асами] утра (ибо у них часы показыв.[ают] уже 2–3, это не астрономич.[еское] время, а они ставят стрелку на 12, когда заходит солнце). После обеда (кормят меня все обильнее и обильнее, вино теперь дают уже двух сортов. Это меня даже стесняет, ибо сами они питаются оч.[ень] плохо). Опять сидел за Успенским, потом лег поспать, ибо все-таки от путешествия осталась нек.[оторая] усталость, да и от почти трехчасов.[ого] стояния нынче. Вечером буду обедать с о. Пинуфрием, моим новым дру-

²²⁷ То есть, удостоверения личности, выполнявшего функции временного вида на жительство для русских эмигрантов, обладавших лишь документами беженцев, т. н. Нансеновскими паспортами, выдававшимися комиссией под председательством Фрицьофа Нансена перемещенным лицам, беженцам и лицам без гражданства.

гом по монастырю. Мы с ним снимемся у о. Наума, фотографа, с которым у меня свидание чер.[ез] полчаса. Будет также сделан снимок с игуменом и знакомыми иеромонахами.²²⁸

²²⁸ Этой фотографии нам не пришлось видеть среди доступных документов Б. К. Зайцева.

**Б. К. Зайцев и иеромонах Пинуфрий Ерофеев
на Святой Горе. Фото иеромонаха Наума. Май 1927 г.**

Поездка моя пятидневная настолько полна впечатлений, что трудно в письме передать, надо оч.[ень] много написать (что'я и сделаю для книжки). Пока скажу коротко: после отшельника мы поднялись еще в гору, и на ве ч.[ерней] заре пришли в келию св. Георгия; там ночевали у простых и милейших монахов (их 20 человек). Утром вышли пешком в Лавру св. Афанасия, это самый знаменитый греч.[еский] монастырь, пришли к вечеру. Неописуемой красоты внутренние дворики, столетние кипарисы, необыкновенные [енные] постройки, Собор, живопись, библиотеки, древности, и пр. Ночевали в комнате с 6-ю окнами, все на море, комната с колоннами, расписана голубым, кормили нас впервые козлятиной (русские не едят здесь мяса вовсе, греки же живут вообще роскошнее). Потом выехали на монастырск.[ой] лодке в Ивер, где знаменитая икона Б.[ожией] Матери Иверской, одна из величайших здешних святынь. Прикладывались. Опять залы, угощение (подают гостям: по рюмке «раки», водки сладкой, по бокалу холодн.[ой] воды, варенье и турецкий кофе). Эти старики-монахи жили в Москве, и потому особенно любезно нас приняли. Опять дали лодку – до мон. [астыря] Пантократора. Тут ночевали. (Клопы, увы!) Утром осмотр библиотеки и Собора. Опять чудное путешествие на лодке в монастырь Ватопед.

Душенька, пока кончаю. Надо идти в библиотеку и к о.
Науму. Обнимаю моих дорогих без конца и целую.

4 ч.[аса] дня.

Дорогие мои, был у о. Наума, выбрал неск.[олько] видов монастыря и нашего, и других²²⁹. Заказал напечатать их. Вернулся и читал у себя историю Афона. Стук в дверь – о. Пинуфрий. Он принес подарки в Париж: икону ма ленькую митрополиту Евлогию, написанную на дереве дуба мамврийского (он сам там был и вырезал кусоч.[ек] дерева из этого дуба), а Наташеньке моей платочек с Афона, простой голубенький, но прелестно, что он подарил. Я сегодня с ним обедаю и сделаю ему тоже подарки – чай, мыло, потом у меня есть из Афин консервы и сыр, (сам я не ел, т. к. кормят отлично) все «житейское», ничего романтического нет, но уж это потом, из Парижа пришлю ему «Сергия»²³⁰ (здесь не хватило у меня экземпляров, какой дурак, надо было больше взять, я взял лишь 4, что было дома). Сейчас бьют в «било», особую доску, которою сзывают к вечерне. Пишу карандашом, т. к. чернила для Миш.[иной] ручки отдал архимандриту Кирику, а то у него с пером самопишущим ничего не выходило. Добуду себе чернил для простого пера – оно у меня есть.

²²⁹ Шесть из этих фотографий были опубликованы в книге «Афон».

²³⁰ То есть книгу Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский». Париж, YMCA-Press, 1925. В том же году вышло и второе, исправленное автором издание.

7 ч.[асов] веч.[ера]

(по нашему)

Только что обедал с о. Пинуфрием. Перед обедом был на вечерне, которую служили в хр.[аме] св. Пантелеймона – служил по-русски и по-гречески мой иером[онах] Пинуфрий. Прикладывались ко главе св. Пантелеймона (был акафист ему).

Нежно обнимаю и целую моих дорогих. Раздобыл чернил – завтра пароход (а со следующим уже я еду), сейчас сдаю письмо о. Иоас а фу.

Ваш весь Папа.

P. S. Подарки о. Пинуфрию сделал. Он был оч.[ень] доволен, даже смутился.

28 мая 1927.

Дорогие мои душеньки, пишу последнее с Афона письмо! Завтра отец Петр лодочник отвезет меня на Дафни (пристань, недалеко), и с парходом я тронусь на Салоники. Еще не решил, поеду ли из С.[алоник] в Афины сушей или морем. Сейчас видел своего чудного, седобородого архимандрита Кирика (духовника) (твоего, заочно, друга), у него борода растет прямо из глаз, а руки в темносерой шерсти. Он завтра едет меня провожать. Ну, вообще, я смеюсь, что тут на «архиерейском» положении: только что в колокола не звонят (впрочем, мы путешествовали вместе с греч. [еским] архиереем, и ему не звонили). Одним словом, здесь у меня все превосходно. После последнего своего письма я путешествовал: был в скиту «Новая Фиваида» – путь на лодке, часа 3 1/2 с иеромонах[ом]

На Сергиевском подворье. Митрополит Евлогий Георгиевский, слева от него Коляся Осоргин. Справа от митрополита – прот. Георгий Спасский, слева – за группой сестричества, в клобуке – архим. Иоанн Леончуков. За архим. Иоанном – Б. К. Зайцев, второй слева от Зайцева – П. К. Иванов. Справа от Зайцева – В. А. Зайцева. Справа от нее А. В. Карташев, второй справа от него – С. С. Безобразов, справа от него несколько выше – Б. П. Вышеславцев.

о. Виссарионом (тоже твой друг и почитатель) везу кроме своих маленьких подарочков Тебе и Тусеньке, еще подарки Вам от всех знакомых иеромонахов. Игумен подарил икону, альбом видов и историю монастыря; о. Виссарион четки, благосл.[овенного] масла св. Пантелеймона, апельсины и Наташе резную ложку. И т. п. В Фиваиде мы были у пустынных – оч.[ень] интересно. Один из них, о. Нил, питается «камарне'й» и смоквами, караулит виноградники от диких кабанов, и кладет в день по 1000 поклонов. В Фиваиде нас застала непогода. Полил дождь, гроза началась – мы провели там 2-е суток, т. к. опасно было ехать морем. Вообще тут все – природа, стихия и Божество. Для монахов жизнь полна чудес. Да и когда выезжали, бедного и тихого о. Виссариона волна окатила почти с головы до ног. Но ехали по морю хорошо, вблизи монастыря оч.[ень] счастливо избегли дождя и ветра.

Дафни, залив

Наташа Зайцева и Вера Алексеевна Зайцева

Нынче уже прощаюсь с Афоном. Но завтра все мои здешние друзья будут меня провожать. Был с прощальн.[ым] визитом у игумна, он тоже оч.[ень] добр ко мне. Я дал за свое пребыв.[ание] здесь 100 фр. (более 2-х нед.[ель]!) и извинился, что мало даю. А он сказал, пряча бумажку: «если бы все столько давали, мы бы купили себе пароход». За тебя и Наташу тоже здесь молятся, молятся, как за «благодетелей», «ктиторов». Да, тут иное отн.[ошение] к деньгам, чем у нас. – Сейчас опять заходил о. Кирик, завтра я приду к нему на раннюю литургию (в 4 ч.[аса] утра по европ.[ейскому] вр.[емени], но я вообще встаю в 6 ч.[асов], всегда – впрочем, по-здешнему это дов.[ольно] поздно). Завтра поставим с ним свечи и он отслужит напутств.[енный] молебен. Дорогие мои, все же мне очень хочется домой! Вчера я гулял перед веч.[ерней] и видел в заливе белую яхту. Она постояла и безмолвно ушла – туда, к Салон.[икам], Афинам, к Вам – мне стало немножко грустно (как тут ни хорошо), ощущение «робинзонское». Монашеская же жизнь мне не по силам (т. е. если жить так, как они. Кирик, например, только что расск. [азал], что он спит 1 1/2 – 2 ч.[аса] в сутки). «Да еще бессонницей страдаю. Иной раз никак не заснешь!» Итак, целую и обнимаю без конца. 4-го июня надеюсь выех.[ать] из Афин. Из Сал.[оник] напишу еще. Ваш весь Б.

Спасибо за чудное твое последнее письмо.

29 воскр.[есенье]

9 ч.[асов] утра.

Нынче еду. Был на ранней литургии, отслужил о. Кирик молебен, везет меня на Дафни. Погода райская. Только что кончил писать, об Афинах. Не присылал потому, что писать на Афоне о путеш.[ествии] не хотелось, да и все было устремлено на самый Афон, читал, разговаривал, ездил, смотрел и т. д. Один же первый очерк посылать не имело смысла – их надо печ.[атать] более или менее равномерно. Еду на Салоники, и еще сам не знаю, поеду ли из С. [алоник] по жел.[езной] дор.[оге], или на том же парох.[оде] дальше прямо в Афины. Это буд.[ет] завис.[еть] от того, что дешевле. А вообще ведь я еду довольно-таки наобум, полагаюсь больше на Бога, расчеты мои всегда оказываются оч.[ень] приблизительными, но пока все идет хорошо. Очень жаль, конечно, что пришлось тебе занимать, беспокоит также, чем заплатишь за квартиру, ну, теперь совсем скоро и я буду, а уж пока потерпи, занимай под мою фирму, она еще доселе не «банкротилась». Приеду, устрою что-ниб. [удь] с книг.[ой] рассказов на осень (Карбасников?)²³¹. По-

²³¹ Николай Николаевич Карбасников (10/23 апреля 1885, СПб. – 17 марта 1983, Париж), сын известного петербургского издателя Н. П. Карбасникова, парижский книгоиздатель и владелец книжных магазинов. Его издательство просу-

смотрим. Пока нежно обнимаю и целую моих дорогих. Сегодня я уже наполовину не здесь. В Афинах буду 1-го, пробуду, знач.[ит], 2–21/2 дня, надо еще визу въездную продлить у консула (формальность, конечно, но скучная). Вообще, будем надеяться, Кирик сказал, что будет обо мне особенно молиться до тех пор, пока не получит от меня письма из Парижа, что благополучно доехал. Господь Вас храни, моих ангелов. Братец, здесь тебя заочно все страшно любят и уважают, и говорят мне, для меня большое счастье, что у меня такая любящая и религиозная жена. Вот тебе и монахи, якобы «враги» женщин! Они многое очень хорошо понимают «мирское», только сами бесконечно (морально) выше и чище нас – самые даже простые из них. Удивительные люди. Писать буду об Аф.[оне], кажется, много. Есть о чем. Уже составил приблиз. [ительный] план книжки.

существовало недолго; книгу Зайцева он не напечатал. Зайцевы дружили с семьей Карбасниковых.

Salonique,

Le 30 mai 1927

Дорогие мои, утром нынче приехал на пароходе в Салоники. Провожали меня с Афона как родного, о. Кирик ездил на пристань, кормили там обедом – вечер был чудесный, да вообще здесь сейчас очень хорошо. На пароходе плыл как п о' суху, ни толчка. Но в Салониках только что пережил пренеприятные минуты (слава Богу, все конч.[илось] хорошо!) – не хотели мне выдавать денег по аккредитиву. Аккр.[едитив] выдан отделением банка в Париже, а у них нет свед.[ений] об этом отделении, нет какой-то формы, неизв.[естны] подписи лиц под этим аккр.[едитивом]! Вообрази мое положение. У меня в кармане 20 драхм, 160 франков – даже нет на дорогу до Афин. Они продержали меня более часа, перерыли весь свой архив, ничего не нашли, звонили по телефонам, ходили куда-то к директорам банка, одн.[им] слов.[ом], целая история. И уж они сами начали волноваться, им это тоже было неприятно, наконец, какой-то из высш.[его] начальства, вероятно, просто плюнул на эти несчастн.[ые] 1000 фр.[анков], и красный чиновник вылетел от него торжествующе, крикнул товарищу:

– Пиши скорей!

Но, действит.[ельно], что бы я делал, если бы мне не вы-

дали?

Надо все же сказать: само путешествие сюда оч.[ень] трудное. Всюду расч.[еты] нарушаются. Из Афин до Афона я за плат.[ил] 407 драхм, а назад только до Салон и к – 337, еду по жел.[езной] дор.[оге] – это тоже дороже выходит, чем ждал, а парох.[од] надо еще сутки ждать, т. е. сидеть в С.[алониках], 2-е суток. Все на авось, все на фуфу. Верю твердо, что так или иначе, благополучно доберусь, но заранее готов ко всяким дорожным сюрпризам. Сейчас у меня даже голова разболелась.

Милые мои хорошие, за тридевять земель сидящие мои прелести, целует Вас нежно Ваш козел. Иду завтракать, потом лягу – я сегодня на пар.[оходе] вовсе не спал, грязь и гадость была, блохи, душно – вообще по грязи греки побивают все рекорды. Предстоит бессонная ночь по дор.[оге] в Афины.

Господь Вас храни. Папа.

11 ч.[асов] 20 мин.[ут] утра – все наши афонцы на «послушаниях» (работают, проведя почти бессон.[ную] ночь). Вчера о. Кирик признался мне, что спал 1 час за все сутки. Мы приехали на пристань оч.[ень] рано. Я пошел прогуляться, а он прилег, но подремал только 1/2 ч. [аса], потом сел «вычитывать» вечерню (п.[отому] ч.[то] в это время в монастыре шла служба, вечерня). Молебен он мне служил, и свечи мы поставили, все как ты сказала. Он тебе низко (Кирик) кланяется.

1 июня 1927.

Афины

Дорогие мои, итак, путешеств.[ие] мое кончается. Билета в руках у меня еще нет, но он заказан, дан задаток, и 3-го мне его вручат. 4-го выезжаю. Буду телеграфировать – возможно, что телегр.[амму] Вы получите раньше письма. Я вчера приехал сюда из Салоник на поезде. И. Г. Бутникова встретила меня на вокзале, передала твои деньги, – спасибо, мой дружок верный. Теперь уж я здесь «кончился», у меня только мысль – скорее бы домой. По инерции иду еще сейчас в Нац.[иональный] Музей (замечательный, м.[ежду] пр. [очим]), но воспринимаю, кажется, уже тупо. Начались жары! Не можешь себе представить, какая пыль в Афинах! Воронеж+Елец, вместе взятые.

НА АФОНЪ

УШ. КАРУЛЯ.

Раннимъ и чудеснымъ утромъ мы спустились къ пристани. Тамъ ждала лодка. Архиандритъ Кирикъ благословилъ меня на странствіе, объявъ своей легкой, свѣтлою боролою, гребцы погрузили весла, слегка налетли, и мы мягко тронулись. Мы — это Иеромонахъ о. Пинуфрій, иностранецъ докторъ, юный монахъ переводчикъ, два гребца и я.

Вотъ первый образъ нашего отплытія: стесненно-голубое море, легкий туманъ у долиноя Лонгоса, тихій свѣтъ утра. Лодка идетъ нетрудно. Рядомъ со мной черныи съ просѣдою, кареглазый, спокойный и ровный, слегка окаяющій по-нижегородски о. Пинуфрій. Спустивъ руку въ воду, онъ пальцемъ чертитъ серебряный свѣдъ. Негромкимъ, привычнымъ голосомъ начинаетъ пѣть:

— Христосъ Воскресе изъ ме-ерт-вухъ, смертню смерть по-правъ, и сущимъ во гробѣхъ жи-вотъ даро-ва-въ!

... Мы подтягиваемъ. Оборачиваясь, вижу на него юношу съ золотистыми волосами, золотистою бородкой вокругъ пуңцоваго рта и глазами задумчивыми, упорно глядящими вбокъ. Взмахатежная голубизна воды, тишина, плескъ струи за кормой, юноша, напомидающій полѣвскаго Христа, мягко очерченный въ утреннемъ дыму свангелискій пейзажъ Геннасаретскаго озера...

— И су-ущимъ во гробѣхъ жи-вотъ, да ровавъ...

Итакъ, мы отбѣаемъ юго-западный берегъ

авооскаго полуострова, держимъ путь на Карулю, знаменитую вѣчную оконечность Афона, гдѣ въ безплодныхъ скалахъ живутъ пустынножители. А пока, слѣва, медленнымъ свиткомъ протягивается полуостровъ: горы, лѣса, по нимъ кручи, кое-гдѣ виноградники и оливки, кое-гдѣ пустынно-чуждыя взгорья — все непроходимое и перобытное. То повыше, то ниже средневѣково восточные замки греческихъ монастырей. Вотъ высоко въ лѣсахъ пестрый Ксаропотамъ. Симонопетръ, выросшій продолженіемъ скалы отвѣсной, весь уходящій высь, съ балковами надъ пропастью.

Мы зашли въ маленькій, изумрудный заливицикъ Григоріата, гдѣ подводные камни слегка домалили въ глазу подъ колеблющимся стекломъ — на полчаса наѣхтели монастырь съ черно-курчавымъ привратникомъ у вѣковыхъ воротъ и приложились къ анаменитой иконой Св. Николая Муршийскаго. Древній храмъ, хревилъ ризы, глушь, тишина, отвѣсная скала, непроходимость, да лазурно-колеблемое стекло заливицика, вотъ что осталось отъ этого посѣщенія...

И уже вновь гребуть отцы Зоилъ и Николай — плывежь далѣе.

Когда въ ущельѣ показался Діонисіатъ, о. Пинуфрій протянулъ къ нему свой загорѣлый палець.

— Тутъ вотъ этотъ патріархъ жижъ, Нифонтъ по имени. У него въ Константинополѣ разныя страданія вышли, его стало быть понапрасну увольняли, онъ сюда и перѣбрался. Это когда же было... то ли въ пят

Вчера должен был обедать у Бутниковых (мужа и жены, они хотя жив.[ут] теп.[ерь] на разн.[ых] кварт.[ирах], но ради моего приезда он к ней долж.[ен] был придти) – но перенесли обед на четверг, в Консерватории, где он професс.[ор], оч.[ень] много экзаменов.

Беспокоюсь я, как Вы сами оборачиваетесь с деньгами? Наверно туго, ну, теперь уж я скоро вернусь (м.[ежду] пр.[очим], те 300 фр.[анков], кот.[орые] ты прислала, я видимо привезу домой несмотря ни на что, т. е. несмотря на расходы в дороге, кот.[орые] оказались гораздо больше, чем я ожидал).

Очень меня огорчило известие о Б.[униных]. Это ужасно печально. И ни к чему хорошему ни для кого из них не приведет. Вряд ли и Иван найдет душевное спокойствие, силы для работы. Про Веру уж не говорю. Здесь вокруг меня атмосфера этих расстроенных, разлаженных жизней – как это тяжело переносится²³².

Завтра зайду с благод.[арственным] визитом к митроп.[олиту] Хризостому – он мне оч.[ень] помог на Афоне (который сейчас кажется уже далеким. А когда из Парижа выехал – и не запомню, в позапрошл.[ом] году!) На бедного Хризост.[ома] какой-то фанатик (сторон.[ик] старого стиля) произвел в церкви покушение – хотел отрезать ему бороду,

²³² Речь идет о напряженности, возникшей в семье Буниных после появления в их доме писательницы Галины Николаевны Кузнецовой.

поранил его, вообще гадость. Выражу также сочувствие.

Целую и обнимаю Вас без счета, миленькие, люблю. – Я с Афона, должно быть 2–3 больших письма тебе отпр. [авил], ведь чаще чем раз в неделю оттуда нельзя. Посл.[ал] письмо из Салоник – третьего дня.

Господь Вас храни.

Б.

P. S. Из Марсея постараюсь выехать с первым отход.[ящим] в Париж поездом. Если пароход придет рано утром, то весьма возможно, что я уже веч.[ером] буду в П[ариж]е (если успею, разумеется), к утренн.[ему] поезду на Париж). Мне гостиницы надоели, хочется домой.

На Афон. I. Морское странствие

Невеселый день. Странно как-то в Марселе без солнца. За Нотр Дам де ла Гард горы закутаны густым белым облаком, над ним сизая туча, неприятный ветер поднимает пыли по набережной порта. Все как всегда. Со своего утеса статуя Богоматери глядит вниз на кипуче-грязную и жалкую людскую жизнь. Старые и промозглые дома, улицы-щели с развешанным на веревках бельем, рынок, фонтан, зелень, рыба, ракушки, торговки, изо всех сил выкликающие товары... Ночью тут пьянствуют и безобразничают матросы. Сейчас этого не видать. Попалась даже у мэрии свадьба: всегдашняя невеста в белой фате, с флер д'оранжами, с видом смущенно-праздничным. Вечно-обалделый жених. Толпа любопытных.

Но Бог с ним, с Марселем. Его пожалеешь только как часть Франции, т. е. уже своего, где близкие и дорогие. А путь ведь неблизкий – далекие моря впереди, страны чужие.

«Новая жизнь» начинается с трапа белого греческого парохода, что стоит у скучнейшей пристани сплошь в амбарах и складах. Поднялся по этому трапу, и кончено. Другой мир, и люди другие, другой язык. И все новые, новые путники поднимаются по той же лесенке, англичане и греки, два-три бельгийца, и так же разводят всех по каютам, и так же

для всех одно кончается и начинается что-то другое, совсем, совсем новое.

Сизая туча над Нотр Дам дала себя знать. Пошел тихий дождик. Покрапал, задумчиво как-то овлажнил палубу, постоял тускло-сизой завесой над полосой моря в порту и перестал. На пристани появились напутствующие музыканты. Две жалких семьи. Однорукий играет на скрипке, жена поет, мальчик приплясывает. И дама-арфистка с барышней, и еще персонажем. Все им бросают. Я тоже кинул – такие всегда «свои», очень «коллеги». Сначала они играли (а женщина пела) обычные песенки, хоть под фокстрот, но потом, когда подошло время отваливать, заиграли что-то столь заунывно-пронзающее, точно и правда нас провожали в бескрайние страны Елисейских Полей. «Патрис» отходил медленно и бесшумно, уплывая под мягкую музыку в столь просторные моря Одиссея.

Хорошо он шел, плавно, совсем легко. Мягко-ритмично и полно шумит в нем кругообразная сила, и все чуть дрожит от нее. Она же вращает и гонит – вперед, вперед. Воды послушны. Широко, мощно распластываются. Над темною бездной ползет пена, кружевно-белым узором, как жилы на яшме. Местами вспухают на синей зелени белесоватые туманности – мельчайшие пузырьки, вспененные кузовом.

Да, стало быть, на Афон. «По хребтам беспредельно-пустынного моря»... Теперь уже кончено. Уходит Марсель,

мы идем вдоль побережья. Скала далеко вышла в море. Пробую справиться и спросить, что такое за место, но по-французски уже и не поняли.

...После обеда на палубе. Быстро тьма растет, море небурное, но беспросветное. Звезд не видать, мгла на небе. Обхожу корму и останавливаюсь на ней. Далекo позади вспыхивает, угасает бледнеющая звезда на горизонте. Маяк Антиба! Сколько раз видел его из Грасса, из Ниццы, теперь в глухом море жалобен он, безнадежен. Нельзя оторваться. Все смотришь. И как ты один! Мир беспределен. Безмерны страны и люди. Ты же – ничто, но ты дышишь, чего-то желаешь, куда-то стремишься. Вот взгляд твой все хочет увидеть, запомнить, изобразить, о себе что-то сказать – и так до могилы. Упорство твое непреодолимо. Оно дает силу жить... «Я бы хотел иметь тысячу глаз, чтобы видеть, тысячу ушей, чтобы слышать», – говорил Флобер, образ совершенного художника. Значит же, есть на что поглядеть, есть, что послушать.

Час спустя все еще мигает маяк, но теперь тускло-краснея, побеждаемый далью, парами моря. Трудно смотреть на его агонию.

Встал, чтобы спуститься в каюту. Опустил руку в карман, вынул конфетку, последнюю, что положили мне дома. Самый фунтик, к котором она лежала хотел было выбросить, да пожалел: свой фунтик, «домашний». А море вон какое чужое, да черное.

Спрятал его.

В детстве я терпеть не мог Одиссея. Позднее, взрослым, прочитав как следует (в мирном гамаке сельца Притыкина!²³³) о странствиях Его, отношение во многом изменил. НЕ то, чтобы Одиссей очень очаровал. Бог с ним, хитрый был грек. Но впервые тогда я его пожалел, и потом не однажды в Италии, на морском берегу вспоминал, и всегда приходил этот стих: «по хребтам беспредельно-пустынного моря». Подумать ведь, сколько лет проскитаться! И все с морем и на море! То циклопы, то бури, а там сирены, Цирцея...

Теперь вспомнил о нем хмурым утром, когда шли между Корсикой и Сардинией. Южней Корсики выступила из моря цепь низеньких, но преуродливых скал, голых утесов. Отчего бы не быть ей хребтом какого-нибудь дракона, чье туловище погружено, а торчат безобразные плавники? Невдалеке трехмачтовая шхуна, под полными парусами. Если не на такой, то не на очень иной и он плыл, и вот на рассвете, да может еще и в погоду не тихую, натолкнуться ему на такую нечисть... Тут для Гомера, конечно, пища на несколько

²³³ Имение в деревне Притыкино Каширского уезда Тульской губернии принадлежало отцу Б. К. Зайцева, служившему техническим директором Московского металлического завода Ю. П. Гужона и П. Остфрида. Здесь Зайцевы подолгу жили вплоть до отъезда из России. Дом Б. К. Зайцева не сохранился, деревня существует и в ней есть несколько постоянных обитателей.

полных гекзаметров.

Наш белый стимер прошел равнодушно, и сколько я видел, никто ни заклинаний не произносил, ни богам жертв не воздавал. Не было и сирен. Виднелась справа Сардиния, и не понравилась, унылое место, туда ссылают. Потом появились дельфины, втроем. Мило, но глупо.

Три рыжеватых и однорогих «типа», наверно шерстистых, как по команде выскакивали из гребня волны, бултыхались вниз головой (очень ловко), затем также выныривали из волны следующей. Слегка позабавили, все-таки, это уже стихия, пора сил космических. Улыбка на них, как солнечный луч, слегка рассеивает туманы души.

Море – по-прежнему море. Ушла Корсика и Сардиния, вновь потянулись серо-зеленые волны с молочно-бирюзовым кипением за кормой, и куда глаз не глянет, все то же море. До самого вечера, за целый день не видали мы ни одного парохода, ни одного паруса. Что же было во времена Гомера!

Стою на корме, гляжу назад, знаю, что там Франция – но между нами море. Справа Италия, страна, вошедшая как бы живую частью в мою душу, осиявшая всю мою молодость – и я не вижу даже берегов ее: все тот же вечный и пустынный разделитель.

Наступает ночь и тьма.

Утром следующего дня островок Стромболи вновь вызывает легендарные воспоминания: кто из нашего поколения не видал некогда, во времена почти незапамятные (и однако, запомнившиеся), этого маленького дымящегося кулака со страниц «Задушевного слова»? И детство, и век тот, и жизнь, все безвозвратно ушло, а вот Стромболи существует – и пусть приближается эта двугорбая гора с сизым дымком из седла – я знаком с нею сорок лет.

Выходит прямо из моря, мягко тронута зеленью у подножья, выше скаты обрывисты, точно пласты сорвались, обнажили самую сердцевину горы. Конечно, люди устроились. Налепили у моря белых домишек, построили церковь.

За Стромболи показалась Италия. Поле завтрака проходили мессинским проливом. На палубе молодые греки плясали чарльстон с греко-парижскими барышнями.

Я никогда не видал **этой** Италии, ее крайнего юга. Мне показалось здесь нечто иное. Возможно, соседство вулканов придает беспокойство пейзажу. Горы и скалы Калабрии как бы напряжены, точно в них есть гримаса, след «в муках рождающейся» земли. Они нагромождены, искривлены. Видимо, тяжек огонь Плутона.

Из Сицилии, через пролив, смотрит пестро-седая Этна. Тем трогательней, тем нежнее светлые пятна зелени по этим

горам. Как они радуют! И воздух тут видится по-новому: светлее свет, начинается Греция. Ведь вся эта южная часть Италии и называлась Великою Грецией, города и Сицилии и Калабрии – древнегреческие колонии.

Однако, до Греции – родины еще ночь пути. Она прошла незаметно, в смутном как всегда клокотанье машины, журчанье воды за стеной, и утром мы проходили уже мимо Кефаллени и Занте. Спутник мне рассказал, что кефалленийские греки известны своей предприимчивостью. Еще бы! Ведь рядом, чуть к северу, и Итака. Правнуки Одиссея, оказывается, очень часто переселялись в Россию и там заводили неплохие дела.

Этот день был прелестен. Мы шли проливом между Доридою и Пелопоннесом. Сначала из Пелопоннеса глядели снеговые горы, затем слева появился Парнасс, тоже искрапленный снегом. Море приняло совершенно зеркальную ровность, как озеро между двух цепей гор. Голубовато-сиреневые шелка тишайших вод у Беотии. К Коринфу они бледно-лазурные, кое-где пересечены синими струями, тонкие лиловые линии гор. Вот здесь горы покойны. Их тела ровны и ненапряжены, все само как бы явилось, без усилия. Их тон – коричневато-фиолетовый, местами обнажения краснее, местами, где посевы, снова эта сверх-небесной нежности зелень, над которою снега вершин сияют бледным золотом и удивительной всегдашнею своею загадочностью.

К Коринфу подходили вечером. Стемнело. Заблестели

огоньки, мы долго ждали у канала – пропуска через перешеек. Небо полно звезд. Ночь черная, и вот я с удивлением, сидя на верхней палубе над кормою, вдыхал сладкий аромат. Воздух совсем иной.

– Все в Греции сейчас цветет, объясняют мне.

Цветет! Но это запах и не русской, не французской и не итальянской весны – это Эллада. Пахнет томно, сладостно, какой-то смесью, где я лучше всего различаю мед. Медвяный дух, тонкий и сложный, легкий и слегка туманящий, сухой, без влажности – есть запах майской Греции.

А позже проходили мы канал. Сбоку отвесно высеченные скалы, «Патрис» чуть не касается их бортом. Мачта молчаливо чертит свой узор по небу, задевая временами звезды. По скалам, при прохождении нашем, от огней «Патриса» бегут тени. Узким коридором, медленно, все дальше. Фантастично. И по-прежнему благоухает земля Греции.

На Афон. II. Афины (жизнь)

В Пирее пароход стоит в неказистой и грязноватой гавани. Солнце уже печет. Над пароходом пыль. Пока проверяют документы, лодочники не могут взойти на борт. В нетерпении пляшут они на своих зыбких «варках», покачивающихся на зеленой, с радужными пятнами нефти, стекливой влаге. Наконец, сигнал дан: как пираты на abordаж бросаются они по трапу и просто через борт, галдят, тащут, смотрят умоляющими глазами... Восток начался.

Когда на набережной садимся на автомобиль, он смотрит на нас рваными, хромыми и голодными мальчишками, оборванными, в струпьях – стайкой окружили они нас, прося милостыню. Тут же двое подрались, не поделив подачки. И в эту знойную минуту Пирея так ясно померещилась Россия...

Перекресток двух очень убогих улиц. Его увенчивает высокий, худой, в серой фуражке с большими полями и белых перчатках греческий городской. Он возвышается над «суею мира», ибо водружен на небольшом помосте вроде-бы трибуны, в первую минуту, кажется, правда, Аполлоном архаическим. Ни солнце, ни пыль не щадят ни его, ни нас. Автомобиль летит по такому шоссе, в таких выбоинах, что шофер все время лавирует, точно ведет корабль своей шхерами – все-таки временами все мы подпрыгиваем. Ну, а пыль... Пылью Афины для меня начались, пылью и кончились. В этом

отношении им равен лишь Воронеж.

Утро не из нарядных. Молочно-дымчатое небо, ветер, сухой зной, непрозрачный воздух. В нем, вдали, бесконечно-знакомая статуэтка Акрополя. Кажется он игрушкой, поставленной над изжелта-коричневатым, в запыленной зелени неопределенно-южным городом.

* * *

Высоких притязаний современные Афины предъявлять не могут. На ранг Флоренции, Венеции, Рима посягать не в силах, тут просто вводит в заблуждение знаменитое их имя. Но от имени осталась только древность, ничего общего с городом не имеющая. Каждая улочка Флоренции или Венеции проникнута дыханием красоты и искусства – Афины построены в прошлом столетии немецкими принцами²³⁴. Новые Афины (а это почти весь город) архитектурно безличны и неинтересны. Это провинциальная столица. Но... очень

²³⁴ Зайцев говорит о периоде правления двух королей Греции – Оттона I и Георга I. Оттон I (1815–1867) был вторым сыном Баварского Короля Людвига Виттельсбаха. Принц Оттон был избран королем Греции на Лондонской конференции 1832 г. под протекторатом великих держав – Англии, России и Франции. В годы его правления (1833–1862 гг., часто именуемые периодом Оттоновского возрождения) были построены здания наиболее значительных государственных, образовательных и культурных учреждений греческой столицы. Георг I Глюксбург, правивший в 1863–1913 гг., был вторым сыном датского короля Кристиана IX. Король Георг был женат на Великой княжне Ольге Константиновне (1851–1926), племяннице Императора Александра II и внучке Императора Николая I.

интересный город.

Восток и население – вот что украшает Афины. Они теплены, прогреты своими жителями и своей экзотикой. Поистине, надо много и солнца, ярких черт востока, и живости, изящества обитателей, чтобы из Афин получились Афины. Но это достигнуто. Город живой, кипучий и легкий, я бы сказал – веселый, если бы не знал, сколько горечи, бедности и лишений под этой текучей внешностью.

Афинский народ движется. Это как бы его основное свойство. Куда, зачем? Не совсем ясно. Он непоседлив и беспокойен. То ли надо продать, то ли купить, то ли обделать какое-нибудь «дельце», или же просто потребность толкаться по улицам – только нет дня и часа, чтобы по тротуарам, да и по мостовым не сновали толпы подвижных и худощавых, нередко щеголеватых, еще чаще полуголодных афинян и афинянок.

Где работают, чем живут эти люди? Кафе вечно полны, и не только нарядными посетителями, но и простейшими, чье питание, наверно – головка чесноку да несколько маслин с кусочком хлеба и стаканом ледяной воды. Но вот они тоже сидят часами, за чашечкой кофе, разговаривают, разговаривают и, быть может, ждут судьбы, удачи? Не надеется ли такой заседатель, что вот завтра он продаст фисташек на тысячу драхм, или выиграт миллион в лотерею, купив у продавца-мальчишки пестро-голубой билетик (их предлагают всюду; носят нанизанными на шест, как шашлык на вер-

теле). Или же он послезавтра женится на богатой. Думаю, что в этом знойно-пыльном городе, где главная жизнь вечером и ночью, от жары, сутолоки и недоедания, фантазия должна клубиться, строить тем более удивительные миражи, чем ясней, что завтра за целый день съест он одну «каламаку», или же «катаифи» (последнее уже роскошь: смесь козла, варенья, орехов и чьих-то волос) – да выпьет море холодной воды.

* * *

Всегда интересно бродить по чужим городам. С годами, от сознания, что не так уж много остается видеть в сложном мире Божиим, больше хочется удержать и запомнить. Жалеешь о расточительности молодости, больше ценишь даже подробности.

Афины, как город, живущий на улице, дают и случайному путнику ощущение греческого народа – сразу и непосредственно.

Часов шесть вечера. Жарко, но уже можно идти. Днем пыль неслась полосами, теперь – же взлетает лишь изредка, облачком, успеваешь осесть неприятной шершавостью на глазах. Улица упирается в рыжий, сухо-выжженный холм Ликабета²³⁵ со жгуче-раскопанной землей, с монастырем на вер-

²³⁵ Жена и дочь Б. К. Зайцева ходили на премьеру фильма «Сын шейха» с участием незадолго перед тем умершего итальянского актера Родольфо Валентино

хушке. Недалеко площадь Согласия – «Омония». Средине ее круг засаженный пальмами. Трава вытоптана, валяются тряпки, бумажки, может быть, спит гражданин; может быть, кошка дремлет. Но не дремлют сидящие правильным кругом, опоясывая сквер, чистильщики обуви. То призывно, то умоляюще, то строго глядят они на проходящих. Положительно, это какая-то лейб-гвардия главной афинской площади. Около них ощущаешь вину свою и смущение, особенно, если ботинки хоть на каплю в пыли. Некоторые грозно стучат о свои ящики, точно бы говоря:

– Остановись, безумец! Дай смахнуть пыль, дай заложить картонки, я не испачкаю тебе брюк, твои жалкие башмаченки обращу в зеркало, где отразится великая наша Эллада! Ставь же левую ногу мне на подножку. И он мечтает уже о двух драмах (а может быть – ведь иностранец, с голубым гидом в руке! – вдруг да даст три?).

Счастье неверно. Я прохожу беспощадно. Со стен домов, внешним кольцом оцепляющих площадь, глядят на меня вывески – одна за другой почти в том же порядке, как сидят чистильщики: фармакийон²³⁶, еще фармакийон, вновь фар-

(1895–1926) и его подруги Вильмы Банки.

²³⁶ Павел Павлович Муратов, искусствовед и писатель. Автор книги «Образы Италии», тт. 1 и 2, М., 1911–1912, напечатанной с посвящением Б. К. Зайцеву. // Б. Зайцев посвятил П. П. Муратову несколько очерков. См.: (П. Муратов. Образы Италии. *Современные Записки*. 1924, № 22, стр. 444–447. Новые книги Муратова. *Возрождение*. 30 мая 1931, № 2188, стр. 3–4. П. П. Муратов. *Русская мысль*. 3 января 1951, № 307, стр. 4–5. Мантуя и Урбино. Памяти П. П. Мурато ва. *Русская мысль*. 15 сентября 1962, № 1891, стр. 2–3). // С посвящени-

макийон! Не удивляюсь. Твердо знаю, что наш город первый в мире по числу аптек и чистильщиков обуви.

Длинная прямая улица, упирающаяся в Акрополь, проводит чрез базар. Чего тут только нет! Можно купить лампу и брюки, сластей, салату, актопадов [sic!] и статуэтку. По бокам, в грязных кафе, сидят бесконечные греки, иногда важный турок курит кальян из бесконечной трубки, побулькивая водой. Взгляд его безучастен, беспристрастен... вот он, тоже, Восток! Рядом мальчишка, обвит, как пулеметною лентой, длиннейшею связкой чесночных головок. Чудный фрукт! Его ели в огромном количестве и Платон и Сократ, все Демосфены, прежде чем выходить ораторствовать, наедались его до искр в глазах – ибо чеснок возбуждает ум и очищает тело. Древние знали жизнь. У Аристофана рас-

ем Муратову были напечатаны рассказ «Уединение» в сборнике «Феникс», М., изд-во «Костры», 1922, стр. 11–16 и «Beata Solitudo» (из книги «Москва плененная») в газете «Возрождение» 10 марта 1931 года, № 2107, стр. 3–4. // Муратов также написал вступительную статью к исполненному Б. К. Зайцевым переводу книги Уильяма Бекфорда «Ватек. Арабская сказка», М., 1912, 181 стр. 2-е издание – 1916 год. 3-е издание – в книге «Фантастические по вести». Л., 1967, стр. 165–228. Об истории появления этого перевода Зайцев писал в очерке «П. П. Муратов», вошедшем в его книгу мемуаров «Далекое» (Washington, Inter-language Literary Associates, 1965, стр. 89–99): // «Перед первой войной Павел Павлович раскопал удивительного англичанина XVIII века – Бекфорда, написавшего на французском языке полуроман, полусказку „Ватек“, редкостную по красоте и изяществу вещь. „Ватеком“ этим меня пленил. Мы с женой перевели текст. Муратов написал вступительную статью и в конце 1911 года, в Риме у Porta Pinciana я держал уже корректуру „Вате ка“ – пред глазами моими поднимались стены Аврелиана, за которыми некогда Велизарий защищал Рим».

сказано много добрых вещей о чесноке.

Улица, конечно, сплошь занята шныряющими и прислушивающимися – непроходимая толчея людей. Пахнет иногда жареным кофе, иногда тем же чесноком, или козлятиной, иногда шашлыком, тут же в подворотне и вертят его на вертеле над раскаленными углями.

Здесь начинаются простонародные и старинные кварталы Афин, вблизи Акрополя – та смесь древности, бедности, своеобразия и востока, которая дает главную прелесть городу. Вот, за византийскою церковью²³⁷ XI века тяжкие грубоватые колонны Рима. Узнаю век и стиль давнего знакомого, великого странника и искателя, сумрачного и сурового, роскошного на своей римской вилле, жестокого и усталого в конце жизни – и всегда умного, всегда несколько горестного – императора Адриана. Это библиотека²³⁸, им выстроенная (дансинга не построил бы). За ней подобие римского форума, римская «агора», так же вросшая в землю, небольшая площадь с остатками храмов, арок, колонн. Так же решетка ее отделяет от мира живых, так же калитка, но все

²³⁷ Речь идет, по-видимому, об известном как «Большая церковь» женского монастыря храме Богородицы Панданассы на площади Монастираки, близ комплекса библиотеки Адриана. Первоначальный храм был сооружен, вероятно, в XI в., нынешний датируется XVII в. В 1911 г. храм был реставрирован, а колокольня достроена. Другой храм, примыкавший к строениям библиотеки был разрушен в 1842 г.

²³⁸ Этого интервью на страницах газеты нам найти не удалось.

здесь в забросе и запустении. Нет следа любви, бережности. Бони²³⁹ афинский, видимо, еще не родился.

Библиотека и агора сплошь окружены казармами. Греческие солдаты глазают не без изумления на путника, когда он входит в небольшой дворик, удивительной «башни ветров»²⁴⁰ – восьмиугольного, античного строения с барельефами ветров – некогда тут были гидравлические часы.

* * *

Пожалуй, лучшие часы в Афинах именно эти сумеречные, когда скитаешься вокруг Акрополя среди нехитрых домиков местных греков, т. е. врожденных, выросших в каменистую и малоплодную, столь знаменитую свою почву. Когда видишь простеньких черноглазых афинских девушек с косичками (нигде кроме России и Афин таких не видел), видишь заседающие на дворах семьи, с соседями, вечными кумушками, вечными разговорами, детишками, играющи-

²³⁹ Этих открыток нам не пришлось видеть среди доступных архивных документов Б. К. Зайцева.

²⁴⁰ Новая Фиваида – местность на берегу моря, на значительной высоте, вблизи от границы Святой Горы в пределах большого участка, называемого Кромница или Хромайтисса. Здесь в 1882 году дано было место для бедных русских келлиотов и пустынников, в начале XX века здесь собралось уже более 150 насельников. Их пустыни и келлии разбросаны на большом пространстве. Главный храм Новой Фиваиды построен в память всех святых Афонских, освящен в 1883 г. Есть здесь и еще несколько храмов.

ми тут же, или рядом на исторической развалине. Так дымно-знойным вечером я бродил по удивительному кладбищу Дипилона (Керамика). Среди античных стел девочка собирала маки, мальчик пас козлят. Вдалеке в сизеющей мгле воздымался Акрополь, а вокруг длинный ряд могильных памятников. Вот всегдашняя печаль расставания: мраморная Кораллия прощально подает руку уходящему в царство смерти мужу своему Агатону. Две пары в Аду справляют невеселый пир. А рядом на пьедестале знаменитый бык Дипилона²⁴¹.

Так в сиреневых сумерках другого дня поднялся я по высоким ступеням в пустынный храм Тезея²⁴² на площади вблизи Ареопага – и спугнул мальчиков, игравших в прятки между колонами тепло-медвяного мрамора, да голубей, гнездившихся высоко под фризами и архитравами.

Недалеко от Акрополя, у арки Адриана²⁴³ нередко садился после этих блужданий за столик простонародного кафе под зелеными перечными деревьями. Заказывал «узо». По-

²⁴¹ Иван Бутников (13 декабря 1893 – февраль 1972) – русский композитор и дирижер. В 1923–1929 руководил афинской Консерваторией. В 1931–1933 гг. главный дирижёр хора Венской певческой академии. Затем композитор и дирижёр Русского балета в Монте-Карло, вместе с которым переехал в США.

²⁴² Халкис (в средние века Негропонт) – главный город острова Эвбея, второго по величине греческого острова после Крита.

²⁴³ Арка Адриана – монументальные ворота, возможно римская триумфальная арка, расположенная в 325 м. к юго-востоку от Акрополя на древней дороге из центра Афин к комплексу Храма Зевса олимпийского. Возможно был сооружен с целью почтить Императора Адриана по случаю освящения близлежащего храмового комплекса в 131 или 132 гг.

дают рюмку абсента и огромный бокал ледяной воды, маслину и кусочек (крошечный) острой козлятины. Налетит ветерок, зашелестит тонкою зеленью над головой. Рядом мягко наигрывает шарманка. Зажигаются бело-фиолетовые шары, народ афинский снует и наступает тот южный вечер, очарование которого неизъяснимо: оно и в острых запахах, и в легчайшем прикосновении «зефира», и в смутной нежности сумрака, и в павлиньих разводах заката над Парфеноном, и в долетающем смехе девушек, обрывках чужих жизней, и в тепле, сладком и живоносном.

Позже – синезеленый шелк неба с рождающимся месяцем и большою звездой под ним... – как турецкий золотой флаг, (а еще ниже темные провалы аркад Одеона, Ирода, Аттика!). Нет, не напрасно так любят афиняне свои вечера.

* * *

В зеленеющем сумраке маленький автобус изо всех сил мчится мимо городского сада, Заппиона²⁴⁴ – оттуда мгновен-

²⁴⁴ Заппейон – первое здание, построенное в Афинах для использования при проведении первых Олимпий, предшествовавших возрожденным Олимпийским играм. Названо по имени субсидировавшего их устройство Евангелиса Заппаса. Многофункциональное здание было возведено в 1874–1888 гг. по проекту датского архитектора архитектора Теофила Хансена (также построившего здание Австрийского парламент в Вене), на участке между Дворцовыми садами и древним храмом Зевса Олимпийского. Используется для проведения выставок и конгрессов.

ное благоухание, чернота деревьев и блеск огней – сворачивает, еще поворот, и мы на площади Синтагма (Конституции). Но это сейчас и не площадь, это сплошное и огромное кафе под открытым небом. Звезды смотрят прозрачно, омнибусы и автомобили, автобусы режут и летят вокруг, сплошным кольцом, а народ афинский заседает на теперешней своей «агоре», может быть, обсуждает шансы самоновейшего генерала, может быть, ест фисташки, запивая их глотком кофе и ледяной водой. Во всяком случае, в этом вопле гудков, рожков и свистков, под крики и зазывания автобусных чернявых мальчишек, «народ» присутствует как грандиозный хор, и его присутствие не закрывается до поздней ночи.

То же и на других главных улицах, Стадии и Университетской, где Парламент, университет и библиотека. Всюду толпы. Над всем темнеющее, переходящее в дивный бархат южное небо. Не протолпишься, не перейдешь улицу, на углу которой, как и в Пирее, архаический Аполлон в белых перчатках распоряжается со своего помоста бегом автомобилей. Идут очень нарядные дамы, очень нарядные мужчины. И вновь – бесконечно заседают в кафе, вновь мальчишки предлагают то спички, то открытки, то на длинном шесте лотерейные билеты. Я ужинаю в русском подвале – ресторане на Патиссии («Стрельна»²⁴⁵ – странно звучит в Афинах!), и когда выхожу, около полуночи, жизнь ресторана лишь начинается: ибо Афины ночной город. На улицах и в кафе все

²⁴⁵ См. сноску 9 на стр. 137.

то же самое. В киоске по-прежнему можно купить запонки или галстук, в одиннадцать часов зайти побриться. Газетчик, протягивающий мне «Последние Новости», тут же сбывает греку и три яйца.

Никогда мне не удавалось пересидеть Афины, дожидаясь, когда опустеют кафе и разойдутся домой эти сухощавые, говорливые люди, женщины и шикарные, и изможденные с замученными детишками у высохшей груди, чистильщики сапог и жалкие старики в рваных пиджаках, и бесконечные офицеры (в Греции очень много военных), и многословные политиканы.

А возвращаясь в отель, я всегда улыбался на одну и ту же мрачно-веселую сценку: проходя мимо лавки гробовщика, уже запертой, но изнутри ярко освещенной, каждый вечер видал, как укладывается спать гробовщик среди гробов, тут же, точно на сцене театра. Оказывается, это дежурный. В Афинах, из-за жаров, хоронят весьма скоро. Ночью умершему – на рассвете уже доставляют гроб, так что вялый старик, зевая раскладывающий на лавке меж черным с золотом и коричневым в резьбе гробами рваное свое вретище – есть Харон, сумрачный перевозчик, к помощи коего в душную, звездную ночь шумных Афин неизвестно кто обратится. Как неизвестно, не является ли его скромная лавочка внятнм хоть и не столь шумным напоминанием для легконогих и легкотязычных афинян...

Можно сказать про Афины: город, людьми пересыщенный, небогатый и пока не шикарный. Но кипучий, ночной, нервный. Пыльный и миловидный. Находится в полосе роста и культурных усовершенствований. Можно думать, что через несколько лет вполне выйдет на линию европейского города. Политическая жизнь слаба. Власть у военных. Парламент – видимость. Народ «безмолвствует», в деревнях серпами жнет тощие посевы, в городах стремится продать нищим покупателям всякую рвань.

Греция страна религиозная, религиозностью несколько первобытной, но искренней и глубокой. (Гораздо более христианская страна, чем Франция). Опора религии – простой народ и женщины. Интеллигенция, как и в дореволюционной России, от этого далека.

Переживаются, видимо, еще наши 70–80-е годы (но без «гуманитарного» одушевления).

Греки воспитаны и любезны. Их язык благозвучен, они суховаты и худошавы, среди женщин много красивых, темноглазых, иногда с древним, несколько жутким теперь разрезом глаз, напоминающим акрополийских Кор. Жестикуляция греков очень сдержана, что даже удивляет. (Они гораздо покойнее итальянцев и, думаю, вообще менее темпераментны). Очень приветливы к иностранцам. Любят музыку и музыкальны сами. Русские в их музыкальном мире играют роль немаловажную, я сам это видел на симфоническом утре в консерватории, где огромным оркестром отлично дирижи-

ровал молодой композитор И. Г. Бутников. Хуже, по-видимому, дело с литературой. Книжных лавок безмерно менее, чем фармакийонов! Но для греков тут есть извиняющая черта, ибо мы должны твердо и спокойно признать, что наше дело, *литература*, нигде и никому вообще не нужна.

В общем же, еще новый город, новый народ, новый мир. Можно так сказать о современной Греции: она не производит впечатления большого веса, крепости, солидарности. Есть в ней изящество и даже красота, но все как-то «ветром подбитое», такое ж легковесное, как и сама бумажка драхма, треть которой срезана, и надпись говорит: сто, а ценится семьдесят пять...

Люди те же, что везде. Главные линии одинаковы под всеми градусами географии, дела и чувства не меняются. И только чаще здесь (чем в других местах), бездомные, убогие, нищенствующие и темные вызывают то вековое сочувствие, на котором мы, русские, особенно заквашены, мы, с детства привыкшие к возгласу:

– Подайте милостыньку Христа ради!

Бедность везде тяжела и трудна. Здесь она особенно зовет. Здесь более чем где-нибудь в кармане путника – должны звенеть евангельские «лепты» (греческая монета!), – эти лепты быстро переходят в тянущиеся руки.

На Афон. III. Афины (Памятник)

В давние, теперь уже исторические мирные времена очень хотелось побывать в Элладе. Два раза осенью все было лажено, чтобы ехать, и дважды распалось. Одно лето во флигеле сельца Притыкина усердно читался почтенный труд по греческой скульптуре, среди ливней тульского июня и в жары июля, и под яблочный Спас начала августа, когда из окна виден наливающийся аркад. Том Перро и Шипье²⁴⁶ можно было отложить, выйти, и вернувшись чрез минуту с начинавшим прозрачнеть яблоком, освежить его сладостью утомленный мозг.

То, что не удалось в естественных условиях осуществилось в неестественных. Семнадцать лет спустя все таки довелось увидеть и Акрополь, знаменитых его Кор, и Музей Национальный с издавна знакомыми богинями и архаическими Аполлонами, со статуэтками Танагры и микенскими на-

²⁴⁶ Возможно, что речь здесь идет об одном из семи томов «Истории искусства в древности» Жоржа Перро и Шарля Шипье, изданной в 1882–1898 гг. в Пари же и переизданной там же в 1911 г. См.: *Georges Perrot, Charles Chipiez. Histoire De l'Art Dans l'Antiquite. Librairie Hachette, Paris, 1882–1898. I. Egypte, 1882, 879 p.; II. Chaldee et Assyrie, 1884, 825 p.; III. Phenicie – Cypre, 1885, 921 p.; IV. Judee – Sardaigne – Syrie – Cappadoce, 1887, 833 p.; V. Perse – Phrygie – Lydie et Carie – Lycie, 928 p.; VI. Le Grece Primitive, L'Art Mycenien, 1894, 1033 p.; VII. La Grece de l'Epopée, La Grece Archaïque (Le Temple), 1898, 691 p. Id.: Librairie Hachette, Paris, 1911. Vol. 1–10.*

ходками прославленного Шлимана. Не из Москвы в Афины пришлось ехать – из Парижа.

Главнейшей, и конечной целью пути стал Афон (о чем в те годы и не помышлялось!). Благодаря Афону точно – бы переменилось нечто в зрелище. Но вековая Эллада из него не выпала.

* * *

После Акрополя ясно, что нет связи между его творчеством и расстилающимися внизу народом. Это два мира, Тысячелетия их разделяют. Потоки новых сил, приливы и отливы всяческих народностей, завоевателей и разрушителей без мерно отграничили дедов от внуков. Какой преемственности требовать? Персы и македонцы, римляне и норманны, крестоносцы, итальянцы, турки, турки и турки – что могло уцелеть от времен Фидия и Перикла? Удивительно еще, как сохранился сам Акрополь. Удивительно, что уцелеть язык – и язык тонкий, изящный, приятный по звуку.

От страшных разрушений и бед жизненных в Афинах сохранились лишь куски, осколки былой жизни. Глядя на полуразрушенные храмы, на безымянные статуи, на обломки капителей и колонн, с горечью видишь, как непрочно все. Ведь от лучшего от величайших творений тогдашнего времени почти *ничего* не осталось. Фидиеву Афину мы зна-

ем по копии²⁴⁷. Фронтоны и фризы растащены. Пракситель (единственный!)²⁴⁸ в Олимпии. Парфенон – скелет храма²⁴⁹. Эрехтейон – одни Кариатиды²⁵⁰.

При всем том оставшееся поразительно. Музеи Афин – первый сорт. В безымянных своих вещах они дают облик культуры далекой, загадочной, несколько жуткой. Кто побывал в этом городе, для того нет больше Греции «легкой» и «светлой», мило гонящейся в лесах за нимфами и отдыхающей под свирель Пана. Первобытное, великое по напряжению жизненности, некоей ярости, встает из скульптуры греческих островов и ранние – аттической, из микенских, Гиринеских древностей, даже из V-го века, полосы всяких «расцветов». Чудесный, жестокий и острый привкус Азии, медленно очеловечиваемый зверь! Нектар и амброзия Олимпийских богов, нежные голуби Афродиты весьма далеки от всего этого.

Я видел Олимп. Он, действительно, и величав, и преле-

²⁴⁷ Иван Бутников (13 декабря 1893 – февраль 1972) – русский композитор и дирижер. В 1923–1929 руководил афинской Консерваторией. В 1931–1933 гг. главный дирижёр хора Венской певческой академии. Затем композитор и дирижёр Русского балета в Монте-Карло, вместе с которым переехал в США.

²⁴⁸ Аптека (греч.).

²⁴⁹ Постройки Акрополя были в значительной степени повреждены артиллерией венецианцев, осадивших Афины в 1687 г.

²⁵⁰ Комплекс библиотеки Адриана находится в нескольких десятках метров к северу от Римской Агоры. Построен императором Адрианом в 132 г. Прямоугольное здание имело в ширину 82 метра и в длину 122 метра. Библиотека была разрушена варварами Герулами во время разграбления Афин в 267 г.

стен, светло-золотист. Он трехглавый. Три плавных и ровных вершины в снегах, отливающих золотом. На нем хорошо (но прохладно) было возлегать Зевсу, спокойному и могущественному. Но обратимся к действительности. В Музеях, да и на Акрополе – не то.

Микены небольшой город Пелопенес, в такой же выжженной, рыжей равнине, сухой и каменистой, какие нередки в Греции. Микенский царь Атрей, мрачный братоубийца, основатель целой династии Атридов, чьи несчастья и преступления заполняют собой греческую трагедию. И вот Шлиман раскопал Микены. На свет Божий выпустил целую свору древних дел, кровавых драм, кинжалов, диадем и масок тех времен, времен далеких и художнически столь высоких.

Трудно смотреть на эти вещи, не испытывая чувства восхищения и жуткой сумрачности. Какие женщины носили эти грандиознейшие, золотые диадемы. Как они двигались, какие были голоса у них! Вот их мужья: знаменитые золотые маски микенских царей. Тончайший листик золота накладывали на лицо умершего, и получался точный слепок. Страшные лица! Я заметил в них два типа: очень круглолицые цари, почти блинообразные с тонкими губами, безбородые, уши оттопырены – и противоположность: сухое лицо с прямым и узким носом, тоже тонкими губами, бородой. Это и есть они – убийцы родных жен, детей, племя как будто бы проклятое, преступное и несчастное, бедствиями заплатившее за преступления. Сколько в этой же зале черепов

с преломленными висками, разбитыми лбами, сколько мечей, кинжалов, копий и доспехов, кубков. Все что оставили по себе микенские мастера, от диадемы до крошечной резной геммы – первый сорт. Но не напрасно на рукоятке кинжала летят тонко – выделанные пантеры, в беге стремительном и беспощадном. И не напрасно два удивительных кубка из Вафио украшены сценами охоты на дикого быка.

В залах скульптуры древние статуи Аполлонов почти идольского облика, прямоугольные и негнущиеся тела, мощные плечи, мелкий завиток волос на безмысленном лбу. Богини не менее грандиозны и как-бы суровы – Артемиды с Делоса, Деметры из Тегеи. Да и сама Афина Фидия, римскую копию которой встречаем в одной из следующих зал, была статуей из золота и слоновой кости. Даже в упрощенном воспроизведении отзывает она гениальным идолом. Другой замечательный музей Афин, акрополийский, тоже полон первобытной силы произведений. «Древним ужасом» веет от всех этих «львов, пожирающих быка», от Геркулеса, поражающего гидру, от раскрашенных морд трехголового Тифона и большой дикой прелестью полна зала акрополийских Кор ряд статуй девушек афинских V-го века, составлявших вокруг Гекатомпедона²⁵¹ как бы некий «двор» кра-

²⁵¹ Джакомо Бони (Giacomo Boni, 1859–1925) – итальянский археолог и архитектор, сенатор, автор десятков книг и публикаций в научной периодике. С 1898 г. руководил раскопками на Римском Форуме, а с 1907 г. и раскопками на Палатине. Был сторонником консервации, а не реконструкции исторических памятников. После обрушения кампаниллы Собора Святого Марка в Ве-

савиц при Афине.

Коры не похожи на Венер Милосских²⁵² или Медицейских²⁵³. Это примитивы. (Были даже слегка подкрашены). Считается, что не портреты здесь представлены, а обобщенные образы, на подобие Кариатид Эрейхтейона. Не берусь спорить. Но в некоторых из них удивительно сохранилась тайна жизни. Трудно отрешиться, что это не живые существа, колдовским способом усыпленные и к нам закинутые. Кор делят на типы – древнейших самосских, ионических, аттических. Особенно едки, пронзительно-остры мне показались Коры ионические их приподнятые углы глаз, слегка как бы косящих, насмешливые и не совсем добрые губы проникнуты первоизданым очарованием. Только трудно пове-

неции вел раскопки ее фундамента. Увлекался изучением древних языческих культов и полагал, что деятельность фашистской партии Италии может способствовать возрождению Древнего Рима, участвовал в разработке празднования первой годовщины организованного Бенито Муссолини и фашистской партией Марша на Рим, результатом которого стало назначение Муссолини главой Совета министров Королевства Италии.

²⁵² Национальный Археологический музей строился по проекту Панагиса Калкоса, Людвига Ланге и Эрнста Циллера с 1866 года. Размещение экспонатов началось задолго до окончания работ – в 1874 году, когда было завершено только западное крыло. Строительство, завершенное в 1889 году, финансировалось греческим правительством, археологическим обществом Греции и Николасом Вернардакисом, греком из России. В 1932–1939 годах к зданию было пристроено восточное крыло в два этажа. Музей обладает крупнейшей в мире коллекцией древнегреческой скульптуры.

²⁵³ По-видимому, здесь речь идет о работе епископа Чигиринского Порфирия (К. А. Успенского) «История Афона». Ч. 1–3. СПб., 1877, 1892.

ритель, что эти девушки. Может быть потому, что для нас девушка уже тронута христианской Девой, Мадонной, тем образом нежности, кротости, чего еще нет в этой жгучей полу-азиатчине.

* * *

Однако, знала – же Эллада в своем творчестве некий всечеловеческий, «идеальный» язык, выразивший *нашу*, западную культуру, в отличие от востока? Нечто как – бы «для всех» найденное, против чего не спорят и не возражают?

Да, но вот это чистейшее и высочайшее в скульптуре Эллады – между Фидием и Праксителем – почти все погибло. Обломки фризов и фронтона Парфенона да Гермес Праксителя? Необычайная «влага» движений, «воздух» одежд, все плавное и певучее, музыкальное в мраморе V–IV веков... – это мы восстанавливаем больше воображением, и приходится прибегать к фрагментам Лондона и Парижа, к «Рождению Венеры» римского музея Терм²⁵⁴, Афи-

²⁵⁴ Монастырь Дохиар посвящен святым архангелам Михаилу и Гавриилу. Основан во второй половине X века близ Дафни. Перенесен на настоящее место, согласно преданию, в XI веке после разрушения первоначальной обители. Собор св. Михаила и Гавриила построен в XVI веке и расписан критским мастером. На территории монастыря расположены 15 домовых храмов и часовен. В библиотеке 545 рукописей и до пяти тысяч книг. От Дохиара до Свято-Пантелеимоновского монастыря около двух часов пути, до Костамонита около полутора часов.

ны – же нам сохранили преимущественно примитивы, грозные в своей силе и указывающие, каким напором жизненных сил и творчества обладал этот народ.

Из всего, виденного в Афинах, я едва могу указать две-три вещи «тихого» и «задумчивого» характера. Это во-первых, знаменитый элевзинский барельеф Национального музея, где Деметра перед Персефоной посвящает юного Триптолема в таинства Элевзина, передавая ему пучке колосьев – очаровательный возвышенною и одухотворенной простотой редкий образчик того «подземно-мистического», что через орфиков, платоников, пифагорейцев давало знать Элладе о скором пришествии нового, высшего мира. Я полюбил также так называемую стелу Аристиона – надгробный памятник, изображающий (рельефом) воина топлита, опирающегося на копье, в спокойной, сдержанной позе с оттенком большой человечности, даже и грусти.

Легкою, но неглубокою радостью радуешься на танагрские статуэтки, опять жалеешь, что так мало знаешь Праксителя, отголосок его света, изящества и аттической сдержанности есть в этих приятных фигурах. Ничего крупного. Малая жизнь, быть далеко до мировых тем (прачки, ссыпка зерна, хозяйка несет хлеб), но любовь к жизни и чувство её, легкость, с какой безымянный ремесленник лепит милые существа. Возвращаясь из Салоник в Афины по железной дороге, я в Фивах на станции, (недалеко от Танагры) видел все это одушевленным: Фиванские девочки, терракотовые от за-

гара, полуголодные и полуодетые продавали проезжим – холодную воду! – больше и предложить то им нечего. Амфоры в этой водою, чернофигурные, держали на слабом плече и просительно взглядывали на проезжих, с платформы.

К отделу искусства «милого сердцу» причисляю и еще некоторые вазы. Особенно – же лекифы с белыми фонами, тонким и острым рисунком, остатками красок. Лекифы относятся к погребальным сосудам²⁵⁵. В них хранилось благоуханное масло, и художник изображал на них меланхолические мотивы (крылатые гении Сна и Смерти опускают в могилу умершего, Гермес ведет усопшего в лодке Фарона и т. п.). Красота фона и бледно-выцветших красок живописи на нем, легкость и спиритуальность, проникнутая тонкой печалью, сама прелесть свободного и простого рисунка, все как-то приближает к душе. Это немногие вещи здесь, которые и теперешний человек ощущает почти своими, нет жуткого расстояния. Странно сказать, но в лекифах есть романтизм, черта редкая в Греции.

* * *

На холм Акрополя взбираешься неширокой тропой, среди запыленных соснообразных кустарников. Громадная пу-

²⁵⁵ Рельефные или скульптурные изображения лекифов встречаются в местах погребения, в качестве художественных элементов надгробий, в частности на кладбище Керамикос в Афинах, которое посетил Зайцев.

таница Пропилей вводит на каменный лоб этого единственного в мире места. Обломки колонн, остатки фундаментов, бледно-синеватые глыбы горных пород, идущие как-бы из чрева земли – и направо стволистый прямоугольник Парфенона, а налево, в глубине, задумчивые и загадочные Кариакиды поддерживают портик Эрехтейона.

Ничего не растет на этой почве, кроме темно-красных маков – у древних мак считался братом смерти. Несколько бледных, жалких колосьев, да еще каких-то жестких трав, желтенькие маргаритки, вот и вся флора Акрополя. Скучна здесь Деметра!

Парфенон дорический храм могучий и мужественный. В нем нет ничего девического («Парфенон» значит «помещение для девушек»). Так называлась вначале часть здания, где собирались девушки и отсюда выходили в храм во время празднества Афины-Паллады).

Я никогда не представлял его себе таким монументальным! Он поражает силою и непреклонностью. «Да будет свет. И стал свет». Вот это есть в нем – творческое величие, а вовсе не изящество, не легкость и не «музыка» линий и масс, как почему-то думалось. Красота и соразмерность его, единство духа удивительно. Вероятно, во времена Перикла он был пестрее, ярче, несколько даже грубей. Тысячелетья солнца, ветров и дождей все смягчили, протеплили, оприродили. Как все творения подобные, сейчас Парфе-

нон стал частью (гениальной) земной коры, земного пейзажа. Его колонны налились светом. Так яблоко, созревши, делается прозрачным. Положительно, эти стволы и эти плиты, и ступени напитались медвяным золотом. Их облики в ярко лазурном небе и их голубые тени, все это струение и дыханье золотого света и «синей» синевы – незабываемо.

Эрехтейон меньше удивляет. Его таким и ждал – он не больше, и не менее мечты о нем. Бесконечно приятен, около него можно сидеть и «любоваться», он оставляет душу как-то равною себе самой, не подавляет, не вторгается по праву сильного.

Вообще в Акрополя не уйдешь скоро. Даже если не заходить в его музей, то нельзя не побродить, не поглядеть на мир, отсюда расстилающийся. Это Афины и Греция. Под ногами большой коричневатый город, прорезанный длинными улицами – отсюда видно, как они кишат народом. С юга полукруг моря с путаными силуэтами островов и гор, горы кольцом охватывают и с севера, оставляя небольшую равнину. По этой рыже-коричневой равнине разбегаются последние предместья города. С севера острый холм Ликабета²⁵⁶ с монастырем на верхушке прорезывает пейзаж. К вечеру и долина, и горы слегка лиловеют, сквозь тонкий флер морского воздуха. Но не смягчить главного, что есть и в Акрополе и во всем вокруг: каменной сухости, некоего бездо-

²⁵⁶ На вершине холма Ликабет помещается храм святого Георгия, заменивший со бою древнее святилище Зевса.

ждия и пустынности.

Нет зелени! Лишь Заппион да правей черные кипарисы кладбища темнеют пятнами на лилово-рыжей и коричневеющей, серо-бесплодной земле. Горы совсем голы, совсем сухи. Ни одной виллы по склонам, ни садика, ни кипариса домашнего (не кладбищенского). Строгая, четкая Аттика. Храмы, статуи, Пропилеи... но где краска жизни в этой стране, где её живопись, где теплота и хоть некоторые – бы уютность, смягчение?

Тут и есть то расстояние, о котором я говорил. Древность Эллады (и вообще истинный её облик) есть великое, но не входящее в нас так телесно и непосредственно – воздухом, глазом, звуком, как прелесть Тосканы, Рима, Прованса. чтобы войти в здешний мир, надо сколько-то перестроиться внутренне, себя приспособить.

* * *

Есть одна чудесная вечерняя прогулка древних Афин. Из Пропилей за город. Мимо низеньких сосенок, мимо Ареопага и темницы Сократа к монументу Филопаппоса²⁵⁷. Тоже

²⁵⁷ Монумент Юлия Антиоха Филопаппоса построен из мрамора и включает не сколько барельефов и три статуи – в том числе и самого Юлия Антиоха. Статуи расположены с северной стороны памятника, обращенной к Акрополю. Сохранявшийся в превосходном состоянии памятник был частично разобран в го-

все скалы, чуть поросшие темной щетинкой зелени. Апостол тут проповедовал. Сократ – если и не сидел в этой черной дыре в скале с решеткою – то во всяком случае это его мир, тут он ходил и вблизи жил. На полпути по холму к монументу Филопаппоса можно присесть на крутой и остро-каменной тропинке. Отсюда, в сумерках, вид на Афины. Но теперь Акрополь сам подымается массой великой и могущественной, за ним справа чернеют Заппион и Стадий, с первыми огоньками. Фиолетовое небо над Акрополем, ветерок с моря, шелестящий сухой травой. У ног маленькая церковь византийская и дикие кустарнички по скалам, и пустыня, пустыня. Горы дальним кольцом, да звезды.

Сумрак, одинокую еще цикаду, черноту Заппиона и яркость Юпитера – не позабудешь.

ды турецкого правления. Восстановлен в результате раскопок, проводившихся в 1898–1940 гг.

АФОН

*Его высокопреосвященству митрополиту
западно-европейских русских православных церквей
Евлогию почтительно посвящает*

Автор

1 февраля 1928

Памяти митрополита Евлогия

Я провел на Афоне семнадцать незабываемых дней. Живя в монастыре, странствуя по полуострову на муле, пешком, плывя вдоль берегов его на лодке, читая о нем книги, я старался все, что мог, вобрать. Ученого, философского или богословского в моем писании нет. Я был на Афоне православным человеком и русским художником²⁵⁸. И только.

Афон предстал мне в своем вековом и благосклонном величии. Тысячелетнее монашеское царство! Напрасно думают, что оно сурово, даже грозно. Афон – сила, и сила охранительная, смысл его есть «пребывание», а не движение, Афон созерцает, а не кипит и рвется, – это верно. Но он полон христианского благоухания, то есть милости, а не закона, любви, а не угрозы. Афон не мрачен, он светел, ибо олюблен, одухотворен.

Афон очень уединен и мало занят внешним. Это как бы остров молитвы. Место непрерывного истока благоволения.

Афонцы мало знают о пестрых делах «мира» и судят о них не всегда удачно. Но они не устают молиться о мире, как молятся и о себе. Они, сравнительно, не много занимаются наукой, философией, богословием. Зато непрерывно служат Богу – в церкви, в келий. Это придает им особый оттенок. «Мир» справедливо полагают они грешным, но я не замечал у них гордыни или высокомерия к нему. Напротив, сочувствие, желание оказать помощь. Простота и доброта, а не сумрачное отчуждение, – вот стиль афонский, и недаром тысячи паломников («поклонников») перебивали в этих приветливых местах.

«Мир» всегда шел сюда за уроком духовного благообразия. Сейчас связь с Родиной прервана – это ничего не значит. Афон видал столетия отрыва от нее (во времена монгольского ига), он вообще ориентирован на вечность. Вместо поклонников с Востока к нему идут теперь поклонники с Запада, пусть в меньшем числе, но тоже русские, и другого общественного положения: вместо крестьян и купцов – более просвещенный слой. Настанет, конечно, время, придет и Россия.

Она и сейчас есть на Афоне, в лице русского населения, русского монашества – густая, крепкая и корневая Русь. Одно из очарований Афона: в нетронутой чистоте русский тип, склад, язык, то, что близко и что трогает, конечно, лишь нас, русских. «Гордый взор иноплеменный» скользит мимо.

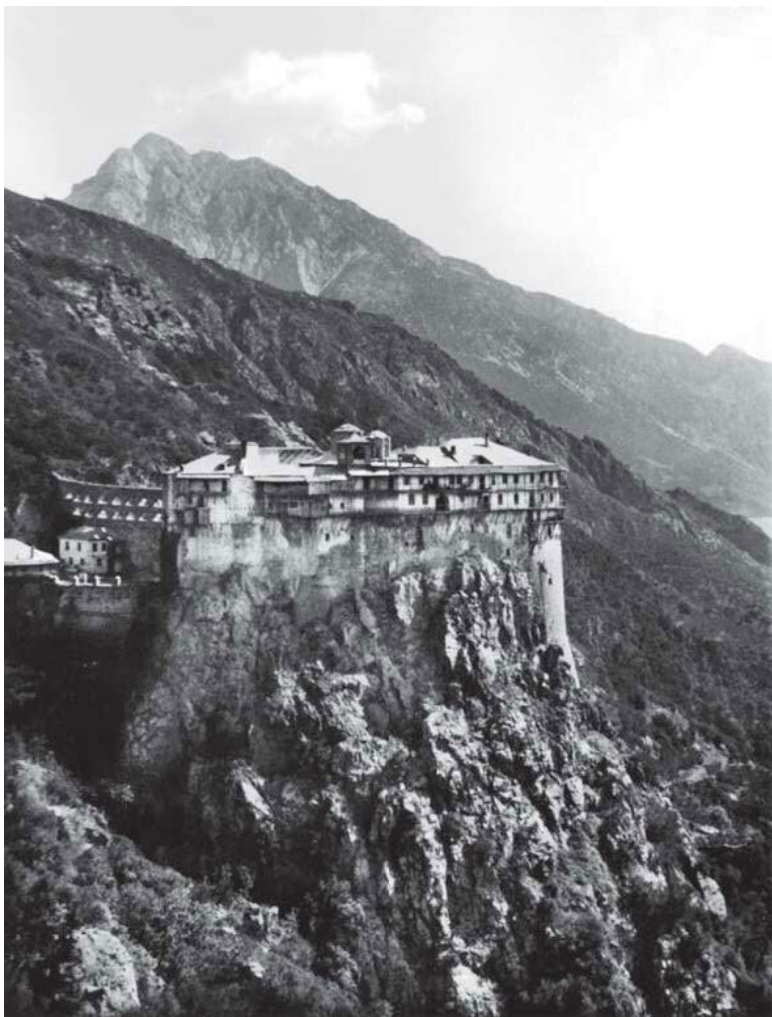
В этой небольшой книжке я пытаюсь дать ощущение Афона, как я его видел, слышал, вдыхал. Повторяю, сама тема

огромна. Я же ставлю себе весьма ограниченную задачу.

Париж, 1 февраля 1928.

ВСТРЕЧА

Ранняя заря, сырое дымное утро. Туман слегка рдеющий, ветер все усиливающийся. Начинается качка. Над холодно-ватым блеском волн вдруг взлетает веер брызг, нос «Керкиры» опускается и меня обдает соленой влагой. Невольно опускаю голову и когда подымаю ее, вдруг вижу справа, далеко в море, еле выступающую в бледно-сиреновом дыму утра одинокую гору. Отсюда она двузубчата, столь высока и столь под цвет облакам и туманам, так неожиданна, крута и величественна... – да правда ли гора? Может, такой странной формы облако?

Монастырь Симонопетр

Нет, не облако. Нет, гора, а облака цепляются за верхний ее двузубец, и в этом есть что-то синайское, тут, действительно, престол неба.

Весь переезд море было покойно, теперь качка усиливается. Чаше летят в лицо брызги, но все стою, все смотрю, вот он, наконец, дальний, загадочный Афон, Святая Гора – я плыву к ней вторую неделю. Чем ближе подходим, тем яростнее ветер. Теперь видны уже верхи холмов всего полуострова афонского, все забиты клубящимися тучами, холод и влага летят оттуда. Неприветливо меня встречает Афон. [И] Что-то грозное есть в этой горе, обрывом срывающейся в море, ветхозаветно-грандиозное. Волны кипят у ее оконечности. Нашу «Керкиру» начинает швырять. Точно бы кто-то, трубящий в огромный рог, отнимая его на минуту, гремит: «Хочешь видеть алмазную скалу? Вот она! Но велик и страшен Бог!»

Монастырь св. Пантелеимона

Монастырь св. Пантелеимона

Когда подошли совсем близко, стало несколько тише. Вдоль берега мы подымались к пристани Дафни, проходя мимо ущелий и холмов, мимо монастырей, то гнездящихся уютно, в складках местности, то, как Симонопетр, воздымающихся на головокружительной скале, прямо сливаясь с нею, увенчивая.

– Как будем приставать в такую бурю? Ну, да впрочем, здесь уж все, как полагается.

Это значило приблизительно то, что мудрить нечего, особенный мир, все равно, своей волей и соображениями ничего не прибавишь.

И, несмотря на седые полосы туманов, дождей в горах, на холодный ветер, волны, мы на Дафни благополучно спустились в лодки, танцовавшие вокруг, и через несколько минут были на пристани.

Еще с борта «Керкиры» видел я подходившую от нашего монастыря лодку (ясно выступали влево на берегу колокольни и главы, кресты крупнейшей русской обители на Афоне – монастыря св. Пантелеймона). В ней стоя греб худощавый и высокий монах в шапочке. Подойдя к Дафни, ловко и быстро перебежал на корму, закинул небольшой якорь. Что-то веселое и непринужденное было в его движениях.

– Из русского монастыря? – спросил я его.

– Да, да, так точно.

Он поднял на меня худую и приятно-загорелую голову нашего «ка лужского» вида, со светло-голубыми и живыми глазами, ярко выступавшими на более темном лице. Все оно, как и глаза, было полно ветра, веселости.

– К нам в монастырь?

– К вам.

– А святое ваше имя?

Я назвал.

– Так, так, хорошо, очень хорошо... – он быстро и ласково сказал это таким тоном, как будто особенно хорошо, что у меня такое имя. – Да, значит, именинники на Бориса и Глеба?

... – Только что вам пока на Карею надо, документики вы-

править, оно досадно, что не прямо к нам, а уж так надо, иначе греки не позволяют. Вещи ваши я в монастырь доведу.

И о. Петр (так его звали) быстрой и легкой своей походкой повел меня в маленькое греческое кафе на пристани и подрядил проводника с мулом.

– До Кареи и доберетесь. Ничего, у нас и митрополит Антоний на такой мулашке ездил.

Через полчаса кривоногий грек в обуви, вроде мокасинов, подвел к каменной приступочке, нарочно для этого сделанной, вялого мула. Другой был у него в поводу. Мы тронулись по горной тропе – медленно и молчаливо.

Taciti, soli e senza compagna,
N'andavam l'un dinanzi e l'altro dopo,
Come frati minor vanno per via.

(Dante)²⁵⁹

А о. Петр, так же прямо стоя в лодке, так же бодро, весело греб к русскому монастырю св. Пантелеймона.

* * *

«Все необычайно в этом новом мире» – сразу ощутил я,

²⁵⁹ Молча, в одиночестве, без спутников, // Выступали мы, один вожатым, другой сзади, Как ходят по дороге братья-минориты. // *Данте*. Божественная комедия. Ад. Песнь 23, ст. 1–3. Перевод Б. К. Зайцева. Париж, YMCA-Press, 1961.

сидя верхом на скромном животном, осторожно перебирившем ногами с маленькими копытцами.

Тропа вилась бесконечно, и все больше в гору. Вокруг дикие кустарники, каменные дубки, цветущий желтый дрок – я срывал иногда, с седла, его милые цветы. Так же, как и спускаясь в плясавшую лодку, чувствовал себя в чужой власти: вот бредет мул по крутому обрыву и поскользнется своим подкованным копытцем, или нет, его воля. Сломает себе ногу, или будешь цел, тоже неведомо. Как неведомо и то, нанесет ли этот холодно-облачный ветер, «гурья» («борей» в русской переделке!) – нанесет ли он ливень прежде чем доберемся до Кареи, или же позже. Но чувствуешь – ничего, все устроится, «образуется».

Грек срезал мне длинный прут и, подавая, сказал:
– Гоняй мула. Бей, бей.

Я пребыл равнодушным. Что там «гонять»? Он сам знает дорогу. Мы поднялись мимо древнего греческого монастыря Ксиропотама, где все было тихо и [молчаливые] молчаливы кипарисы, тополь у его входа, да [яркие] яркие маки. Дорога стала шире, мы вступили в каштановые леса. Справа глубокая долина, в ее ущелье [жемчужною] жемчужной нитью висит водопад – беззвучный. По дальнему взгорью темнеют кедры и сосны. За ними, в облаках и туманах сама гора Афон, сейчас почти невидимая – закутана влажно-суровыми пеленами. Ветер свистит, гудит в каштанах. Мелкая влага сеется. Хорошо, что мы в лесу! На чистом месте сдуло бы.

Кутаюсь в плед. Мул ступает своими копытцами по священным камням Земного Удела Богоматери.

Сердце крепко и радостно. На верхах закипает буря.

* * *

Мы находимся в стране, конечно, не совсем обыкновенной.

От полуострова Халкидики, во Фракии, выступили в море три ответвления – Кассандра, Лонгос и вот наш Афон, самый восточный из них. Это полоса суши длиной около восьмидесяти верст, шириною в двадцать-тридцать. На южном своем конце она обрывается в море островерхою горой, собственно «Афоном». По полуострову идет холмистый кряж, как хребет живого существа, весь заросший лесами; едва пролегают там тропки. Двадцать монастырей – греческих, русских, болгарских, сербских, румынских – разбросаны по этим склонам, много скитов, еще больше «келлий» и «калив» (в последних живут одиночки-пустынники). Кроме монахов никого нет на полуострове – ни села, ни фермы, – и так уже более тысячи лет! С седьмого века стали селиться здесь иноки (по окончании великого переселения народов). Византийские императоры им покровительствовали, давали «хризовулы»²⁶⁰ с привилегиями, угождями, име-

²⁶⁰ На этом холме высотой около 900 метров над уровнем моря ныне расположены небольшой храм св. Спиридона с пещерной церковкой при нем и, на самой

ниями («метох и»)²⁶¹. Вторую тысячу лет не знает [никого эта земля] эта земля никого, кроме монахов. Около тысячи лет, постановлением монашеского Протата, не ступала на нее нога женщины. (Не только женщинам запрещен доступ на Афон, но и животным женского пола.) Горы, ветры, леса, кое-где виноградники и оливки, уединенные монастыри с монахами, уединенный звон колоколов, кукушки в лесах, орлы над вершинами, ласточки, стаями отдыхающие по пути на север, серны и кабаны, молчание, тишина, море вокруг... и Господь надо всем, вот это и есть Афон.

* * *

Одолев хребет, стали спускаться. Внизу, сквозь редящий лес завиднелись крыши и колокольни – монашеский городок Карея²⁶², место главного управления Афоном. За ним ед-

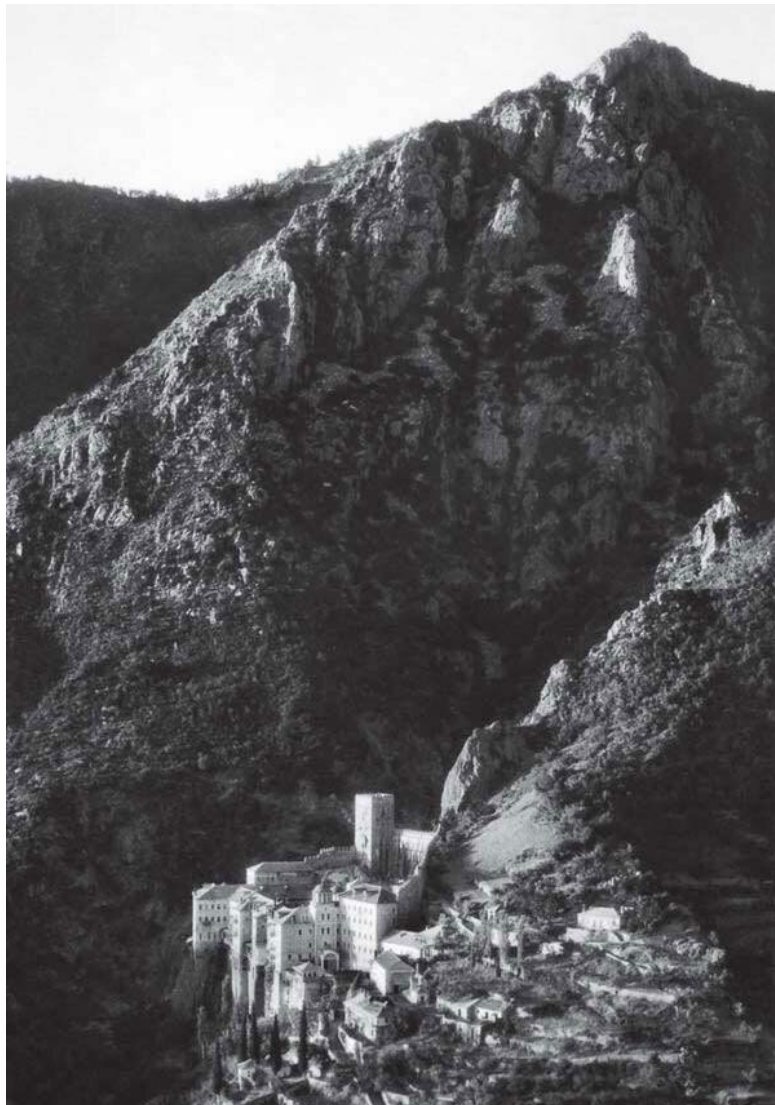
вер шине холма, храм св. Георгия, возведенный в XI–XII вв., сгоревший в 1930 г. и восстановленный в 1931 г. В нижнем этаже храма – подсобные помещения здешнего ресторана.

²⁶¹ То есть статуя Гермеса работы Праксителя, сохраняемая в Археологическом музее г. Олимпия.

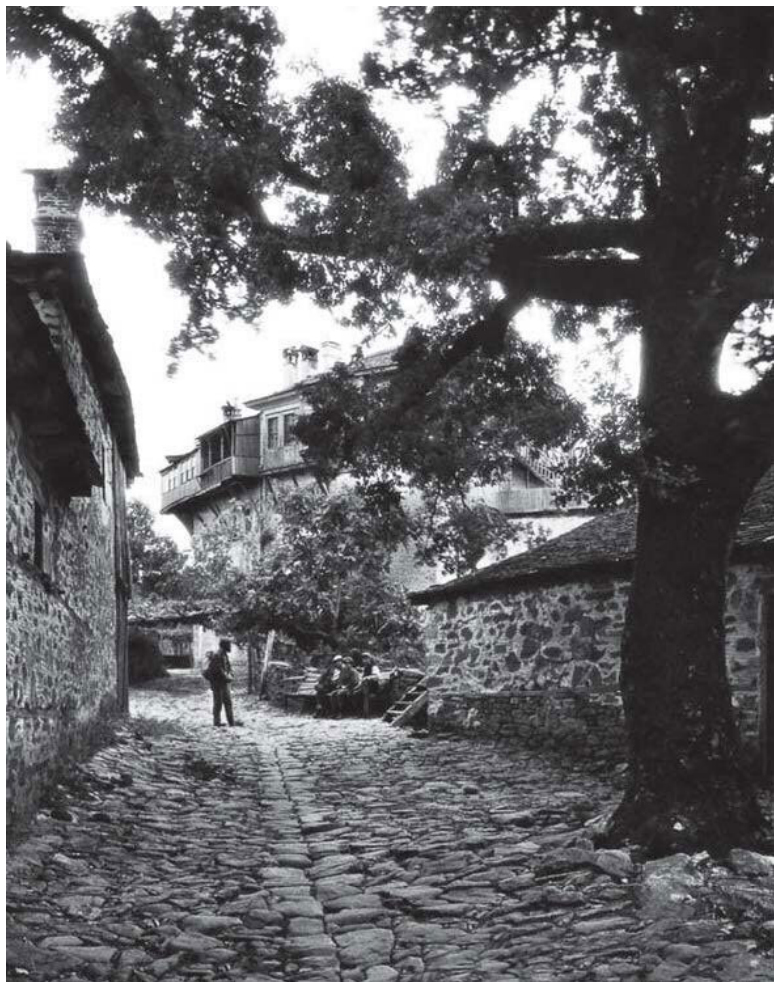
²⁶² Карея – центр управления полуостровом. У каждого монастыря есть здесь свой «конак» или подворье. Монастыри посылают в Карею своих представителей, «антипросопов». В антипросопы избираются наиболее просвещенные и образованные монахи (от русского монастыря – непременно хорошо владеющие греческим языком). В очень отдаленные времена управление Афоном было монархическим, правил Прот (Первый), старец-игумен всей св. Горы, при нем находился синод почетных старцев (совещательный орган). До падения Византии

ва видно сквозь полудождь, полу-туман пенно-кипучее море, у берега еще синее, дальше сливающееся с [тяжкими] тяжелыми пеленами туч. Грек указал мне русский «конак» (подворье Пантелеймонова монастыря) и ушел со своими мулами.

Проты рукополагались константинопольским патриархом. С начала XVII века управление стало коллегиальным, появился Протат, или Кинот, в их теперешнем виде. Антипросопы, составляющие его, считаются между собою равными. Председательствует представитель Лавры св. Афанасий – самой древней и могущественной обители. Вряд ли, однако, я ошибусь, если скажу, что хотя в идее антипросопы равны, на практике Афоном правит группа могущественных греческих монастырей – Лавра, Ватопед, Ивер. Всего на Афоне двадцать монастырей, посылающих в Протат представителей (скиты и келлии не посылают). По влиятельности и старшинству монастыри располагаются следующим образом: Лавра, Ватопед, Ивер, Хиландарь (сербский), Дионисиат, Кутлумуш, Пантократор, Ксиропотам, Зограф (болгарский), Дохиар, Каракалл, Филофей, Симонопетр, Св. Павла, Ставроникита, Ксеноф, Григориат, Есфигмен, Русик (наш монастырь св. Пантелеймона), Костамонит. Таким образом, в иерархии монастырей русский монастырь св. Пантелеймона, один из самых многолюдных и вообще больших, занимает 19-е место! // Каждые пять монастырей выбирают по одному эпистату, так что существует еще четыре эпистата, один из них «протоэпистат» или назир. Эпистаты – как бы исполнительный и финансовый комитет Афона. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

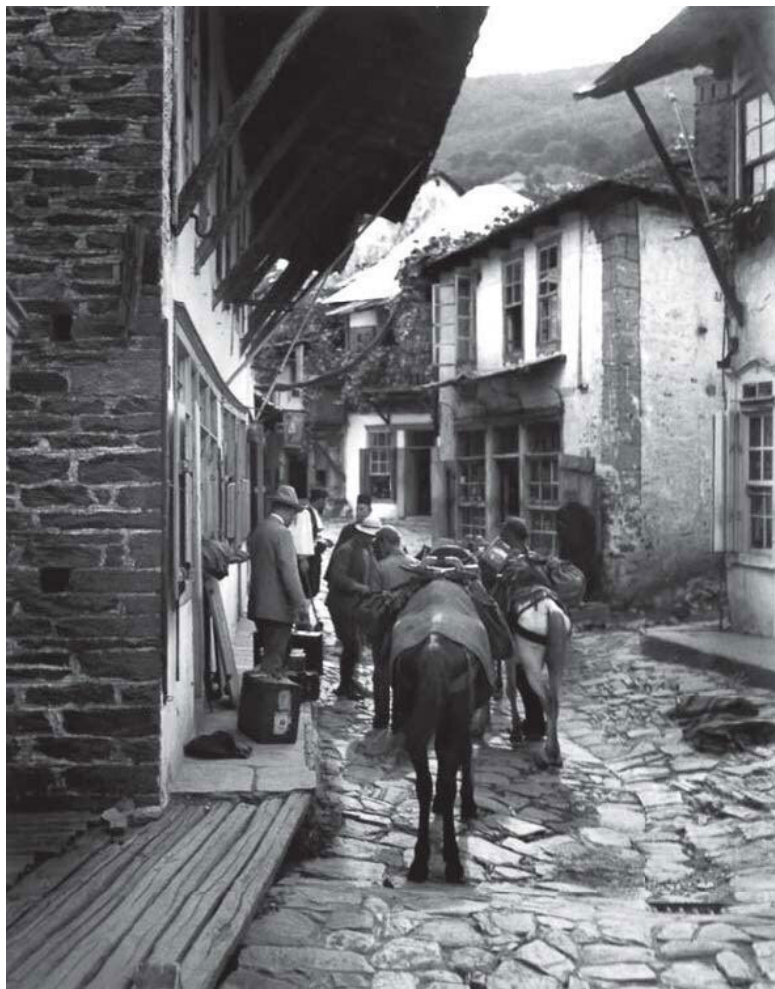
Монастырь Св. Павла

Монастырь Филофей

Монастырь Кутлумуш

Улица в Карее

Через четверть часа я уже был в большом старомодном доме, в нижнем этаже которого, по сторонам широкого коридора, две-три кельи, кухня и параклис (небольшая домовая церковь), а во втором, куда ведет широкая лестница – покои для приема посетителей. Да, во время послано мне пристанище! Туман с моря надвинулся окончательно. Полил сплошной, спокойный, многочасовой дождь. Но что мне до него теперь[.]? У меня целые апартаменты: большая зала со стоячими часами, циферблат и маятник которых сплошь в разноцветных инкрустациях. Старинные кресла, портреты царей и архиереев, огромная стеклянная галерея с диванами и выступом вперед, где стоит стол с букетом роз из нижележащего сада, еще залы с диванами и митрополитами, собственно моя комната с тремя кроватями, всюду тишина, полуобитаемость. Старинный [,] сладковатый запах, хорошо натертые полы, чистые половички... – тот образ давней, навсегда ушедшей Руси, что отводит к детству, быту и провинции.

Улица в Карее

О. Мина, седоватый южанин с простонародным лицом, умными глазами, приносит завтрак, первая трапеза на афонской земле: рисовый суп и рыба баккалара с фасолью, стакан красного домодельного вина.

После завтрака идем по делам моего оформления: сначала к греческому офицеру – «астиному», а затем в главное монашеское управление полуострова – Протат.

Протат

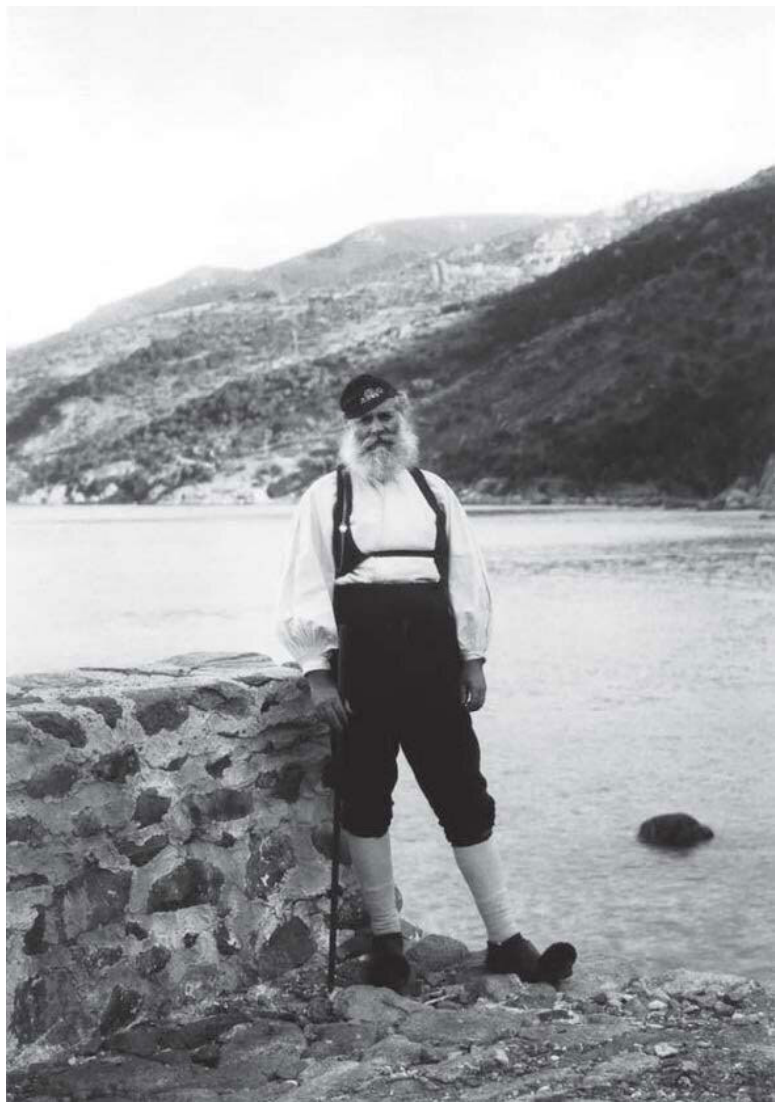
Никогда я не видал города, подобного Карее, никогда, конечно, не увижу. Мы шли узенькими, извилистыми улицами мимо иногда очень живописных домов, нередко голубых (любовь Востока), с выступающими балконами, увитыми виноградом, иногда под [защитою] защитой (от дождя) галереи. Вот лавка, другая. Можно купить монашеский подрясник, икону, резную ложку, разные вообще вещи. Дверь открыта. И войти не возбраняется. Но никого в лавке нет — как и на улице, как, кажется, вообще в городе. Что это, неразрушенная Помпея? Нет, жители все же есть. Их только очень мало: монахи да несколько греческих купцов. Они гнездятся в глубине домов. Можно и лавочника получить, надо лишь пройти в переулок, а там направо, постучать в дверь, и он придет продать вам цветную открытку или афонские четки. Но не встретишь в столице Афона женщины. Город одних мужчин, единственный в мире.

Через несколько минут о. Мина ввел меня на какой-то двор, и мы поднялись на крылечко. На стеклянной галерейке два рослых сардара в белых юбках, удивительных туфлях с помпонами на носках и в темных шапочках варили кофе. Вид у них, особенно у седого, очень красивого, румяного, был очень важный и почти священнодейственный. Я подал письмо высокопреосвященного Хризостома, митрополита афинского.

Сардар величественно его прочел и ушел куда-то. Мы в приемной «Священной Эпистасии», или Протата

Афонского. Протат учреждение очень древнее [, времен византийских императоров]. Оно пережило турок и действует при теперешнем греческом правительстве – собрание представителей монастырей, своеобразная дума монашеской республики. По древней своей славе монастыри Афона ставропигиальны, то есть подчинены не местной епархии, а прямо Вселенскому Патриарху. Фактически же управляются вот этим Протатом.

Присутствие еще не открывалось. Один за другим подымались со двора по лесенке и проходили через нашу галерею – важные и полные греческие монахи – черные, курчавые, с небольшой, тугой, завязанной узлом косицей на затылке. Они раскланивались приветливо и слегка покровительственно. Когда все оказались в сборе, один из них, бывший в России и говорящий по-русски, вышел к нам и попросил меня в Протат.

Сердар Георгий

Мы вошли в большую комнату с диванами по стенам. На диванах заседали эпистаты. Прямо против входа у стены [высокое] резное кресло (мне показалось даже – на возвышении) вроде трона, и на нем «первоприсутствующий», председатель Эпистасии. Меня усадили на диван. Узнав, что я не говорю по-гречески, председатель стал задавать вопросы через эпистата, введшего меня. Я отвечал, а больше рассматривал окружающее. Разговор шел в очень любезном тоне, расспросы касались России, меня, моей семьи, профессии и т. п. При каждом моем ответе «царь» (как я его про себя назвал) вопросительно оборачивался к переводчику, т.[ак] ч. [то] я каждый раз видел его смоляно-черную косичку – и выслушав ответ, кивал мне благосклонно-покровительственно, говорил:

– Кала, кала! (Отлично, да!) – с таким видом, что заранее ему известен был мой ответ и заранее он все понял и одобрил.

В разгаре этой дружественно-элементарно-самоочевидной беседы красавец сардар поднес мне на огромном блюде угощение: чашечку кофе, рюмку «раки»²⁶³, вазочку варенья (глико), стакан ледяной воды. Я не знал, как обойтись

²⁶³ Одна из шести Кариатид Эрехтейона была снята с пьедестала в 1806 г. и вывезена в Великобританию послом графом Томасом Брюсом лордом Элджином вместе с частью фронтона и фриза Парфенона. Эти фрагменты храмов Акрополя были приобретены Британским музеем.

с вареньем, чуть было не забрал всего. Сосед мой добродушно улыбнулся, объяснил, что надо взять на ложечку и облизнуть, а ложку назад в общее варенье – оно поедет далее по эпистатам. Было слегка смешно, слегка неловко, главное же, ни на что не похоже, разве на какой-то сон. С первой минуты показалось нечто среднее между советом десяти в Венеции²⁶⁴ и Карфагенским сенатом – в христианской транскрипции. Так и не знаю до сих пор, с чем сравнить в точности, но косицы и рясы, древние иконы по стенам, литографии, пряность глико, раки, сладостность языка, мягкость диванов, медлительная лень движений – все слилось в дальнюю, навековую экзотику.

Средневековый секретарь, с пером за ухом, с острым, похожим на Гоголя профилем, в это время строчил бумагу – мой новый «паспорт». Окончив, стал обходить эпистатов. Они вынимали из недр карманов под рясами кусочки металла и давали ему. Он собрал, возвратился к месту, свинтил кольцом все эти секторы и приложил к бумаге торжественную и прекрасную печать – Дева Мария с Младенцем – знак того, что все монастыри св. Афонской горы дают мне покровительство и оказывают гостеприимство.

Председатель прочел, кивнул, сказал свое «кала» и любезно подал мне. Оставалось не менее любезно благодарить.

²⁶⁴ Древнейший храм Афины, начала VI века до Р. Х., остатки фундаментов которого на Акрополе были раскрыты в результате раскопок.

Под вечер я шел пешком к Андреевскому скиту – совсем недалеко от Кареи. Там должен был ночевать. Дождь перестал. Туман стоял непроходимо. Меня вел из Кареи скромный монашек «сиромаха» (бедняк и странник). Я не запомнил его имени. Даже и внешность не удержалась. Один из тех безвестных и смиренных, каких много я встречал потом на Афоне, не имеющих куда преклонить главы, иногда всю жизнь проводящих в странничестве, иногда оседающих где-нибудь при скитах и келлиях, на тяжелой работе и полуголодной жизни. Иногда живут они и совсем пустынночески в небольших каливах. Разные среди них бывают типы – от бродяжки до подвижника, как древние анахореты славящего [sic!] в тишине Бога. Иные, на самом Афоне, полагают, что среди таких-то вот, в безвестности и внешнем бесславии, и живет слава Афона.

Я не знаю, каков был мой спутник. Он куда-то шел. Его подцепил на улице Кареи о. Мина. Он смиренно ждал меня в прихожей конака, потом в тумане молчаливо вел, и у врат белокаменного Андреевского скита, низко мне поклонившись, так же пропал в тумане, как вынырнул из него в Карее. Я же остался у ворот монастыря подобно тому флорен-

тийскому литератору²⁶⁵, [с которым, к сожалению, нет у меня ничего общего и] о котором говорит легенда, что пришел он раз, в изгнании, на заходе солнца со свитком первых песен «Ада» к монастырскому привратнику, постучал в дверь и на вопрос: [кто там?] чего надобно? – отвечал: мира.

²⁶⁵ Башня Ветров одно из древнейших сооружений Афин, высотой 12 и шириной до 8 м., построенная, возможно, около середины I в. до Р. Х. на восточной стороне римской Агоры из белого пентеликонского мрамора. В средние века башня использовалась как церковная колокольня Византийского храма, а во время Османского правления в ней жили дервиши. В 1837–1845 гг. Греческое Археологическое общество организовало расчистку башни. Внутри башни были размещены водяные часы, снаружи – часы солнечные. Грани башни, шириной 3,2 м каждая, ориентированы строго по сторонам света, а пирамидальная кровля увенчана флюгером в виде фигуры Тритона; в правой руке он держит стрелку, указывающую направление ветра. Вверху на каждой из граней помещено рельефное изображение ветра, дующего с той стороны, к которой обращена данная сторона башни – Борея (N), Кекия (NE), Эвра (E), Апелиота (SE), Нота (S), Липса (SW), Зефира (W) и Скирона (NW). Башня послужила образцом при строительстве обсерватории Radcliffe в Оксфорде, башни Torre del Marzocco в Livorno и других сооружений. Наиболее приближенным к оригиналу воспроизведением остается построенная в 1849 г. в Севастополе, вероятно по проекту полковника Джона Уптона вентиляционная башня Морской библиотеки, сложенная из инкерманского камня, так же восьмигранная и украшенная аллегорическими изображениями ветров. На открытке с изображением Башни Ветров Зайцев пи сал о Святой Горе своему тестю А. В. Орешникову 2 июня 1927 г. из Афин в Москву: «[...] это чудный край, собираюсь о нем писать [...] в музеях Афин вспоминаю Вас». (ОПИ ГИМ, ф. 136). Открытка воспроизведена на вкладке в кн.: Алексей Васильевич Орешников. Дневник 1915–1933. Кн. 2. М., 2011.

Андреевский скит

Основной и главнейший вид монашеской жизни на Афоне – монастыри (общежительные и особножитные). Они стоят на собственной земле²⁶⁶, принимают участие в управлении Афоном, посылая своих представителей в Протат. Меньшая, чем монастырь, община, возникшая на земле какого-либо монастыря и не имеющая представительства, называется скитом.

Андреевский скит по количеству братии и по обширности (его Собор, новой стройки, если не ошибаюсь, самый большой на Афоне) – вполне мог бы быть назван монастырем.

Белокаменный храм, белый туман, стоявший на скитском дворе, окруженном четырехугольником тоже белевших зданий, белый и пышный жасмин, отягченный каплями влаги, все слилось для меня в главное ощущение этого места: тишины, некой загадочности и белизны. Пройдя глубокие, как бы крепостные ворота, пересекши двор, сразу очутился я в Со-

²⁶⁶ Большой археологический район в Афинах, по обе стороны Дипилонских ворот, на берегах ручья Эриданос. В древности здесь селились гончары. Внешняя его часть – за городскими стенами – была городским кладбищем. На Керамике в древности находились двое ворот Афин: Священные и Дипилонские. От Священных ворот начиналась священная дорога на Элевсин. От Дипилонских ворот шла также дорога на Пирей. Здесь начиналось Панафинейское шествие, которое заканчивалось у Пропилеев. Археологические раскопки Керамикоса начались в 1870 г. и продолжаются поныне. Перечисленные Зайцевым памятники теперь заменены копиями, а подлинники перенесены в Музей Керамикоса.

боре на вечерне. Сразу могучая внутренность храма, золото иконостаса, величие колонн и сводов, немногочисленные монахи и суровая прямота стасидий (высокие, узкие кресла с подлокотниками, где стоят монахи) – все взглянуло взором загадочного мира.

Когда служба кончилась, высокий, очень худой и нестарый монах с игуменским посохом подошел ко мне, приветливо глядя карими, несколько чахоточными глазами, спросил кто я и с какими целями. А затем, мягко улыбнувшись, повел в гостиницу, – как говорят афонцы, – на «фондарик» (искажение греческого слова «архондарик»). Он слегка горбился, на высоте впалой груди опирался на свой жезл, был так прост и неторжествен, что только в гостинице я сообразил, что это и есть игумен. Он сдал меня веселому и чрезвычайно словоохотливому «фондаричному», осмотрел мою комнату, распорядился, чтобы меня накормили и вообще все устроили, и скромно поклонившись, ушел.

Андреевский скит

Игумен Андреевского скита архимандрит Митрофан

...Смеркается. Длинный, прохладный коридор пуст, совсем темен. Фондаричный благодушно угощает меня ужином в столовой, бесконечно рассказывает певучим, несколько женственным голосом, и небольшие его глазки на заросшем черною бородою лице слегка даже тают, влажнеют...

* * *

В девять я лег. В полночь, как было условлено, гостиник постучал в дверь. Я не спал. Лежал в глубочайшей тишине монастыря на постели своей комнаты, не раздеваясь, окруженный морем черноты и беззвучия, по временам переворачиваясь на ложе немягком, полумонашеском. Было такое чувство, что от обычной своей жизни, близких и дома отделен вечностью. Мы также условились, что у выхода будет оставлена лампочка. Действительно, она едва мерцала в глубокой темноте холодного и гулкового, пустынного коридора – подобно маяку Антиба в ночном море. Я спустился по лестнице, вышел на каменную террасу. Беспредельная тьма и молчание. На колокольне уже отзвонили. Туман, сырость. Плиты, где иду, влажны. С кустов сладко-благоухающего жасмина падают капли.

Загадочный и как бы жалобный раздался в этой темно-

те звук: подойдя совсем близко к Собору, я при смутно-туманном блеске у входа рассмотрел темную фигуру монаха. В руке он держал «било», железную доску, и особым ударом по ней, в одинокую ночь, выбивал дробь: знак призыва. Из разных углов скитских зданий, из крохотных келий тянутся черные фигуры. Собор почти вовсе темен. Несколько свечей у иконостаса не могут его осветить. Сыро, прохладно. Прохожу к знакомой уже своей стасидии. Справа, на игуменском месте, шевелится знакомая худая фигура.

Есть величие, строгость в монастырском служении. Церковь в миру окружена жизнью, ее столкновениями, драмами и печальями.

Мирской храм наполняют участники жизни, приносят туда свои чувства, муки и радости, некое «волнуемое море житейское». В монастыре также, конечно, есть паломники («поклонники», как их прелестно здесь называют), но основной тон задают монашествующие, т. е. уже прошедшие известную душевную ²⁶⁷ школу – самовоспитания, самоисправления и борьбы. Ни в монахах, внимающих службе, ни в самом монастырском служении нет или почти нет того человеческого трепета, который пробегает и в прихожанах и в священнослужителях мирской церкви. Здесь все ровнее, прохладнее, как бы и отрешеннее. Менее лирики, если так позволительно выразиться. Меньше пронзительности человеческой, никогда нет рыдательности. Нет и горя, жаждущего

²⁶⁷ духовную

утоления. Я не видал слез на Афоне. (В церкви. О слезах умиления или покаяния при одинокой молитве не говорю. Этого нельзя увидеть. Но это, наверно, есть.) В общем все ровны, покойны. В церковную службу входят, как в привычное и еженощное священнодействие, как в торжественную мистерию, протекающую на вершинах духа – в естественном для монаха воздухе. В нем нет ни нервности, ни слезы. Это воздух предгорий св. Горы Афонской.

Справа и слева от меня аналои на клиросах, т. е. довольно высокие, столбообразные столики. На них богослужебные книги. Над ними, в глубокой тьме, висят лампочки под зелеными абажурами, с прорезными крестами. Они освещают лишь книгу чтецу, или ноты.

Зажигают свет у резной, изукрашенной стасидии игумена, и он ровным, приятным, несколько грустным голосом читает Шестопсалмие. Подходя к нему, монах падает в ноги и целует руку. Отходя, также падает, также целует. Вот канонарх выходит на середину и читает кафизмы по строке, а полукруг других монахов повторяет в хоровом пении каждый произносимый им стих. Вот он, в черной мантии мелкой складки, читает на одном клиросе, и распуская свою мантию, как крылья, быстро переходит к другому, там продолжает.

Читаются на этих ночных службах и Жития Святых. В первую мою ночь на Афоне читали отрывок из [знаменитой аскетической книги] Иоанна Лествичника. В пустынном, почти черном от мрака Соборе, где немногочисленные мона-

хи, в большинстве старики, терпеливо, упорно стояли в своих стасидиях, негромкий голос внятно произносил:

«Как связать мне плоть свою, сего друга моего, и судить ее по примеру прочих страстей? Не знаю. Прежде, нежели успею связать ее, она уже разрешается; прежде, нежели стану судить ее, примиряюсь с нею; и прежде, нежели начну мучить, преклоняюсь к ней жалостию. Как мне возненавидеть ту, которую я по естеству привык любить? Как освобождусь от той, с которой я связан на веки? Как умертвить ту, которая должна воскреснуть со мною?

...Она и друг мой, она и враг мой, она помощница моя, она же и соперница моя; моя заступница и предательница.

...Скажи мне, супруга моя – естество мое; скажи мне, как могу я пребыть неуязвляем тобою? Как могу избежать естественной беды, когда я обещался Христу вести с тобою всегдашнюю брань? Как могу победить твое мучительство, когда я добровольно решил быть твоим понудителем?»

Кажется, тут корень монашества. Безмерность задачи понимал и сам авва Иоанн. Понимая, все-таки, на нее шел, и если не столь красноречив ответ «супруги моей – естества моего», все же решительность его знаменательна:

– Если соединишься с послушанием, то освободишься от меня; а если приобретешь смирение, то отсецешь мне голову.

Для слушателей эти и подобные им слова – не возвышенная поэзия и перворазрядная литература, не «лирический

воплъ» синайского игумена, а часть внутренней жизни, урок в битве за душу, за возвращение и воспитание высшего в человеке за счет низшего. Да, эти люди, долгие ночные часы выстаивающие на службах, ежедневно борющиеся со сном, усталостью, голодом, кое-что понимают в словах, написанных не для «литературы».

...Около четырех утренья кончилась. На литургию, за ней тотчас следующую, у меня не хватило сил. Той же глубокой ночью (светать и не начинало) я возвратился на «фондарик».

* * *

Игумен «благословил» довольно молодого монаха показать мне скит. Этот был совсем иной, чем вчера одноименный с ним на карейском конаке. (Монахи все вообще разные. Они исповедуют одну веру и это объединяет их, но глубокая душевная жизнь в соединении с тем, что никто не «носится»²⁶⁸ со своей личностью, не «выпячивает»²⁶⁹, напротив, как будто ее сокращает, – это приводит к тому, что как раз личность-то и расцветает, свободно развивается по заложенным в ней свойствам.) Отец Х.[аралампий] оказался одним из наиболее «воспламененных», боевых на Афоне. Мне особенно запомнились его трепещущие, слегка воспаленные бессонницей глаза – очень «духоносные». Он среднего роста,

²⁶⁸ носится

²⁶⁹ выпячивает ее

с рыжеватой бородкой, быстр в движениях, несколько даже порывист, почти нервен.

О. Харалампий

– Вы были на ранней литургии? – спросил я его. (Наш обход начался в восемь утра.)

– Как же, как же!

– Очень устали?

– Нет. Я ведь немного отдохнул. Около часа. А потом, знаете, почитал.

– Ну, а я вот не достоял. Как это вы одолеваете... ведь службы такие длинные.

– Нет, ничего, привычка, привычка... – он говорил быстро и даже как бы слегка задыхаясь Глаза его непрерывно двигались и жили. – Вот я сегодня с большим удовольствием читал... мое чтение не совсем монашеское... я интересуюсь философией, Плотина²⁷⁰ читаю, современные философские журналы...

Мы прошли с ним в библиотеку, обычную светлую монастырскую комнату-книгохранилище со старичком библиотекарем. Много раз потом мне показывали такие же старинные книги, печатные и рукописные, ноты, миниатюры, заставки, и всегда было ощущение, что, несмотря на отдельных «книжников», главное дело Афона далеко от книг, учености и коллекционерства, хотя монахи афонские (греки в особенности) и собрали замечательные библиотеки. Мы видали еще

²⁷⁰ Ресторан, основанный греком из России Пантазопулосом (умер в 1957 г.). Ресторан закрылся до 1939 г.

в это утро трапезу и больницу, где кашляло несколько стариков, а в палате стоял сильный запах лекарственных трав²⁷¹. Но наиболее мы оба оживились, когда попали в так называемую²⁷², своеобразную усыпальницу афонских иноков.

²⁷³ Андреевского скита – довольно большая комната нижнего этажа, светлая и пустынная. [Вот, вижу я шкаф] Шкаф, в нем пять человеческих черепов. На каждом указано имя, число, год. Это игумены. Затем, на полках другие черепа (около семисот) рядовых монахов, тоже с пометами. И, наконец, самое, показалось мне, грозное: правильными штабелями, как погонные сажени валежника, сложены у стены, чуть не до потолка мелкие кости (рук и ног). Сделано все это тщательно, с той глубокой серьезностью, какая присуща культу смерти. Вот, представилось, только особого старичка «смертиотекаря» не достает здесь, чтобы составлять каталоги, биографии, выдавать справки. А литература присутствует. На стене висит соответствующее произведение: «Помни всякий брат, Что мы были, как вы, И вы будете, как мы».

Это Афон, особая его глава, которую можно бы назвать «Афон и смерть».

Вот каковы особенности погребения на Афоне: хоронят

²⁷¹ В газетной публикации здесь примечание: «Афон весьма нуждается во врачах. Медицина там первобытна. Однако, быть врачом на Афоне не совсем легко. Нужно известное „созвучие“ с Афоном». (Последние новости, № 2321, 31 июля 1927 г., с. 3).

²⁷² «гробницу»

²⁷³ Гробница

без гроба, тело обвивается мантией, и так (по совершении сложного и трогательного чина [, о чем упомяну, где следует),] предается земле²⁷⁴. Затем через три года могилу раскапывают. Если за это время тело еще не истлело, не принято землей, то по вере афонцев, усопший был не вполне праведной жизни. Тогда могилу вновь зарывают и особенно горячо молятся за брата, посмертная жизнь которого слагается с таким трудом. Если же тело истлело без остатка, ко-

²⁷⁴ Вот как описывает погребение на Афоне известный Святогорец, в своих «Письмах с Афона»: «Кто отходит, над почившим по омовении тела, до погребения, читают Псалтырь. Почивший до того времени лежит на полу, в больничной церкви, обвитый мантией, но без гроба, потому что на Востоке, в рассуждении мертвых, держится Новозаветная церковь Ветхозаветного правила и предаст тела земле самым буквальным образом. При погребении, по последнем целовании, весь собор иеромонахов, вместе с игуменом, окружает почившего, и игумен прочитывает разрешительную над ним молитву, после которой почивший троекратно от собора благословляется, с пением „вечная твоя память“. Когда таким образом кончится похоронный чин, игумен краткою речью приглашает все братство простить почившего собрата, если кого, как человек, он оскорбил чем-нибудь в жизни своей. Троекратное „Бог да простит“ бывает ответом. Затем тело выносят. Когда доходят до ниши с изображением св. Пантелеймона за монастырскими воротами, то возглашают ектению о покое и блаженстве усопшего, то же и на половине пути до кладбища. Когда тело опущено в землю, особенно заботятся о сохранении головы, сбоку ее обкладывают камнями, сверху покрывают каменной плитой. Опять лития. Прах крестообразно обливается водою с елеем из неугасимой лампы от лика св. Первоверховных Апостолов, имени которых посвящена кладбищенская церковь. Когда тело зарыто, игумен предлагает помолиться за усопшего. Один из братии берет четки, молится вслух: „Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего“ и сто поясных поклонов с этою молитвою бывают началом келейного поминовения. Не отходя от могилы, игумен заповедует в течение сорока дней продолжать начатый канон, то есть каждый день по 100 поклонов с молитвою о покое усопшего». – *Примечание Б. К. Зайцева.*

сти чисты и особого медвяно-желтого цвета, просвечивают, это признак высокой духовности покойника. Кости тогда вынимают, омывают в воде с вином и складывают почтительно в гробницу. [Вот почему] Поэтому афонские кладбища [в нашем смысле слова] очень малонаселенны: останки их обитателей довольно быстро передвигаются в ²⁷⁵²⁷⁶.

– А это, – сказал о. Х.[аралампий], указывая на железные

²⁷⁵ гробницы

²⁷⁶ Не надо думать, что афонцы отрицают мощи и поклонение мощам. Но они различают нетление, так сказать, благодатное, сопровождающееся чудеса ми, иногда мироточением и т. п., от неполного, замедленного приятия тела землею. При этом, на самом Афоне очень много мощей не афонских, святителей же афонских, действительно, нет. Святогорец объясняет это так, что Бог там проявляет свои чудеса, где это нужно, то есть в миру, для поддержания благочестия, на Афоне же в этом нет надобности. Здесь Промысел Божий оставляет неизменными законы природы и не проявляет нетленных мощей. // Соображение это было бы безукоризненным, если бы не существовало паломничества на Афон. Но «мир» постоянно является на Св. Гору, и для его «поучения» Афон все же не предлагает мощей своих святых. Это вопрос великой таинственности, мы его решать не беремся. Можно только отметить какую-то особую скромность и смирение афонских святых: вспомним хотя бы св. Нила Мироточивого, который, по дошедшему преданию, сам просил Бога о прекращении мироточения своего – ибо это привлекало паломников, смущало покой Св. Горы и создавало ему, св. Нилу, чрезмерную славу. (См. о св. Ниле в очерке «Монастырская жизнь»). – Афон вообще как бы не любит исключительности. Афонцы очень осторожно и сдержанно относятся, например, к визионерству. Их идеал – малозаметная, «невыдающаяся» жизнь в Боге и свете, настолько скромная, что точно бы она отклоняет от себя все сильно действующее на воображение: чудеса, видения, нетленность мощей. В этом отношении Афон живет более для себя, «внутри», потаенно – *Примечание Б. К. Зайцева.*

кресты, какие-то подобия клещей и поясов, на металлические кольчуги, – это все находили на некоторых из наших братьев, когда они умирали...

Я попробовал один крест, другой... Они тяжелы. Есть весом до тридцати фунтов.

Железные пояса напомнили музей пыток²⁷⁷. – Видите, продолжал мой вожатый, и глаза его наполнились зеленовато-золотистым блеском; живешь рядом со старичком, каждый день видишься на службах [вместе], а того не подозреваешь, что у него под рубашкой, на голое тело такая штучка надета... – и он почти ласково погладил заржавленную кольчугу. – Вот они где, старички-то наши!

Да, подумать о такой «рубашке»... «О. Х.[аралампий], да на вас-то самом не надета ли вот этакая?» Но я все-таки не спросил: бесполезно. Не ответил бы, правды бы не сказал.

Мы поднялись с ним опять наверх. Он мне много рассказывал. Святой, чьим именем его в монашестве назвали, был римский воин. Нашему о. Х.[аралампиию] как бы передан воинственный дух патрона. С пылающими глазами он передавал о своей борьбе с имяславцами [(секта, утвердившаяся на Афоне перед войной, ныне искорененная. По ее учению Господь присутствует в самом слове Иисус Христос)]²⁷⁸. Не менее страстно [отрицал] осуждал чувственный

²⁷⁷ В газетной публикации: «Железные пояса... они напомнили музей пыток». (Последние новости, № 2321, 31 июля 1927 г., с. 3).

²⁷⁸ В годы перед великой войной русский Афон пережил тяжелую внутреннюю

оттенков католического поклонения Спасителю, культ сердца, стигматы и т. п.

– Нет, по-нашему, по-афонскому, это прелесть... это не настоящий аскетизм. Это прелесть.

«Прелесть» на старинном языке значит «прельщение», «обольщение» – вообще нечто ложное.

В дальнейшем я уверился, что афонское монашество представляет действительно особый духовный тип – это спиритуальность прохладная и разреженная, очень здоровая и крепкая, и весьма далекая от эротики (как бы тонко последняя ни была сублиминирована). С несочувствием (отрицание стигматов) относятся афонцы и к св. Франциску Ассизскому²⁷⁹.

У входа на террасу, ведущую на «фондарик», я вновь залюбуясь драму. Часть монахов объявила себя имяславцами, то есть исповедала учение, по которому в самом имени, в самом слове Иисус Христос уже присутствует Божество. Борьба между несогласными приняла очень острые формы. Дело доходило до насилий. Решен спор был мерами Правительствующего Синода: имяславцев «вывезли» с Афона. Горечь, как бы печаль всей этой истории и до сих пор сохранилась на Св. Горе – *Примечание Б. К. Зайцева*.

²⁷⁹ Зайцев был искренним почитателем святого Франциска, неоднократно посещал Ассизи и окрестности города, базилику святой Марии Ангелов, уст роеную над восстановленной св. Франциском церковью и над местом его кончины. Согласно записям, сохранившимся в архиве поэта В. А. Смоленского, именно рассказы Зайцева побудили его совершить первое паломничество в родной город св. Франциска (Частное собрание. Париж). П. П. Муратов находил очевидным портретное сходство Зайцева и св. Франциска. Очерк «Ассизи» стал одной из последних публикаций Зайцева до отъезда за границу (Московский альманах, № 1, 1922, с. 5–29), и вошел заключительной, одиннадцатой главой в его книгу «Италия» (Собрание сочинений, т. VII. Берлин, 1923).

бовался жасмином. Нежные, бело-золотистые его цветы были полны влажного серебра. Жасмин – Россия, детство, «мама» – то, чего не будет никогда.

О. Х.[аралампий] заметил мое восхищение и сорвал букетик.

– Мы не против этого, мы тоже цветы любим, Божье творение... Не думайте, что мы природой не любимся.

И стал показывать мне султанку, похожую на лавр, почти-точно трогал рукою ствол черно-величественного кипариса.

Несколько бледных жасминов Андреевского скита я и поныне храню – засушенными в книге.

* * *

Я ходил еще раз в Карею. Хотелось увидеть древний ее собор и греческие фрески.

Ни то, ни другое не обмануло. Собор, пятнадцатого века, невелик, несколько сумрачен, полон тусклого золота, удивительной резьбы, тонкой чеканной работы на иконостасе. Из глубокого купола спускается на цепочках «хорос» – металлический круг изящной выделки, необходимое украшение всех греческих соборов на Афоне.

Карейский собор считается первоклассным памятником греческой живописи. Его расписывал знаменитый Панселин, глава так называемой «македонской» школы. Фрески

Панселина – XVI века. Они монументальны, очень крепки, несколько суровы. К сожалению, их подновляли. Более полное понятие о Панселине получил я позже, в небольшом греческом монастыре Пантократоре, где есть совершенно нетронутые его работы. Во фресках же Карейского Собора, при всех огромных их достоинствах, почувался мне некий холодок.

* * *

Все тот же словоохотливый фондаричный провожал меня из Андреевского скита. Мы направлялись теперь в монастырь св. Пантелеймона. Игумен «благословил» гостинника проводить меня в гору до «железного креста», где расходятся тропинки, и одна из них ведет в Пантелеймонов монастырь.

Мы подымались при редеющем тумане.

Спутник рассказывал мне о скитском хозяйстве, об «оках» масла (такая мера²⁸⁰), о сене, о «мулашках» и мно-

²⁸⁰ Мера веса в Османской Империи (Болгарии, Сербии, Румынии и Египте – около 2, 75 фунта), делилась на 400 диргемов (драхм). Греческая новая ока = 1250 драхм (грамм), новый кантар (центнер) = 45 новых ок = 56,25 кг. Старый кантар = 44 старых оки по 400 старых драхм = 56,32 кг., старая драхма = 3,5 гр. Также мера жидкости в Турции и Греции равная 1, 281 л. Оставалась в употреблении во время поездки Зайцева в Грецию. Была в употреблении и в России, в Крыму, до выселения греческого населения из Крыма после Второй мировой войны.

гом другом. Мы благожелательно расстались с ним в глухом горном месте, у железного креста, откуда начинался уже спуск к западному побережью полуострова.

Теперь я шел один. Чудесные каштаны, дубы, ясени покойным, ровным строем приближались, удалялись, молчаливо окружая меня. Дорожка была еще влажна, и не так камениста, как в других местах. Погода менялась. Что-то в небе текло, путалось по-новому, туман расплывался и не показалось удивительным, когда вдруг, золотыми пятнами, сквозь густую листву каштанов легло на сырую землю милое солнце. Началась его победа. Чем дальше я шел, тем больше тишина священных лесов озарялась светом. Ложочки начали дымиться. Из непроходимой глубины нежно, музыкально, для нашего слуха всегда слегка заунывно, закуковала афонская кукушка.

– Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить?

Так спрашивали мы, в детстве, в родных лесах калужских. Так взрослым странником, в глухих [горах Фракийских] Фракийских горах, спросил я вещунью²⁸¹.

Солнце все сильнее, непобедимее сияло. Туманной синевой, сквозь редяющие деревья, глянуло море. Скоро показались и главы монастыря св. Пантелеймона.

²⁸¹ В газетной публикации далее: «Десять лет прокуковала она мне» (Последние // новости, № 2321, 31 июля 1927 г., с. 3).

Монастырь св. Пантелеймона

Передо мной снимок²⁸², изображающий вход в обитель. Залитая солнцем четырехугольная сень, увенчанная куполом, вся увитая зеленью. Темно, прохладно под нею! Несколько монахов и в глубине врата, ведущие в крепостной толщине сумрачный проход – на двор монастыря.

Смотрю на колонны с коринфскими капителями, поддерживающие углы этого огромного крыльца, вспоминаю блеск афонского солнца, розовое цветение азалий, увивающих стены с небольшими заоваленными окошечками, откуда иной раз выглянет монах – вспоминаю и переживаю те минуты, когда – столько раз – входил и выходил я этими «тесными вратами». А сейчас в полутьме над входом едва различаю низ большой иконы, но я знаю, кто это, не раз почтительно снимал я шляпу пред изображением Великомученика и Целителя Пантелеймона.

История главного русского монастыря на Афоне, как и вообще появления русских на нем, сложна и заводит очень далеко. Сохранился акт передачи русским, дотоле ютившимся в небольшом скиту Богородицы Ксилургу (Древоделия), захудалого монастырька «Фессалоникийца» в честь св. Пантелеймона, на месте несколько выше теперешнего нашего мо-

²⁸² В газетной публикации вместо первых трех слов сказано: «Отличный снимок» // (Последние новости, № 2332, и августа 1927 г., с. 2).

настыря – где сейчас старый или Нагорный Руссик. Русские получили монастырь Фессалоникийца в 1169 г. Вот с каких пор поднял св. Пантелеймон свою целительную ложечку (он с ней всегда изображается) над Русью. Почему монастырь Фессалоникийца, уступленный [Протатом] русским (им, очевидно, стало тесно в скиту Ксилургу), назван Пантелеймоновским и сохранил это название – я не знаю, об этом не упоминается в источниках. До конца XVIII в. монастырем св. Пантелеймона был так наз.[ываемый] Старый, или Нагорный Руссик. Теперешняя обитель более нова. Около 1770 г. монахи «оскудевшего» Руссика спустились от него вниз, к морю и, поселившись вокруг уже существовавшей келлии иерисского епископа Христофора, основали нынешний огромный монастырь, оплот всего русского на Афоне. Старый же Руссик существует и посейчас – скорее как небольшой скит с остатками древних стен и башни (пирга).

Вот я раскрываю большой том истории монастыря²⁸³ и на одной из страниц нахожу снимок со старинной чудотворной иконы святого, ныне находящейся во втором Соборном храме Покрова Богородицы. Я не раз видел ее в церкви. Теперь рассматриваю подробнее – она является как бы живописным житием святого: вокруг лика изображены четырнадцать наиболее замечательных событий его жизни.

²⁸³ Изображение этой иконы помещено между стр. 86–87 в книге: Русский монастырь Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской. Издание 7-е, исправленное и значительно дополненное. М., 1886.

Св. Пантелеймона можно было бы назвать святым-отроком. Таким его всегда изображают, таков он был в действительности.

Царь в короне с наивно вырезанными зубцами сидит на троне. Перед ним мальчик с ореолом вокруг головы. Царь делает рукой знак одному из стоящих позади мальчика – это «царь повелевает Евфрасину обучать святого врачевному искусству». Далее почтенный монах сидит у стола, мальчик пред ним слушает наставления. Затем мальчика «оглашает» Ермолай, над ним совершают крещение, и уже он сам воскрешает умершего. Вот он, несколько старше, «врачует очи слепого» (ребенка), раздает хлеба бедным, пред тем же царем в той же зубчатой короне исцеляет расслабленного, которого приносят на носилках.

Начинаются его страдания. За что мучают юношу, делавшего только добро? Значит, за то же, за что и Христа распяли. Вот его «ужигают», привязав к дереву, факелами. Бросают диким зверям. Вот его нежное тело на страшном колесе. И, наконец, огромный воин «усекает» святого, стоящего на коленях, и голова эта, столь уже знакомая, в том же золотом нимбе, покорно лежит на земле.

Как св. Цецилия есть образ страдальницы-девы, прославленной римскими катакомбами²⁸⁴, так св. Пантелеймон есть

²⁸⁴ Зайцев неоднократно бывал в римских катакомбах св. Цецилии и в базилике св. Цецилии в римском районе Трастевере, очень любил скульптурное изображение святой, находящееся в этой базилике и написал несколько писем на фотографических карточках, сделанных с этого изображения.

облик Целителя и Утешителя отрока, укрепленный в Восточной Церкви.

На некоторых иконах святой изображен с почти девической мягкостью лица, и на уединенном Афоне, столь строгом и чистом, это есть звук величайшей мировой нежности. Средину вышеуказанной иконы занимает его главный лик: в потоке света, сходящего сверху, юноша в нимбе держит в левой руке ковчежец, а в правой у него ложечка с крестом на конце. Он смотрит прямо в глаза. «Если у тебя болит душа или тело, подойди ко мне с верою и любовью, я зачерпну из своего ковчежца доброго для тебя снадобия».

Я видал изображения святого и в греческих монастырях. Но особенно он утвердился в русских. Тысячи паломников поклонялись ему. Это преимущественно «русский» святой, как и Николай Мирликийский.

Не потому ли он так привился у русских, что России более, чем какой-либо стране, при ее великих, но подчас слепых силах и страстях, ее великой иногда тьме и «карамазовщине», более чем кому-либо нужна целительная ложечка св. Пантелеймона?

А русское сердце легкоплавко. Оно охотно поддается трогательному [, чувствительному]. Нуждаясь в очищении и исцелении, оно без затруднения раскрывается на призыв кроткого Великомученика.

Настоятели русских обителей Св. Горы. Слева направо: Архимандрит Митрофан (Андреевский скит), архимандрит Иустин (Пантелеимоновский монастырь), архимандрит Иоанн (Ильинский скит). 1940 г.

*** * ***

Монастырь святого врачевателя есть монастырь общежительный. Это значит, что его братия живет как одно целое, ни у кого нет собственности, никаких личных средств, хозяйства, стола. Общая и трапеза. Монастырем управляет избранный пожизненно игумен (ныне – глубоко уважаемый архимандрит о. Мисаил)²⁸⁵. Власть игумена в общежительных монастырях неограничена. Основа этой жизни есть отсечение личной воли и беспрекословное иерархическое подчинение. Без «благословения» игумена ни один монах не может выйти за врата монастыря. Каждому из них он назначает «послушание», т. е. род работы. Таким образом, существуют монахи-рыбаки, дроворубы, огородники, сельскохо-

²⁸⁵ При жизни игумена ему избирается «наместник», вступающий в должность по смерти игумена. В 1927 году, на 2-й день св. Троицы, избран наместником нынешнему игумену о. Мисаилу о. иеромонах Исхирион (взамен скончавшегося о. иеросхимонаха Иоакима). Духовником братии Пантелеймонова монастыря состоит о. архимандрит Кирик – *Примечание Б. К. Зайцева.*

зыйственные рабочие, виноделы, пыльщики, а из более «интеллигентных» профессий – библиотекари, «грамматики», иконописцы, фотографы и т. п. Сейчас в Пантелеймоновом монастыре около пятисот человек братии²⁸⁶.

Как живут эти люди в черных рясах, наполняющие четырехугольник корпусов вокруг Собора?

День монастыря заведен строго и движется по часовой стрелке. Но так как все необычно на Афоне, то и часы удивительные: до самого отъезда я не мог к ним привыкнуть. Это древний восток. Когда садится солнце, башенную стрелку ставят на полночь. Вся система меняется по времени года, надо передвигаться, приспособляясь к закату. В мае разница с «европейским» временем выходит около пяти часов.

Так, утренняя в Пантелеймоновом монастыре начинается при мне в шесть утра – в час ночи по-нашему. Она продолжается до 4–4 1/2 часов. (Здесь и далее считаю по-европейски.) За ней идет литургия – до 6 ч., след.[овательно], почти вся ночь уходит на богослужение – характерная черта Афона. До семи полагается отдых. С семи до девяти «послушания», почти для всех, даже глубокие старики выходят на работу, если мало-мальски здоровы. (В лес, на виноградники, огороды. Вывозят бревна на быках, на мулах сено и дрова). В девять утра трапеза. Затем до часу вновь послушание. В час чай и отдых до трех. Послушание до шести вечера. От половины пятого до половины шестого в церквях

²⁸⁶ Относится к 1927 году! Теперь несомненно меньше.

служат вечерни. Монахов на этих службах (дневных) бывает мало – большинство на работе. Но вечерни читают («вычитывают», как здесь выражаются) им и там. В шесть вечера вторая трапеза, если это не постный день. Если же понедельник, среда или пятница, то вместо трапезы полагается чай с хлебом. Вслед за второй трапезой звонят к повечерию, оно продолжается от семи до восьми. Далее идет «келейное правило», т. е. молитва с поклонами в келии. После каждой краткой молитвы²⁸⁷ монах передвигает четку на один шарик и делает поясной поклон. На одиннадцатом, большом шарике кладет земной поклон. Таким образом рясофорный монах (низшая ступень пострижения) делает ежедневно шестьсот поясных поклонов, манатейный около тысячи, схимник [по] до полутора [тысяч] тысячи (не считая соответственных земных). На монашеском языке это называется «тянуть канончик». Рясофор тянет его часа полтора, схимник до трех, трех с половиною. Значит, рясофор освобождается около десяти, остальные около одиннадцати. Время до часу, когда начнется утренняя, и есть основной сон монаха (два-три часа). Сюда добавляется еще нередко один утренний час и, быть может, час среди дня после чая. Так как у каждого есть и свои кое-какие мелкие дела, отнимающие время, то надо считать, что спят монахи не более четырех часов, а то и менее.

²⁸⁷ Иисусова, а также «Богородице Дево», за умерших, о здравии живущих, и т. п. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

Для нас, мирских, видящих эту жизнь, основанную на том, что ночью люди молятся, днем работают, очень мало спят и очень дурно питаются – загадка, как они ее выдерживают? Но живут. Доживают до глубокой старости. (Сейчас большинство – старики). Притом основной тип афонского монаха, как мне кажется – тип здоровый, спокойный и уравновешенный.

Бедность русских монастырей сейчас очень велика. Нет России, и нет поддержки оттуда. К счастью, есть земля, на ней леса, оливки и виноградники²⁸⁸. Монахи ведут лесное хозяйство, покупают на вырученное муку, ловят немного рыбы, имеют свое вино и оливковое масло, овощи с огородов. Беда, однако, в том, что среди братии слишком мало молодых. Это чрезвычайно затрудняет работу. Рабочие силы монастырей напряжены до крайности. Разумеется, старики не могут так работать, как молодые. Значит, на более молодых ложится как бы двойное бремя. (Кроме своей братии, мон. [астырь] св. Пантелеймона поддерживает и пустынников, живущих в горах и лесах в полной нищете)²⁸⁹.

²⁸⁸ Летом 1927 г. монастырь св. Пантелеймона сильно пострадал от лесного пожара. Пожар начался с леса Хиландарского владения и перекинулся на соседний лес Пантелеймонова монастыря. Уничтожено леса на 3 милл.[июна] драм, что наносит монастырю, и так очень бедному сейчас, огромный урон – *Примечание Б. К. Зайцева*.

²⁸⁹ До войны монастырь довольно широко пользовался наемным трудом, теперь этого нет, и всякий молодой человек, стремящийся на Афон, должен знать, что там ждет его очень суровая жизнь, истинно подвижническая. // Однако приток молодежи все-таки есть. Он идет теперь не из России, а из эмиграции. Рус-

Гостеприимство, мягкость и приветливость к приезжим – отличительная черта афонцев. Но не только это касается гостей. За все свое пребывание на Афоне могу ли припомнить раздражение, брань, недоброжелательство, вырвавшиеся наружу? Конечно, монахи не ангелы. Они люди. В большинстве «простого звания». Образованных среди них мало, но какая воспитанность, в высшем смысле! Манеры, движения, речь, поклоны – все проникнуто некоторым эстетическим ритмом, который поражает. В них есть удивительное «благочиние» и сравнительно с «миром» большая незлобность и доброта²⁹⁰. Думаю, во-первых, что известный

ский Париж, русская Сербия дают пополнение Афону. Многое меняется на наших глазах. Если прежде на Афон шли преимущественно из купечества, мещан, крестьянства, то теперь я вижу молодого иеромонаха – офицера Добровольческой армии, вижу бывшего художника [Иеромонах Софроний, в мире Сергей Семенович Сахаров (1896–1993), изучал до отъезда из России историю живописи в Училище изящных искусств в Москве. – А. К.], сына министра [то есть о. Василия Кривошеина, афонс кого спутника Зайцева, сына А. В. Кривошеина (1857–1921), который в 1908–1915 гг. занимал пост главноуправляющего землеустройством и земледелием Российской Империи, в июне-октябре 1920 г. по предложению П. Н. Врангеля принял полномочия председателя правительства Юга России – А. К.], знаю инженера и т. п.* Так новыми соками обновляется вековечный Афон. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

²⁹⁰ В газетной публикации далее примечание: «Разумеется, бывали горькие полосы и на Афоне. Напр.[имер], раздор из-за имяславства, в предвоенные годы. Тогда страсти очень разгорелись. Но все это оказалось временным. Жизнь быст-

тип просто подбирается. Людям хищного, волчьего склада все это чуждо, нет им интереса идти в монастырь. Второе – качества природные воспитываются. Нельзя «безнаказанно» по нескольку часов в день слушать возвышеннейшую службу, петь, молиться у себя в келии, ежедневно до заката просить друг у друга прощения, каждую неделю исповедываться и причащаться. Ясно, что в такой обстановке надо ждать наибольшего расцвета лучших человеческих свойств.

Итак, я жил в своей комнате на «фондарике», окруженный необыкновенно благожелательным и ласковым воздухом. На столе моем часто стояли розы. Два окна выходили на голубой простор неба и моря, нежная синева его замыкалась туманной линией гор полуострова Лонгоса. Между мною и морем – старинный решетчатый балкон, перила его увиты виноградом, и сквозь лапчатую зелень море еще синей. Внизу плоская крыша библиотеки, далее корпус келий и направо купола Собора. Комната всегда полна света и радости. На белых стенах портреты молодых Великих Князей, давно умерших, над входной дверью картина, изображающая Париж 50–60-х годов. Гостинником моим на этот раз оказался неразговорчивый, но очень внимательный, умный и заботливый немолодой монах с седоватою бородою и старинно-правильным лицом (думаю, в русском семнадцатом веке были нередки такие лица) – о. Иоасаф. В девять часов утра (по-монастырски уже два!) он степенно являлся,

кланялся и говорил:

– Кушать пожалуйста!

Я отрывался от своих книг и записей, переходил в соседний номер, такой же светлый и пустынный, с другими князьями и архиереями по стенам, с тем же запахом мало-жилого помещения. На столе перед диваном поданы уже блюда моего обеда (в первый, и должно быть, в последний раз в жизни обедал я в девять утра!). Мисочка рисового супа, остроголовые маринованные рыбки вроде килек, салат, жареная рыба, четвертушка красного афонского вина.

– Уж не взыщите, конечно, в прежние времена не так бы вас угостили...

Я уверяю, что все превосходно, да и действительно хорошо, ведь это монастырь. О. гостинник чинно кланяется и уходит. Я обедаю в одиночестве. Как и во всем, касающемся быта, в монастырской гостинице чувствуешь себя особенно. Всегда казалось мне, в воздухе заботы обо мне, внимательной благожелательности, что я моложе своих лет, и что вообще век иной: я еще несмышленный барчук, надо ко мне дядьку, который бы наблюдал, чтобы я как следует поел, не переутомлялся бы на службах, не заблудился бы ненароком в монастырских коридорах.

В положенную, верно рассчитанную минуту (я пообедал), дверь отворяется.

– Что же вы рыбки-то не докушали?

– Покорно благодарю, сыт.

О. [гостинник] Иоасаф подает на подносе еще стакан розового, сладковатого афонского вина. Его движения так же медлительны и музыкальны, как если бы он выходил из алтаря со св. Дарами.

Это вино и совсем неплохое. Лишь к концу своего пребывания на Афоне узнал я, что сами монахи пьют его раз в году, по одному стаканчику.

* * *

В воскресенье о. игумен пригласил меня на общую трапезу. По окончании поздней литургии все монахи собрались в огромной трапезной – как обычно в афонских монастырях, узкой и длинной, высокой зале, украшенной живописью. Головное место бесконечного стола игуменское. Недалеко от входа кафедра для чтеца, на нее ведет витая [лесенка] лестница. Золотой орел с наклоненной головой как бы устремляет, несет на своих простертых крыльях драгоценное слово мудрости.

Мы некоторое время ждали о. Мисаила, игумена, уже находясь на своих местах. Когда он вошел, в епископской²⁹¹ лиловой мантии с золотыми отворотами на груди, в клобуке, с двурогим посохом, все поднялись, запел хор.

О. Мисаил держится с той глубоко-русской, народной

²⁹¹ Епископская мантия – привилегия игумена Пантелеймонова монастыря. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

простотой и твердостью, которой чужда всякая рисовка. Одинаково уверенно и крепко служит он, и читает баритоном Шестопсалмие, и дает целовать руку, и сам кладет земные поклоны, и слушает, как ему поют «Исполайте деспота»²⁹². После молитвы и благословения «предстоящих яств» игумен садится, в подобающем окружении, и садимся мы. Особенность трапезы Пантелеймонова монастыря та, что кушанья подаются все одновременно, и монахи придают этому известное значение: освящается все, что стоит на столе, т. ч. не освященного никто ничего не ест.

На кафедре, к золотому орлу, взошел чтец и начал чтение, а мы стали «трапезовать», и тут своими глазами можно было уже убедиться в «святой бедности» монастыря. Воскресный, т. е. улучшенный обед состоял из мисочки рисового супа, куска хлеба и кусочка рыбы – не той, что подавали мне в номер, а «баккалары», рода греческой трески (в будни и ее нет) – не дай Бог никому такой рыбы, у нее противнейший запах, несмотря на то, что она свежая. Но она дешева, ее едят простолюдины-греки. Запивать все это можно было квасом очень плохеньким. И дали по стаканчику вина (для праздника). Мяса в русских афонских монастырях не едят вовсе. (В греческих допускается.) На трапезе выступила еще одна черта общежительного монастыря: пред лицом бедности здесь все равны. Стол игумена в лиловой

²⁹² «Εἰς πολλὰ ἐτη, δέσποτα» (На многая лета, владыко) – многолетие, поется на малом входе во время литургии на архиерейской службе.

мантии, его наместника, архимандритов и иеромонахов совершенно тот же, что и последнего рясофора, трудящегося с «мулашками».

Ели в молчании. Окончив, вновь поднялись, игумен вышел вперед. Начался «чин панагии» – как бы молебен с благословением хлебов. Я не помню точно его содержание²⁹³.

²⁹³ «Сущность чина о панагии заключается в том, что из храма по окончании литургии износится всей братией со священными песнями просфора, из ко торой на литургии была вынута частица в честь Богородицы, в монастырскую трапезу, там ее полагают на особом блюде и по окончании трапезы с прославлением Св. Троицы и молитвою Пресв. Богородице просфору возвышают (поднимают) над иконами Их и вкушают от нее. Смысл чина, очевидно, – живо представить присутствие за трапезой Самого Бога и Пресв. Богороди цы. На такое знаменованье чина указывает и предание о возникновении его, помещенное в Псалтири следованной [...]. По Симеону Солунскому, «часть хлеба мы каждодневно приносим сущему в Троице Единому Богу нашему о имени Богородицы, потому что посредством Ее Божественного рождения мы познали Св. Троицу и потому что Она родила нам Хлеб животный». Ближайшая цель чина – настолько тесно соединить трапезу с только что окончив шейся литургией, чтобы та и другая явились одним богослужением и первая сообщила свою благодать второй. Благодаря чину о панагии, действительно, монастырский обед превращается в настоящее богослужение типа изобрази тельных и повечерия с кондаком и за-достоинником вместо канона (на Пасху и с целою песнью канона). // «Панагия» («Все-святая»), или «Пресвятая» (Псалтирь следованная, л. 135об.) – наименование, прилагаемое обычно к Богоматери, но в чине о панагии или, как он полнее называется, «о возвышении панагии» (Псалтирь следованная, л. 136) это название прилагается к просфоре, из которой на литургии изъята была частица в честь Пресв. Богородицы. Эта просфора является поэтому наиболее священной после той, из которой изъят Агнец и которая, как самая священная, вкушается не в трапезе по принятии пищи, как панагия, а в самом храме до какой-либо пищи (антидор). // Немалосложные молитвословия и обряды чина о панагии, который совершается, как указывает надписание его, только в монастырях по вся дни (а не

Но ясно осталось в памяти, что все поодиночке проходили мимо благословлявшего о. игумена, монах подавал каждому с огромного блюда кусочек благословенного хлеба, так обильно окуриваемого ладаном из особой кадила (кация) – плоская, с ручкой), что и во рту он благоухал. Хлеб этот запивали св. водой. Помню золотое солнце, игравшее лучами сквозь окно в нежно-сиреновом дыму каждения, помню три фигуры у самых дверей, низко кланявшиеся каждому выходившему: чтец, повар и трапезарь. Они просят прощения, если что-нибудь было не так. В будни же они, в знак смирения, и прося [все] о снисхождении к себе, лежат расprostершись перед выходящими.

Таков древний афонский обычай.

* * *

Все это может показаться странным и далеким человеку нашей пестрой культуры.

Что делать. Священнодейственность – очень важная, яркая черта монашеской жизни. Входя к вам в комнату, монах всегда крестится на икону и кланяется ей. Встречая другого, если сам он иеромонах, то благословляет. Если встре-

в воскресные лишь, хотя и помещен в главе о воскресной службе), можно разделить на три части: 1) благословение трапезы; 2) возвышение панагии; 3) благодарение за трапезу. – Кроме настоящего места, чина о панагии Типикон касается и в 35 гл. «о ястии и питии», делая там к настоящему изложению некоторые дополнения». (Проф. М. Скабалланович. Толковый Типикон).

тил иеромонаха простой монах – подходит под благословение. Встречаясь с игуменом, земной поклон. Садясь за стол, непременно читает молитву. Иеромонах, кроме того, благословляет «яства и пития».

Это непривычно для мирянина. Но в монастыре вообще все непривычно, все особенное. Монастырь – не мир. Можно разное относиться к монастырям, но нельзя отрицать их «внушительности». Нравится ли оно вам, или нет, но здесь люди делают то, что считают первостепенным. Монах как бы живет в Боге, «ходит в нем». Естественно его желание приобщить к Богу каждый шаг своей жизни, каждое как будто будничное ее проявление. Поняв это, став на иную, высшую чем наша, ступень отношения к миру, мы не удивимся необычному для светского человека количеству крестных знамений, благословений, молитв, каждений монашеского обихода.

Здесь самую жизнь обращают в священную поэму²⁹⁴.

²⁹⁴ В газетной публикации: «Здесь из самой жизни хотят сделать священную поэму». (Последние новости, № 2332, и августа 1927 г., с. 3).

Монастырская жизнь

Утром просыпаешься всегда под доносящееся пение – оканчивается литургия. Седьмой час. Пока спал, отошли утреня и ранняя обедня. Службы эти совершались и в Больших соборах, и в маленьких домовых церквях, т. н. «параклисах», их до двадцати в Пантелеймоновом монастыре. Стройные отзвывы хора, иногда сливаясь, покрывая друг друга, слышатся именно из параклисов – монастырские корпуса пронизаны ими, как певучими, перекликающимися ячейками. (Недалеко от меня как раз параклис Преп. [Сергия Радонежского] Серафима Саровского, с известной сценой на стене – святой кормит медведя. Лубочная простота живописи, лапти [святителя] Преподобного, бурый и толстый медведь, русские сосны, все это мне очень нравилось, особенно тут, в Элладе).

Значит всю ночь работала духовная «электростанция». Всю ночь в этих небольших, но обмоленных храмах тепло струились свечи, шло излучение светлых и благоговейных чувств.

Сам я лишь две ночи провел вполне «по-монашески», обычно же ограничивался поздней литургией да вечерней. Тем не менее сразу ощутил веяние строгой и чистой жизни, идущей незыблемо и человеческую душу вводящей в свой ритм. Монастырский ритм – вот, мне кажется, самое важ-

ное. Вы как будто плывете в широкой реке, по течению. И чем дальше заплыли, тем больше сама река вас несет. Игумен одной афонской обители говорил мне, что близко к полуночи он просыпается безошибочно, да и заснуть бы не мог – скоро ударят в било. Таких «утренних петелов» в монастырях, разумеется, много. Здесь нет горя, нет острых радостей (вернее: «наслаждений»), особенно нет наркотического, опьяняющего и нервного, что в миру считается острой приправой, без которой жизнь «скудна». Для монаха нет скуки, нет и пряностей. Его жизнь вовсе не очень легка. Она не лишена томлений и тягостности, монах иногда подвержен упадку духа, целым полосам уныния. [(«Уныние веселится, когда встречает пустытника» – т. е. надеется на него напасть и одолеть).] Но все это лишь временное погружение под уровень и, кажется, лишь в начале. В общем, инок быстро всплывает: его очень поддерживают.

Для того, чтобы быть монахом, нужен, конечно, известный дар, известное призвание. Но и на не обладающего этим даром жизнь около монастыря, лишь отчасти им руководимая и наполняемая, уже есть душевная гигиена. Человек рано встает, больше обычного работает, умеренно ест, часто (сравнительно) ходит на службы, довольно много молчит, мало слышит пустого и вздорного. Видит синее море, купола, главы, благообразную жизнь.

У католиков не напрасно существуют *retraites*, куда приезжают и временно там живут «мирские», как бы отбывая по-

верочные сборы, подобно солдатам, которые в гражданской жизни могут опускаться и забывать военное дело. Для христианства каждый христианин солдат. И каждого надо сохранять в боевой готовности. Католики поняли это отлично. Не станут возражать и православные. И так как мы живем в довольно удивительные времена, то я не очень изумился бы, если бы под Парижем вдруг, в один прекрасный день, подобно Сергиевому Подворью, вырос бы русский православный монастырь, куда открылось бы паломничество «мирских».

* * *

На ночную службу идешь длиннейшими монастырскими коридорами. Местами совсем темно, кое-где светит полупритушенный фонарь, приходится то спускаться на несколько ступеней, то подниматься в иной уровень, то делать повороты. По сторонам гулко, каменного коридора, всегда несколько сырого и прохладного – келии иеромонахов. В некоторых местах на поворотах он выводит к небольшим балкончикам. Ночь тихая, лунная – лунный свет бледно-зеленым дымом подымается с каменного пола, уходит в дверь балкона, сияющего светлым прямоугольником. Если выглянуть в нее, увидишь златомерцающие кресты над храмами, синюю тень колокольни, побелевший двор, дерево цветущих роз, высоко поднявшее над крыльцом шапку цветов, и блед-

но-синеватое струение моря за крышами.

Бьют в било. Кое-где на балконах появляются монахи, и по моему коридору слышны ровные шаги.

Не выходя из здания, в конце пути оказываешься в храме, не столь огромном, как Собор Андреевского скита, но богато и тоже не-старинно изукрашенном. Проходишь в свою стасидию, и опершись локтями на подлокотники этого «стоячего кресла», слушаешь службу. Молодой экклесиарх подойдет с поклоном, постелит половичок, чтобы ногам не холодно было стоять – с поклоном отойдет. Один за другим появляются монахи, совершают перед иконами «метания», со всеми своими музыкально-размеренными движениями, и занимают места в стасидиях. Приползают замшелые и согбенные старички, в огромнейших сапогах, едва перебирая больными ногами, имея за спиной многие годы. Нередко такой и на палочку опирается. Заросли бородами и бровями, точно лесовички, добрые лесные духи, рясы на них вытертые и обношенные, сами едва дышат, а всю ночь будут шептать высохшими губами молитвы в стасидиях.

Службы же длинны. От часа ночи до шести утра в обычные дни, а под воскресенье и праздники «бдения» длятся по одиннадцати, даже по четырнадцати часов непрерывно!

Золото иконостасов и икон мерцает в блеске свечей, из окон ложатся лунные ковры. Это дает сине-дымный оттенок храму. Золото и синева – так запомнился мне ночной храм Покрова Богородицы.

Канонарх читает, хор поет, выходит диакон, служит очередной иеромонах – все как обычно. Ровность и протяжность службы погружают в легкое, текучее и благозвучное забвение, иногда, как рябь на глади, пробегают образы, слова «мирского» – это рассеянье внимания может даже огорчать. Часам к трем утра подбирается усталость. Борьба с нею и со сном хорошо известна монашескому быту²⁹⁵.

Вероятно, старикам легче преодолевать сон, чем молодым. По правилам Пантелеймонова монастыря ектlesiарху полагается во время ночных служб обходить монахов и задремавших трогать за плечо. Но я этого не видел. Не видал и заснувших. Дремлющие же бывают.

Для непривычного «мирского» борьба со сном особенно нелегка: тупеешь и грубеешь, едва воспринимаешь службу. Правда, перемогшись в некий переломный час, опять легчеешь, все-таки это очень трудно.

Но одно то, что вот в эту лунную ночь, когда все спит, здесь, на пустынном мысу сотни людей предстоят Богу, любовно и благоговейно направляют к нему души наперекор дневным трудам, усталости – это производит глубокое впечатление. Вот приподынешься слегка, в стасидии, и над под-

²⁹⁵ См. ниже, в очерке «Святые Афона» о св. Афанасии Афонском и его способах борьбы со сном. – *Примечание Б. К. Зайцева*. В газетной публикации далее: «Св. Афанасий Афонский (основоположник монастырской жизни, X-го в.) обтирал себе лицо ледяной водой, чтобы бороться со сном, и приучил себя спать на стуле, не ложась на постель». (Последние новости, № 2349, 28 августа 1927 г., с. 2).

оконником раскрытого окна увидишь серебристо-забелевшую полосу моря с лунным играющим следом. Раз я увидел так дальний огонь парохода, и в напевы утрени слабо вошел звук мирской – гудок. Приветствовал он святой и таинственный Афон? Приходил, уходил? Бог знает.

Пред концом утрени изо всех углов вновь вытягиваются старички, епископ вновь ко мне подходит.

– Пожалуйста к иконам прикладываться.

Это сложное, медленное и торжественное действие. Оно завлекает своею благоговейностью и спокойным величием.

Море уже бледно-сиреневое. Сребристый утренний свет в окнах. В церкви сизый туман, когда по ходу служения иеромонах возглашает:

– Слава Тебе, показавшему нам Свет!

На что хор отвечает удивительной, белой песнью-словом:

– Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение!

* * *

Воскресенье, утро. Сажу на диване. Передо мной большой поднос с белым чайником для кипятка, маленьким чайником в цветах, чашкою и кусочками подсушенного хлеба.

Читаю в Афонском Патерике²⁹⁶ о св. Ниле Мироточивом²⁹⁷, как он жил в пустыне у моря, с учеником, и за святую жизнь дано было ему такое свойство, что из гроба его истекало целебное миро. Оно струилось ручейком в море. За этим миром приплывали издалека многие верующие на каиках, так что самое место под утесом получило название, «корабостасион» (стоянка кораблей).

²⁹⁶ [Азария, монах.] Афонский патерик или жизнеописание святых, во Святой Афонской Горе просиявших. В 2-х частях. СПб., Издание Русского Пантелеимонова монастыря. 1860. Последующие шесть изданий вышли в 1865, 1867, 1875 и 1876, 1883 и 1884, 1889 и 1890, 1897 гг. Оттиски иконописных изображений собора афонских святых из первого издания этой книги Зайцев привез со Св. Горы и подарил нескольким знакомым, в частности П. К. Иванову.

²⁹⁷ Житие св. Нила Мироточивого помещено в т. II Афонского патерика, с. 349–356.

РАДУІСА, КЪ ПРЕНЕБЕСНЫМЪ, ПРОСТРАНЬИМЪ НЕБЕСЬ, ЕЗВМЮЩАЯСА.

Кондакъ.

Шневысшнша гѣрдъ снѣ оцѣкъ, и показашнша къ нѣй житіе лѣтаское, и множестве монахѣкъ
 сократншюу елѣоубаанахъ всѣхъ къ ннмъ, языкѣоше: всѣкѣа едѣдѣ и искншеніа наскъ нзнѣвте
 множестко предобннмъ, ѡубнскѣа похвалѣд.

**Свв. подвижники Афонские. Иллюстрация
из Афонского патерика. (СПб., 1860).**

РАДУЙСЯ, ПРЕВЫШАЯ ЗВЯНЫХЪ И НЕБЕСНЫХЪ.

ѲѲ

Троица.

Истини ѿвѣстїи оубо, и аггелъ ко плоти, исповѣдники крѣпкіи и преподобніи, святители же и мѣченики къ пѣвнѣмъ почтїямъ, подражающе дозрѣдѣтелемъ ихъ, вси иже въ годѣхъ себѣ доживѣе сткѣнїемъ, зѣложе согласно и благоушче: слава прослашнемъ вѣмъ, слава кѣнчакшемъ кѣмъ: слава къ кѣлауу представелїи нѣмъ кѣмъ показавшемъ.

**Свв. подвижники Афонские. Иллюстрация
из Афонского патерика. (СПб., 1860).**

«И при этом рассказывают, что ученик, оставшийся после святого Нила и бывший очевидцем скромности и глубокого смирения своего старца при земной его жизни, не вынося молвы от множества стекающихся мирян, тревоживших покой св. Горы, будто бы решил жаловаться своему прославленному старцу на него самого, что он, вопреки своим словам – не искать и не иметь славы на земле, а желать ее только на небесах, – весь мир скоро наполнит славою своего имени и нарушит через то спокойствие св. Горы, когда во множестве начнут приходить к нему для исцелений: и это так подействовало на св. мироточца, что тогда же миро иссякло».

Отворяется дверь, входит степенный мой о. [гостинник.]
Иоасаф.

– Сейчас к поздней ударят. Если угодно трезвон поглядеть, то пожалуйста. Я вас провожу на звонницу.

В Пантелеймоновом монастыре знаменитый колокольный звон. Я действительно хотел «поглядеть» его.

Мы пошли коридорами, потом по перекидным сходням над двором прямо попали к главному колоколу, в ту самую минуту, когда молодой монашек, уже разогретый и розовый, разгонял последними усилиями веревки его язык – вот осталось чуть-чуть до внутренности тяжкого шлема, вот волосок, вот, наконец, многопудовый язык тронул металл и раздался

первый, бархатно-маслянистый звук. А потом пошли следующие, один за другим, им вторили здесь еще два-три меньших колокола, с верхнего же этажа залились самые мелкие. Трезвон! Впервые был я так пронизан звуками, так гудело и сотрясалось, весело трепетало все существо, звуки принимались и ногами, и руками, сердцем, печенью... Было от чего. Колокол св. Пантелеймона весит восемьсот восемнадцать пудов, это величайший колокол православного Востока²⁹⁸. Затем – звонарное искусство. Я чуть лишь заглянул в него, поднявшись еще выше (казалось, что и воздуха никакого нет, одно густое варево звуков). Но думаю, для музыканта в нем есть интересные черты.

Наверху звонил некрасивый русобородый монах с открытым, несколько распластанным лицом, сильно загорелым, в сдвинутой на затылок скуфейке. Ногой нажимал он на деревянную педаль, пальцами одной руки управлял тремя меньшими колоколами, а другой играл на клавишах са-

²⁹⁸ Вероятно, Зайцев хотел сказать, что этот колокол, доставленный на Афон в 1894 г. (весом 818 пудов 10 фунтов) в то время оставался самым большим на Святой Горе и крупнейшим из продолжавших находиться в употреблении. Колокол из г. Киото весит 4685 пудов (отлит в 1632 г.). В России было известно множество колоколов, вес коих превышал 1000 пудов. Ростовские колокола «Сысой» (отлит в 1689 г.) и «Полиелейный» (отлит в 1683 г.) имели массу в 2000 и 1000 пудов, соответственно. Для кремлевской колокольни Ивана Великого в царствование императора Николая I были отлиты в 1817 г. колокола: «Большой Успенский» весом в 4000 пудов (в пору пребывания Зайцева на Афоне этот колокол не использовался), колокол «Святого Иоанна» весом в 3500 пудов и т. н. «Новый колокол» весом в 3600 пудов.

МЫХ маленьких... но все-таки не назовешь их «колокольчиками». Вот в этих переливах, сочетаниях разной высоты звуков и состоит, по-видимому, искусство звонаря, своеобразного «музыканта Господня». Я спрашивал, нет ли литературы о колокольном звоне, каких-нибудь учебников его – мне ответили, что тайна этого редкого умения передается от звонаря к звонарю.

Спускаешься с колокольни «весело-оглушенный», проникнутый звуковым мажором, близким к световому ощущению. Точно выкупался в очень свежих, бодро-кипящих струях. Уверен, что такой звон прекрасно действует на душу.

Думаю, что он слышен по всему побережью, и доносился бы до пещеры св. Нила. Как отнесся бы его строгий ученик к такому разливу звуков, хотя и прославляющих небесное, но языком все же [очень] громким? Не нарушало ли бы это в его глазах «святой тишины» Афона?

Ответить нелегко. Но отрывок жития, приведенный выше, дает яркую характеристику афонского душевного склада. Афон прежде всего есть некое уединение [, и созерцание]. Афон молится и за мир, усердно молится, но крайне дорожит своей неотвлекаемостью. Тут существует известная разность между жизнью афонского монастыря и пустынно-нической. Пустынники всегда считали монастырь слишком «уступкой», в некотором смысле, слишком «мирским» (особенно монастыри особножитные). [св. Афанасию, устройителю монастырей на Афоне, приходилось вести большую борьбу

бу с отшельниками, упрекавшими его за то, что в свою Лавру он вносил черты быта тогдашней Византии.] Сторонники же монастырской жизни не весьма одобряли индивидуализм пустынных, их «своеволие» и непослушность.

Так на самом Афоне веками жили рядом разные типы монашествующих.

* * *

Афон считается Земным Уделом Богоматери. По преданию св. Дева, получив при метании жребия с Апостолами вначале Иверскую землю (Грузию), была направлена, однако, на Афон, тогда еще языческий, и обратила жителей его в христианство.

Богоматерь особенно почитается на Афоне, он находится под Ее защитой и милостью. На изображениях св. Афонской горы Богоматерь на небесах над ним покрывает его своим омофором (длинный и узкий «плат», который Она держит на простертых руках). Это плат благоволения и кроткой любви, ограждающий Ее Удел от тьмы. Нет и не было уже тысячу лет ни одной женщины на полуострове. Есть лишь одна Дева над ним. «Радуйся, радости наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором», говорит акафист. Культ Приснодевы на Афоне сильно отличается от католического. В нем нет экстаза, нет и чувственности, он отвлеченнее. Мадонны католических храмов более земно-воплощенны, раскрашен-

ные статуи убраны цветами и обвешаны ex-voto. Не говорю уж о средневеково-рыцарском поклонении Прекрасной Даме, о некоей психологии «влюбленности», что с афонской точки зрения есть просто «прелесть».

На Афоне воздух спокойнее и разреженней. Поклонение Пречистой носит более спиритуальный, облегченный и надземный характер.

Я присутствовал в Пантелеймоновом монастыре на одной глубоко-трогательной службе – акафисте Пресвятой Деве. [Служба эта] Это служба дневная. В ее заключительной, главнейшей части игумен и два иеромонаха в белых праздничных ризах, стоя полукругом на амвоне [перед северными воротами] против царских врат, по очереди читают акафист. Над воротами же находится Образ Пречистой, но особенный, написанный на тонком, золотеющем «плате». Низ его убран нежной работы кружевом. Во время чтения Образ тихо и медленно спускается, все ниже, ниже, развивая легкую ткань своего омофора. Голоса чтецов становятся проникновеннее, легкий трепет, светлое воодушевление пробегают по церкви: Богородица «с честным своим омофором», в облике полувоздушном, златисто-облегченном сама является среди своих верных. Образ останавливается на высоте человеческого роста. Поет хор, все один за другим прикладываются, вечерние лучи слева мягко ложатся на кружева и золотистые отливы колеблющейся иконы. И так же медленно, приняв поклонение, Образ уходит в свою небес-

ную высь – кажется, не достает только облаков, где бы почил он²⁹⁹.

«Радуйся радости наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором».

* * *

Я любил тихую афонскую жизнь. Мне нравилось выходить иной раз из монастыря, сидеть на прибрежных камнях у огорода, любоваться «светлыми водами Архипелага». (Эти светлые воды упоминаются во всех писаниях об Афоне, но афонское море, действительно, чрезвычайно прозрачно, нечеловечески изумрудно-стеклянного тона.)

В знойные часы полудня хорошо бродить по балкону, огибающему мой и соседний корпус. Свет легко плавится в голубоватом воздухе, море лежит зеркалом, окаймленное лиловатым Лонгосом, а в глубине залива золотисто сияет Олимп недосыгаемыми своими снегами.

Над³⁰⁰ вечер, перед сумерками, приходили нередко гости: седобородый, в очках, с золотым крестом на груди добрейший о. архимандрит Кирик, духовник всей братии. Энергичный о. иеромонах Иосиф, библиотекарь. Скромный, за-

²⁹⁹ В газетной публикации далее: «Радуйся, изнемогающим от уныния и печали скорая утешительнице. Радуйся, благодатию смирения и терпения снабдевающая». (Последние новости, № 2349, 28 августа 1927 г., с. 3).

³⁰⁰ Под

стенчиво-мягкий и слегка нервный помощник его, о. В.³⁰¹, мой очаровательный спутник по путешествию о. Пинуфрий и др. Я вспоминаю с большим удовольствием об этих кратких беседах с людьми, которых и мало знал, но с которыми сразу установилась душевная связь, и говорить можно было почти как с друзьями. Поражала глубокая воспитанность и благообразие, придающие разговору спокойную значительность, то, что противоположно так называемой «болтовне». Я видел в монастыре св. Пантелеймона столько доброты и братской расположенности, столько приветливости и тепла, что эти малые строки – лишь слабое эхо моей признательности.

Спускается сиреневый вечер. Иду по коридору гостиницы, мягко поблескивающему мозаичными плитками, мимо картин – город Прага, вид Афона – на террасу. Отпираю вход на нее особенным ключом, и мимо цветов гераниума, настурций и еще каких-то розовых, прохожу в огромную залу монастырских приемов. Три ее стены в окнах, выходящих на балконы, – на море и кладбище. За день жаркий и слегка спертый воздух накопился в ней. Вот где тени былого! Вот где облик неповторимого. Эти стены, увешанные портретами императоров, цариц, митрополитов, посланников, видали «Высочайших Особ» и князей церкви. Давно, как бы раз навсегда, натертый пол блестит зеркально. Чистые половички проложены по нем. Посреди залы овальный стол,

установленный фотографиями лицом к зрителю. Он окружен фикусами и рододендронами. И овал стульев, расставленных веером, окружает все это сооружение. На них, в часы приемов, вероятно, после трапезы, с чашечками турецкого кофе в руках, обносимые «глико» и «раки», заседали Великие Князья и архиереи, консулы и богатые покровители монастыря из России... – все, должно быть, спят уже теперь вечным сном. Не могу сказать, как «наводителна» сиреневыми вечерами, со струей свежего воздуха, втекающего в открытую на балкон дверь, была для меня эта зала, как почти одурманивала она крепкою настойкой грусти, как безмятежно сизело начинавшее к ночи серебриться море, а за колокольнею св. Пантелеймона, над невидимым сейчас Олимпом дотлевал оранжевый закат.

В монастыре тихо. Наступает краткий час отдыха. Пречистая стирает свой омофор.

Каруля

Ранним и чудесным утром мы спустились к пристани. Там ждала лодка. Архимандрит Кирик благословил меня на странствие, овеяв своей легкой, снежною бородою, гребцы погрузили весла, слегка налегли, и мы мягко тронулись. Мы – это иеромонах о. Пинуфрий, иностранец доктор, юный монах-переводчик, два гребца и я.

Вот первый образ нашего отплытия: стеклянно-голубое море, легкий туман у подножия Лонгоса, тихий свет утра. Лодка идет нетрудно. Рядом со мной черный с проседью, кареглазый, спокойный и ровный, слегка окающий по-нижегородски о. Пинуфрий. Опустив руку в воду, он пальцем чертит серебряный след. Негромким привычным голосом начинает петь:

– Христос Воскресе из ме-ерт-вых, смертью смерть по-прав, и сущим во гробех живо-т дарова-в!

Мы подтягиваем. Оборачиваясь, вижу нашего юношу с золотистыми волосами, золотистою бородкой вокруг пунцового рта и глазами задумчивыми, упорно глядящими вбок. Безмятежная голубизна вод, тишина, плеск струи за кормой, юноша, напоминающий поленовского Христа³⁰², мягко очер-

³⁰² То есть изображение Христа из «Евангельского цикла» из 68 полотен рабо-

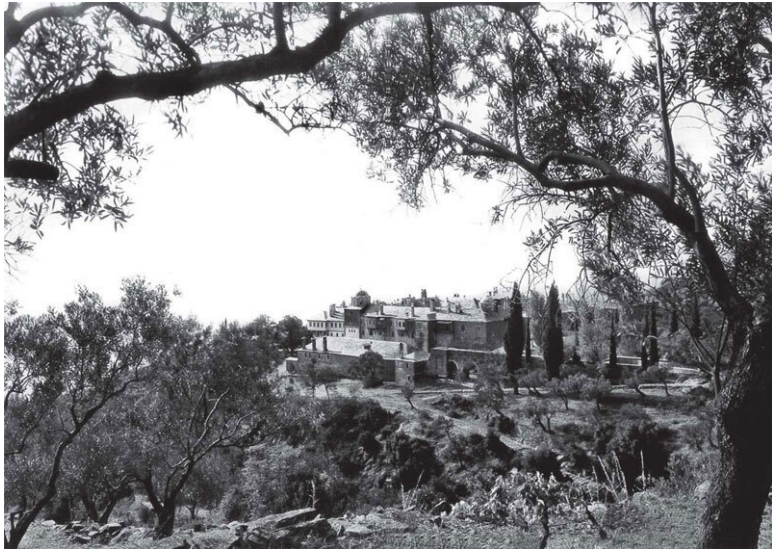
ченный в утреннем дыму евангельский пейзаж Генисаретского озера...

– И су-щим во гробех жи-вот даровав...

* * *

Итак, мы огибаем юго-западный берег Афонского полуострова, держим путь на Карулю, знаменитую южную оконечность Афона, где в бесплодных скалах живут пустынножители. А пока, слева, медленным свитком протягивается полуостров: горы, леса, по ним кручи, кое-где виноградники и оливки, кое-где пустынно-каменистые взгорья – все непроходимое и первобытное. То выше, то ниже средневеково-восточные замки греческих монастырей. Вот высоко в лесах пестрый Ксиропотам. Симонопетр, выросший продолжением скалы отвесной, весь уходящий ввысь, с балконами над пропастью.

ты В. Д. Поленова (вторая половина 1880-х – 1910 гг.), ныне работы распределены между различными музеями. См.: Ремезов А. Жизнь Христа в трактации современного русского художника. Сергиев Посад, 1915.

Монастырь Ксиропотам

Монастырь Григориат

Мы зашли в маленький, изумрудный заливчик Григориата, где подводные камни слегка ломались в глазу под колеблющимся стеклом – на полчаса навестили монастырь с черно-курчавым привратником у вековых ворот и приложились к знаменитой иконе св. Николая Мирликийского. Древний храм, древние ризы, глушь, тишина, отвесная скала, непроходимость, да лазурно-колеблемое стекло заливчика, вот что осталось от этого посещения...

И уже вновь гребут отцы Эолий и Николай – плывем далее.

Когда в ущелье показался Дионисиат, о. Пинуфрий протянул к нему свой загорелый палец.

– Тут вот этот патриарх жил, Нифонт³⁰³ по имени. У него

³⁰³ Как указывает А. А. Турилов (Православная богословская энциклопедия т. 10, с. 205–206) Житие патриарха Константинопольского Нифонта II написал между 1517 и 1519 гг. сербский агиограф Гавриил, подвизавшийся в Хиландарской обители. Патриарх Нифонт занимал патриарший престол в 1488–1490, 1499–1500, 1502 гг. и умер в 1508 г. Согласно Житию это произошло 11 августа в возрасте 90 лет. Житие так излагает события биографии преп. Нифонта после оставления Константинопольской патриаршей кафедры: «Вместе со своими учениками Макарием и Иоасафом святой Нифонт прибыл в Македонию, а оттуда удалился на Святую Гору и поселился в обители Ватопедской. С искренней радостью и уважением приняли его святогорцы, прославляя Бога, удостоившего их видеть Вселенского владыку. Из самых сокровенных пустынь стекались к нему подвижники как для принятия благословения, так и для назидательных его бесед. // Один из учеников его, Макарий, чрезвычайно строгий подвижник и ревностный в исполнении иноческих обязанностей, до такой степени воспламенился божественной любовью ко Господу, что, наконец, стал искать и желать мученического подвига и смерти. Впрочем, не доверяя влечению и тайным побуждениям собственного сердца, он открылся блаженному Нифонту и просил отеческого совета, а в случае соизволения – благословения на страдальческий подвиг за имя Христово. Святой Нифонт, оградив Макария знамением честного и животворящего креста, молился о нем и отпустил с миром на желанный подвиг. Немного Макарий, блаженный даже по имени, оставался на земле. В Солуни он торжественно исповедал Христа и проклял Магомета, за что после многих пыток и истязаний турки отсекли ему голову. Таким образом принял он венец мученический. Божественный Нифонт провидел это духом. «Знаешь ли, чадо, – сказал он другому своему ученику Иоасафу, – сегодня страдальчески скончался брат твой Макарий и радостно душой несется на небеса». // Вскоре после этого, взяв с собой Иоасафа, Нифонт тайно удалился из обители Ватопедской и под видом поселянина пришел в монастырь Дионисия. В обители этой, как говорят, был такой устав, переданный ктитором обители: приходящего в монастырь для монашества прежде всего на неопределенное время определять в черные труды, а именно –

в Константинополе разные страдания вышли, его стало быть

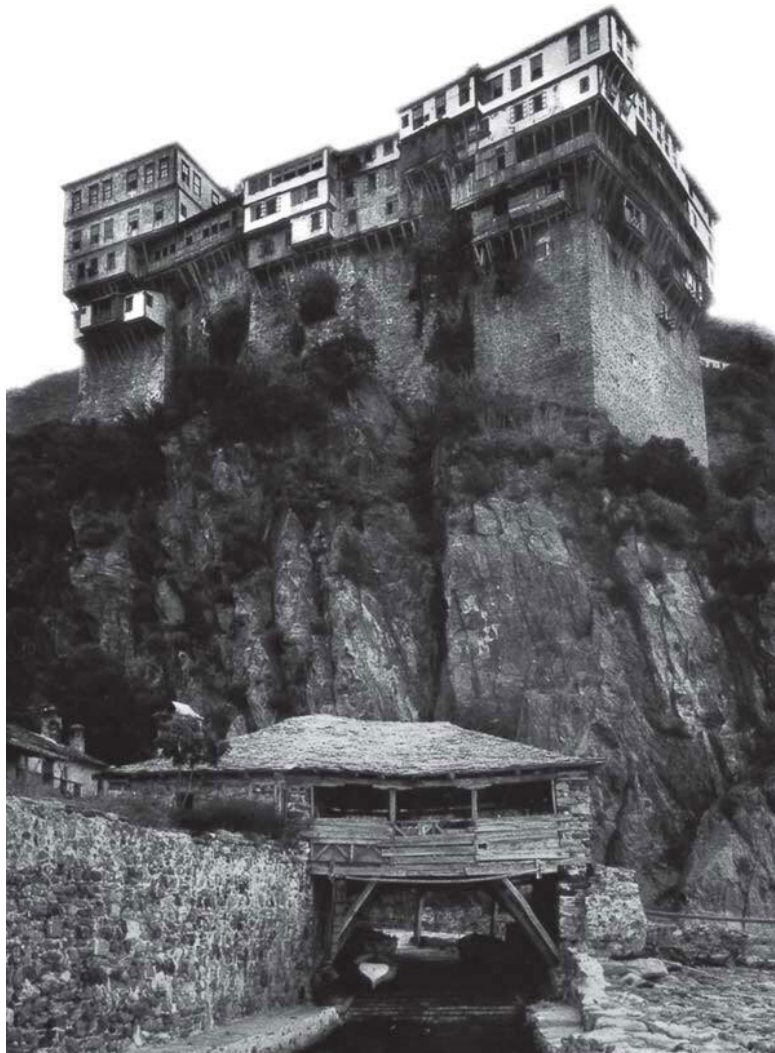
ходить за рабочим скотом, возить дрова и исполнять все низшие послушания. Впоследствии, когда оканчивался такой иску́с, послушника по усмотрению настоятеля принимали в монастырь и причисляли к братии. Таким образом и святой Нифонт, как неведомый пришелец, был сделан муларщиком для ухаживания за рабочим скотом. Пока трудился он таким образом, покрываемый от всех Богом, по распоряжению Константинопольской Великой Церкви искали его всюду для возведения вновь на Вселенскую кафедру султанским приказом. Посланные были и на Святой Горе, но блаженный Нифонт остался неведом никому, пока было на то соизволение свыше. // Однажды вместе с прочими он был назначен караульным на соседнем холме из-за морских разбойников, нечаянно напавших на Святую Гору, расхищавших все и пленявших. Когда наступила ночь, божественный Нифонт стал на молитву. Вдруг над молившимся поднялось огненное пламя в виде столпа от земли до самого неба, а сам блаженный Нифонт сделался как бы светлым, огненным, что заметили находившиеся рядом на страже иноки и один бывший при Нифонте. В трепете и страхе от виденного чуда последний явился в монастырь и рассказал всем о славе молившегося собрата. То же под твердили и другие монахи. // Ужаснулись старцы и вся братия обители, недоумевая, что за чудный по явился между ними подвижник. Обратились они ко Господу с общими мольба ми, прося явить, кто такой угодник, так прославляемый свыше и для всех не ведомый в обители. Бог открыл им тайну: игумену монастыря представилось, что он находится в храме. Там является божественный Предтеча и говорит ему. «Собери братство, и выйдите навстречу Патриарху Нифонту. Высота его смирения да будет образцом для вас: он Патриарх, а снизошел до состояния одного из ваших рабочих». Пораженный этим, игумен долго не мог прийти в себя. Потом, когда успокоились его мысли, приказал ударить в доску. Собралась братия, и он рассказал им о видении Предтечи Господня. Тогда все узнали в своем муларщике Патриарха Нифонта. Пока это происходило, святейший работник отправился за дровами в лес. Когда заметили, что он возвращается со своего послушания, все вышли к кладбищенской церкви навстречу ему и как Патриарху почтительно поклонились. Тронутый до слез неожиданным торжеством собственного смирения, Нифонт повергся перед всеми и плакал. «Кончился иску́с терпения твоего, светильник вселенной, – говорил ему настоятель, целуя святительскую его руку. – Довольно смирения твоего для смирения соб-

понапрасну уволили, он сюда и перебрался. Это когда же

ственной нашей немощи». Плакал блаженный Нифонт, глубоко потрясенный событием; плакали братья и особенно те, которые по неведению огорчали его и, прося прощения, лежали у ног его. «Для того, отцы и братья мои, скрыл меня Господь от вашей любви, – сказал, наконец, святой Нифонт, – что сам я про сил Его о том, чтобы во смирении моем помянул меня Господь. Вы знаете, что человеческая слава и любовь мира этого отчуждают нас от Царствия Божия: Ибо, как сказал Господь, какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит (Мк. 8: 36). // Потом он, торжественно войдя в монастырь в окружении братии, посвятил себя строгой иноческой жизни, не переставая разделять с братией всякого рода труды, хотя из-за старости, бедствий и изгнаний был уже немощен и слаб в силах телесных. Кроме прочего, он посещал немощных, утешал печальных. «И я, – говорит составитель жизни святого Нифонта, иеромонах Гавриил, тогдашний Прот Святой Горы, – много раз приходя и оставаясь там для слушания назидательных бесед его, видал, что он то копал в огороде, то помогал на мельнице, то спускался к пристани для разгрузки и погрузки кораблей, и трудился таким образом неустойчиво, чтобы другие на него не роптали и не теряли через то награды за труд свой». При всем том сатана не переставал ратовать против него. Нашлись люди, которые все труды и подвиги смиренного Нифонта порочили, приписывая их лицемерию, а сладкие его беседы называли пустословием. Впрочем, зная, что все это – действие сатаны, он просил Бога о помощи и силе для перенесения искушений до кончины, а потому и врагов своих прощал, молясь об их спасении и забывая высоту своего достоинства. // Однажды братия везла на корабле монастырскую пшеницу с метохов. Поднялась буря, и корабль, носясь возле обители, находился в опасности. Заметив это, святой Нифонт пренебрег бурей и отправился на корабль. Лишь только ступил он на палубу, как буря утихла и наступила невозмутимая тишина. Тогда братия пала к стопам святителя, умоляя его умиловить Бога и попросить у Него благодать, чтобы, когда ни случится им быть в море, никакая опасность, беда и бедствие не постигали их. «Бог даст вам по желанию, – отвечал блаженный, – при условии, если будете свято исполнять положенное правило и службы церковные, если не будете празднословить». Потом, преклонив колени на якорь, простер вверх руки и очи свои и молился довольно долго. Благословив якорь, сказал: «Слушайте, братья, храните этот якорь в приличном месте. Когда же наступит буря, спус-

было... то ли в пятнадцатом, то ли в шестнадцатом веке, вот с точностью не упомяну... О. Эолий, как это, в шестнадцатом?

кайте его в море, и – будьте спокойны». С этого времени действительно каждый раз, когда бы вали братья в море и наступала буря, опускали они якорь в волны с призыванием имени святого Нифонта, и делалась тишина. Знамения такого рода от бесчувственного металла так поражали иноков, что во время каждения фимиамом икон при совершении правила, кадили они и якорь, отдавая таким образом честь святому Нифонту. Сам якорь наименовали «патриархом», и когда наступала в море буря, обыкновенно восклицали: «Опустите в море патриарха». Этот якорь как драгоценность и святыню хранили в Дионисиате более 150 лет. Наконец наступило для блаженного Нифонта время отхода из земного времени в вечность к желаемому Господу: кроме глубокой старости, он знал и по Божественному откровению, что время это близко, а потому призвал к себе братию и объявил о наступающей кончине».

Монастырь Дионисиат

О. Эолий, полный, немолодой монах, по профессии певчий, сидит передним гребцом. На голове его соломенная шляпа, придающая ему несколько женский вид. Он вспотел и все оттирает платком лоб.

– Да видимо, что в шестнадцатом...

– Ну, вот... Смирнейший патриарх и пришел сюда, назвавшись простым эргатом, по-нашему, работником. Такой-то этот Нифонт был, скажи, пожалуйста: «Я, мол, братия, тут дровец вам могу порубить, того, другого». Хорошо, он у них и жил, и хоронился, и никому в мысль не приходило, что этакий эргат... вон он кто! Только нет, Господь его и открыл. Значит, раз он в лесу порубился, мулашки у него там были, он хворост навьючил, идут, к монастырю приближаются – и едва приблизились, ан нет, монастырские колокола сами зазвонили, патриаршую встречу... Он, стало быть, хворостинкой мулашек подгоняет, шагай, дескать, а колокола полным трезвоном... Ну, тут и открылось, кто он.

– Налегай, налегай, о. Эолий, сказал другой гребец, крепкий и заскорюзлый, с волосатыми руками, приземистым корявым носом – среднее между бурлаком и дальним родственником Тараса Бульбы: а то батос подойдет, тогда нам у Карули не выгрести.

– Не будет батоса, отдуваясь, ответил о. Эолий.

– Как так не будет, завсегда к полудню батос, да и сейчас видно, вон уж он в море вихрится.

Батосом называется на Афоне юго-западный ветер, с моря, всегда разводящий волну. О. Николай был прав: вдали по горизонту закурчавилась полоска темной синьки, от нее к нам лежало море еще стеклянное.

Сзади шел разговор по-немецки. Доктор упрямо расспрашивал и рассуждал с грубоватой настойчивостью. Юноша отвечал ровно и тихо, с неменьшим упорством и большой выдержкой. Левой рукой он придерживал руль, светлые глаза его смотрели несколько вбок. Вид у него был такой, что сколько бы его не изводили, он не подастся и не рассердится, до конца выдержит «послушание».

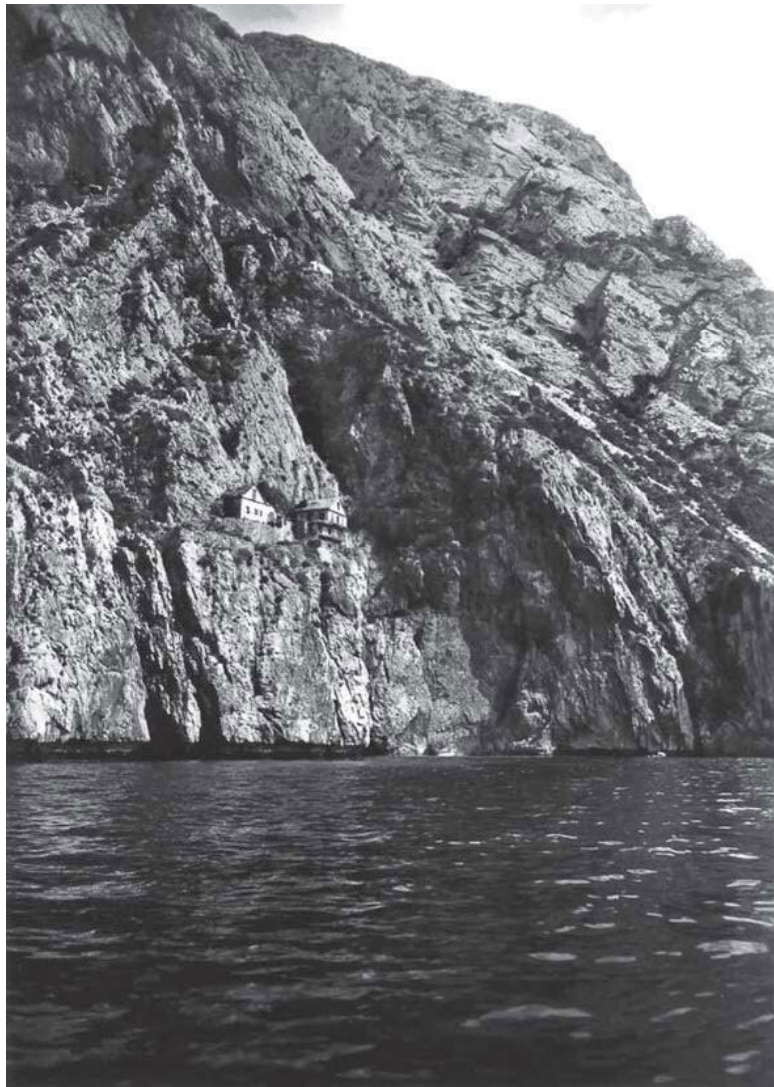
– Вот на мысок, на мысок держите, сказал о. Николай, а коли что, так передайте ему руль (он кивнул на иностранца) – пусть утешается.

Но доктор не «утешился». Он все выпрашивал, приблизительно так: почему нет на Афоне хороших дорог? Почему нет врачей? И т. п.

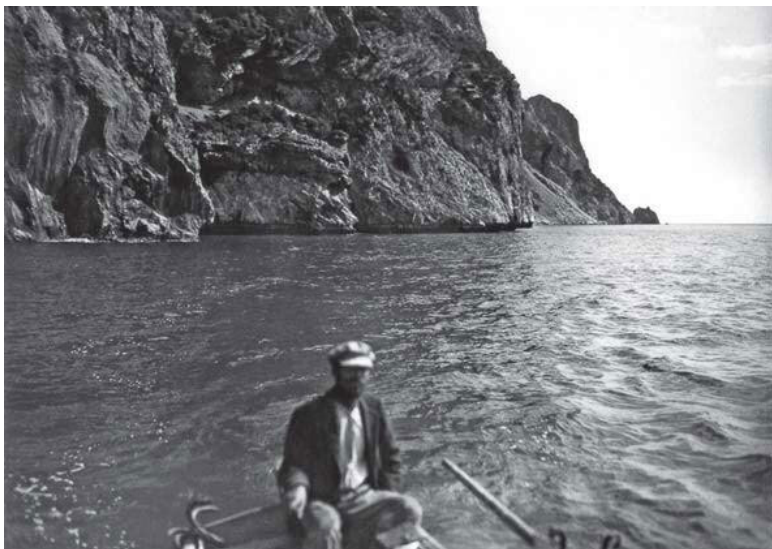
Батос застиг нас недалеко от места высадки. Море сразу стало пенно-синим, мощным, лодка затанцовала. Изменился и берег. Мы шли теперь рядом с почти отвесными голыми скалами, совсем близко к ним. Начиналась Каруля. Кое-где волны подлизали берег, так что он выступал. Если тут волна опрокинет лодку, то и умея плавать пропадешь, – некуда выплыть.

Мы едва двигались. Гребцы залились потом.

Над нами висели скалы, в одном месте колыхалась по волнам корзина на веревке. Это отшельники спускают, объяснили мне, а рыбаки иной раз что-нибудь кладут съедобное. Прежде подымали и людей в корзинах с берега на скалы, но сейчас этого нет.

Каруля

Каруля

Временами высоко наверху видишь домик, это «калива» пустынника, одиноко висящая над бездной. Головокружительные тропинки проложены по утесам. Отшельники не боятся ходить по ним в темноту после всенощной (из ближнего скита). В одном месте я видел веревку, натянутую по краю пропасти – это перила скользящей тропки. Далее тропка уходит в косую проточину в скале, подобную водопроводной трубе, по ней сползают к более низкому месту.

Афон считается Земным Уделом Богоматери, но можно сказать, что он и страна Христа. Я очень ясно ощутил это в тот день сияющий, карабкаясь с о. Пинуфрием по белым камням вверх, к каливе русского отшельника. Помнится, мы встретили одного, двух «сиромах» (бедняки, нередко странники). О. Пинуфрий говорил каждому – Христос анэсти.

Или:

– Христос воскресе.

Ему отвечали:

– Воистину воскресе.

Впоследствии таким приветствием встречали мы десятки людей, десятки тем же отвечали нам. Вот полуостров ³⁰⁴. На нем монастыри [неймонастыри] скиты, небольшие монастырьки в пятнадцать, двадцать человек (т. н. «келлии»), есть, наконец, просто отдельные пустынники, живущие в каливах. Одни зажиточнее, другие совсем нищие, одни все же начальство, другие подчиненные, одни решают высшие дела и служат в церкви, другие трудятся на «киперах» (огороды), но все члены Христовой республики, для всех есть вот одно:

– Христос воскресе.

³⁰⁴ полуострови Каруля

– Воистину воскресе.

Это поражает. Как поражает то, что в любой самой худой каливе – моленная с образами, лампадками, а чуть побольше – «келлия» – там обязательно церковь, и на восходе солнца непременно служат литургию. Вера и преданность Христу здесь дело само-очевидное, к этому так привыкли, что афонец с трудом понимает, как иначе может быть.

Один из встречных сиромах оказался учеником отшельника. Он проводил нас. Доктор в костюме туриста тяжело шагал по камням подкованными башмаками. Солнце пекло. За нами синела туманная бездна моря, в сияющем дыму выступал таинственную тенью остров. Несколько белых крыл разбросаны по синеве.

Нас провели в комнатку для посетителей (в отдельной каливе). О. Пинуфрий снял свою сумку, кожаную афонскую сумку на ремне, вздохнул, отер загорелый лоб, поправил черную с проседью бороду.

– Вот, здесь полегче.

Мы сели на низкие сиденья. В комнате с земляным (если не ошибаюсь) полом было прохладно, не очень светло. Вошел отшельник – высокий человек с очень добрыми небольшими глазками, довольно полными щеками, одетый небрежно – чуть [ли] не на босу ногу туфли – и вид его менее напоминал монаха, чем все виденное мной доселе. Станным образом, и он, и другие пустыnnики, кого я [видел] встретил на Афоне, будучи глубоко монахами и церковниками, внеш-

не более вызывали образы [«штатских»] «светских» мудрецов и учителей жизни. И тут на Каруле, как позже на Фиваиде, тень оцерковленного и оправославленного Толстого проходила пред глазами.

Отшельник – одно из известнейших лиц на Афоне, человек образованный, бывший инспектор Духовной Семинарии³⁰⁵, «смирившийся», как про него говорят афонцы, и ушедший в одинокое подвижничество по примеру древних. Очень многие поклонники желают его видеть и послушать его мудрого слова. Посетители вроде нас начинают утомлять его. Доктор переписывался уже с ним. По письмам пустынный заключил, что он не только хочет перейти в православие, но и принять монашество. Иностранец, действительно, несколько дней прожил в Пантелеймоновом монастыре, но не только не приблизился к монашеству, а скорее настроился критически, его удивляла «непрактичность» монахов, да и его собственные идеи были совсем иные.

Отшельник встретил его вначале крайне приветливо, почти как своего – да и вообще от его быстроговоримых, негромких и застенчивых слов шла удивительная горячая влага, меня этот человек сразу взволновал и растопил, я точно бы внутренне «потек». Он конфузливо сидел на табуретке, не зная, куда девать большие руки, как быть с ногами, и вполголоса, скороговоркой подавал краткие реплики юно-

³⁰⁵ О. Феодосий Харитонов до своего водворения в 1901 г. на Св. Горе служил инспектором Духовных семинарий в Симферополе и Вологде.

ше нашему, переводчику. Юноша с тою же невозмутимостью, как в лодке на море, небыстро переводил.

Вот приблизительный отрывок разговора:

Доктор. – Мне нравятся монастырские службы. Но можно быть монахом и устроить себе удобную жизнь, улучшить хозяйство, завести прочную торговлю.

Отшельник. – Это нас не интересует.

Доктор. – Жизнь есть жизнь. Она имеет свои законы. Я понимаю, что на этих голых скалах ничего не вырастишь. Но кто живет в монастырях, имея леса, виноградники, оливки...

Отшельник (с улыбкой). – В миру помещики... мало ли как разделяют... заводы ставят, фабрики, торгуют...

Доктор. – В этой стране можно превосходно жить. Можно было бы пригласить инженеров, агрономов, проложить дороги.

Отшельник (грустно и быстро). – А нам бы только от всего этого уйти.

Доктор. – Вы должны пропагандировать свои монастыри в Америке.

Отшельник. – Мы должны вечно стоять пред Богом и в смирении молиться.

Доктор. – У католиков существует пропаганда. Я недавно видел фильм, где показана жизнь католического монастыря.

Отшельник. – А нам нечего показывать. Мы считаем

себя последними из людей... что уж там показывать. Нет, нам показывать нечего... Молимся как бы душу спасти.

Доктор. – Если правильно поставить пропаганду в Америке, оттуда можно получить хорошие средства.

Отшельник (тихо и быстро). – От чего и избави нас, Господи.

О судьбе России.

Отшельник. – ...Потому и рухнула, что больно много греха накопила.

Доктор. – Запад, не менее грешен, но не рухнул и не потерпел такого бедствия. Россия сама виновата, что не справилась.

Отшельник. – Значит, ей было так положено.

Доктор. – Как же положено, за что же Бог сильнее наказал ее, чем другие страны.

Отшельник (мягко и взволнованно). – Потому что возлюбил больше. И больше послал несчастий. Чтобы дать нам скорее опомниться. И покаяться. Кого возлюблю, с того и взыщу, и тому особенный дам путь, ни на чей не похожий...

Кажется, это была высшая точка разговора. Отшельник воодушевился, тихая горячность его стала как бы сверкающей, как бы электрические искры сыпались из него. Он быстро, почти нервно стал говорить, что хотя Россия многое пережила, перестрадала, многое из земных богатств разорено, но в общем от всего этого она выигрывает.

Доктор. – Как выигрывает?

Отшельник. – Другого богатства много за эта время дано. А мученики? Это не богатство? Убиенные, истерзанные? Митрополита Вениамина знаете?³⁰⁶

И опять стал доказывать, что мученичество России – знак

³⁰⁶ Сохранилось устное свидетельство о том, что именно Зайцев убедил епископа Кассиана (Безобразова, 1892–1965) написать сразу после окончания Второй мировой войны воспоминания о процессе над митрополитом Вениамином (Казанским) в Петрограде и опубликовать их в парижской газете «Русская мысль». В 1918–1922 гг. приват-доцент Петроградского историко-филологического института Сергей Сергеевич Безобразов вместе с ректором того же института историком Л. П. Карсавиным, С. П. Каблуковым и другими лицами участвовал в сохранении богослужебных сосудов, церковных ценностей и денежных средств от конфискации органами ВЧК, а также в распределении этих денежных средств между нуждающимися прихожанами и духовенством ряда петроградских храмов. Находясь в годы войны на Святой Горе о. Кассиан приложил значительные усилия к очищению Афона и греческой церкви от прокоммунистически настроенного духовенства, войдя в довольно близкое общение с германской оккупационной администрацией. Эта сторона его церковно-общественной деятельности когда-нибудь станет, возможно, темой от дельного исследования. После того, как группа немецких ученых по заданию рейхсминистра А. Розенберга приступила летом 1941 г. к обследованию архивов афонских монастырей просвещенные русские насельники Св. Горы, в первую очередь архим. Кассиан (Безобразов) и иеромонах Василий (Кривошеин), оказывали им заметное содействие в работе. Можно предположить, что хорошие взаимоотношения, сложившиеся у германских представителей с русскими афонитами способствовали получению русскими обителями продовольственной помощи из Германии. Общий обзор истории Афонских обителей и публикация некоторых памятников, обследованных экспедицией, приводятся в книге «Monchslund Athos» [Mit beitragen von Prof. Dr. F. Dolger, Dr. E. Weigand und Reichshauptstellenleiter A. Deindl. Munchen, 1943. 303 S. (183 илл. и 1 карта).”

большой к ней милости, что раньше настоящего мученичества за веру у нас не было, если не считать единичных случаев, а теперь впервые дан крест исповедничества.

Но на этой высоте беседа не удержалась. Молнии сдержанного раздражения, разочарования в человеке, которого по письмам он считал почти своим, выступали у отшельника все яснее.

Доктор упрямо, грубовато продолжал свое. Отшельник, видимо, охлаждался и уходил. Так, вероятно, угасал и спор Толстого с надоедлым посетителем. Когда доктор дошел до того, что надо техническими и химическими средствами уничтожить большевиков, отшельник вовсе замолк.

Юноша увел доктора к лодке. Его убедили не идти с нами далее, а вернуться в монастырь. Но все [уже] было испорчено. Мы с о. Пинуфрием поспешили отступить в горы.

* * *

По какому-то ущелью, казавшемуся бесконечным, мы карабкались все выше, задыхаясь, иногда изнемогая. Тропинку нам показывал сиромеха – ученик отшельника. Он бесшумно и неутомимо шагал впереди на своих кривых ногах в обуви вроде мокасинов. Вот одинокая калива. Здесь живет иконописец. С высоты его балкона открывается синий дым моря, тени островов Архипелага, и все свет, свет...

...Над нами зубцы Афона. К ним мы не дойдем – лишь сквозь леса и заросли подыдемся на полугору и заночуем в келлии св. Георгия³⁰⁷.

К закату тени залиловели в нашем ущелье. Стало холоднее и сырей. Розовым сиял верх Афона, сзади туманно светилось еще море, а вокруг густел мрак. Было радостно достигнуть перевала, сразу оказаться в густолиственном, высокоствольном лесу под дубами, увидеть иной склон Афонского полуострова, идти по ровному месту к живописнейшей келлии св. Георгия.

Как всегда, ласково встретили нас в наступающей ночи монахи – только что возвратившиеся с покоса. Пахло сеном. Раздавались голоса коренной русской речи, было похоже на большую крестьянскую семью трудовой и благоустроенной жизни. Звезды очень ярко горели. Ночь прозрачна, черна.

Мы устали чрезмерно. Поужинали, и на узких ложах, жестковатых, заснули беспробудно.

* * *

Афон, святая гора! На другой день мы шли мимо нее, до-

³⁰⁷ Русская Келлия Св. Георгия находится во владении Лавры Св. Афанасия. Обитель, основанная греками в честь св. Великомученика Георгия Победоносца перешла к русским насельникам в 1870-х гг., возобновлена в 1883 г.

рогою к Лавре св. Афанасия. Справа у нас было море, слева бело-серые кручи Афона³⁰⁸, испещренные черными лесами. Нас провожал вчерашний безответный сиромаха. Он нес сумку о. Пинуфрия. Мы шагали по большим камням «большой» дороги, по которой ехать никому не посоветуешь: лучше уж пешком. Да и вообще в этом царстве нет дорог проезжих.

Мы проходили подлинно «по святым» местам. Там у моря жил в пещере св. Петр Афонский – первый пустынножитель³⁰⁹. Там Кавсокаливийский скит в память св. Макси-

³⁰⁸ К сожалению, мне не пришлось взойти на вершину Афона (две версты над уровнем моря), хотя в монастыре мы с о. Пинуфрием и мечтали об этом. Но подъем туда дело очень трудное. Пришлось бы брать в Георгиевской келлии «мулашек» и употребить на это целый день. «Выспренный Афон» или «шпиль», как его здесь называют – голая скала с небольшой церковкой Преображения Господня. (Эту церковку, в ясный солнечный день, я видал иногда и снизу, огибая афонский полуостров, – она сияла белой точкой.) «Шпиль» необитаем, там никого нет, жить слишком трудно из-за бурь, холодов зимою, ветров. Служба в церкви бывает раз в году – 6 августа, в день Преображения. «Тогда стекаются сюда со всей горы усердные иноки и, совершая всенощное бдение и литургию, спускаются вниз к Богородичной церкви обедать, потому что на самую вершину трудно заносить съестные припасы, да негде и готовить» (Святогорец). // Да, я не был на вершине Афона, но я так ясно представляю себе его надземную высоту, синий туман моря, видения островов, ток без брежного ветра, что мне все кажется, будто я там побывал. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

³⁰⁹ Св. Петр Афонский – первый афонский исихаст. Согласно одному из вариантов его жития поселился в пещере в конце VII века и прожил в ней 53 года. В газетной публикации далее: «–он изображается нагим, с бородой до земли, закры ваяющей все тело. Вид его вызывает воспоминание об Адаме, Рае». (Последние новости, № 2363, 11 сентября 1927 г., с. 3).

ма Кавсокаливита³¹⁰ – «сожигателя шалашей» – образ совершенного странника, переходившего с места на место и уничтожавшего свой собственный след, свою хижинку или шалаш. Дальше – пещера Нила Мироточивого³¹¹.

³¹⁰ Преп. Максим Кавсокаливит – Христа ради юродивый. Согласно житию долгое время подвизался при Влахернском храме Пресвятой Богородицы в Константинополе, на Афоне проходил послушание в Лавре преподобного Афанасия и на вершине Святой Горы удостоился видения Божией Матери. Скончался 95 лет в 1354 г.

³¹¹ Келлия преподобного Нила представляет собой высокую нишу в скале, отделенную стеной из камней от внешнего мира. Внутри ниша разделена на три уровня деревянными перекрытиями, с окнами во втором и третьем ярусе. Келейный храм преп. Нила расположен в третьем ярусе келлии в естественной глубокой пещере. Находится во владениях Лавры св. Афанасия.

Кавсокаливия

Идем и час, и два, и никого навстречу. Ледяной ключ попался у подножья вековых дубов – бил из прохладной стены, сильно затененной, образуя лужицу и болотце. Проводник с детским простодушием срывал мне разные травы, цветы афонские, рассказывал, как на отвесных, голых скалах на верху Афона цветет неувядаемый Цвет Богоматери. Над Святой Горой остановилось облачко. Кругом синее небо, в нем белеет двузубец, в синеве пустынной и прозрачной ясно вижу я орла. Он плывет неподвижно.

Наконец, дошли до полуразвалившейся – не то часовенки,

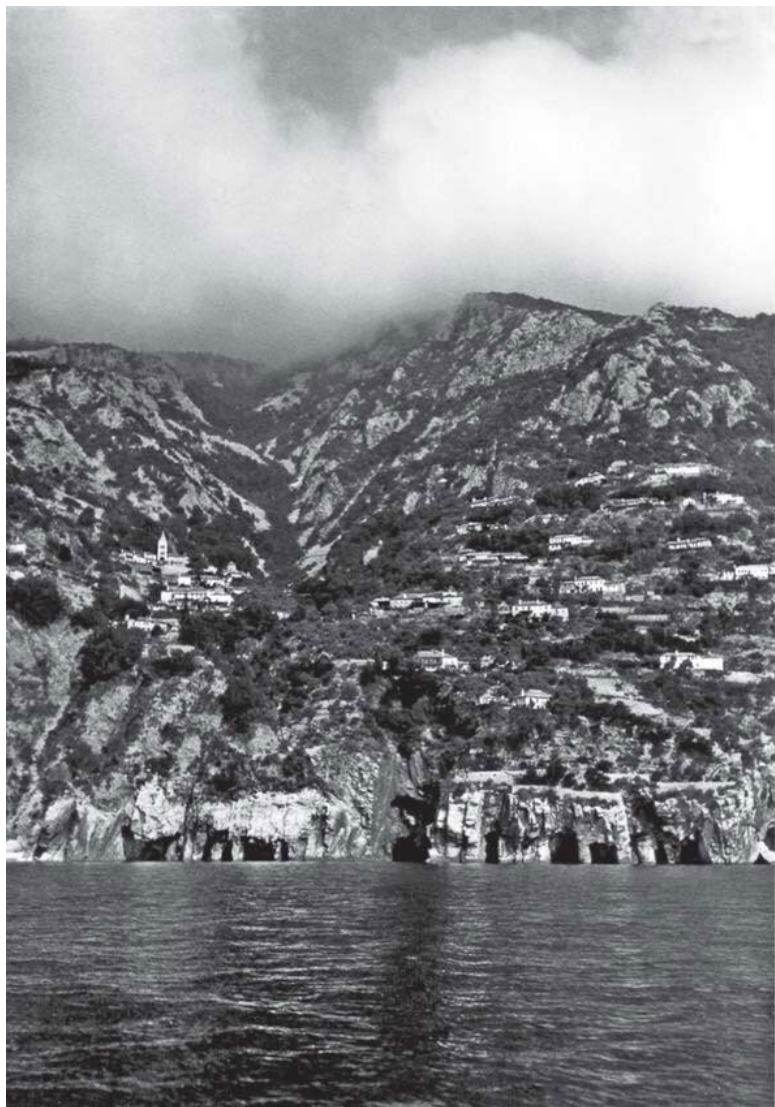
не то пастушьей хижины. Дорога поворачивала. Проводник должен был здесь оставить нас.

О. Пинуфрий снял свою камилавку, под которую был положен белый платочек, защищавший шею от солнца, отер загорелый лоб.

– Вот тут отдохнем, а потом в молдавский скит спустимся... И место хорошее. Это знаете, какое место? Тут святой Иоанн Кукузель³¹² козлов³¹³ пас... Как же, как же... Такой был он, вроде музыканта, или там певец, что ли... по смирению пастухом служил.

³¹² Св. Иоанн Кукузель – житие его сохранилось в различных редакциях. Родился в к. XIII – н. XIV вв. Происходил из провинциальной аристократической семьи, фамилия его Пападопулос. Его мать была болгарского происхождения. В Константинополе успешно учился в музыкальной школе, затем был приглашен руководить одним из императорских хоров. За отказ вступить в брак с дочерью приближенных императора был удален из Константинополя. Поступил в Великую Лавру. Умер монахом на Афоне до 1341 г., причислен к лику святых. Теоретик византийской церковной музыки, ученый и композитор. Изобрел особую систему нотной записи византийской музыки. Дважды (в 1302 и 1309 годах) редактировал византийский Ирмологий.

³¹³ коз

Кавсокаливия

Мы сидели в тени. Целая рощица была вокруг, и дорожки вытоптаны козлами³¹⁴, и даже нечто вроде маленького тырла козьего, с остатками помета.

– До сих пор тут пасутся... пастухи доселе их здесь держат.

...Ну, а святой-то, Иоанн-то Кукузель, он очень хорошо псалмы пел... Так, знаете ли, пел, что просто на удивление... – да как же, представьте себе, ведь он же первый музыкант был в Константинополе, при дворе императора. Только не выдержал, значит, и удалился сюда, в уединение. Как запоем, стало быть, то козлы все и соберутся в кружок, бороды вперед выставят и слушают... вон он как пел-то! Подумать! Бородатые-то, бессловесные... – он даже засмеялся: бородками потряхивают, а слову Божьему внимают... Да, прибавил серьезно: этот Иоанн Кукузель был особенный.

О. Пинуфрий умолк. Можно было подумать, что со св. Иоанном, сладчайшим певцом и музыкантом Господним, был он знаком лично.

Наш проводник поднялся, откланиваясь.

– А засим до свидания, сказал робко, точно был виноват, что уходит. – Мне пора ворочаться.

– Господь с тобой, ответил о. Пинуфрий.

Тот подошел под благословение и поцеловал руку.

³¹⁴ козами

– Спасибо тебе, подсобил сумку нести, потрудился. Заходи ко мне в монастырь, я тебе чего-нибудь сберу...

Я тоже поблагодарил и дал монетку. Мне хотелось дать побольше, но не оказалось мелких. Он смиренно поклонился, быстро исчез.

До сих пор мне жаль, что мало я его «утешил». Значит, на роду ему написано быть сиромашой, мне же – запоздало сожалеть.

Лавра и путешествие

Садилось солнце. Мы с о. Пинуфрием шли по пустынной, каменистой тропе, в густых зарослях. На повороте ее открылось сухое поле, с отдельными оливками и серыми камнями, тощими посевами – за ним поднимались стены и древние башни лавры св. Афанасия. Нам попало стадо овец. Верх Афона еще лиловел, когда мы проходили мимо рвов и башен, вдоль стены к главному входу.

Слева раскинулись домики в оливках и кипарисах. В каменных желобах мощно шумела вода. Странно и радостно было видеть такое обилие влаги, прозрачный и сильный ее говор в месте сухо-выжженном, вовсе, казалось бы, неплодородном. Ясно, она шла с гор. О. Пинуфрий зачерпнул пригоршню из цистерны.

– Эта вода у них очень замечательная, самый водяной монастырь, святой Афанасий ее прямо из скалы извлек...³¹⁵ Так с тех пор и бежит...

Мы приближались к главному входу – куполообразной сени на столбах, освященной образом на стене, над входною дверью. Влево на пригорке расположена была открытая беседка. Там сидели, разговаривали и стояли чернобородые, с тугими, по-гречески заплетенными на затылке колбаска-

³¹⁵ См.: Помяловский И. В. Житие прп. Афанасия Афонского. СПб., 1895. Афонский патерик. Ч. 2. С. 5–58.

ми-косами монахи эпитропы. За их черными силуэтами сиреневело море.

Я показал привратнику грамоту с печатью Богоматери. Коваными воротами нас впустили на небольшой мощный дворик – там надо было пройти еще сквозь новые врага, прежде чем попасть собственно в монастырь³¹⁶ – древнюю, знаменитую Лавру св. Афанасия.

* * *

³¹⁶ В газетной публикации далее: «Лавра Св. Афанасия восходит к X веку. Это знаменитейший, один из древнейших монастырей Афона, кажется самый богатый. Ему принадлежит вся южная оконечность полуострова. Его возникновение связано с именами св. Афанасия и византийских императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Лишь при их помощи св. Афанасий – как бы Петр Великий Афона – смог воздвигнуть столь грандиозный по тому времени монастырь, с сокровищами Соборов, золотом иконостасов, драгоценной утварью, библиотекой, банями, мельницами, огромным хозяйством, – монастырь, своею пышностью смущавший афонских пустынников и чуть не вызвавший церковной смуты, доставившей святому строителю бесконечные хлопоты и затруднения и под конец погребший его под обрушившимся куполом Собора. // Св. Афанасий был громадного роста, исполинской силы. Его гигантская тень до сих пор пересекает вековые храмы и башни Лавры – музея, Лавры. – сокровищницы и клада». (Последние новости, № 2384, 2 октября 1927 г., с. 2).

Лавра св. Афанасия

Мы обещали фондаричному хорошее вознаграждение. Он отвел лучшую комнату гостиницы – не то салон, не то шестиоконную залу, глядевшую на море, с колоннами, отделявшими часть, где помещались постели. Было уже поздно для осмотров – мы пошли бродить по вечереющему монастырю, замкнутому четырехугольником корпусов и башен. Собор, крещальня перед ним с огромнейшим фиалом, два кипариса по бокам – времен св. Афанасия – усыпальница Патриархов, трапезная, библиотека, померанцевые дере-

вья, смесь запахов лимонных деревьев с теплотой и восточной грязноватостью жилья, нежно-палевые шелка зари... Стало смеркаться. Мы отправились в гости к эпитропу, знакомому о. Пинуфрия. Поднялись по грязной лестнице корпуса с запахом, напомнившим гостиницу в Перемышле или Козельске³¹⁷ времен легендарных. Шли какими-то коридорами, спрашивали у выглядывавших монахов, как попасть к эпитропу – некоторые стирали белье, другие, было видно в полуоткрытые двери, что-то мастерили по хозяйству. Лавра монастырь необщежительный. Каждый живет, как хочет, разнообразно средствам, вкусам. Общей трапезы нет, и нет игумена. Управляет совет эпитропов.

На стук в одну из дверей отворил пожилой, неопрятный монах с расстегнутым воротом рубашки, в домашней хламиде, довольно полный, с беспорядочно заросшим черною бородой лицом и покрасневшими, слезящимися глазами. О. Пинуфрий представил меня. Эпитроп небрежно-приветливо поздоровался, сказал «кала», и шлепая туфлями на босу ногу, тяжело волоча грузное тело, пригласил нас в столовую. Он занимал целую квартиру из четырех комнат, грязноватую, всю проникнутую несвежим и «экзотическим» запахом, как грязноват и распущен был сам хозяин. Хотя ему явно было лень, все же он проявил известную любезность,

³¹⁷ Воспоминания о г. Козельске были связаны для Зайцева и с несостоявшимся посещением Оптиной пустыни, о чем он рассказал в третьем очерке цикла «Дневник писателя» – «Оптина пустынь» (Возрождение, № 1608, 27 октября 1929 г., с. 4–5).

посадил нас на диванчик, и через несколько минут служка его подавал уже гостям всегдашний кофе, глико, раки. Разговор шел по-гречески с о. Пинуфрием. Видимо, он объяснял обо мне, «синграфевс, синграфевс» (писатель) говорил внушительно о. Пинуфрий; эпитроп равнодушно глядел на меня огромными красными глазами и повторял «кала, кала» (хорошо). Еще часто слышал я «охи, охи» (нет), и это несколько веселило. Видимо, перешли на домашние дела и обо мне забыли, к моему удовольствию. Я любовался сдержанностью и достоинством, прекрасным аристократизмом своего спутника, бегло и любезно, точно он привык к салонам, беседовавшего с эпитропом. Вот он крепкий и чистый лесной русский тип, заквашенный на Византии, родивший своеобразную высоту древнего зодчества, русской иконописи... Таким как о. Пинуфрий мог быть посол российский времен Иоанна III-го, живописец Андрей Рублев или мастер Дионисий.

Архондарик Лавры, помещение, где жил Зайцев

Лавра св. Афанасия

Эпитроп показал нам свою моленную. Перед древним образом св. Дмитрия Солунского краснела лампада. Мы вышли на балкон. Он выходил наружу, за монастырь. Афон подымался сбоку. Вблизи монастыря только что скошенная лужайка, лежали ряды подсыхающего сена. Запах нежный и столь для русского пронзительный... Налево сиреневое море, и сиреневый, кроткий вечер одел оливки, камни, суховатый и пустынный пейзаж.

...Позже мы ужинали с о. Пинуфрием у себя в зале, за круглым столом посреди комнаты, при давно невиданной

висячей лампе. Нас впервые на Афоне угостили мясом – козлятиной, из тех козлов, что некогда пас св. Кукузель. Окна наши я приоткрыл – поднял, вся рама подымалась, как в русской деревне. Налетали бабочки. За окном густела ночь лиловая, здесь тоже был покос, и тот же сладко-грустный запах втекал в комнату.

Монастырь давно спал, спал и о. Пинуфрий, когда я вышел на каменную внутреннюю террасу в сводах, с нишами, скамьями и открытой лоджией. Поднялась поздняя луна. Кипарис св. Афанасия казался черным гигантом, тень его, как исполинского святого, перечеркивала белый в синем двор. В полумгле колокольни кресты. Кое-где крыши блестели в свете, звезды цеплялись за кипарисы, узоры башен казались из восточной феерии, по-шехерезадински журчал водоем. Все – Византия и Восток в этой пряно-душистой ночи.

* * *

Солнце, блеск магнолиевых листьев, черно-синие тени. Мы провели утро в сладком благоухании греческого монастыря и литургии. О. Пинуфрий, знающий и любящий греческую службу, собрался в Собор раньше меня, но и я, несколько позже, попал в драгоценный древний храм с кованым, тускло-златистым иконостасом с перламутровыми дверями, перламутровой кафедрой игумена, фресками XVI века (монаха Феофана, главы враждебной Панселину школы живо-

писи)³¹⁸, изумительным трехъярусным хоросом, голубыми плитами фаянса, до половины облегающими стены, аналогиями в виде четырех извивающихся стоячих змей («дискеллии»), выложенных мелкой мозаикой из перламутра, слоновой кости и черепахи – четыре змеиных головы слушают чтеца.

В раннем утреннем золоте мы стояли пред дымно-голубоватою глубиной храма с вытертым, священно-мозаичным полом. Важные епитропы склоняли в резных стасидиях черные с проседью бороды (по словам русских, лаврские греки, несмотря на зажиточность свою, крепко стоят в церковной строгости: их бдения под праздники длятся по двенадцати, пятнадцати часов, не уступая нашим). Позади скромно теснилось несколько «простых сердец» – греческих дроворубов, рыбаков, сиромах. Пение в унисон, однообразное, сладостно-тягучее, опьяняет, как наркоз. Очень древнее и восточное есть в этом, но и весь Собор таков, он излучает старинные, ладанно-сладковатые запахи. Когда после службы мы прикладывались в алтаре к бесчисленным святыням, это загадочное благоухание – мощей, кипарисов, вековых

³¹⁸ Феофан Стрелидзас или Феофан Критянин (ок. 1500–1559). Родился на острове Крит, где и обучался иконописи. Его дети так же стали иконописцами. Лучшие его произведения созданы до 1548 г. Умер Феофан в 1559 году в Ираклионе на Крите. В 1527 году он расписал Собор Святого Николая Анапафсаса в Метеорах. После Метеор он расписывал соборы афонских монастырей Великой Лавры и Ставроникитинский монастырь. Епископ Порфирий Успенский относит его фрески в Соборе и трапезной Лавры Святого Афанасия к 1535–1536 гг., а росписи в Георгиевской церкви Ксенофа – к 1564 г.

ларцов – всюду сопровождало нас.

Вот в среброзлатистом венце, или шлеме, украшенном яхонтами и рубинами, глава св. Иоанна Кукузеля, смиренного пастуха козлов. Темнокоричневая, с медвяно-желтым отливом кость черепа открыта для почитания паломников. Вот так же обделанный череп – глава св. Василия Великого. Запомнился и удивительный крест, осыпанный жемчугом – подарок Никифора Фоки. Хранится он в золотом ковчеге, лежит на его шелках тихо и таинственно, и не без волнения наблюдаешь, как монах открывает все эти тайные упокоения, и нам, несколько опьяненным, «объявляет» тысячелетнюю реликвию.

Смутно-легкий, прозрачный и благоуханный туман в голове, когда выходишь из Собора: святые, века, императоры, ювелиры, художники, все как будто колеблется и течет.

Мы уселись в тени кипарисов. Я пытался зарисовать аркады и ниши невысокой усыпальницы патриархов, потом мы разглядывали крещальный фиал, употребляемый для водосвятия, тут же под кипарисами, близ паперти. Чаша его из цельного куска мрамора. Над фиалом осьмиугольная как бы часовня под куполом. Древни плиты строения! Они взяты еще из языческого храма. Коршуны, грифы, загадочные звери на них [высечены] иссечены, и попадается крест. Но не христианский. Язычество знало тоже символ креста. Означал он другое: вселенную, универс.

Мы направились к трапезной. В огромной зале отдельно-

го здания стены все сплошь записаны фресками. Тянулись столы. Их устройство меня поразило: ряд огромнейших мраморных плит, цельных, овальных – на каменных же опорах – как друидические дольмены³¹⁹.

* * *

Все проходит. И ушла Лавра св. Афанасия. Похожа она на тот золотой ковчег, из которого вынимал монах жемчужный крест Никифора Фоки. Не все нам было вынуто, показано в этом ковчеге (таинственно исчез, напр.[имер], библиотекарь – так мы старинных книг и не видали). Все же, густое, злато-маслянистое, медвяное ощущение осталось.

А сейчас Лавра вздымается уже позади нас средневековым пиргом (башней) своей пристани, да узором башен и стен с пестрыми, голубыми и розовыми выступами строевой – голубеет на косых подпорах и наш фондарики шестиугольный. Мы же медленно и легко плывем по гладкой слюде архипелажских вод. О. Пинуфрий вновь подложил белый платочек под свою камилавку, и он закрывает ему шею. Тишина, полдень. Слева Афон и горы, справа море с туманными, голубоватыми, тоже будто плывущими в зеркальности островами: Лемнос³²⁰, казавшийся древним волком, по-

³¹⁹ В этой трапезной общая трапеза бывает лишь несколько раз в году. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

³²⁰ Остров в Эгейском море неподалеку от побережья Турции. Входит в группу

груженным в воды («Тень Афона покрывает хребет Лимнийского вола»), Фасос, Имброс и Самофраки. И быть может в ясный день, в хорошую подзорную трубу, я рассмотрел бы рыжие холмы тысячелетней Трои. Передают же «баснописцы», что на горе Афон были видны условные огни греков под Троей, и Афонская вершина, будто бы, передавала их царице Клитемнестре³²¹.

Мы сидим на корме. Вода мягко журчит. Шелестят лопающиеся пузырьки. Лицом к нам, стоя, гребет рыжебородый и рыжегривый албанец. Он слегка изогнулся. По лбу текут капли, но он так силен и неутомим! Таких вот длинноволосых даков покоряли бритые, умные и порочные, усталые Адрианы и Траяны.

Его сменяет иногда товарищ – я забыл его. Был ведь другой албанец, плыли мы с ним несколько часов, но в том искании «потерянного времени», в чем состоит, как некоторые³²²

Северо-Восточных островов. В 1920–1921 гг. здесь разместили часть эвакуированных из Крыма военнотружущих Русской армии П. Н. Врангеля.

³²¹ В древнегреческой мифологии дочь спартанского царя Тиндарея и Леды, сестра Елены Прекрасной и Диоскуров. По одной из версий, первоначально была женой Тантала. Выдана замуж за микенского царя Агамемнона, возглавившего греческое войско в походе на Трою. В отсутствие мужа Клитемнестра изменила ему с его двоюродным братом Эгисфом, и по возвращении Агамемнона убила его и его любовницу Кассандру. Впоследствии Клитемнестра вместе с Эгисфом была убита собственным сыном Орестом, отомстившим ей за гибель отца. Сигналом о поражении троянцев послужили костры, первый из которых был зажжен на вершине Афона. Об этом упоминается в трагедии Эсхила «Агамемнон» (ст. 278–295).

³²² Вероятно, здесь речь идет о Марселе Прусте (1871–1922), в год афонского

утверждают – жизнь, второго албанца у меня нет. Зато помню, как на носу лодки, свернувшись, выставив к нам пятку в рваном носке, спал юноша: бородач обещал подвезти земляка до пристани Морфино.

Лавра св. Афанасия

странствия Б. К. Зайцева завершившем цикл своих романов «В поисках утраченного времени» (1913–1927) романом «Le Temps re'trouve'».

Лавра, трапезная

В самый стеклянно-знойный час, когда только что прошли келлию св. Артемия и Воздвижения Креста, о. Пинуфрий, омочив руку в воде и обтерев лоб, поглядывая на эту голую, бесхитростную пятку, вдруг сказал:

– Вот ведь он и Господь так же... – да, плывут, значит, по озеру, апостолы, как бы сказать, на веслах, да и знойно так же было... Палестина! Я в Иерусалиме бывал, чего там, при мне один паломник солнечным ударом скончался. Очень жаркая страна. Господь и притомился, прилег, они гребут, а Он вон этак и заснул. Да представьте себе, бу-

ря... Ах ты, батюшки мои! Хоть бы вот нас сейчас взять – жарко, солнечно, да как туча зашла, да как гром ахнет, ветер, волны пошли... – Что тут делать? Прямо беда! Апостолы испугались. Что ж, говорят, видно уж тонуть нам надобно? В такую-то бурю, да на простой лодочке, вроде [как] бы сказать, как наша... Тут и Господь проснулся. Они к Нему. Да вот, говорят, погибаем, что тут делать? А Он им отвечает: что же это вы так испугались? Нет, говорит, это значит веры в вас мало, чего уж тут бояться... Да-а... и ну, конечно, простер Господь руку, дескать, чтобы опять было тихо – и усмирились волны, и какая буря? – никакой и бури-то больше нет, опять солнышко печет, вода покойная, вот оно ка-ак...

Албанец по-прежнему греб, стоя, напряживая волосатые руки. Светлые глаза его внимательно смотрели на о. Пинуфрия. Он ничего не понимал. Нравилось ему все-таки что-то в неторопливом, тихом рассказе о. Пинуфрия?

Мы подходили к бухте Морфино.

* * *

Афродита-Морфо была Афродитою дремлющей, с покровом на голове и ногами в цепях – такой видел ее в Спарте Павзаний³²³. Это символ Любви, еще томящейся в плену

³²³ Здесь Зайцев почти цитирует еп. Порфирия, который далее пишет: «я полагаю, что Афонская статуя Морфины так же, как и Спартанская, имела покрывало на голове и цепи на ногах, и полагаю тем решительнее, что статуи этой богини

у Хаоса. Заливчик Морфино, с древнею башнею на берегу, несколькими хибарками, где наши албанцы, засучив штаны, вытаскивали мелкую кладь и грузили мешки с ячменем – отмечен древнею, дохристианской легендой о пленной богине: богиня приняла очертанья красавицы дочери царя, которую он заключил в башню.

Погрузившись, поставили парус, при слабом, чуть-чуть, ветерке, пошли дальше, все в то же странствие вдоль берегов Афона. Целый день были светлые облака над головой, зыбко-прозрачная влага, шуршание пузырьков за кормой. Проходили скиты и монастыри. Далеко в море плыли с нами туманные острова. Мы заезжали в монастырь Иверской Божией Матери и прикладывались к древнему Ея Образу, и в светлой приемной зале обители старенький, слабый и грустный архимандрит, долго живший в Москве, дружелюбно нас принимал, сидя в мягком кресле, вспоминал Москву, ее Иверскую³²⁴, поглаживая черно-седую бороду,

помещены были на Афоне в высокой башне, а в Спарте в верхнем ярусе капища Венеры, по свидетельству Павзания. L. III. 15». См: *Еп. Порфирий Успенский. Афон Языческий*. Киев, 1877. С. 91–92. [§ 43. О Почитании Афродиты Морфо на месте, называемом Морфина]

³²⁴ Иверская часовня у Воскресенских ворот в Москве была построена в 1791 г. по проекту М. Ф. Казакова, взамен первоначальной, устроенной, в свою очередь, вместо навеса над списком с чудотворной Иверской иконы, сделанного после принесения этого списка с Афона в Москву в 1669 г. Была восстановлена после разорения Москвы в 1812 г. Валдайский Иверский монастырь, в котором находился другой список с той же чудотворной афонской иконы был закрыт в год поездки Б. Зайцева на Святую Гору, а почитаемый образ пропал. После снесения в 1929 г. московской Иверской часовни, русскими эмигрантами были сооруже-

полузакрывал старческие глаза и вздыхал – не по далекой ли, но уж полюбленной земле, стране, которую в остаток дней не увидеть?

С мягких кресел и от тихого света Иверского монастыря незаметно мы переплыли на новую лодку, где новый гребец, при вечереющем солнце и дымно-зарозовевших островах Архипелага повлек нас к небольшому монастырю Пантократору – на ночлег.

жены две точные ее копии. Первая – на русском участке городского кладбища в Белграде, по проекту В. В. Сташевского в 1931 г. В крипте часовни погребены митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий) и его келейник архимандрит Феодосий Мельник. Вторая – в 1933 г. (архитекторы Е. А. Уласовец и П. Ф. Федоровский) перед новым кафедральным Свято-Николаевским собором в Харбине, в Маньчжурии. Эта часовня также была разрушена (в 1966 г. вместе с кафедральным собором) после присоединения территории Маньчжурской Империи к коммунистическому Китаю. В Москве часовня и ворота были восстановлены по проекту О. И. Журина в 1994–1995 г.

[Монастыри Афона] Пантократор, Ватопед И СТАРЫЙ РУССИК³²⁵

Когда [ладья] наша ладья подходила к Пантократору, он сиял еще в вечерней заре, подымаясь круто над морем башнею, крепостными стенами и балкончиками. Мы свернули налево и узким проливом вошли в небольшую, уютную бухточку, совсем закрытую от волн. У пристани разгружался каик. Два монаха-рыболова выплывали в море на лодочке. Чинно гуляли эпитропы. Молодые албанцы с мулами покорно дожидались чего-то. На холме, в лесах и зелени, белел и горел ярким стеклом русский скит пророка Илии³²⁶.

³²⁵ Первоначальное название этой главы – «Монастыри Афона» (Возрождение, № 861, 11 октября 1927 г., вторник).

³²⁶ Зайцев не посетил русский скит Святого Пророка Илии, который дольше других обителей оставался оплотом традиционного русского монашества на Святой Горе. Благодаря позиции, занятой архим. Николаем, бывшим здесь настоятелем в 1952–1973 гг., в Скиту, начиная с 1957 г., не поминали константинопольских патриархов. Настоятель также препятствовал попыткам пополнения братии за счет монахов, присылаемых из СССР Московской патриархией. // В течение нескольких десятилетий скит фактически пребывал под покровительством Архиерейского синода Русской православной церкви за границей, Первоиерарха которой, митрополита Филарета (Вознесенского), поминали здесь за богослужением. В 1981 г. стараниями братии Скита было подготовлено церковное прославление преп. Паисия (Величковского), исследованием судьбы и творчества которого впоследствии занимался православный американец иеромонах Иоанний (Абернети). Скит являлся (несмотря на крайнюю малочисленность братии, состоявшей из 4 монашествующих) фактическим духовным центром русского пра-

Монастырь Иверон

вославия на Святой Горе до 20 мая 1992 г., когда его насельники по решению афонского Кинота были вывезены со Святой Горы в г. Урануполис.

Монастырь Пантократор

После Лавры св. Афанасия Пантократор кажется второстепенным. Он не поражает, но дает ясный образ греческого монастыря с удивительными воротами, башнею, собором и темными, неблагоуханными коридорами келий и гостиницы.

Я провел в этом Пантократоре ночь совершенно бессонную. Она доказала, сколь Греция есть Восток и экзотика, и как эта экзотика дает себя чувствовать огнем насекомых. Спасаясь от них, пришлось сидеть и полулежать на лавке (или диване) у окна, выходившего на море. Как и в Лавре,

рамы были подъемные. Так прошла ночь, по красоте редкостная – в глухие часы ее красно сиял диск встающей луны и широкая, ослепительно-серебряная, мелко-чешуйчатая дорога шла морем прямо к подножию Афона, черневшего страшною кручею. Утром все побелело и засиреневело. Афон стал нежутким. Тонко-лиловые очертания его с глубокими утренними провалами ущелий и мохнатой шерстью лесов, лысынами скал – приняло очаровательную нежность. Магическая ночью луна растаяла. И, наконец, теплым кармином тронул «Эос» верхушку Святой Горы, церковку Преображения³²⁷.

Вот и не пожалеешь о бессонных часах.

Утро в самом монастыре дало артистическую радость: архимандрит Афанасий («дидактор теологии»), любезный и просвещенный греческий монах, показал в соборе такого Панселина, равного которому не видел я и в Карее. Тут в литийном притворе сохранились нереставрированными две три его фрески (одна особенно прекрасна – Иоанн Предтеча). Что о них скажешь? Думаю, что рука этого художника наделена была безмерною свободой, первою данною самопроизвольностью.

Гений есть вольность. Нет преграды, все возможно, все дозволено. Великое и легкое, самотекущее, вот основное, кажется, в «волшебной кисти Панселиновой», в кисти

³²⁷ Богослужение в этом афонском храме совершается единожды в году в праздник Преображения Господня 6/19 августа.

византийского Рафаэля.

* * *

Новая лодка и новый гребец, и такое же тихо-расплавленное утро, как и вчера, сонные воды, бледные острова. Завиднелся вдали дымок парохода – висел протяженною струйкой в небе, а потом все смешалось, не скажешь, было ли, или казалось.

Идем рядом с берегом. Тут еще тише, еще легче грести. Скалы пустынно! Они обрываются в море почти отвесно, обнажая пласты горных пород – красные, кирпично-рыжие, бледно-зеленые. О. Пинуфрий, придерживая рукою угол платочка, подложенного под камилавку, закрывающего ему шею, всматривается в изломы и излагает свои космогонические теории. Гребец вдруг делает знак молчания, и лишь слегка касается воды веслами. Подплываем к пещере. Камень загораживает половину входа. Но проток есть, сапфирно-зеленое стекло уходит вглубь, в таинственную тьму. Гребец шепотом объясняет что-то о. Пинуфрию.

Монастырь Пантократор

Оказывается, здесь живут тюлени. Если стать вот как мы, сбоку за утесом, то можно увидеть, как они выплывают на волю, нежатся на солнце, играют, плещутся – целый выводок.

Припекает. Лодка слегка поколыхивается в том неопределенно-безбрежном дыхании, что есть жизнь моря. По лицу о. Пинуфрия, из-под защиты ладони вглядывающегося в берег, слабо текут золотисто-водяные блики. Мы ждем. Не полдень ли это Великого Пана, не подстережем ли тут вместо сонных тюленей скованную, в полудреме томящуюся Афродиту-Морфо?

Внезапно легкая тень наплывает, одевает своим полусумраком, ломаясь, быстро взбегает по скалам. Афродиты-Морфо не было. Не увидали мы и тюленей – стало быть, поленились они в жару заявляться пред иностранцем. Подняв головы, зато увидали орла афонского. Плавно протек он над нами на крылах твердых, недвижных.

* * *

Ватопед открылся в глубине овального, довольно правильного залива. Невысокие, мягкие холмы окружают его, есть нечто приветливое, покойное в этом как бы «итальянизирующем» пейзаже. Сам монастырь – сложная мозаика пестрых зданий, башен, стен, зубцов, врат. У воды пристань,

лодки, даже рыбацкий поселок. На недвижимой в заливе лодочке прочно расположился монах с рыболовной снастью. О. Пинуфрий сообщил мне, что это один из правителей монастыря – большой любитель рыбной ловли.

Ватопед после Лавры – важнейшая обитель Афона. Богатством он Лавре вряд ли уступит, древностию также. Его разграбление сарацинами в IX столетии уже исторический факт.

Монастырь Ватопед

Это очень культурный и ученый монастырь. В XVIII ве-

ке при нем была даже Духовная Академия, основанная виднейшим богословом того времени. (К сожалению, Академия эта просуществовала недолго. Дух ее был признан слишком новаторским, и ее закрыли³²⁸). Затем, в Ватопеде лучшая на Афоне библиотека. Монахи считаются самыми образованными, более других изысканы и утончены, даже изящней одеваются. Монастырь гораздо чище и благоустроенней других. В Ватопеде есть – и это внушает даже некоторый трепет русским – электрическое освещение! Но вот черта, за которую ватопедцев на Афоне осуждают: монастырь принял новый стиль³²⁹. Это вовсе не в духе Афона. Вопрос о стиле здесь стоит остро – Вселенский Патриарх ввел его в Греческой Церкви, но Афон есть Афон, за ним вековая давность и вековая традиция – Патриарху он не подчинился и живет по-старому.

³²⁸ Афонская Академия создана в Ватопеде в 1743 г. по инициативе Патриарха Кирилла и усилиями иеромонаха Мелетия. В 1753 г. издан указ о начале ее работы, а о. Мелетий назначен пожизненным попечителем школы. Первым наставником школы назначен Евгений Булгарис в 1753 г., преподавание он вел четыре года и оставил школу из-за внутренних распрей. Школа была восстановлена в начале XIX века и работала до 1821 г. В 1942 г. школа вновь воссоздана усилиями Святой общины Кареи на месте Кутлумушской келлии Св. Иоанна Предтечи и существу ет поныне на средства министерства просвещения Греческого республики.

³²⁹ Впрочем, частично, не все монахи ватопедские признали его. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

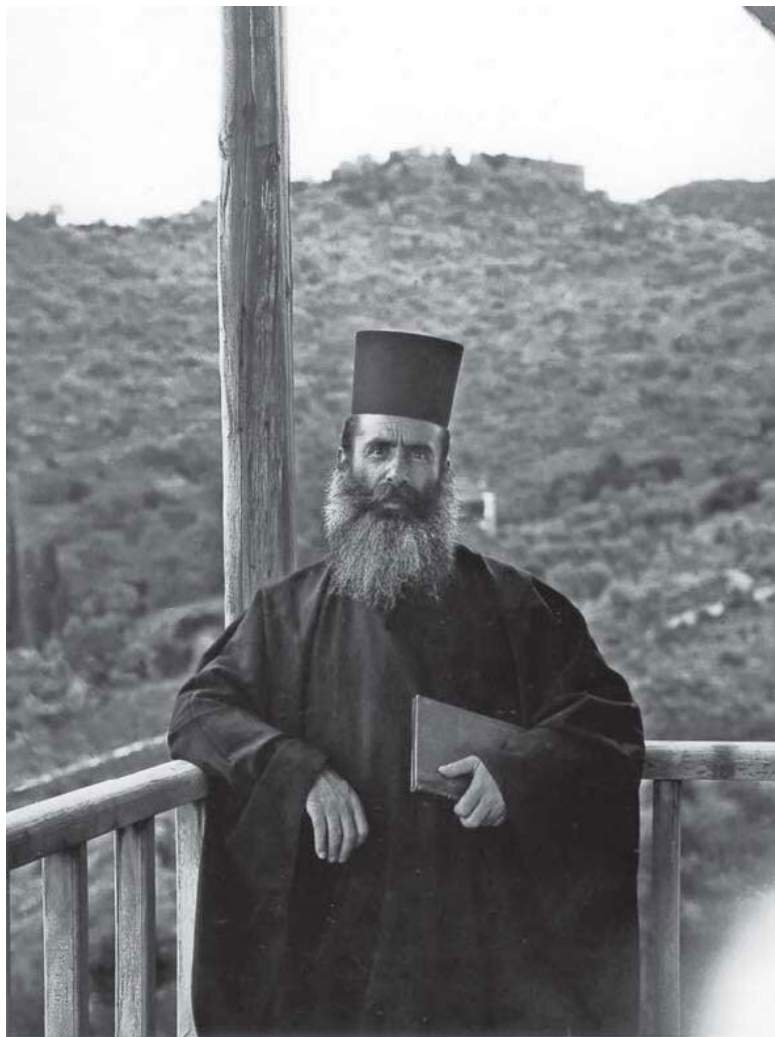
Монастырь Ватопед

– Лучше умрем, – говорили мне русские монахи, – а нового стиля не примем. Нынче стиль, а завтра латинство появится.

Когда в великолепной, чистой и тихой зале с бесшумным ковром во всю комнату, светлыми окнами и балконом на синий залив, охваченный холмами, мы дожидались приема, что-то среднее мне показалось между Ассизи и гостиницею в Неаполе.

Мы провели в Ватопеде очень приятный, несколько «итальянский» и ренессансный день. Конечно, как и в Лавре, по-

сетили собор, прикладывались к многочисленным ватопедским святыням, слушали литургию, но из всех осмотров этого монастыря ярче всего осталась в памяти библиотека, а в самой библиотеке такая «светская», но замечательная вещь, как Птоломеевы географические карты (если не ошибаюсь, XI века).

Монастырь Ватопед, библиотекарь о. Паисий. 1930 г.

Лавра св. Афанасия одно время отпала в «латинство» (при Михаиле Палеологе)³³⁰. Ватопед, напротив, терпел даже мученичество: за нежелание принять унию игумен Евфимий был утоплен, а двенадцать иеромонахов повешено. В Лавре предание указывает кладбище монахов-отступников. – Ватопед мог бы показать могилы своих исповедников в борьбе с западом. И все-таки Лавра – монастырь густо-восточный, Ватопед же несет легкий налет запада. Даже легенды связывают его с западом.

Основан он будто бы на месте, где под кустом нашли выброшенного в кораблекрушении царевича Аркадия, будущего императора (брата Гонория), который плыл из Рима в Константинополь и здесь был застигнут бурей (V-й век).

Далее, и сестра его, знаменитая Галла Плацидия, имеет к монастырю отношение³³¹.

³³⁰ События эти имели место в правление Михаила Палеолога (1261–1282). После принятия Унии Лаврой и монастырем Ксиропотам Лавру постигло запустение.

³³¹ Галла Плацидия (389–450) – дочь Римского Императора Феодосия Великого. После распада единой Империи в 395 г. осталась в Италии при старшем брате императоре Гонории. С 409 г. находилась заложницей у короля вестготов Алариха, а после его смерти стала в 414 г. супругой нового короля Атаульфа и родила сына Феодосия, умершего в младенчестве. После смерти сына Феодосия и убийства мужа его дружинником смогла вернуться в Рим в 416 году (в обмен на 600 тысяч мер хлеба) и скоро помимо собственной воли была выдана бра-

том замуж за его полководца Флавия Констанция, которому родила дочь Гонорию и, в 419 г., сына Плакида Валентиниана. В 421 г. бездетный Гонорий сделал Констанция (в том же году умершего) своим соправителем. Обострение борьбы за власть вынудило императора Гонория отослать сестру в 423 г. в Константинополь, где правил его племянник Феодосий II Младший, сын императора Аркадия. Возможно именно по пути туда Галла Плацидия и посетила Афон. Однако Гонорий в том же году умер и семилетний Валентиниан 23 октября 425 года был провозглашен в Риме Императором Западной Римской империи, но мать правила за него не менее двенадцати лет до достижения сыном совершеннолетия в 437 г. Она весьма покровительствовала Церкви и построила в Равенне базилику св. Иоанна Евангелиста в память о чудесном спасении в море во время морского похода в Италию в 424 г. Галла скончалась в 450 году. По мнению Еп. Порфирия Успенского Галла Плацидия могла посетить Ватопед в 422 г., он предполагает, что ею был построен Димитриевский придел Ватопедского собора.

Монастырь Ватопед

Кто бывал в Равенне, помнит удивительный ее мавзолей с саркофагами, синею полумглою, таинственным сиянием синефонных мозаик³³². В юности с увлечением чита-

³³² 27 ноября 450 года Галла Пластидия скончалась в Риме и, скорее всего, была погребена в родовой усыпальнице императора Феодосия Сан-Петронила недалеко от собора святого Петра. В Равенне находится гробница, называемая мавзолей Галлы Пластидии, но ни один античный историк не упоминал о погребении ее в Равенне. Имеющиеся в мавзолее саркофаги, приписываемые самой Галле и её ближайшим родственникам, по мнению ряда исследователей, изначально не находились в нём, первый раз о них упоминает в XIV веке епископ Ринальдо да Конкореджо. После XIV века многочисленные источники уже уверенно назы-

лось об этой красавице, черные глаза которой и сейчас смотрят с мозаичного портрета. Бури, драмы, любовь и политика, роскошь и бедствия, мужество и величие заполнили ее жизнь. Радостно было открыть в Ватопеде след героини.

Легенда о Галле Плацидии довольно загадочна. В те времена женщинам не был еще закрыт доступ на Афон. Она пожелала проездом из Рима в Константинополь посетить Ватопед. Но когда входила боковыми воротами в храм Благовещения, таинственный голос Богоматери остановил ее, как бы ей запретил. Императрица пала на помост и принялась молиться, но не вошла. Позже на этом месте она приказала изобразить лик Богоматери. Икона существует и теперь, в нише у входа. Но что значит рассказ? Почему запретила ей Пречистая войти? Был ли остановлен Запад в лице ее? Или остановлена именно женщина – яркой выразительницей женского Плацидия была несомненно, и тогда это как бы предвозвестие запрещения женщин на св. Горе – или, наконец, черта некой личной судьбы Галлы?

Кто знает. Икона же в нише сохранила название Предвоз-

вают здание мавзолеем Галлы Плацидии. Среди возможных причин этого можно назвать как определенное внешнее сходство мозаик мавзолея с мозаиками римской церкви Санта-Констанца (местом погребения одной из дочерей Константина Великого), так и необычное положение тела в одном из саркофагов (тело было усажено на кипарисовый трон). (См.: *Bovini G. Ravenne. Art et histoire. Ravenne. 1999. P. 12–24*). Зайцев очень любил как саму Галлу, так и мозаики мавзолея в Равенне, в особенности изображение Доброго Пастыря и украшенные мозаиками внутренние своды здания, и многократно упоминал о Галле в своих писаниях, посвященных Италии.

вестительницы, а монастырь Ватопедский, со своею библиотекою, учеными монахами, комфортом и изяществом, хорошим столом, григорианским календарем, элегантными рясами монахов, великолепным винным погребом, удержал отенок некоего православного бенедиктинизма³³³.

Пред закатом мы с о. Пинуфрием и молодым чешским поэтом Мاستиком³³⁴ гуляем за монастырем по тропинке вдоль

³³³ Кратковременное возрождение православного бенедиктинского монашества в XX столетии стало возможным не без участия русских беженцев... В 1925 г. в Париже группой русских эмигрантов было создано «Братства святого Фотия», многих участников которого Зайцев неплохо знал, хотя и не принимал близкого участия в его деятельности. В 1927 г. работой братства заинтересовался католический епископ Луи-Шарль (в православии Иреней) Винерт (Gr'ene'e (Louis Charles) Winnaert, 1880–1937), незадолго до своей кончины присоединившийся к православной церкви (юрисдикции митрополита Сергия (Страгородского)) и возглавивший французскую православную общину Западного обряда в Париже. После того как руководители братства поставили себя в прямое подчинение церковной иерархии, пребывавшей на территории советской России, чем вносили известное смущение в церковно-общественную жизнь русской общины во Франции, Зайцев не выказывал интереса к его работе. После смерти Иренея Винерта в 1937 г. его общину возглавив священник Люсьен Шамбо (Lucien Chambault, 1899–1965), в 1944 г. постриженный в монашество с именем Дионисия (в честь св. Дионисия Парижского). Именно о. Дени Шамбо решил воссоздать западное православное монашество на основании древнего устава преп. Бенедикта Нурсийского, и основал единственную в XX столетии православную бенедиктинскую монашескую общину. Деятельность общины весьма привлекала оо. Сергия Шевича и Софрония Сахарова, с которым Зайцев познакомился в 1927 г. на Афоне. Малочисленная община о. Дени Шамбо прекратила существование вскоре после смерти своего основателя.

³³⁴ František Josef (в монашестве Chrysostom) Mast'k (1900 – ок. 1972), священник-бенедиктинец, писатель и проповедник в Перу. О посещении Афона рассказал в изданной под псевдонимом книге «Афон – последнее убежище». См.:

каменного желоба светлой горной воды, по склону ущелья, под гигантскими каштанами, платанами, среди кипарисов и оливок. Теплая, местами золотящаяся тень. Кое-где скамейки. [Монах попадается.] Иногда встречаем монаха.

Тут можно именно «прогуливаться» в тишине и благоухании, очищаясь прелестью вечера, вести спокойные диалоги, неторопливо отвечая на поклоны встречных каливитов, пробирающихся в монастырь за куском хлеба или «оком» (греческая мера) масла. Может быть, богослов Булгарис, основатель Ватопедской Академии, и беседовал здесь с учениками. Мы Булгариса не встретили. Но в золотом сиянии вечерних лучей сидели на [скамеечке] скамейке с учтивым и воспитанным монахом-грамматиком, немолодым и изящным, любезно обменялись несколькими фразами по-французски.

Во всех монастырях Афона принято, что вышедшие возвращаются до заката, в этом есть глубокая поэзия. Солнце скроется, и кончен земной день, нечего путать и волновать мироздание своими выдумками. Запирают тройные врата, в наступающей ночи лампада будет краснеть перед образом надвходным – Спасителя ли, Богоматери, и привратник укроется в свою ложу.

Вход в монастырь Ватопед

Мы так занялись этой прелестной прогулкой, что едва не опоздали. Пришлось торопиться, и дома двое монахов накрывали уж ³³⁵ нам на стол, когда мы воротились ³³⁶.

О. Пинуфрий лег раньше. Мы с чешским юношей долго сидели на балконе. Холмы вокруг сливались в сумраке, за ними собралась туча и зеленоватые зарницы вспыхивали. В их мгновенном блеске разорванным, лохматым казал-

³³⁵ уже

³³⁶ возвратились

ся пейзаж. Его мягкая котловина, фермы, отдельные черные кипарисы при них, щетинка лесов по гребням напоминали Тоскану, окрестности Флоренции. Мы вспоминали чудесный облик ее, говорили о Рильке³³⁷, поэзии и путешествиях.

Во зворе³³⁸ Ватопеда зажглись электрические шары, темнота от них стала гуще. В дверь из коридора потянуло теплой, легкой струей.

* * *

Утром два оседланных мула под пестрыми потниками ждали нас у главного входа. При светлом, еще не жарком солнце мы тронулись в гору по направлению Старого Руссика³³⁹.

³³⁷ Райнер Мария Рильке (1875–1926) – австрийский поэт.

³³⁸ дворе

³³⁹ Старый Руссик – колыбель русского монашества на Афоне. Выше, в очерке «Монастырь св. Пантелеймона», я указывал уже, что в 1169 году русские переселились из скита Ксилургу в монастырек «Фессалоникийца», стоявшего на месте нынешнего Ст.[арого] Руссика. Начинается многовековая его история. Она довольно тесно связана с Сербией и сербскими «кряями». Ярким фактом этой связи может служить то, что именно в Ст.[аром] Руссике царевич сербский Растко, сын Стефана Немани, принял монашество (впоследствии он стал знаменитым сербским архиепископом Саввою, через него и установился покровительство сербских королей Старому Руссику). // Историк нашего Пантелеймонова монастыря различает четыре периода его жизни: первый, славянорусский, до принятия монастыря под сербское покровительство (от XI по XIV век). В это время

Майское путешествие на муле по горам и влажно-прохладным лесам Афона! Впереди широко, слегка коряво ступает по неровным камням проводник. Мулы следят за его движениями, повторяют их. Мы покачиваемся в седлах. Дорога все вверх.

Слева развалины Ватопедской Академии. Тянутся аркады водопровода – последние знаки западной культуры уходящего монастыря. За ними сине-молочное море в сиянии. Острова. Вновь кукует афонская кукушка. Мы вступаем в непробудные леса, в гущу прохладной, нетронутой – влажной зелени, пронизанной теплым светом. Внизу скит Богородицы Ксилургу³⁴⁰, где при Ярославе поселились русские,

состав братии был славянорусский. К этому периоду и относится осада монастыря каталанцами – в нач. [але] XIV в. Монгольское иго в России надолго лишает монастырь русского покровительства, и самая связь с Россией прерывается – к счастью, родственные сербы заменяют временно утерянную родину, но и братия пополняется теперь почти исключительно из Сербии, монастырь становится как бы сербским. Это второй период – с XIV по конец XV века. С XV по середину XVIII в. – третий период, чисто русский. С 1735 г. до конца XVIII в. – чисто греческий. В XIX веке прежний Старый Русик меняет место, основывается теперешний огромный монастырь св. Пантелеймона на берегу моря. В создании его потрудились игумен Савва, благотворитель князь Скарлат Каллимах, иеромонах Аникита (в миру кн. Ширинский-Шихматов), иеросхимонах Павел. С 40-х годов начинаются «милостынные» сборы в пользу монастыря в России (особенно обильный сбор в 1863–67 гг., когда иеромонах Арсений путешествовал по России со святынею). В последнем, наиболее цветущем периоде жизни монастыря, особенно выдающимися фигурами его были духовники братии иеросхимонах Иероним (провел на Афоне 49 лет, † 1885 г.) и игумен архимандрит Макарий. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

³⁴⁰ Общежительный скит Успения Богородицы (Панагия Ксилургу) принадле-

и откуда в 1169 году вышли в Старый Руссик. Далее, сквозь стволы каштанов мелькает знакомый Собор Андреевского скита, Карея пестрым пятном. Мулы бредут теперь по ровному. Мы на хребтовой тропе. Местами открываются синие дали полуострова к Фракии, все леса и леса, очертанья заливов и бухт, а потом вновь сине-молочное, туманно-сияющее море – уже склон западный.

Когда после трехчасового пути из-за дубов, орехов, за вырубкою по скату выглянул Старый Руссик, Византия окончилась.

Полянка среди диких лесов, неказистая стройка в тени огромных деревьев, недоделанный новый собор – все глухое, запущенное, так запрятанное, что нескоро его и разыщешь. Бедность и скромность. Темноватая лесенка, небольшая трапезная вроде какого-нибудь средне-русского монастырька.

Пахнет тут сладковато-кисло, [какими-то] щами, квасом, летают вялые мухи. Никакие Комнены или Палеологи сюда не заглядывали. Но это колыбель наша, русская, здесь зародилось русское монашество на Афоне – отсюда и распространилось.

Наше явление походило на приход марсиан: редко кого заносит в эту глушь. Скоро мы хлебали уж монастырский суп. С любопытством и доброжелательным удивлением глядели на нас русские серые глаза, простые лица полумонашеского,

жит Пантелеимонову монастырю. Он находится на восточной стороне Святой Горы в часе пути от Карей.

полукрестьянского общежития.

Пришел с огорода о. Васой с живыми и веселыми глазами лесного духа, весь заросший седеющим волосом, благодушный, полный и какой-то уютный. Узнав, что я из Парижа, таинственно отвел в сторонку и справился об общем знакомом – его друге. Получив весть приятную, о. Васой так просиял, так хлопал себя руками по бокам, крестился и приседал от удовольствия, что на все наше недолгое бытие в Руссике остался в восторженно-размягченном состоянии.

– Ну и утешили, уж как утешили, и сказать не могу! – говорил он мне, показывая скромные параклисы Руссика, где нет ни жемчужных крестов, ни золотых чаш, ни бесценных миниатюр на Псалтырях.

– Пожалуйте, сюда пожалуйте, тут вот пройдем к пиргу св. Саввы...

Мы заглянули в залитую солнцем галерейку – вся она занята разложенными для просушки маками, жасминами и розами – на них о. Васой настаивает «чай».

– Это мое тут хозяйство, вот, утешаемся...

Сладковатый и нежный запах стоял в галерейке. Темно-красные лепестки маков, переходящие в черное, и пунцовый пух роз, все истаивало, истлевало под афонским солнцем, обращалось в тончайшие как бы тени Божьих созданий, в полубесплотные души, хранящие, однако, капли святых благоуханий.

О. Васой вдруг опять весело засмеялся и слегка присел,

вспомнив что-то, его зеленоватые глаза заискрились.

– Прямо как праздник для меня нынче, уж так вы меня порадовали, прямо порадовали!

И о. Васой, цветовод и, кажется, пчеловод Руссика, веселое простое сердце, повел меня в древнюю башню, главную святыню монастырька, откуда некогда царевич сербский Савва, впоследствии [православный] прославленный святой, сбросил посланным отца царские свои одежды, отказавшись возвратиться во дворец, избрав бесхитростный путь о. Васоя.

Сербский, Максим Кавсокалитв. О святых Афона можно было бы написать целую книгу, равно как и о мучениках афонских. Последнее особенно интересно и требует тоже отдельного исследования. Ограничиваюсь краткими замечаниями. Мученичество на Афоне связано 1) с «нашествием папистов» в XIII веке (26 мучеников зографских, живо сожженных «латинянами» в пирге, ватопедские мученики, и мн. др.); 2) с владычеством турок. Уже в начале XVI века встречаются мученики «от турок» (преподобномученики Макарий <i> Иаков). Особенный тип мученичества развивается в начале XIX века. Известен ряд случаев, где молодые греки и болгары обращались в магометанство, а потом под влиянием афонских старцев (в частности, монаха Григория, подготавливавшего их) принимали мученичество за возвращение к христианству. После для тельной подготовки у Григория они являлись к визирю или судье с крестом, пальмовою ветвью, проклинали Магомета и объявляли себя вновь христианами, нередко нанося оскорбление властям, чтобы вернее заслужить кару. Их казнили. По афонскому учению того времени, такое мученичество являлось единственным способом для отпавшего спасти свою душу. Вот отрывок о страдании мученика Евфимия: «Оба они (то есть Евфимий и Григорий) остановились в Галате у некоего Григория. Тут Евфимий, по словам скитника Григория, то обдумывал как предстать ему пред визирем, то приходил в исступление и созерцал небесное блаженство и мученическую награду и венец. В избранный для мученичества день Евфимий и Григорий причастились, Евфимий написал шесть писем, исполненных мыслей евангельских и выражавших твердость его духа как мученика; затем оба перешли на корабль кефаллонийского купца Цоана. Здесь Евфимий переделался в турецкое платье, приготовленное заранее, а некто Иоанн дал ему шелковую рубаху. Все стали прощаться. Григорий плакал. Евфимий помазал все члены тела своего маслом из лампы, взятым у иконы Афоно-Иверской Богоматери-Вратарницы, и с крестом и пальмовою ветвью пошел к визирю». Там он объявил себя христианином, проклял Магомета и был за то казнен. «О смерти его Григорий узнал от Иоанна, тотчас полетел к палачам, выкупил тело с большим трудом и издержками. Прошло три дня. Григорий со слезами лобызал главу Евфимия, говорил ей: дай мне слово, что я не один возвращусь в скит, а с тобою. Голова в ответ дважды открывала глаза. Он привез ее в скит, а тело Евфимия похоронил на Принцевых островах». // Этот рассказ дает довольно яркое представление о психологии православного мученичества на Балканах в XIX в. и о роли в нем Афона. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

Святые Афона³⁴¹

Пустынный

Вспоминая удивительный мир Афона, сейчас же видишь не раз встречавшийся там на иконах облик: совершенно нагого старца с длиннейшею, седой [седою] бородою. Она закрывает все его тело, спускается до земли – св. Петр Афонский. Есть что-то безмерно наивное, вызывающее сочувствие и удивление в этой одежде святого (такую бородою можно было закутываться, как плащом или шарфом, подстилать ее под себя, чтобы мягче было лежать). Но ее признаешь сразу и бесспорно. Да, это борода отшельника.

Мы привыкли считать Адама юным. Адам всегда безбород, чем очень отличается от св. Петра, но если бы мы вообразили себе Адама в старости, то некоторыми чертами он напомнил бы нам афонского святого³⁴².

Св. Петр жил или в восьмом, или в девятом веке, никто точно не знает, да и не столь важно знать: на двести лет раньше или позже, значения не имеет. Все равно, в той дали и легендарности, откуда встает он, не различишь исторического, не услышишь земного голоса, не увидишь человеческого лица, как и земного пейзажа. Змии, львы, слоны, древо позна-

³⁴² В газетной публикации: «афонского святителя» (Возрождение, № 879, 29 октября 1927 г., суббота).

ния добра и зла, нагой Адам, нагая Ева – вот существа первого действия человеческой трагедии. Вся эта обстановка – за исключением Евы – может быть отнесена и к нашему пустынною.

Св. Петр Афонский тем и сходен с Праотцем, что повит волшебными туманами. В нем есть за-человеческое, до-человеческое.

Забудешь, что он был схолярием³⁴³ в Константинополе, что попал в плен, жил в темнице, побывал в Риме у папы. Все это как бы отпадает. Св. Петр начинается лишь на Афоне, в той пещере, вблизи моря на южной оконечности горы, которая видна с дороги из Кирашей в Лавру. Те же змии, горы, камни пустыни, рокот моря... Человека вокруг нет и не было. Св. Петр безмолвник. Его разговор только с Богом, морем, звездами. Он – первый в длинном ряду пустынников и созерцателей Афона, глава целого племени «исихастов», как бы воплощение типа молчальников.

Около пещеры, где он жил, откуда видно море, скалы, да великая гора Афон, теперь стоит часовня и живут два иеромонаха. Но в самой пещере жить не дозволяется: слишком холодно зимой, у «ревнующих» подражать святому не хватает сил, и они гибнут.

А св. Петр жил. Чем он питался? В житии упоминаются «коренья и пустынное зелие». Последнее не удивит того, кто на Афоне побывал: если сейчас еще есть наши, русские

³⁴³ То есть ученым.

пустынники, питающиеся лишь «камарней» (ягоды на растении, напоминающем лавр), да фигами, при этом живущие до глубокой старости, то что удивительного, что так же жил и св. Петр?

Это была жизнь классического пустынника Фиваиды. Безмолвие и одиночество, пещера, полная демонов, сражения с ними и победа, молитва... Так прожито пятьдесят три года!

Прелестен рассказ о том, как люди нашли святого. «Ловец» охотился недалеко от его пещеры, преследуя очень красивую лань. Она все ускользала. Наконец, вскочила в отверстие пещеры. «Ловец» готов был уже «бросить стрелу», как вдруг увидел старца с бесконечной бородой, волосами до пояса, седого, прикрытого, кроме бороды, лишь несколькими «травными листьями». Ловец так испугался, что бросился бежать, отшельник необыкновенным своим видом представился ему как некое «мечтание». Тогда св. Петр окликнул его и стал убеждать, что он не «мечтание», а настоящий живой человек, такой же, как и сам охотник.

Лани уже не было. [А] И успокоенный ловец сидел со старцем на пороге его обиталища и от него самого выслушал рассказ о полувеке жизни вблизи моря, среди скал и зарослей, под защитой высокогорбого Афона.

По житию, ловец пленился повестью, сам сделался отшельником, святой же вскоре умер.

Все это было так давно! Никто не знал о нем, при жизни,

кроме ящериц пещеры, да орлов афонских.

А смерть вознесла к бессмертию.

Строитель

Со св. Афанасием мы уже на земле, «в истории». В юности он пытался уходить от мира и жить пустынною жизнью. Под видом безграмотного Варнавы, явившись на Афон, укрывался близ обители Зиг³⁴⁴, где старец-отшельник учил его грамоте (святой делал вид, что не умеет писать). Но посланные его друга по Константинополю, полководца Никифора Фоки, отыскивали его. Он удалился в пустынную местность Мелана, там поставил себе каливу и целый год боролся с чувством отвращения к этому месту. Но он умел сражаться с самим собою! И знал, что такое аскеза. Еще когда жил в столице, в доме военачальника Зефиназера, уговорил прислужников продавать дорогие блюда и яства и покупать ему ячменный хлеб – ел его через день. Еще тогда приучал себя спать не лежа, а сидя на стуле. И когда уставал на молитве, то брал таз с водою, клал туда снегу, и ледяною влагой обтирал лицо.

Но жизнь безмолвника не была ему дана. Его назначение оказалось иное.

Св. Афанасий жил позже св. Петра – в десятом веке. Афон в то время уже был пристанищем одних пустынников. Ста-

³⁴⁴ Древний монастырь Зигос расположен в двух километрах от Урануполиса и в полусотне метров от официальной административной границы Святой Горы, что облегчает его посещение паломниками. Монастырь был посвящен пророку Илие и, полагают, был основан около 991 г.

ли являться и монастыри. Их созидателем, вечно в кипении, борьбе, деятельности и оказался св. Афанасий – как бы Петр Великий Афона.

Он был гигант, исполинской силы. Знаменитую Лавру, и ныне вздымающуюся соборами, стенами и башнями, строил собственноручно. Средства давал ему Никифор Фока, вначале полководец, затем император. Позднее – Иоанн Цимисхий. Святой возводил храмы, стены и башни. Когда он велел рыть землю для фундамента церкви в честь Пресвятой Девы, дьявол, «бессильный доброненавистник, демонскими своими действиями ослабил руки строителей так, что они не могли коснуться даже уст своих». Св. Афанасий помолился, взял сам лопату, начал рыть и «к большой досаде демона» разрешил руки рабочих. Всегда с лопатой, топором, а то и просто с исполинскою своею силой! Не раз случалось, что с одной стороны груз волокли трое, а с другой становился Афанасий и трое едва успевали за ним. Или: везут тяжесть на паре волов. Один из них падает, захромав. Святой велит отпрячь [sic!] его и сам впрягается.

Вот видим мы его на постройке лаврской пристани («арсаны»). Эта пристань и сейчас существует, я сам отплывал от нее под парусом, сидел в тени средневековой башни, дожидаясь лодочника-албанца.

«Когда в пристань спускали одно огромное дерево, спускавшим оное, по своему обыкновению, помогал и святой: он влек дерево с нижней части, а мастера были сверху и осто-

рожно спускали оное по скату горы. В это время действием демона дерево стремительно двинулось книзу и сдавлив ногу святого, сокрушило ее в голени и лодыжке. От этого преподобный три года пролежал в постели и едва выносил страдания».

Но уж такова была жизнь его – в ней мало найдется тишины и созерцания. Построил пристань, надо заняться водопроводом. В семидесяти стадиях³⁴⁵ от обители он находит родники отличной воды. Их приходится разрывать, пробивать гигантские утесы, прокладывать трубы, соединять воду отдельных источников и вести общий поток в Лавру. Надо строить келии для братии, трапезу со столами из цельных плит мрамора, больницу, странноприимный дом. Первую на Афоне баню. А там хозяйство – он заводит множество скота, насаждает виноградник, огороды, управляет подаренным Лавре метохом (имением). Земли Лавры все растут. Типично предание о св. Афанасии и св. Павле. Афанасий жил на восточном склоне, Павел на юго-западном. Они условились размежевать склоны горы так: в назначенный день каждый должен был отслужить у себя в монастыре литургию и выйти по пути к соседу, то есть Павел к Лавре, Афанасий к Павловой обители. Где встретятся, будет граница.

³⁴⁵ Стадий представлял собой расстояние, проходимое человеком спокойным шагом за время, за которое Солнце смещается на расстояние, равное своему диаметру (примерно 2 минуты). В большинстве систем мер это расстояние равнялось 600 футам. Известны различные значения стадия, в том числе: греческий = 178 м., аттический = 177,6 м., олимпийский = 192,27 м.

Будто бы Афанасий и встал раньше, да и шел быстрее. Это вполне в его духе. Вряд ли он [и] мог делать что-нибудь медленно или вяло, если бы и захотел. Сажеными шагами мерил святой гигант кручи Афона и намного обогнал святого Павла: Лавре достались огромные пространства.

Лавра св. Афанасия дала тип и облик всему афонскому монашеству. Святой был властен, не потакал слабостям (и поныне сохранился его железный посох).

От монахов требовал исполнительности и повиновения. Во время церковной службы один из братии обходил присутствующих и будил уснувших. Другой наблюдал, кто когда приходит в церковь. Поздно пришедшие должны были давать отчет. Строгая тишина во время трапезы. После повечерия не дозволялось никаких бесед, и запрещалось также говорить «холодные слова мое, твое». В Лавре был создан знаменитый «афонский устав» X века, послуживший образцом и для афонских монастырей, и впоследствии частью для русских.

К борьбе со скалами, природой, демонами прибавлялась и борьба с людьми. У святого оказалось множество врагов. Большинство безмолвников («исихастов») Афона ненавидело его. Пустынники считали, что устройством великолепного монастыря, всеми банями, больницами, водопроводами и виноградниками он нарушает дух Афона. Его, не знавшего ни усталости, ни минутного покоя, все могучие силы отдавшего творчеству, изображали чуть ли не афонским помещи-

ком. Крепко сжимался, вероятно, иногда в руке св. Афанасия железный посох! Вот – плод многолетних трудов – дневных на постройках и по управлению, ночных на молитве: еще не так давно показывали в его [келии] келлии, рядом с библиотекой, на мраморном полу следы коленопреклонений. Враги жаловались на него Иоанну Цимисхию, позже Василию. Были попытки убить его. Но одолеть, свалить св. Афанасия было тогда так же трудно, как теперь срубить один из двух могучих кипарисов у Лаврского Собора, некогда посаженных преподобным. Афанасию пришлось ездить в Византию, принимать в Лавре присланного для разбора дела игумена – доказывать, убеждать и оправдываться. Он сделал все это и победил.

Образ св. Афанасия менее других иконописен. Так он и остался в истории. Хотя житие не раз подчеркивает его высокий аскетизм, сострадательность и милосердие, особенно настаивая на даре чудесных исцелений (он является как бы и верховным врачом своей Лавры, но врачом, действующим «прямо»), все же приходишь к убеждению, что сила и творчество, воля и действенность были основными чертами его гения, и проявляя эти свойства, напрягая их до предела, он беззаветно выполнял возложенное на него высшее задание: создать образец монастыря и монастырской жизни на Афоне, дать ему устав, чекан и полное обличье. Он святой-деятель, а не святой-созерцатель. Церковь различает об-

разы ³⁴⁶ служения ³⁴⁷, канонизируя иногда даже светских людей (за государственную деятельность: Константин Великий, св. Александр Невский³⁴⁸). На Афоне существует отношение к святым, как к только что ушедшим. Теперешнее еще полно ими. Иной раз кажется, что рассказчик лично знал того или иного преподобного, жившего века тому назад. Возмож-

³⁴⁶ святительского

³⁴⁷ Богу

³⁴⁸ В католицизме ставился вопрос о канонизации Христофора Колумба. – *При мечание Б. К. Зайцева*. Сведения об этом Зайцев, возможно, почерпнул из статьи Станислава Фюмэ «Пилигрим Гроба Господня. Леон Блуа», написанной автором специально для первого номера парижского русского журнала «Путь» (№ 1, сентябрь 1925, с. 154–160). С того момента, как французский адвокат и историк граф Антуан Розелли де Лорг (Antoine-Francois-Felix Roselly de Lorgues, 1805–1898), исполняя поручение Папы Римского Пия IX, собрал материалы об апостольской деятельности Христофора Колумба в книге «L'Ambassadeur de Dieu et le pape Pie IX» (Paris, 1874), спустя два года вышедшей под другим названием: *Christophe Colomb serviteur de Dieu. Son apostolat, sa saintete.* (Paris, 1876. Id. Paris, Plon, Nourrit et Cie, 1884), а Леон Блуа, бывший убежденным сторонником церковного признания миссии Колумба, также выпустил подробный труд о его апостольском подвиге, выдержавший много изданий (*Bloy, L. Le revelateur du globe, Christophe Colomb et sa beatification future.* Paris, Sauton, 1884, 374 p. Id. Paris, Albert Savine, 1890, VI + 222. Id. *Mercure De France*, Paris, 1964), попытки понудить Римскую церковь к беатификации Колумба никогда не прекращались. Вопрос о церковном прославлении мореплывателя вновь был поднят в 1909 г. См.: *Vignaud H. (1830–1922). L'ancienne et la nouvelle campagne pour la canonisation de Christophe Colomb // Journal de la Societe des Americanistes.* 1909, Volume 6, № 6. P. 17–44. В канун празднования 500-летия открытия Америки правительство Колумбии официально призвало Святой Престол прославить Христофора Колумба. См.: *Salamanca Leon, N. Christophe Colomb: Saint, heros ou aventurier? // Anales de Filologia Francesa,* № 10, 2001. P. 169–181.

но, что в устном, живом предании даже более сохранилось «не-условных» подробностей. Напр.[имер], о св. Афанасии мне рассказал один монах, что святитель ³⁴⁹ был так силен и так много трудился телом, что [иногда] приказывал ставить себе три обеда. Съедал он их один. Когда послушник удивленно на него взглядывал, Афанасий ему говорил:

– Я большой, мне много надо.

Монах с восхищением передавал об этом, ему, видимо, нравилось, что вот св. Афанасий был такой великан и для него все должно быть особенное. Если [один] он один тащит бревно, для которого нужны трое, то не удивляйтесь и [на пищу] пище. «Я большой». Это не объедение.

Конец св. Афанасия тоже довольно необычен. Он сам предсказал свою смерть и завещал не смущаться ею. Восемидесяти лет от роду, 5-го июля 1000 г., он с другими строителями взошел на новостроившийся купол храма – купол рухнул и погреб под собою всех стоявших на нем.

Смерть эта, разумеется, таинственна. Как будто в ней особенно подчеркнута связь строителя со строением, его глубокое внедрение в земное творчество, и некие узы, еще лежавшие на титане.

Но это лишь домыслы, может быть, и напрасные³⁵⁰.

³⁴⁹ святой

³⁵⁰ В газетной публикации далее: «Ибо начинается область тайн...» (Возрождение, № 879, 29 октября 1927 г., суббота).

Певец

Миловидный болгарский мальчик обладал удивительным голосом – прозрачным, сладостным. Иоанн был сирота, скромный и застенчивый. Попал в придворную капеллу Константинополя. По-гречески знал неважно. Когда сверстники спросили его раз, что он нынче ел, ответил:

– Куку и зелия («кукиа» – бобы).

Дети над ним посмеялись и прозвали Кукузелем. Думали ли они, что «смешное» имя в великой славе перейдет в историю?

Иоанн очень скоро выделился среди певцов и стал солистом императора. Тот полюбил его, приблизил к себе. Хотел даже женить. Кажется, последнее намерение и решило судьбу певца: он и вообще был склонен к уединенной, созерцательной жизни. Блеск двора не привлекал его. Мысль о женитьбе просто поразила. Он бежал на Афон, и в Лавре св. Афанасия стал простым пастухом «козлищ» – скрыл от братии свою прежнюю жизнь. Никто не подозревал, что знаменитый певец ежедневно уходит в горы со своим стадом. Там, в одиночестве, он пел. По преданию, отшельник случайно его подслушал: Иоанн пел псалмы, столь «нежно и сладостно», что вокруг, как зачарованные, полуколыцлом стояли козы и козлы, потряхивая иногда бородками.

В монастыре узнали о его таланте. Узнал и император,

где скрывается [его] певец. Но Иоанну суждено было остаться в Лавре: император разрешил не возвращаться в Византию.

Иоанн Кукузель пел теперь на клиросе. Более всего, видимо, воспевал Богородицу. Однажды, пропев Ей акафист, сел в [стасидию] стасидии и от утомления заснул. Во сне Пречистая явилась ему и, поблагодарив за пение, дала златницу.

– Пой, и не переставай петь, – сказала Она. – Я за это не оставлю тебя.

Проснувшись, он увидел у себя в руке червонец – благодарность Приснодевы. Как идет скромному и робкому Кукузелю такой подарок! И как точно, ярко определена его судьба: «пой, и не переставай петь».

Он и пел. Он так и пел, всю жизнь, от начала своего до конца, в сущности, житие ничего иного о нем и не сообщает.

В жаркий, голубой полдень Афона, я сидел на камнях, где некогда он пас свой стада. Пустыня, серо-меловая гора Афон, сухие кустарники, лесок, сияющая бездна моря... Здесь прославлял он Бога, Приснодеву, свет, день, солнце. В его лице Церковь благословила поэта и певца, христианского Орфея, «музыканта Господня».

В Лавре благоговейно приложился я к коричнево-медвяному, в золотом венце, слегка благоухающему черепу святого.

Новая Фиваида

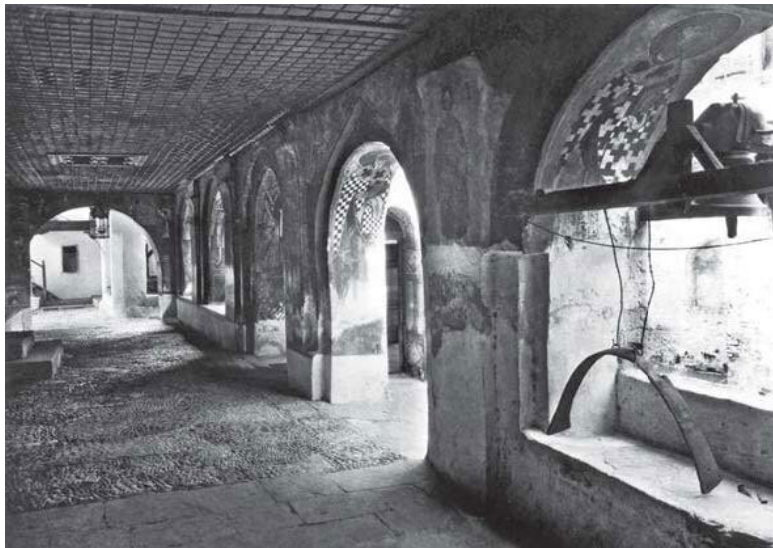
Кскиту³⁵¹ под таким названием, основанному в 1881 г., мы плыли от Пантелеймоновой обители часа три – мимо живописнейших монастырей Ксенофа и Дохиара, на северо-запад к перешейку.

³⁵¹ На Афоне существует несколько типов монашеской жизни. Главный из них – монастыри. Монастыри выстроены на собственных землях, принимают участие в управлении Афоном и разделяются на монастыри общежительные (киновии) и особножитные (идиоритмы). В киновиях у монахов нет никакой собственности, образ жизни для всех одинаков, трапеза общая и т. п. Киновия управляется пожизненно избранным игуменом. Монахи «отрекаются» своей воли, она у них как бы отсечена. Дух киновиальной жизни вообще строже и выше особножитного (Русский монастырь св. Пантелеймона – киновия). В особножитных быт гораздо более мягкий, для состоятельных людей, становящихся монахами, он даже не лишен удобств. Монахи живут там иногда в квартирах, со своим столом, своей обстановкой. // Скиты – это как бы небольшие киновии, стоящие не на своей земле (и потому более бедные), тоже со строгим уставом. Еще меньшую единицу представляют из себя т. н. «келлии», нечто вроде монашеского хутора с церковью, населенного монахами-земледельцами (возделывают оливки, где можно, виноград). Еще ниже – одинокие «каливы» (избушки). Там монахи-индивидуалисты и любители уединения ведут отшельническую жизнь, тоже работая на земле и молясь дома. В церковь они ходят только по праздникам. Нередко монастыри материально поддерживают их. Такой тип очень распространен среди русских – местность Каруля и окрестности Новой Фиваиды полны таких отшельников. Есть еще тип бездомных и нищих, бродячих монахов («сиромохи»). – *Примечание Б. К. Зайцева.*

Монастырь Ксенофонтос

Монастырь Дохиар

Вечером высадились у пристани.

На этот раз меня сопровождал рано поседевший, слабый здоровьем, очень застенчивый и мягкий иеромонах о. В.³⁵² – монастырский библиотекарь, человек книжный и несколько нервный.

Оставив пожитки в простенькой гостинице, мы двинулись в гору. Скит с небольшой церковкой и стенами недостроенного храма остался внизу. Вокруг каливы пустынников – именно их и хотелось мне повидать. Начался сосновый лес.

Сквозь деревья далеко внизу море с пенно-изумрудною каймой прибоя, сиреневое, как будто покойное. Дальний вид на леса и холмы побережья – замыкался он самим Афоном. За ним сизо-синеющая мгла.

Монастырь Дохиар

Монастырь Дохиар

О. В.³⁵³ постучал в комнатку небольшой как бы дачки. Все вокруг было безмолвно. В палисаднике несколько фруктовых деревьев, цветы, огород. На повторный стук дверь отворилась – вышел очень высокий, босой человек в шапочке, куртке. Если отшельник Карули обладал чертой сходства с Толстым, то этот вполне его напоминал: крупным мужицким носом, небольшими, умными глазами, даже подпоясан

был ремешком.

Встретил нас приветливо и почти весело. Пожатие его ладони показало, что мою руку он отлично может раздавить. Прошли в каливу: спальня, моленная с иконостасом, свечи, расклеенными по стенам картинками – и стеклянная галерея.

Мы уселись, и отшельник почти сразу начал рассказ... о своей жизни! Столь откровенного и словоохотливого пустынника я никак не ждал. С поразительной простотой, неопасливостью, в какой-то братской наготе развернул он перед нами свой свиток. Да, ничего, что мы незнакомы. Раз говорим ему «Христос Воскресе», а он отвечает «Воистину Воскресе» – значит, можно. И на безмолвной горе, в синеющем вечере слушали мы повесть о днях и волнениях, борьбе, колебаниях этого серо-седого, могучего афонского мудреца. Земная, богатырская сила – и всегдашний зов к Богу! Тяжкий путь, приводящий к горе Очищения. Вот он приказчик, сметливый и ловкий, на хорошей дороге. Доверенный богатого купца. Вот любит – со всем пылом природы. Но преодолагает в нем иное. Семейная жизнь ему не суждена. Бежит на Кавказ. На побережье управляет огромным имением, читает Св. Писание и увлекается охотой, со страстью хозяйничает. Хозяин уговаривает его жениться. Тщетно. Мысль о монастыре не дает покоя. Однажды он идет с ружьем в горах, по тропке. Вдруг из кустов бросается на него змея – «прямо с налету кинулась, как ястреб!» Он в упор стреляет.

Змея разможена, и в тот же миг он снова «опалается» огнем: пора, пора! Покидает Кавказ, доходное место. Забыта и любовь, он в Иерусалиме управляет подворьем: все еще деятельность, и заботы, и опять хозяйство... вновь преуспевает, и опять нет покоя, и, наконец, решающее слово о. Иоанна Кронштадтского³⁵⁴ – лишь к сорока годам выкипает в нем «дядя Ерощка»³⁵⁵: он постригается, уходит на Афон. Разве не путь Толстого? (Но ему была помощь, а Толстой одинок, опутан до конца тоской, пленом постылой жизни.)

Свечерело. Рассказ кончен. Бывший охотник, и влюбленный, и хозяин, улыбаясь, выходит с нами в садик. Море темно-сиреневое, гора Афон в удивительной лиловости, бело-зеленые зарницы вспыхивают за ней. Так мощно и таинственно она вздымается!

– Отец, говорю я: что же вы считаете труднейшим в жизни?

Он посмотрел быстрым, живым и острым взором...

– Нет ничего труднее борьбы с помыслами!

Потом подошел к палисаднику, взглянул на море.

– Вот, люблю, люблю! Прямо говорю. Взглянул, вижу всю красоту, прелесть... Удивительная красота... и знаю, что рухнет, в огне Божиим завтра, может, сгорит, по трубе

³⁵⁴ Зайцев не был лично знаком с кронштадтским протоиереем И. И. Сергиевым, однако видел его в юности, и посвятил ему второй очерк цикла «Дневник писателя» – «Иоанн Кронштадтский». (Возрождение, № 1594, 13 октября 1929, с. 3–4).

³⁵⁵ Герой повести Л. Н. Толстого «Казак».

Архангела... а люблю! Не могу удержать мысль... сердцем люблю, по-земному!

Да и правда, умер ли в нем Ерошка? И должен ли умирать? Не может ли быть просто преображен светом высшим?

Таинственные, как бы апокалипсические сияния вспыхивали за Афоном. Когда спускались мы к скиту, море кипело белой пеной у побережья, Афон был нестерпимой синевы в тайном венце молний.

* * *

Ночью в природе что-то происходило – не в нашу пользу. Когда утром мы с о. В.³⁵⁶ вновь подымались в гору, небо было затянуто сумрачной мглой, море в барашках и черта прибоя точно еще побелела, раскипелась.

Скитский проводник о. Петр, очень худенький, изможденный, с прилипшею ко лбу прядью жидких волос и редкою [бороденкой] бородкой, сказал грустно, глядя на меня.

– Нет, господин, вам нынче не уехать.

Я было похорохорился, но в душе и сам считал, что не уехать.

Вчерашняя калива оставалась сзади. Среди сосен – в их просветы синел дальний Афон – мы забирали все в го-

ру. Шли мимо искусственных прудков, служащих монахам для огородов, выходили в края дикие, дремучие. О. Петр вел нас еле заметною тропинкою. О. В.³⁵⁷, конфузливо подбирая рясу, кивнул мне на него:

– Хороший инок. Если б знали... В чем душа держится. Целый день как есть на работе, а ночью в церкви. Очень строгий подвиг несет. У-у, какой труженик! Да тут немало таких совершенно неведомых... ну, Господь-то, конечно, видит... А люди не замечают. Ох-о-хо! – о. В.³⁵⁸ вздыхал и сокрушался. – Очень уж себя³⁵⁹ изнуряет. Какой худющий стал! Полтора, два часа в день сна, вы подумайте только!

Мы подошли к винограднику среди лесов. На нем работало несколько человек скитских – некоторые в широкополых шляпах, другие, как это на Афоне принято – поверх монашеских камилавок надевают козырьки. О. Петр провел нас к отдельно стоявшей, среди фиговых деревьев, крохотной каливе.

– Здесь живет пустынный о. Нил, – сказал он мне. – Вот, извольте взглянуть.

К нам вышел старик с воздушно-снеговым обрамлением лысого черепа, в накинутой на плечи как бы малороссийской свитке, покорный и несколько удивленный. Глаза его, ровно-выцветшие, с оттенком «вечности» слегка слезились.

³⁵⁷ иссарион

³⁵⁸ иссарион

³⁵⁹ он

Он опирался на высокую палку.

– Простой человек, из крестьян, шепнул о. В.³⁶⁰: много лет здесь в одиночестве спасается. Насчет беседы – не особенно речист; а живет подвижнически...

Мы вошли в его хатку. Все было предельно бедно и убого. Ложе – почти голые доски. Но и у него моленная, иконки... Сам о. Нил имел вид несколько изумленный – точно казалось ему странным, почему это им, человеком незамечательным и уединенным, интересуется приезжий из-за морей. Частию и меня смущало, как это мы так вторгаемся в чужую, чистую и высокую жизнь. Но утешала цель. Ведь не простое же «любопытство»!

О. Петр, поглаживая свою редкую, буренькую [бороденку] бородку, сказал ему:

– О. Нил, ты бы гостя фигами своими попотчевал.

О. Нил слегка смутился и покорно полез куда-то в темноту, в чуланы. Мы вышли на воздух.

– Как же он тут живет?

О. Петр тихим своим голосом ответил:

– А вот так и пустынножительствует... уже лет тридцать.

По ночам стережет монастырский виноградник от диких кабанов, чтоб не озорничали... Днем же Псалтырь читает, канончик тянет, молится... Место глухое, для пустынничества очень способное.

О. Нил выбрался из своих чуланов в еще большей расте-

рянности. Фиг не принес.

– Уж не взыщите, господин, не больно хороши... Уж что поделаешь...

– Да ладно, ладно, не беспокойтесь, отец. Извините, что потревожили. Мы ведь и проголодаться-то не успели.

Мы недолго пробыли у о. Нила. А когда его хибарка скрылась в кустах, о. Петр рассмеялся тихим, беззлобным смехом.

– Господи, ну чем только этот человек питается, прямо удивительно... И мы, скитские, не так сладко едим, ну а он...

– Да что ж такое?

– Хотя бы энти самые фиги. Они у него на целый год запасены, больше ведь и ничего нет! И-и, не думайте, чтобы там хлебца, картошечки. А фиги-то зимой загнивают. Прямо ко рту не поднесешь, вся склизкая, запах... а он потребляет, и всегда здоров, ведь это подумать только! Он, значит, и ходил, искал для вас, не осталось ли свежих. Куды там! С прошлого года лежат, разве убережешь? К нему и в чулан-то от смрада этого не войти.

Он вел нас кустарниками, среди сосенок, в сухой, дикой местности. Справа открылись под хмурыми облаками сине-туманные холмы, леса, неровное и мрачное раздолье, напоминавшее глухие края близ Сарова, под Касторасом, где когда-то ходил ³⁶¹ по тетеревам. Мгновенно представилось – да не выглянет ли из-за можжевельника куст розово-

цветной «тетеревиной травки», Иван-чая?

О. Петр сорвал веточку с листьями, вроде лавровых, и двумя мохнатыми ягодами на ней.

– Вот, извольте видеть, это и есть его вторая пища, кроме то есть фиг, а по названию камарня. Он энти самые ягодки и потребляет.

О. В.³⁶² показал рукой на расстилавшуюся игру холмов, лесов и темных облаков.

– Там внизу тоже один живет, очень замечательный отшельник, прямо уж в лесах да с кабанам. Только туда еще часа два ходу...

Всматриваюсь – может, среди сосен и различишь каливку современного Антония³⁶³. Ничего не видать! Дальний гул лесов, те вечные, волнообразные поклоны хвойных ратей, к каким привыкли мы, русские, с ранних лет. Пустынник и кабан! И ест этот о. Феодор вот такую же камарню, веточку которой я благоговейно доведу в страну латинскую.

Забирая полукругом влево, мы стали обходить ложбину, где живет о. Нил. Кое-где попадались заброшенные каливы. Провожатые с грустью вспоминали, сколь здесь прежде было больше отшельников. Старики умирают, приток молодежи невелик³⁶⁴.

³⁶² иссарион

³⁶³ Антоний Великий (ок. 251–356) – христианский подвижник и пустынник в Египте, основоположник отшельнического монашеского жития.

³⁶⁴ Война и революция отрезали от Афона Россию. Сейчас пополнение его идет

– Пустынническая жизнь трудна, говорил о. В.³⁶⁵: ох, трудно! Жутко одному в лесу, и передать нельзя, как жутко.

– Страхования, сказал о. Петр.

– Вот именно, что страхования. И уныние. Он, враг-то, тут и напускается.

О. В.³⁶⁶ сложил на груди крестом руки, под [седеющею] седеющей бородой, и в его нервных, тонких глазах затрепетало крыло испуга – точно «враг» стоял уж тут же, вот у нас за плечами.

– Недаром говорится: Уныние, встретив одинокого инок, радуется... То есть, тому радуется, что может им завладеть.

Мы шли молча, ошмурыгивая мхи и горные травы, в чаще дикого, никем не тревожимого леса. Справа тусклым зеркалом вдруг засребрилось море.

– Один мой друг, сказал о. В.³⁶⁷ тихим, несколько трепетным голосом: сам раз в юности испытал это, в этой же самой местности, на Новой Фиваиде. Был у него знакомый пустынник, и ему пришлось отлучиться из каливы на несколько дней по делам. А тот, молоденький-то, и говорит ему: дозвожь, отец, пока тебя не будет, в твоей каливочке поспасаться, [пред] перед Господом в тишине и смирении потрудиться. Ну что ж, мол, пожалуйста. Этот молодой монашек к нему

только из эмиграции. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

³⁶⁵ иссарион

³⁶⁶ иссарион

³⁶⁷ иссарион

в каливу и забрался, горячая голова, дескать, и я в пустыньники собираюсь... Но только наступил вечер, стало ему жутко. Он и за Псалтырь, и Иисусову молитву творит, а представьте себе, тоска и ужас все у него растут.

О. Петр ловко перепрыгнул [чрез] через поваленное дерево.

– Враг-то ведь знает, с какого боку к нашему брату подойти...

– Он, враг, все знает... о. В.³⁶⁸ убежденно, не без ужаса, махнул рукой, точно отбиваясь. – Ну, вот-с, что дальше, то больше, и вы представьте себе, ночью и воеет, и в окна стучит, и вокруг каливки вражий полк копытами настукивает – то этот монашек в таком льду к утру оказался, батюшки мои, едва только светать стало, да с молитвой, да подобрав рясу рысью из этих из одиноких мест назад в скит ахнул... Нет, куда же! Тут большая сила и подготовка нужна...

* * *

...Заходили еще к двум братьям-отшельникам. О. Илья старик очень благообразный, некогда и красивый, теперь, вероятно, страдает начинающейся водянкой. Жаловался на «бронфит» в груди. Смотрел грустными, обреченными глазами. Но очень любезно принял с обычной афонской при-

ветливостью и воспитанностью. Угощал недурным сладким красным вином – своего виноградника. Кутался в зипунок. По всему видно, что умен, спокоен, физически страдает.

Когда стоял у порога, провожая нас (а брат в это время плотничал в садике), показался мне, несмотря на явно крестьянское лицо, скорее барином, или, вернее, богобоязненным южно-русским хозяином, мелким землевладельцем. Во всяком случае, облик выработанный!

Отец же Петр поразил меня теперь своим усталым видом. Крупный пот выступил у него на лбу, как у чахоточного, маленькие глаза, полные «добротного ветра», имели оттенок печали.

– Мы замучили вас, о. Петр, сказал я с неловкостью. Вот, правда, как вышло...

– Что вы, что вы... Оно у меня здоровье, конечно, неважное, так уж Господь послал. Намедни даже кровь горлом двинула, значит, доктор и говорит: «унутренность твоя не в порядке, в середке неладно». Ему виднее. Велел неделю ничего не делать. Да что же, и так прошло...

А. М. Ремизов. Портрет Б. К. Зайцева. Париж, 1926 г. (Фрагмент газетной публикации).

На прощанье хотел я «поблагодарить» его, но увидев драхмы, о. Петр помалиновел, замахал руками и стал кланяться.

– Нет, нет, господин, что там, меня благодарить не за что...

И побежал работать на скитский кипер.

* * *

Утренние его слова оказались вещими. Ехать было нельзя. Полил дождь, забухал гром, молния вздрагивала белыми разрывами – недаром апокалиптические сияния вспыхивали вчера за Афоном. И слава Богу, что не застал нас этот ливень в лесу.

Пришлось провести в скиту лишние сутки, о чем не жалею.

В сумерки, после обеда, не зажигая огня, сидели мы с о. В.³⁶⁹ и небольшим, чистеньким старичком-фондаричным о. Николаем. За небольшим оконцем, за толстой стеной бушевала буря. Иной раз зеленый свет освещал угол белого храма – о. В.³⁷⁰ крестился, о. Николай тихо и весело смеялся,

³⁶⁹ иссарионом

³⁷⁰ иссарион

с такой же простотой поглаживал свои изящные руки, как и подавал мне за обедом рыбу.

– У о. Нила побывали? Хороший старик, давний пустынножитель. Прихожу к нему однажды, слышу, кафизму читает. Прочел, и за другую взялся. Думаю, дай, кончит, не стану мешать. Сижу под окошечком. А он кафизму за кафизмой... Посидел я, думаю, время идет, и его перебивать не хочется... Оставил ему знак, что был, положил предметец, а сам домой, хе-хе... кабанов своих стережет, да Псалтырь читает, по тысяче поклонов в день выкладывает... И тоже, я вам доложу, упрямый старец. Тут у него приятель есть, о. Арсений. Вот этого Арсения он и позвал раз обедать. А уж вы видали, чем он сам-то питается? Обедать! хе-хе... Ну, все-таки, из травки и сварить кой-что для гостя может. Надо же вам сказать, что этот Арсений, по мудрованию своему, не ест лука, считает, что он горячит кровь. Нил же не ест масла. Когда Арсений пришел, Нил стал варить для него щи и крошить туда лук. Арсений ему говорит: «я ведь не ем лука, что ты делаешь, это зелье премерзкое, оно кровь горячит. Ты бы положил ложку маслица». Тогда Нил отвечает: «Масла! Стану я такой гадостью щи портить! Масло человеку вредно, от него сыреешь, я его и в рот не беру». И они так поспорили, а обоим вместе, имейте в виду, лет полтора будет – так заспорили: что лучше: лук или масло, что Арсений просто даже ушел, и обедать вовсе не стал...

И о. Николай длинно и тонко рассмеялся.

– Упрямые у нас бывают старики. Большого подвига оба, и душевно друг друга любят, а вот поди ты: что пользительней, лук али масло?

Больше же всего наслушался я в тот вечер про «врага». Ко «врагу» на Афоне вообще особое отношение – нам не так легко войти в это жизнечувствие. Для монаха дьявол всегда близко, вот тут рядом, пасть раскрыта, когти растопырены – зазевался на минуту, он уже на тебе верхом. Есть даже особая теория: враг мало занят людьми безразличными, или уже и так ему принадлежащими. Его усилия направлены на тех, кто задается более высокой целью – потому особенно для него лакомы монастыри. Враг по ночам делает пакости целым рядам келий, наводит ужас, уныние, отвлекает и разжигает. Иногда прямо стучит, изводит, бьет и т. п. Примеров приводилось море – рассказы шли сообразно облику рассказчика: с неким волнением, крестным знамением и оглядкой на вздрагивающую дверь у о. В.³⁷¹ – и с неизменной веселой³⁷² бодростью, смешком у о. Николая. Конечно, он врага тоже не «уменьшал». Но, все-таки, иной характер. Так они уравнивали друг друга, и в нехитрой комнате фондарики погружали меня в свою удивительную, бедно-чудесную монашескую жизнь.

На ночь о. В.³⁷³ ушел в другую комнату – должен был мо-

³⁷¹ иссариона

³⁷² веселой

³⁷³ иссарион

литься по четкам и класть поклоны (это и называется «тянуть канончик»), второе, не хотел будить меня к ранней службе. Я остался один. Голова была полна отшельников, калив, вольных ветров афонских, вольного гула лесов. Буря разыгралась зверски. Непрерывная зелень вспышками заливала комнату, как бенгальским огнем. Ухало и бахало. Я вспоминал о В.³⁷⁴ Верно, сейчас он крестным знаменем ограждает себя от врага. А вот монах, о котором я нынче слышал, недостаточно себя ограждал, и что же получилось? (Показывали даже больницу на обрыве, где это произошло.)

В больнице скитской лежал инок, очень страждущий, и недвижимый. Вечером его исповедали, утром должны были причастить. В промежутке он, из болезненного раздражения, успел наговорить резких слов – нагрешил. Хорошо. Приходят утром, а его нет. Пропал монах. Туда-сюда, нету. И только к вечеру, слышат, в болотце под обрывом точно кто стонет. Подошли – вот он, лежит в камышах, в тину уткнувшись, едва живой... «Ты как сюда попал?» Оказывается, так и попал: сам рукой-ногой шевелить не может, а вон где оказался. Монах и покаялся: что поделаешь, нагрешил, а они двое ночью и явились, прямо его под ручки, да в болото. Значит, как он себя грехом ослабил, врагу и радость, можно над ним поглумиться.

Заснуть³⁷⁵ долго не удавалось, потом задремал под музыку

³⁷⁴ иссариона

³⁷⁵ В газетной публикации первые две фразы этого абзаца: «Меня этой ночью

грома. Утром пошел я на литургию в небольшую скитскую церковку, неда леко коридорами. Там было несколько сморщенных и согбенных старичков в рясах святой бедности. Видел и того ветхого деньми Арсения, который «по мудрости» не [любит] любил лука. О. Петр тоненьким [козельтоном] тенором пел на клиросе. В этом старческом, неголосистом хоре, в скудной утвари и скудных рясах, в бедном утре, хмурыми облаками несшемся над скитом с недостроенным небольшим храмом, так ясно сквозил облик простоты и нищенства, камарни и несвежих фиг, жизни, лишенной всяческих «ублажений» и «ласкательств» – вечного духа монашеской Фиваиды, на этот раз исконно-русской.

* * *

Все утро мы занимались тем, что выходили и смотрели, как ветер, как море. Поистине, в этой стране все в руке Божией, и нет Его воли, нечего и пытаться возвращаться. «Смирись, гордый человек!» Жди погоды. Если же не хочешь, то иди пешком, под ситечком дождя, горными тропинками – шесть, семь часов пути!

Любя книги, мы с о. В.³⁷⁶ забрались в запыленную небольшую скитскую библиотечку, кое-что достали, кое-что чита-

враг не тревожил. Блохи же ели». (Возрождение, № 894, 13 ноября 1927 г., воскресенье).

³⁷⁶ иссарионом

ли в это ветреное утро, медленно прояснявшееся.

Вот что прочел я в книжице смиренного о. Селевкия³⁷⁷:

«Схимонах о. Тимофей двенадцать лет хранил молчание. Келия его была наверху над отхожим местом³⁷⁸ и полна клопов. У него не было ни кровати, ни постельки, а служило вместо кровати кресло, и над головой лежала Псалтырь. Когда он, бывало, сидит на скамейке, то у него на коленях лежит чурочка, в которой выдолблены две ямочки – в них масляные зерна³⁷⁹. Он берет по одному зернышку, перекладывает из одной ямки в другую, а сам творит Иисусову молитву. Я часто беседовал с ним. Однажды я говорю ему: «о. Тимофей, благослови меня обмести стены твоей келии от клопов». А он мне: «Нет, отче, клопы для меня полезны: у меня пухнут ноги, а они вытягивают из них дурную кровь».

...«Откопаны его косточки, желтые, как воск. И у меня была его кость в сундуке, и как, бывало, открою сундук,

³⁷⁷ Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия о своей жизни, и о странствовании по святым местам: Русским, палестинским и Афонским; с присовокуплением: 1) подробного описания службы на 1-ое октября, в Русике, и 2) краткого о занятии о некоторых старцах а) усопших и б) ныне подвигающихся с Божиею помощью, в Русском монастыре, на св. Афонской горе. Санктпетербург, 1860. 237+44 с. С приложением Схемы устройства иконостаса и купола в параклисах Афона. Тогда же были изданы: Напоминания святогорца, схимонаха Селевкия. Санктпетербург, 1860. 60 с.

³⁷⁸ В источнике сказано: «над отхожими местами» (Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия о своей жизни, С. 21).

³⁷⁹ В источнике сказано: «масличные зерна» (Там же. С. 21).

так и пойдет благоухание неизреченное»³⁸⁰.

Улыбнись, европеец. И с высоты кинематографа снисходительно потрепи по плечу русского юрода. Вот тебе еще образец для глумления:

«Схимонах Синесий – милая душа. Он трудился на келлии Благовещения, там завсегда живут человек шесть старцев, и он всем служил. Над ним часто смеялись и поносили его. А кто спросит: «о. Синесий, откуда ты родом и кто ты?» Он отвечает: «Я дома пас свиней, да и то не годился – и выгнали меня. И я пришел на Афон как-нибудь прокормиться». А завсегда находился он в слезах, в молитвах и трудах. А какая у него любовь была ко всем! Нет сил моих описать ее. Любовь его меня очень пленяла. Он часто говаривал: «Аще кто не имеет самоукорения, тот не может достигнуть совершенства».

«Косточки его откопаны желтые и благоуханные»³⁸¹.

* * *

³⁸⁰ Не совсем точная цитата из «Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия о своей жизни...». С. 21.

³⁸¹ Не совсем точная цитата из того же источника (С. 31).

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

АЮОНЪ

YMCA PRESS
PARIS 1923

**Обложка первого издания книги Б. К. Зайцева
«Афон». Париж, 1928 г.**

Все это кончилось. Ветер утих. Море еще кипело, мы решились рискнуть. Садись в лодку танцующую, сели было, вдруг девятый вал – его вовремя заметили лодочники.

– Сигайте на берег, на берег сигайте!

О. В.³⁸², подбирая рясу, слегка замешкался, я успел выпрыгнуть на пристань удачно. Его волною сильно хлестнуло и замочило. Все же мы выплыли.

Шли долго, на веслах, кой-где при удобном ветре из ущелий под парусом. Ждали бури из-за Афона. Видели дальние грозы на море. Но крушения не было нам назначено. Мы плыли впятером, да со мною, в душе, все Нилы, Игнатии, Илии, Николаи, Синесии, Тимофеи – весь скромный и светлый полк Фивайдский.

ТИХИЙ ЧАС БИБЛИОТЕК А

Когда я выходил на балкон своей комнаты и монастырь св. Пантелеймона обступал меня корпусами и церквями, взор останавливался на плоской кровле двухэтажного здания прямо под ногами: кажется, с этого славного балкона, увитого виноградом, можно просто спрыгнуть вниз – только прыгать-то высоко.

Библиотека нашего монастыря большая, несколько десятков тысяч томов, сотни рукописей, книги с чудесными миниатюрами и т. п. Я любил бывать у гостеприимных и предупредительных о. о. Иосифа и В.³⁸³. Работать там не случилось: нужные книги присылали на дом. Но приятен был самый воздух библиотеки – безмолвие, свет, поскрипывание половиц, бесконечные в тишине книжные шкафы. Музеи и библиотеки давно мне милы. Монастырская же библиотека несет еще иной оттенок – она продолжение храма. Храм, разумеется, выше, там торжественнее и важнее. В библиотеке возвышенность храма ослаблена за счет просто человеческого, но, с другой стороны, это и не «университетское» книгохранилище.

Если бы не стеснялся, я подолгу мог бы разгуливать в верхней зале библиотеки, дышать ее воздухом, рассматривать книги, радоваться тишине, может быть, и мечтать – в то

³⁸³ иссариона

время как внизу о. В.³⁸⁴ и его помощник о. Марк бесшумно и несуетливо составляют каталоги, клеют, режут и подбирают.

Мне вспоминается простенький афонский день, ничем не замечательный: отец В.³⁸⁵ вышел за статьей. Мы остались одни с о. Марком, нехитрым, черноволосым монашком. Он подошел ко мне.

– Здравствуйте, господин.

– Здравствуйте.

– Христос Воскресе.

– Воистину Воскресе.

О. Марк несколько смущен.

– А я уж и не знаю, как с вами, с образованными, здороваться. Простите, коли не так. Может, у вас в миру и не говорят «Христос Воскресе».

Смиранный о. Марк, вы правы, не говорят. Но не вам – нам надо смущаться, как смущает нас многое в пестрой и пустячной жизни нашей – чего не видать вам в тишине и свете вашей библиотеки. Да, не говорят «Христос Воскресе». И тем хуже.

...Мало посетителей в афонских библиотеках. Дух Афона не есть дух ученого бенедиктинского монашества. Впрочем, может быть, истинная библиотека и вообще должна быть бесцельна. Еще вопрос, следует ли выдавать из нее книги.

³⁸⁴ иссарион

³⁸⁵ иссарион

Можно любить музеи и библиотеки, как египетские пирамиды, как ночное море и как звезды. Как творение – в тишине и вечности.

Крин Сельный

О Наум, полный, русый, несколько мягкотелый монах с добрыми глазами и медлительный в движениях. Он живет в отдельном домике за оградой монастыря. В послеполуденные знойные часы нередко приходилось мне подходить к этому домику. Каждый раз любовался я цветущими у крыльца белыми лилиями – «крин сельный» называют их тут.

О. Наум – фотограф монастырский. Домик его в то же время студия, светлая комната заваленная снимками и негативами, с «фонами», на которых снимались группы посетителей, с темной камеркой для проявления – всею, вообще, обстановкой немудрящего ателье.

О. Наум выбирал мне снимки медленно и как-то неуверенно. Оттенок некоторой грусти я заметил в нем. Точно все уже видел, все знает и устал от смены обликов. Его студия увешана изображениями – попытками остановить поток. Он снимал и «Высочайших Особ», и посланников, и адмиралов, и митрополитов – стены эти в некоем роде история обители. Вот мягкий, тонкий архимандрит Макарий³⁸⁶, зна-

³⁸⁶ Архимандрит Макарий (в мире Михаил Иванович Сушкин, 17 октября 1820 – 19 июня 1889). Родился в купеческой семье в Туле. В 1849 г. его отец И. Д. Сушкин стал Тульским градоначальником. Предприняв путешествие по святым местам Востока и, посетив Иерусалим и Александрию, 3 ноября 1851 г. М. И. Сушкин прибыл на Святую Гору и остановился в Русском Пантелеимоновом монастыре, а уже через 24 дня был пострижен в схиму, ибо тяжело и,

менитый игумен обители в конце прошлого века, вот суровые брови и густая борода не менее известного духовника обители о. Иеронима³⁸⁷, прошедшего на Афоне сорок девять лет, считающегося, наравне со своим учеником арх.[имандритом] Макарием, одним из создателей теперешнего монастыря. Узнаю и здравствующего игумена о. Мисаила и вижу, что годы не молодят. Былое, все былое! Князья и митрополиты и адмиралы, давно, наверно, уж отчалившие на иных судах в страны иные. Профессора и археологи в отложных воротничках, двубортных сюртуках и сапогах с рыжими го-

как полагали, безнадежно заболел. Однако вскоре он выздоровел и остался в обители, 22 февраля 1853 г. был поставлен в диаконы, через два года с небольшим в иеромонахи, а 20 июля 1875 г. был избран игуменом Пантелеимонова монастыря. Многие постройки Пантелеимонова монастыря возводились на средства семьи Сушкиных, И. Д. Сушкин завещал обители часть своего многомиллионного состояния. Основанный им в Туле банк находился в управлении двух других его сыновей – Ивана и Петра, финансовые махинации привели их к разорению и шестилетней ссылке, а Пантелеимонов монастырь как один из вкладчиков банка понес существенный ущерб. При архим. Макарии был построен новый ансамбль монастыря, приобретены многочисленные имения и устроены подворья был основан журнал «Душеполезный собеседник» и процветала книгоиздательская деятельность.

³⁸⁷ Будущий старец Иероним прибыл на Афон из Старого Оскола Курской губернии в 1836 году и вскоре был пострижен в монашество с именем Иоанникий. Он подвизался под руководством старца Арсения в келлии пророка Илии, принадлежавшей греческому монастырю Ставроникита. Однако ему не пришлось стать келлиотом-пустынником. По благословению старца Арсения он перешел в Русик, находившийся в весьма бедственном положении, спустя месяц был рукоположен в иеромонаха и стал духовником русской братии Свято-Пантелеимонова монастыря. Через год он принял великую схиму с именем Иероним. О. Иероним стал незаменимым помощником игумену Герасиму в управлении обителью.

ленищами под брюками – вряд ли кто жив еще. Студенты, семинары-экскурсанты – теперь, пожалуй, почтенные протоиереи, а возможно, мученики. Пройдет полвека и на наш снимок – меня и о. Пинуфрия, собирающихся в путь, – иной заезжий так же не без грусти взглянет.

Я пытался найти след Леонтьева, жившего тут в семидесятых годах³⁸⁸. Интересно было бы видеть его фотографию рядом с о. Иеронимом – духовником. Леонтьеву нравилась суровость и крепость православия на Афоне. Образ такого рода – о. Иероним. В руке его, как у Афанасия Афонского, могучий посох. Леонтьевские впечатления об Афоне схематичны и односторонни³⁸⁹. Кажется, слишком отзывают они предвзятостью, «идеями», да может быть, и обликом о. Иеронима. Но рядом с посохом св. Афанасия цветут на Афоне розы и лилии, весной же тянет в море благоуханием полуострова. Леонтьев не любил этого или старался умышленно отринуть.

³⁸⁸ Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) три года провел на Святой Горе после тяжелой болезни. Старцы оо. Иероним и Макарий отказали ему в постриге, однако незадолго до кончины он принял тайный постриг в Оптиной Пустыни.

³⁸⁹ К. Н. Леонтьев является автором многих материалов, посвященных Афонской горе: «Записка об Афоне и об отношениях его к России» (1870–1872 гг., опубликована в 2007 г.), «Панславизм на Афоне» (Русский Вестник. № 4, 1873), «Пасха на Афонской горе» (Газета «Русь». № 22, 26, 1882), «Воспоминания об архимандрите Макарии, игумене русского монастыря св. Пантелеймона на горе Афонской» (Гражданин. № 191–192, 196, 207, 211, 243, 246, 1889), «Мое обращение и жизнь на Святой Афонской горе» (Русский вестник. № 9, 1900), «Четыре письма с Афона» (Письма июня-июля 1872 года. Богословский Вестник. № 11 и 12, 1912)».

К сожалению, ни у о. В.³⁹⁰ в библиотеке, ни у о. Наума ничего мне не попало о Леонтьеве.

Пока я жил в Пантелеймоновом монастыре, лилии о. Наума все цвели. О кусте роз, развернувшемся на высоком, искривленном стволе под окнами келии о. Игумена, и о лилиях о. Наума сохранил я светлое воспоминание.

«Яко крин сельный, тако отцветет»³⁹¹ – сказано о них, о человеке. Знаю, что отцветет. Но домик ловца видимостей вспоминаю с неотцветшими, нежными кринами.

³⁹⁰ иссариона

³⁹¹ Псалом 102, ст. 15.

Гробница

Полдень. Сухой блеск афонского солнца в листьях олеандров у выхода. Мы идем из монастыря на кладбище.

– Это и есть последний путь монаха, – говорит о. В.³⁹², поглаживая рано поседевшую бороду. – Ох-о-хо! нам всем здесь быть. Вот видите, от этих цветущих олеандров, мимо орехового дерева, подъем, и к кипарисам... тут мы все проходим.

Приближаясь к острову мертвых, мы, действительно, почти коснулись лапчатых, низко нависших листьев ореха – дерева старого, напутственника уходящих.

Кладбище – несколько рядов могил, точно огород с грядками – осенено кипарисами³⁹³.

В часовне полутемно, сыровато. Как и в Свято-Андреевском скиту, слева правильными грядами, точно сухой валежник, сложены вдоль стены мелкие кости. Против входа икона

³⁹² иссарион

³⁹³ В газетной публикации далее: «Могил потому мало, что на Афоне, как везде на Востоке, тела умерших через три года вырывают. По давнишнему верованию, если душа вполне чиста, то за три года земля принимает все тело. Остаются лишь кости. Их собирают, отмывают в воде с вином и складывают в «гробницу» – особую часовню. Если же тело не все истлело, значит, на душе есть еще некая тяжесть. Тогда останки вновь зарывают, а за душу возносятся очистительные молитвы. Через некоторое же время, когда кости окончательно очистятся, их все-таки переносят в гробницу. Так что на кладбище, в земле, лишь совсем недавние погребения» (Возрождение, № 908, 27 ноября 1927 г., воскресенье).

с лампадкою, окружена меньшими. От нее вниз висит шелковый «плат», а по бокам, на деревянных, как бы библиотечных полках, разложены черепа умерших братьев.

О. В.³⁹⁴, вздыхая, приседает и разглядывает нижние.

– Вот хорошая головка! Смотрите, какая славная! Кость вся коричневая, густая, ровная.

Действительно, этот череп ровно-коричневый, слегка даже маслянистого тона. Рядом черепа с белыми пятнами по желтому, или, напротив, с черными. Вековой опыт монашества все различает, всему приписывает смысл.

– Эти уже похуже, прибавляет о. В.³⁹⁵.

Он говорит просто, обыденно. Что же, смерть есть смерть – нечего ни бояться ее, ни ей удивляться. К останкам умерших отнесемся спокойно, с благоговением. Взором участливым, непредубежденным оценим душевную чистоту того, или другого из братии.

И вот снова белый зной полудня. Кипарисы черно синеют купою вблизи гробницы³⁹⁶. В их тени лежат два вола, сонно поводя головами в лирообразных рогах, отмахиваясь хвостом от мух. Должно быть, ушел завтракать их властелин, какой-нибудь рваный грек с Имброса. Им выпал отдых.

С того дня каждый полдень, прогуливаясь по балкону,

³⁹⁴ иссарион

³⁹⁵ иссарион

³⁹⁶ гробницы

взглядывал я налево, где над стенками зданий подымалась группа кипарисов. Если же обернусь направо, то за изящною колокольнею Собора, за изголуба-мреющим стеклянным заливом вдалеке, почти на краю земли, увижу трехголовый, бело-златистый снеговой Олимп – как некий легкий ковчег Эллады.

Fuori Le Mura»³⁹⁷

Вышел за монастырь к пристани Дафни узенькою тропинкой среди кустарников. Цвел желтый, милый дрок, мой друг еще с Прованса. Яркий солнечный вечер, цветы дрока, ярко-синее море. Кругом скалы, по ним мелколиственный дубок, кой-где оливки да цепкие заросли. Идешь, срываешь желтые цветы, видишь внизу кипящую черту прибоя, и морской ветер треплет волосы. В заливчике белеет яхта. Зачем она сюда зашла? Кто на ней? И надолго ль?

Может быть, любознательная американка разглядывает сейчас с борта загадочную страну, на чью землю ступить не может?

Крепок Афон своим запрещением женщин!

Сорок лет назад здесь, быть может, в этом самом заливе, был такой случай: подошел пароход «Виктория», нанятый одной русскою дамой высшего круга – сын ее был послушником Пантелеймонова монастыря. Г-жа М. хотела повидаться с ним. Ее сопровождали две-три дамы и русский вице-консул в Дарданеллах. Монастырь принял гостей радушно. Дамы на берег не сходили, но на пароход были отправлены мощи св. Пантелеймона, был отслужен молебен на борту «Виктории», приезжие исповедывались у о. Рафаила. Посетил их и сам игумен о. Макарий, и напутствовал.

³⁹⁷ За стенами (ит.).

Неясно только, видела ли г-жа М. сына? Может быть, с борта, на берегу? Или мягкий о. Макарий разрешил ему съездить на корабль?³⁹⁸

Не знаю. Но шестого августа ночью, едва пароход отошел, в монастыре св. Пантелеймона загорелся – и сгорел до основания – храм Покрова Пресвятыя Богородицы³⁹⁹.

* * *

Вечер, [спускается, и] нежно-розовое наплывает в воздухе⁴⁰⁰. Яхта бесшумно поворачивается. Трубы белеют, дымят, легко, бесцельно и без жалости уходит она вдаль от наших берегов. Синяя ночь встретит ее в⁴⁰¹ пустынях. Зажгут крас-

³⁹⁸ Во второй афонской записной книжке «Афон. Дневник» эта история записана Зайцевым со слов монастырских насельников в такой редакции: «6 авг. [уста] 1887 г. к Афону подошел парох.[од] „Victoria“, нанятый „высокообраз. [ованной]“ дамой г-жею Е. М. М., сын которой был послушн.[иком] Пант.[елеимонова] мон.[астыря]. С Е. Е. М. [sic!] она хотела повид.[аться] с сыном были еще 2–3 дамы и русск.[ий] вицеконсул в Дардан.[еллах] г. Югович. Мон.[ахи] приняли гост.[ей] радушно. На парох.[од] были отпр.[авлены] мощи св. Пант.[елеимона], был отсл.[ужен] молеб.[ен], женщины исповед.[овались] у о. Рафаила. На пароходе был о. Макарий, и напутств.[овал] их. Проводили с трезвоном. 6-го ночью, едва парох.[од] ушел, сгорел храм Покрова Пресв.[ятой] Богородицы в Пант.[елеимоновом] мон.[астыре]». (Лл. 43–43об.).

³⁹⁹ Храм сгорел в ночь с 6 на 7 августа 1887 г. Новый храм был построен точно на месте прежнего, от которого уцелела алтарная часть.

⁴⁰⁰ В газетной публикации: «Вечер спускается, и нежно-розовое наплывает в воздухе». (Возрождение, № 908, 27 ноября 1927 г., воскресенье).

⁴⁰¹ морских

ные, зеленые огни. В сиянии матовых полушаров будет подан обед – на ослепительной скатерти, с хрусталем и цветами, ледяным вином. Сказочный Афон станет воспоминанием. Выйдя на палубу, растянувшись в лонгшезе, не вспомнит любопытствующая американка, в какой и стороне-то он.

Я помахал платочком яхте. «Мир» уходил. Мы оставались – необитаемый остров. Уединенный берег, уединенный край, сизеющее в лиловатости море вечернее и там, за краем его – Афины, Франция, Париж...⁴⁰²

⁴⁰² В газетной публикации далее, с нового абзаца: «Прощай!» (Возрождение, № 908, 27 ноября 1927 г., воскресенье).

Прощание с Афоном

Ненаписанное письмо

Последний вечер в монастыре св. Пантелеймона был тихий и несколько грустный. За две недели я успел полюбить этих людей и их святой дом. Мои новые друзья заходили прощаться. (У о. игумена я был сам). Я получил афонские подарки: книги, четки, иконы, благословенное масло Целителя Пантелеймона, деревянную ложечку с резьбой и т. п. — «по хребтам беспредельно-пустынного моря» мне удалось довести домой эти милые знаки. Я их храню и буду хранить, как память о Божьем месте, где довелось побывать.

«Грусть того вечера заключалась в расставании навсегда. Все, конечно, бывает. Но почти нет вероятий, что еще раз увидишь эти края. Для монаха нет, или не должно быть «земной печали». Но для нас, мирских, облики видимости иногда так глубоко ценны! И отъезд из места и от людей, навсегда уходящих, есть как бы частичная смерть: ведь и Афон, и его жители стали теперь для меня елисейскими тенями.

«Утром я был налитургии, ее совершал архимандрит Кирик, он же отслужил и напутственный молебен.

А потом о. Петр, тот самый веселый и худощавый мой земляк, со светлыми, полными вольного ветра глазами, который в бурю встречал меня на Афоне, повез в лодке на пристань. День был чудесный. О. Кирик тихо сидел со мной на лавоч-

ке, кругом голубоватое стекло. Легкая и пушисто-белая борода о. Кирика как бы оведала эту гладь.

«Слегка подмигивая черным глазом из-под очков и поглаживая бороду, он сказал мне:

– «Самая прозрачная вода в мире. Обратите внимание. Так и говорится: светлые воды Архипелага!»

«Видимо, ему нравились эти слова... Через несколько времени он повторил:

– «Светлые воды Архипелага».

«На Дафни путники иногда часами, а то и днями ждут парохода в Салоники. Тут еще раз почувствовалась забота и внимание монастыря – в частности, о. Кирика. Все заранее приготовлено. Мы прошли в монастырское подворье, о. Петр устроил обед – появились знакомые афонские салаты, рыбки, октоподы, красное вино. Мы пообедали весело и солнечно – в прямом смысле: солнце затопляло комнату, выходящую на море. За эти сутки о. Кирик спал полтора часа. Я видел, что он бледен. После обеда лег вздремнуть, а я пошел бродить к морю, в золотом вечернем солнце. У пристани толпились греки с ослами. Сидели в кафе два таможенника. Вдали за зеркальными водами подымались колокольни и кресты св. Пантелеймона.

«Ударили к вечерне. Я возвратился. Прошло не более сорока минут. О. Кирик, в ореоле своей бороды, маленький, тихий, сидел уже на диване и «вычитывал» вечерню по за-

хваченному с собой требнику ⁴⁰³. Как же, в монастыре вечера, а он будет спать!

«На закате из-за скалы появился пароход. О. Кирик благословил меня. Почтительно поцеловал я его худую, желтоватую и легкую руку, и когда о. Петр, улыбаясь, быстрым калужским говорком с прибаутками и словечками разговаривая, вез меня и греческого «астинома» на борт «Хризаллиды», я все кивал и махал небольшой фигуре в черной рясе с золотым крестом, седобородому «прирожденному монаху», спящему два часа в сутки, вечно на ногах, вечно в служении – к которому незаметно установилось у меня сыновнее отношение.

«На носу «Хризаллиды», как Никэ Самофракийская⁴⁰⁴, стояла статная малоазийская гречанка древней, жуткой красоты, и с любопытством глядела на берег, куда ступить не могла, на нас, на все столь странное и необычное вокруг».

⁴⁰³ служебнику

⁴⁰⁴ Древнегреческая скульптура богини Нике, высеченная из парийского золотистого мрамора, датируемая примерно 190 г. до Р. Х. Найдена в 1863 г. на острове Самофраки французским вице-консулом в Адрианополе Шарлем Шампуазо (Charles Champoiseau), и ныне находится в Лувре.

«Хризаллида»

Ивот удаляется тысячелетний Афон. «Хризаллида» плавно уходит к западу навстречу быстрому вечеру. Лимонные облака, лимонно-серебряная вода. Гора Афон под закатным светом нежно лиловет. Впереди Лонгос смутно-сиреневый. Позже над ним встали оранжевые облака, у подножья его резкая серебряно-розовая струя и зеркально-розово-голубое море. Вообще вечер полон таких сияний, такого павлиньего блеска и радужных фантазмагорий, точно оркестром исполнялась на прощанье световая поэма. Но все быстро закончилось. Море похолодело, принимая стальной оттенок, закат [забагровел] побагровел, монастыри и монахи, Кирики и Пинуфрии ушли в смутно-лиловую влажную мглу. Все более оставались лишь о них воспоминания.

На грязном судне с прозрачным именем шла малая жизнь⁴⁰⁵.

⁴⁰⁵ В газетной публикации далее: «Недалеко от меня на палубе расположились три греческих коммуниста. Они пили вино из огромной фляги, полупьяными голосами орали неприличные песни. К моему огорчению – на языке русском!» (Возрождение, № 922, 11 декабря 1927 г., воскресенье).

«В море далече»⁴⁰⁶

Кажется, мы миновали и Лонгос, и Кассандру. Время за полночь. Тихо. Люди спят. Лишь в капитанской будке огонь, и человеческий глаз непрестанно озирает бело-туманящееся море в редком звездном свете. Надо мной, над спящим человечеством корабля, над мирными бутылками оливкового масла и рядами ящиков летит черный дым из трубы, уходит мрачным следом к Афону. Туда же ведет бледно-серебристый путь за кормой со вспыхивающими синими водяными искрами – игра фосфора южных морей.

Верно у нас, у Святого Пантелеймона идет уже утренняя. Это самое море видно из окон храма Покрова Богородицы, и тому же Отцу солнца, что скоро встанет над нами и осветит Салоники, древний город Солунь – Ему же возгласит хвалу иеромонах Иосиф, заключая службу утрени.

– «Слава Тебе, показавшему нам свет!»

Если бы я был архимандритом, то, сойдя в каюту, вынув требник ⁴⁰⁷, стал бы «вычитывать» утреню. Но я не мо-

⁴⁰⁶ Слова из Сугубой ектении: «Услышины Боже, спасителю наш, упование всех концов земли, и сущих в мори далече: и милостив, милостив буди, Владыко, о гресех наших, и помилуй ны. Милостив бо и человеколюбец Бог еси, и тебе славу возсылаем, Отцу, и Сыну, и святому Духу, ныне и присно, и во веки веков».

⁴⁰⁷ служебник

нах. Я простой паломник, как здесь говорят, «поклонник», со Святой Горы возвращающийся в бурный мир, сам этого мира часть. В своем грешном сердце уношу частицу света афонского, несу ее благоговейно, [как свечу Страстного четверга] и что бы ни случилось со мной в жизни, мне не забыть этого странствия и поклонения, как, верю, не погаснуть в ветрах мира самой искре.

В час пустынный, [перед] пред звездами, морем, можно снять шляпу и, перекрестившись, вспомнив о живых и мертвых, кого почитал, любил, к кому был близок, вслух прочесть молитву Господню.

Париж, 1927.

Творение

Нос «Патриса» мерно подымается и опускается. Впереди, где-то еще очень далеко, берега Италии. А пока – Ионийское море, море Одиссея. Однообразна кора бельная жизнь! Тосклив водный простор. Черненький, худой грек, очень грязный, скорчившись лежит на палубе, подстелив под голову что-то вроде подушки, обеими руками держит книжечку, вслух читает, вернее – служит по требнику. Ничего я не понимаю, кроме слов:

– Эулогитэ эрга Теа!

Грек возносится с «Патрисом», падает с ним вниз, описывает некие кривые вправо, влево, но не выпускает книжечки, и сквозь монотонное чтение-пение – много я его слышал в греческих монастырях, оно завораживает, несколько опьяняет заунывною бедностью – сквозь него по временам вот это:

– Благословите дела Господни.

Внизу стайка дельфинов, штук семь, мчатся наперегонки с «Патрисом». Выскакивают из воды, описывают дуги в воздухе, и вновь туда же. Один отбился и пошел у носа парохода. Стал уставать. Корабль совсем его настигает. В темно-синей воде дельфин отлично виден, он летит на глубине одного-двух аршин – выскакивать боится: рядом бурлит наш «Патрис». И наконец – стрелой в воздухе вбок, сразу шагов

на двадцать.

По левому борту тоже стоит несколько греков. Тут ветер свежее, из Африки. Далеко в море струйка дыма. Бог с ним, с кораблем проходящим! Опять смотрю вниз, в воду цвета синьки. Вижу в ней, недалеко от нас, рыжую черепаху, или нечто на черепаху похожее. Расставляя короткие свои ножки, в этих морях ионийских тоже плывет куда-то. Чего она хочет? На что надеется? Ведь она в беспредельном мире, он и для меня-то бескраен, но я надеюсь через два-три дня быть дома, ну, а она, может быть дома в этих темно-синне-прозрачных водах?

Плывет медленно (мы ее обгоняем мгновенно), но весело, точно она уже у себя... Тогда, значит, гораздо меня счастливее, ибо я здесь чужой, не весь мир мне дом.

И пожалеешь эту рыжую тварь, и позавидуешь ей.

А обернувшись, вижу над палубой куропатку. Полет ее царственный, как полагается. Все-таки, здесь потише, чем когда поднимаешь ее из-под собаки. (Устала!) Пробует сесть на мачту, раз круг, два круг, но боится. И прелестным своим полетом, выставя пестро-рыжеющее брюшко, уходит.

Грек не видал ни дельфинов, ни рыжей твари, ни куропатки. Он описывает в пространстве свои кривые, и все читает-поет, но это ничего, в его книжечку уже приняты и куропатка, и тварь, и дельфин, и я, и он, и море.

– Эулогитэ эрга Теа!

Все здесь должны быть дома.

Бесстыдница в Афоне

Маркиза⁴⁰⁸ Шуази, французская «писательница», с целью наблюдений поступила в дом терпимости. Пробыла в нем сколько-то и выпустила книжку «Месяц у девиц»⁴⁰⁹. Что она там делала, я не знаю. Книжки не читал и даже не уверен, жила ли она действительно в таком учреждении. Теперь ей пришла мысль: нельзя ли также побывать «у мужчин»? Она прознала, что вот есть одно странное место Афон, полуостров, населенный монахами, куда не пускают женщин. Нельзя ли туда забраться и выудить «острый» репортаж? В только что прочитанном мною томике «Un mois chez les hommes»⁴¹⁰, она описывает свое путешествие, якобы совершенное по Афону.

Она попала туда, передевшись мужчиной, с подложным паспортом, купленным за 10.000 драхм на имя слуги одного итальянца, при котором она и находилась. Шу-

⁴⁰⁸ Так в тексте публикации, просмотренном автором (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж). Мариза Шуази не имела дворянского титула.

⁴⁰⁹ Фидий создал три статуи Афины для Акрополя, не ясно, о какой именно говорит Зайцев, возможно, о двенадцатиметровой Афине-Парфенос, помещавшейся внутри храма.

⁴¹⁰ В настоящее время монастырских имений, «метохов», не существует. Их отняло греческое правительство – не только у греческих монастырей, но и у русского. – *Примечание Б. К. Зайцева.*

ази со своим спутником будто бы высадились в Кавале⁴¹¹, там сейчас же отправились в публичный дом, где одна из девиц указала им крестьянина, который взялся доставить их на Афон и быть там проводником. «Писательница» описывает, как она сделала себе операцию (вырезание груди), какие приняла непристойные меры, чтобы сделать свое тело мужским, как, наконец, ее зашили в матрас, который вез для себя тот итальянец; как она лежала в этом матрасе во время переезда на моторе из Кавалы в Ватопед, с кислородной маской на лице, как ее выгрузили в Ватопеде и оттуда она попала в Карею, начала свое «Афонское путешествие».

⁴¹¹ Кавала – портовый город на северо-востоке Македонии, в заливе Кавала Эгейского моря.

MARYSE CHOISY

**un mois
chez les
hommes**

REPORTAGE

L·E·F

LES ÉDITIONS DE FRANCE

**Обложка первого издания книги Маризы Шуази
«Un mois chez les hommes». Paris, 1929.**

MARYSE CHOISY

UN MOIS
CHEZ
LES HOMMES

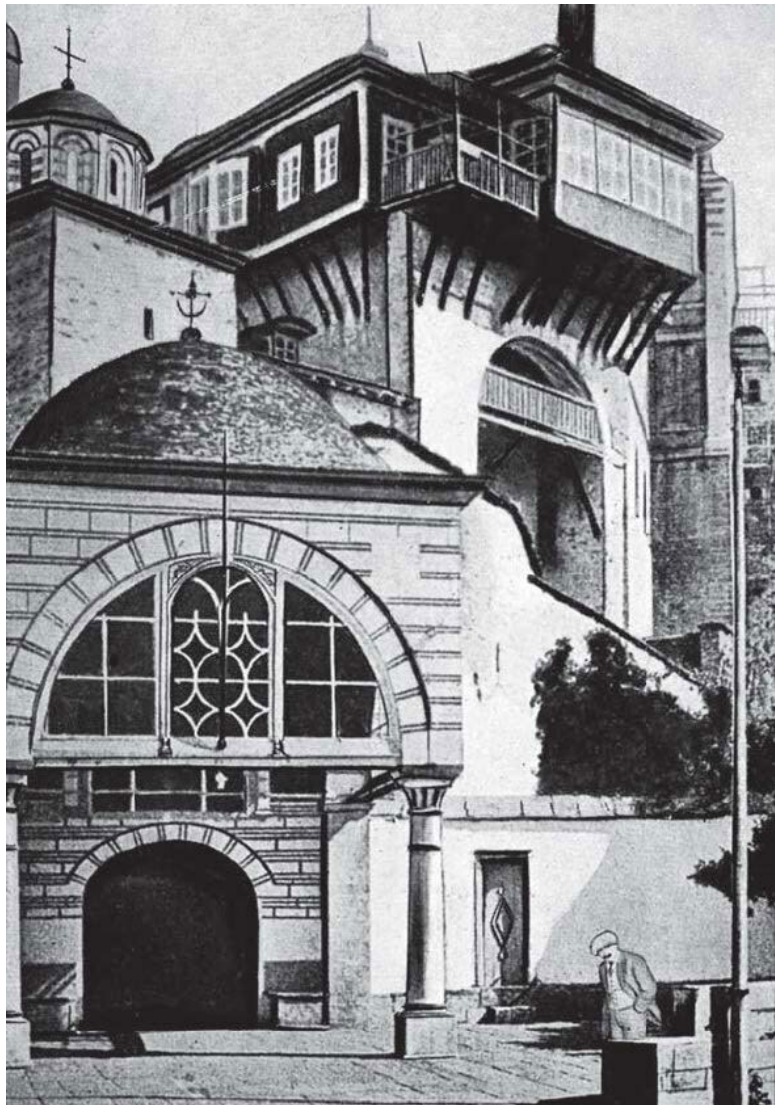
Le moine doit être comme le sel : le sel qui est sorti de l'eau s'évanouit au contact dissolvant de l'eau; le moine qui est sorti de la femme se perd au contact de la femme.

THÉODORE DE KHORA.

PARIS
LES ÉDITIONS DE FRANCE
20, AVENUE RAPP, 20

Copyright, 1929, by Maryse Choisy.

Титульный лист первого издания книги Маризы Шуази «Un mois chez les hommes». Paris, 1929.

Мариза Шуази в Ватопедском монастыре. Фото-монтаж

Чувствуя, что ей не поверят, она приложила к книжке две фотографии: – «Маркиза⁴¹² Шуази, переодетая молодым слугой на улице Кареи», и она-же перед Ватопедом. Фотографии эти – грубая подделка, сейчас же бросающаяся в глаза: снято, конечно, не с натуры, а с рисунка. Приложена также бесстыдная открытка писателю Ж. Дельтею с почтовым штемпелем Св. Горы – очевидно, написанная заранее, и кем-то, бывшем на Афоне, в Карее, брошенная⁴¹³.

Судя по всему, Шуази «современная» женщина. И не захолустная, а ультрапарижская. Рекламно подчеркивает она свою близость с Дельтеем⁴¹⁴. Знает, кто такой Кокто⁴¹⁵ (и да-

⁴¹² Виноградная водка.

⁴¹³ Совет Десяти возник в XIV веке и осуществлял контроль над деятельностью Дожа и государственными учреждениями Венецианской Республики, для чего использовал сеть осведомителей, и имел право задержания и допроса граждан, а также суда над ними. Персональный состав Совета Десяти, члены которого избирались на один год Большим Советом, не публиковался, вследствие чего оставался неизвестен большинству граждан Республики.

⁴¹⁴ Венера Милосская – греческая скульптура II в. до Р. Х. Была обнаружена в 1820 году в двух больших фрагментах и множестве мелких обломков греческим крестьянином на острове Милос. Находится в Лувре.

⁴¹⁵ Венера Медицейская – мраморная копия в натуральную величину I века до Р. Х. утраченного греческого оригинала, близкого к Афродите Книдской. Венера изображена в позе испуга при появлении из морской воды. У ног Венеры помещен дельфин в качестве дополнительной опоры. В XVII веке Венера находилась в папском собрании в Риме, в 1677 г. приобретена семьей Медичи, хра-

же Маритэн!⁴¹⁶). Вероятно, заседает на Монпарнассе – в «Доме», или «Ля Куполь»⁴¹⁷. Не удивлюсь, если в один прекрасный день она обратится, на манер Кокто, в католицизм, но пока что ее философия такова, что в жизни есть две вещи: «церковь и публичный дом». Насчет церкви – для снобизма: среди молодых парижских извращенцев это сейчас довольно модно. О публичных домах осведомлена она прекрасно, и вся книжка, где упоминается однако и Бергсон, и Эйнштейн, и Спиноза, пропитана ароматом этих мест.

* * *

Странным образом, ее путешествие в некотором роде совпадает с моим, с тою разницей, что я писал правду и действи-

няется в галерее Уффици.

⁴¹⁶ Тесейон – Храм Гефеста и Афины, наиболее сохранившийся из древних греческих храмов, находящейся в северо-западной части афинской Агоры. Построен в V в. до Р. Х. Вероятно около VII в. обращен в христианский храм Святого Георгия. После восшествия на престол Короля Оттона I был обращен в 1834 г. в музей, существовавший здесь до 1934 г. В XIX в. вокруг храма хоронили католиков и протестантов.

⁴¹⁷ Ресторан «La Coupole», открыт в 1927 г. в доме № 102 на бульваре Монпарнасс в Париже. Ресторан «Le Dome», расположен в доме № 108 на бульваре Монпарнасс, открыт в 1905 г. Ресторан «La Rotonde» открыт в 1911 г. в доме № 105 на бульваре Монпарнасс, на углу бульвара Распай, напротив памятника О. де Бальзаку работы О. Родена. В этих ресторанах традиционно встречались художники, литераторы, политики и русские эмигранты. Бистро «La Rotonde» до второй мировой войны было местом регулярных собраний русских литераторов.

тельно путешествовал, а она не путешествовала, и за исключением того, что крупницами взяла из книг, просто наклеветала.

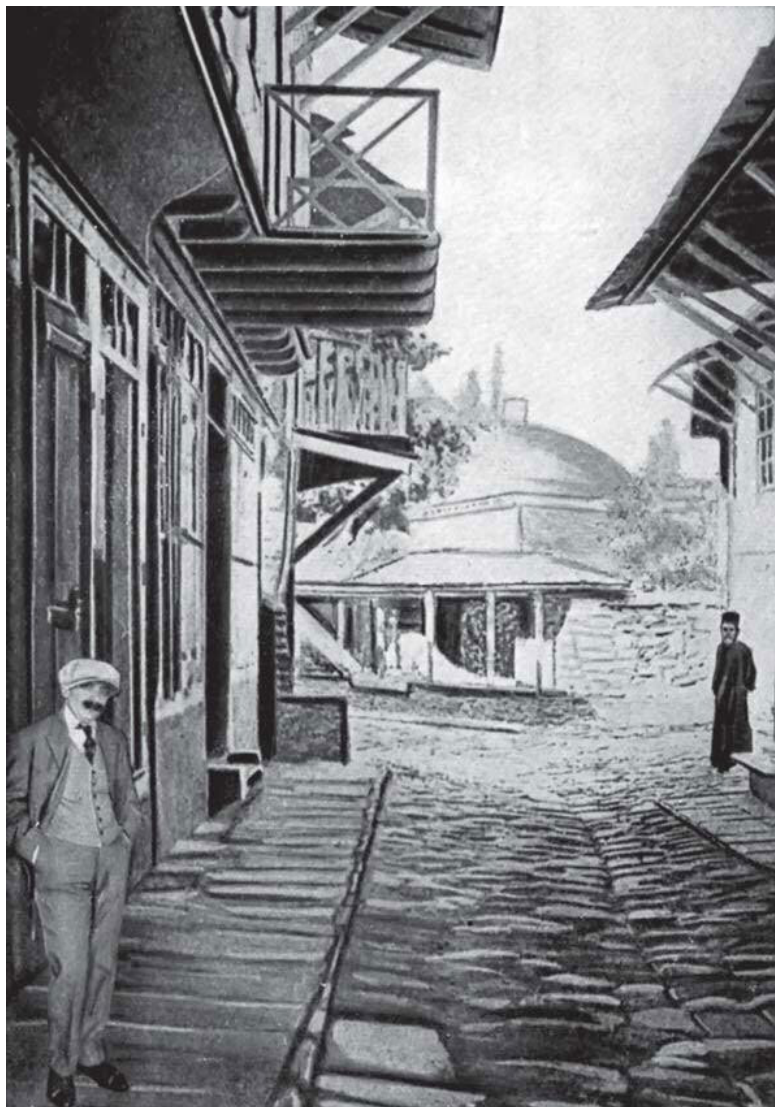
Из Кареи, где увидела она какие-то «стены черного гранита», и заметила, что в лавках продают «маленькие непристойные кипарисы», вырезанные на деревянных столовых ложках, Шуази попадает в Андреевский скит (русский). Тут ее поражает запах жасмина (о котором я писал в «Афоне» достаточно). На этом жасмине и кончается правда об Андреевском ските – все остальное ложь.

Если бы она с итальянцем своим действительно была там, то тишайший игумен отправил бы их в гостиницу (на «фондарик»), словоохотливый фондаричный поил бы их чаем и угощал бы чем мог, уложил бы спать в номерах, где никаких клопов нет, (ибо нет почти посетителей). И никаких «келей» они не видели-бы, а просто бы спали на обычных жестковатых монастырских постелях. Но ей нужны острые ощущения – «первая ночь среди мужчин» – ее, видите ли кладут спать с монахами, в какую-то полную клопов «келью».

Появляется, конечно, «un novice»⁴¹⁸, – русский, в роде князя, бывший шофер. Тут «ключ позиции» – надо опакостить Афон. Г-жа Шуази не может уже забыть этого «порочного» взгляда княжеского, и хотя на другой день они едут в Симонопетр, к ночи она опять уговаривает итальянца вернуться в Андреевский скит. Тут происходят уже вовсе несо-

⁴¹⁸ Послушник (фр.).

образные вещи. Вычитав где-то (думаю, и в моей книжке), о гробницах афонских, она заставляет «князя» с порочными глазами вести ее в такую гробницу. Там, разумеется, флирт, причем она привлекательна для «князя» потому, что он считает ее за мужчину. Он громит женщин, потом они нежничают у подоконника, он распахивает окно, светит луна, и при луне они видят любовь двух мулов.

Мариза Шуази и монах на улице в Карее. Фотомонтаж.

Что они похожи на скотов, это меня не удивляет. Но желал бы я знать, как это он показывал ей вечером черепа и кости в гробнице, где и освещения-то вообще никакого нет?

Тяжело выписывать дальнейшие гнусности – я опускаю их – все это так убого, до того «смердит», что просто само разоблачает себя.

* * *

Я пробыл на Афоне семнадцать дней и посетил не менее десяти монастырей. Шуази утверждает, что бы ла месяцц. Ско ль ко можно увидеть на Афоне за месяцц, и о скольком рассказать! Но наша «писательница» ничего не видела. Ни капли афонского воздуха не зачерпнула, ни одной живой черты не вынесла. (В ее книжке вообще нет жизни: она развратна и мертва).

После Андреевского скита Шуази совсем иссякает. Вот она в Пантелеймоновом монастыре (путь как раз мой). И если в Андреевском скиту я претендую на жасмин и гробницу, то в монастыре Св. Пантелеймона готов был бы кое-где просто получить ее гонорар, если бы не отвращение ко всей этой дьявольской карикатуре на мои слова. Бесстыдница довольно верно передает мои цифры о числе ежеднев-

ных поклонов монахов рясофорных, манатейных и схимников, и тут-же о св. Целителе Пантелеймоне прибавляет: «Я не знаю, был ли он педерастом. Но на всех портретах у него взгляд юной девушки». Описание страданий св. Пантелеймона – почти пересказ моего, всюду сдобрено лишь издевательствами.

Мариза Шуази на улице в Карее. Фрагмент фото-монтажа.

Монастырь Св. Пантелеймона (в действительности полный стариков, там почти вовсе нет молодежи) – для нее полон порочных юношей. Монахи (в действительности работающие не покладая рук, выстаивая длиннейшие ночные службы) – для нее бездельники, часть из них бывшие преступники и т. п. Ничто не пристыжает Шуази: ни бедность монастыря, ни гостеприимство обитателей (это **даже она** отмечает – в Андреевском скиту), ни возраст их.

И замечательно, что больше всего она глумится над **русскими** – как над более беззащитными и более бедными. Греков трогает меньше, хотя русские монастыри, конечно, выше по духу греческих.

Отвергает она и православие вообще (не имея о нем никакого понятия). Сочувственно повторяет «мнение» Таро⁴¹⁹, что оно недалеко ушло от ислама (?). Кроме того, полагает, что православие «политика» – и думает, что держалось оно в России лишь царизмом. Как только режим пал, рухнуло в России и православие – таким образом здесь оказывается Шуази уж совсем захолустною невеждой, ухом даже не слышавшей о расцвете православия именно сейчас, о му-

⁴¹⁹ К сожалению, Зайцев не уточняет, о ком именно из французских писателей, академиков братьях Tharaud – Жане (Jean Tharaud, 1877–1952) или Жероме (Jerome Tharaud, 1874–1953) говорит здесь.

ченичестве, исповедничестве его в России, о питательной его силе в эмиграции, о начинающемся влиянии православия на западные исповедания и т. п. У католиков она признает хоть культуру и наличие просвещенных людей (вероятно, Кокто для нее столп католицизма!). В православии все зачеркивается. Слышала она что-нибудь о Владимире Соловьеве? О Бердяеве, Булгакове и других современных русских религиозных философах? Понятно, ничего. В монпарнасских кафе об этом не рассуждают. Так как писать ей более не о чем – то приходится целую большую главу отводить гаерским жизнеописаниям святых. (Несколько слов о Ватопеде не в счет – там замечательно лишь по развязности сравнение себя с императрицей Галлой Пладиией – женщиной действительно крупной и удивительной).

И на Монмартре, и на Монпарнассе (в «Жокее»⁴²⁰) мне приходилось видеть кошунства над самым таинственным и великим в христианстве – над литургией. Делают это обычно проститутки. Иногда и мужчины – куплетисты. Удивлял меня всегда их искренний пафос. Они действительно ненавидят святыню. Мстят они за свое убожество? Зависть тут? Кто знает, но злоба искренняя, как искренняя она и у российских современных безбожников. Упражнения г-жи Шуази по части афонских святых более проникнуты глумлением, чем злобой, она везде вообще старается **веселить, за-**

⁴²⁰ Нам не удалось определить местонахождение бистро (?) «Жокей» на бульваре Монпарнас.

бавлять свой раек... Но как и в «Жокее» – никогда весело не получается. (Св. Иоанн Кукузель, нежнейший поэт и музыкант Господень для нее un type rigolo⁴²¹ тенор византийской оперы... И все в этом духе – rigolo, rigolo).

* * *

Надо сознаться: трудно читать эту книжонку. Она утомляет душу, как-то загрязняет, будто часами сидишь в зловонном месте. Она потрясает чувствами гнева, ею вызываемого, иногда почти ярости. Нападает также ужас за женщину. Ведь это все-таки женщиной написано! Что, если такие вещи написала бы моя дочь, сестра, жена? Ведь я не привожу десятой доли пакости, разлитой на этих страницах. Правда, г-жа Шуази видимо больная, несколько помешанная на эротике, и к ее ра змыш лениям, напр.[имер], о любви у клопов, надо относиться клинически. Но все таки, все таки... она женщина, и совершенно лишена **стыда**. Если такова «современная» французская женщина (верю, что нет) – то не с чем поздравить французов.

Но книга производит и другое действие.

В одном месте автор утверждает, что очевидно Бог хотел, чтобы она попала на Афон, а если бы не хотел, то мог бы всячески ей помешать (следуют примеры, среди них и непри-

⁴²¹ Забавный тип (фр.).

стойные). Да, тут она права. Не то, чтобы путешествие (в которое я не верю), но факт появления книжки – разумеется, это **допущено**. Легкого дуновения было-бы достаточно... Значит, для чего-то это надо. Не для того-ли, для чего вообще допущена свобода зла? Шуази не одинока. Напротив, зло лезет изо всех щелей и Бог допускает зло. Ибо свободно должен человек и бороться со злом. Борьба идет, г-жа «писательница», по всему фронту!

Странно, но чувствую: жалкая эта книжка и для меня самого как-то нужна. Она действует на меня возбуждающе. Первое: из-за нее я живее вспоминаю свое весеннее путешествие по Афону, красоту и поэзию тех мест, майских кукушек в лесах, желтые дроки по обрывам, розы в монастырях, скромность, приветливость и доброту монахов, возвышенность церковных служб, тишину собственной души. И я острее испытываю благодарность за то, что все это я видел и пережил, а теперь свидетельствую против хулителя. А вот второе: книжка разжигает на борьбу, молодит. Мы с автором ее из разных лагерей. Мы не можем щадить друг друга. «Их» больше. «Они» богаче. Давая пищу злу, низменным вкусам и чувствам, они успевают житейски. Их клеветы оплачиваются иудинными серебряниками.

Монах на улице в Карее. Фрагмент фотомонтажа.

«Нас» меньше и «мы» беднее. Но как бы ни были мы нека-
зисты и малы личными своими силами, мы во веки веков
сильнее «их» потому, что за нами Истина. Вот это скала,
Шуази! Ничем вы ее не подточите. Она дает нам силы жить,
питает и одушевляет наше слово, и наше перо. Наше него-
дование, как и наша любовь, непродажны, и вот, повторяю,
я даже рад, что ваша книжка ясней дала мне почувствовать,
с кем я, в чьем стане – взволновала, обострила...

Я думаю, что до вас мои слова дойдут. Боюсь, что вы со-
всем утратили способность стыдиться, краснеть. Лично я вас
не знаю и не желаю знать. В вашем лице клеймлю зло. Но как
был бы я счастлив, если бы вы вдруг устыдились того, что на-
писали – если бы чистосердечно признались в своей неправ-
де, в соделанном вами дурном деле...

Вряд ли это случится. Впрочем, кто знает. Судьбы наши
загадочны.

Вновь об Афоне

Года три тому назад встретил я в Париже молодого иеромонаха⁴²², которого знал еще в миру. Он побывал на Афоне, под влиянием посещения и принял монашество. Как раз перед встречей с ним, я от нескольких лиц слышал об Афоне. Захотелось расспросить и у него.

Он улыбнулся, слегка застенчиво.

– Я страшно занят, и через три дня уезжаю в Югославию.

– Ну, а все-таки.

Он несколько задумался.

– Вот разве послезавтра, перед литургией, только это рано... встанете ли вы? надо быть уже в половине восьмого у нас...

Я не люблю рано вставать. Но тут сразу согласился.

И в условленный час – парижским зимним утром, сине-туманным, шел узким проходом Сергеева Подворья, мимо образа преп. Сергия в аудиторию под церковью. Иеромонах встретил меня там. Мы сидели на студенческой парте в полутемной аудитории, уединенно и негромко беседовали, т. е. говорил он, а я слушал. Разговор длился не более получаса – до звонка к литургии. Но какие-то слова, те самые, сказаны были.

⁴²² Т. е. о. Иоанна Шаховского.

Через месяц получил я греческую визу, а в конце апреля, плыл уже на восток, «по хребтам беспредельно-пустынного моря».

Путешествие мое, столь странно начавшееся, прошло благополучно. Я вывез из него незабываемые впечатления. На «Хризаллиде», что в оранжево-пылающем вечере отходила с Афона (а сама св. Гора мягко, грандиозно лиловела в надвигавшемся сумраке) – я увозил некую отраву Афона, таинственную и невидимую, соединившую меня с этим местом. Вновь прошли Афины, Марсель, началась жизнь парижская. Сколь суетна она, грешна и легкомысленна, в нее (для меня) как-то вошел Афон. Не могу его забыть. Он со мной и за письменным столом, и в кафе, на собрании, и в одиночестве моем, и в буднях.

Изредка, но все-же переписываюсь я с афонцами. Греческие марки на конверте неизменно волнуют. Небезразлично мне, что делается на полуострове. Большое-ли, малое, все для меня важно. Все будто и меня касается.

* * *

Перебираю письма. Почерки то витиеватые, с загогулинами, то совсем простые.

...«А вот [...] еще новость: в нашем монастыре случилось великое несчастье: пожар, начавшийся со владений Хилан-

дарского⁴²³ сербского монастыря, перекинулся на лес нашего владения, за трое суток 28, 29 и 30 июля истребил наш лес, суший в отделении нашего монастыря: Крумице и Фиваиде весь до основания, который служил источником для существования монастыря и сохранения в нем братии. [...] Несчастье поистине великое»⁴²⁴.

Я видел лесные пожары в Провансе. Воображаю, что за апокалиптическое зарево стояло в те ночи над Афоном! Как вспыхивали и трещали, свечками, высохшие вековые сосны!

В другом послании бывший мой спутник добавляет: «Несмотря на все усилия иноков потушить пожар, огонь перекинулся в Фиваиду. И вот весь тот чудесный сосновый бор, где мы с Вами гуляли, погиб. Сгорели дальние каливы. Между прочим и тех братьев, у которых мы отдыхали.

Вскоре после этого один из них Илья (больной) перешел в монастырскую больницу»⁴²⁵.

Отлично, помню этот бор, знаю и того каливита, больного, которого пришлось взять в больницу⁴²⁶. Знаю и то, что на Афоне хлеба нет, что единственный источник жизни

⁴²³ Императорские грамоты.

⁴²⁴ Un mois chez les hommes. Reportage. LEF (Les e'ditions de France). 1929. XIV +230 p.

⁴²⁵ Письмо иеромонаха Виссариона от 22 ноября 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж.)

⁴²⁶ В подписи под первой фотографией на вкладке автор назван «Maryse Choisy».

для престарелых монахов это сводка леса и продажа его грекам – на вырученное закупают зерно. Такой пожар для монастыря ужасен. Вглядываясь в маленькую фотографию Фиваиды, присланную мне оттуда, вижу церкви, кипарисы, море и в тумане, вдалеке св. Гору – вспоминаю дни, проведенные здесь, бури, ветры, вечерние беседы с монахами. На другой карточке осенний прибой – дым и пена брызг, длинная, тяжелая волна. Мне известно, что значит отчаливать в монастырской лодке при такой волне... А вот, «Афон под снегом» – снимок Пантелеймонова монастыря зимой. Странно видеть ту дорогу, по которой ходил в летний зной, засыпанную белым снегом с узкою протоптанную тропкой. Вдали побелевшие крыши монастыря, попудренные горы и оттого еще более темное, со сталью, море... Холодно, должно быть, в кельях моих друзей! Холодно и в церкви, на бесконечных службах.

«Монахи нашей обители», читаю еще, «почти все переболели новой в нашем месте болезнью, называемой „гриппом“, или испанкой, буквально почти все монахи были больные, и меня не миновала эта болезнь, и до сего дня еще есть головная боль и чиханье, а лечить у нас некому [...]»⁴²⁷.

Тоже знакомая картина. Тоже знаю больницы Афона,

⁴²⁷ Я предполагаю, что на Афоне был кто-нибудь из знакомых г-жи Шуази. Ве роятно, он кое-что ей рассказал, остальное (фактическое) она могла прочесть в двух-трех книжках, в том числе и в моей – и «размалевала» по своему рецепту. Я навожу теперь справки на Афоне, кто был там в указанное ею время. (Прим. Б. К. Зайцева).

где лечат «новую в наших местах болезнь»... Какой врач поедет сюда, на жизнь подвижническую, безвестную, полуголодную? Лечат сами-же иноки, да случайный фельдшер, травмами и отварами. (В этом-же письме милая приписка карандашом: «Лавровые листья прилагаю». Эти лавровые листья я храню, разумеется, как и сохшиеся ягоды, мною самим вывезенные: пища каливитов и отшельников).

Не я один посетил Афон за это время. Наезжал туда Уитмор⁴²⁸, был известный католический деятель о. д'Эрбиньи⁴²⁹. Изучал быт афонских монахов бельгийский миссионер, чтобы у себя на родине, устроить монастырь восточного обряда⁴³⁰. («Он где-то добыл уже мон.[ашескую] рясу

⁴²⁸ То есть Данте Алигьери. По свидетельству Н. Б. Зайцевой любовь ее отца к Данте была безгранична. Он всегда окружал себя изображениями великого итальянца, гипсовый бюст Данте всегда находился в его комнате, Зайцев усматривал явное сходство судеб – своей и Данте, а также профиля собственного лица с профилем Данте, что, отметим, не вызывает сомнения, если сравнивать некоторые из фотографических изображений Зайцева с известными портретными изображениями Данте. «Не вожди и не социальные реформаторы – область его интересов. Не гонители и не обличители, а скорее изгнанники, одиночки, массам ненавистные и от них уходящие на свои вершины, в свои пустыни. Вот почему Данте, патрон изгнанников, так глубоко завладел Зайцевым;», – писал архим. Киприан (Керн) (*Киприан, архим.* Б. К. Зайцев // Возрождение, № 17, сентябрь-октябрь 1951, с. 163.).

⁴²⁹ В газетной публикации далее: «иногда у них есть имена («метохи»)». (Последние новости, № 2321, 31 июля 1927 г., с. 2).

⁴³⁰ Рождение Афродиты из моря (Афродита в окружении двух нимф) – Мраморная центральная панель трона Людовизи. Около 465 г. до Р. Х., хранящаяся в Национальном музее Терм в Риме.

и камилавку и в таком виде разгуливает по мон-[асты]рям; он даже крестится по-православному»⁴³¹). Побывал австрийский писатель – написал сочувственно. Побывал какой-то Байрон⁴³² (англичанин с громким именем, не тем будь помянут) – «много погрешил в своем труде против истины». Сейчас живет русский художник Перфильев⁴³³, приехавший

⁴³¹ Письмо иеромонаха Виссариона от 22 ноября 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж.)

⁴³² Английский журналист Robert Byron (1905–1941), состоявший в отдаленном родстве с лордом Дж. Г. Байроном, опубликовал описание своего путешествия по Святой Горе в 1928 г. С тех пор оно время от времени переиздается (The Station. Athos: Treasures and Men. Duckworth, London, 1928. 292 p. Id.: Duckworth, London, 1931. London, New York, 1949, New York, 1984. Итальянский перевод: Monte Athos. Paese governato da Dio. Milano, 1952). В течение полутора десятков лет перед Второй мировой войной Байрон совершил, в качестве корреспондента газеты «The Daily Telegraph» множество путешествий в Индию, Советскую Россию, Тибет, Китай. Описание его десятимесячных странствований по Персии и Афганистану в компании Кристофера Сайкса в 1933–1934 гг. в книге «The Road to Oxiana» (London, Macmillan., 1937), стало классическим образцом литературы путешествий. Погиб по пути в Египет на британском судне, торпедированном германской подводной лодкой. Тело его не было найдено. В 1991 г. сестра Р. Байрона опубликовала не которые его письма семье: Letters home edited by Lucy Butler. L., 1991. Другие его сочинения: Europe in the Looking-Glass. Reflections of a Motor Drive from Grimsby to Athens (1926); The Byzantine Achievement (1929); The Appreciation of Architecture (1932); First Russia, Then Tibet (1933); Imperial Pilgrimage (1937) – путеводитель по Лондону. В 2003 г. опубликована его биография: Knox, James. A Biography of Robert Byron. John Murray, London. 2003, Id. 2004.

⁴³³ В. В. Перфильев (Vladimir Perfilieff, 1895–1943) – капитан Русской армии. В 1920 г. приехал в США. Окончил Академию художеств в Филадельфии. Совершив автомобильное путешествие по 29 штатам написал множество картин, принесших ему известность. В середине 20-х годов Перфильев совершил

из Америки – этот с целями артистическими, пишет углем и красками, видимо с любовью, разные уголки св. Горы. Там есть что изобразить!

Мне недавно сообщили о большой нужде келии св. Иоанна Златоуста⁴³⁴, недалеко от Кареи. Я не был в ней. Но проходя из Андреевского скита пешком в Пантелеймонов монастырь, смутно помню врата небольшой обители, которую назвал мне спутник келлией св. Иоанна Златоуста. Эта келлия едва жива. Благодаря некоторым обстоятельствам, утварь из ее храма была вывезена в соседнюю страну и положила основание новому монастырю⁴³⁵. Теперь у келии ничего нет. Кусочек земли с огородом – все ее достояние. Монахи буквально голодают (исключительно старики). На пятнадцать дней выдается кусок хлеба и большая ложка масла, но сейчас и на масле экономят. Облачения в лохмотьях. Служить не в чем, одеваться не во что. Издохла даже старая «мулашка», единственное животное келий – на ней ездили получать

поездку в Европу. Он написал около 150 полотен на балканские сюжеты в Боснии и Герцоговине, Далмации, Македонии, Сербии. Много работал в Греции, но его зарисовки Афонской горы встречаются чрезвычайно редко. Именно капитан Перфильев нашел в газете «Возрождение» публикуемую выше статью Зайцева о книге Маризы Шуази и передал ее игумену Мисаилу.

⁴³⁴ Русская келлия, находящаяся во владении Иверского монастыря.

⁴³⁵ Братия келии Св. Иоанна Златоуста помогала возрождению Высоко-Дечанской Лавры в Сербии, куда переселилась в 1903 г. большая группа русских насельников Святой Горы. В настоящее время келлия эта пребывает в совершенном запустении. См.: *Троцкий П.* История русских обителей Афона в веках. М., 2009. С. 189–198.

с пристани редкие дары извне⁴³⁶.

И даже на престольный праздник не может келлия отворить своих врат для приема гостей, как обычно делается на Афоне: принять, угостить нечем.

* * *

Вот в какой суровости живет Афон. Ясно, как возмущают друзей Афона книжки вроде произведения г-жи Шуази (яко-бы тоже побывавшей на Афоне, переодевшись мужчиной). Я писал уже о ней в «Возрождении». И рад был узнать, что моя статья до писательницы дошла. Устыдилась-ли она своих клевет и издевательств над беззащитными и неимущими стариками – не знаю. Я вырезал ее «портрет» (фотографию в мужском костюме на фоне «театральной» Кареи и Ватопеда), послал его в Пантелеймонов монастырь и написал о архимандриту Мисаилу (игумену), прося сообщить, был ли в начале апреля в монастыре итальянец со слугою, изображенным на снимке.

Привожу ответ о. архимандрита (на столь знакомой мне афонской бумаге с видом Пантелеймонова монастыря, над которым простирает свой омофор Пресвятая Дева).

«Благодать и мир Вам да умножится!

⁴³⁶ Желаящие пожертвовать что-либо благоволят направлять деньги в «Возрождение». – *Примечание Б. К. Зайцева.*

В ответ на Ваше очень любезное письмо от 24–X – с.[его]г. [ода], можем сообщить Вам по поводу г. Шуази следующие сведения.

По наведенным справкам в Андреевском скиту оказалось, что там не помнят – посещала или нет их скит такая личность.

В Киноте все антипросопы заявили, что сия особа на св. Горе не была и ее уверение о посещении Афона – ложь.

В нашем монастыре тоже никто не видал такого человека»⁴³⁷.

Ответ этот не оставляет сомнений.

Афон не возражает, не оправдывается – он выше этого. Со скромным достоинством он просто отвергает ложь.

В статье своей против Шуази я благодарил ее за то, что она разожгла меня на ответ, как-бы встряхнула, более дала почувствовать себя русским, православным. Теперь она доставила мне еще новую радость: я получил от о. Мисаила (с братией) подарок, очень взволновавший и обрадовавший. Небольшую иконку Иверской Божией Матери – «За защиту поруганного Афона», и такое-же изображение св. Пантелеймона⁴³⁸.

Иверская висит у меня в изголовье. Это «вратарница»

⁴³⁷ Письмо архимандрита Мисаила Сапегина от 27 октября 1929 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж.)

⁴³⁸ Подарки эти получены при письме архимандрита Мисаила от 22 сентября 1929 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж.)

знаменитого Иверского монастыря. Когда смотрю на Ее лик со стекающими по ланите каплями крови, то вспоминаю тихий Иверон, на берегу нежно-туманного моря. Вспоминаю и нашу Иверскую, московскую, родную... к которой тысячи страждущих прикладывались – ныне тоже поруганную и опозоренную.

Думаю: не за нас ли, грешных русских, грешную Россию и стекают капли по святому лику...

* * *

Еще письмо, последнее: «Многие из отцов уже ушли в вечность. Недавно почил о Господе и библиотекарь о. Марк. Его кончина была для всех неожиданностью»⁴³⁹.

Очень хорошо помню о. Марка – молодого, черноволового и застенчивого человека, трудившегося над каталогом, работавшего и клеем, ножницами. Кажется, он умел переплетать. По виду можно было думать, что как раз он всех или большинство переживет. Что было с ним? Туберкулез? Сердечная болезнь? Осложнение «гриппа»? – Кто знает на Афоне!

О. Марк покоится, наверно, на том небольшом кладбище Пантелеймонова монастыря, дорога к которому осеняется огромным деревом. По афонскому обычаю, через три года

⁴³⁹ Этого письма среди доступных нам документов парижского архива Б. К. Зайцева найти не удалось.

откопают его тело, и если все оно, кроме костей, бесследно истлело, если земля легко приняла его, значит и душа чиста и живет высшею жизнью. Череп-же, и кости сложат в гробницу, с благоговением. И над всем этим будет стоять летний, сияющий афонский день.

Я уверен, что кости безответного о. Марка окажутся ровного, янтарно-медового тона, как у праведников.

Афонские тучи

Сентябрьский вечер. Тихо, очень тепло. В храме Пантелеймонова монастыря идет всенощная под Крестовоздвижение. Те же старенькие монахи, кого видел я шесть лет назад. Тот же золотой иконостас, те же стасидии, окно раскрыто, выходящее на море. И так же, во время службы, можно увидеть вдали огонь корабля. Служит архимандрит Мисаил. Медленно идет служба⁴⁴⁰. Но вот – в звездной безветренной ночи гул, все нарастающий, подземный... [„]Стены храмов и других строений задрожали, зашатались, их начало рвать и качать с необычайною силою. Землетрясение!“

Падают и разбиваются светильники. С купола сыплется штукатурка, паникадила качаются. Сами собой звонят колокола. Все это – минута, но может сойти за век.

В храме некоторое смятение. Кое-кто в страхе выбегает. Но большинство остается – крепка афонская выдержка!

⁴⁴⁰ Зайцев вновь обратился к теме Святой Горы по случаю годовщины сильного землетрясения, произошедшего 26 сентября 1932 г. (н. с.), разрушившего город Иериссо и повлекшего значительные жертвы среди населения. Знакомый писателю о. Софроний (Сахаров) вспоминал об этих событиях в своей книге «Старец Силуан»: «...как много благодати Святаго Духа в монахах, что при столь сильном землетрясении, когда трепетал весь огромный корпус монастырский, сыпалась известка, качались паникадила, лампы и подсвечники, на колокольне зазвонили колокола, ударил даже большой колокол от сильных сотрясений, а они остались покойны».

На клиросе поют «Хвалите имя Господне». Служба продолжается – долгая ночная служба. В окнах белеет. Воды залива засеребрились. Под толчки и легкое покачивание здания совершает на заре архим. Мисаил одно из поэтичнейших служений православной церкви. Поддерживаемый старейшими иеромонахами, держа обеими руками над головой Крест, под нескончаемое «Господи помилуй» (понижающаяся и с низшей точки восходящая гамма) – как бы по ступеням лестницы воздушной он нисходит, склоняясь с Крестом чуть не до земли. В растущей гамме вновь подымается, чтобы затем в том же порядке нисхожденья и воздвиженья благословить страны света – лицом к востоку, югу, западу и северу.

А под ногами бездна, стихия бушующая, вот-вот готовая вырваться: растоптать, в клочья обратить весь мирный, золотисто-ладанный храм и монахов в нем.

Это произошло ровно год назад, 26 сентября 1932 года. Можно себе представить, каким событием в тихой афонской жизни явилось землетрясение! Отдельные удары продолжались несколько дней. Приходилось и спать под открытым небом. Но особенно грозен был как раз нынешний день. «Что всеми старцами пережито! Вряд ли кто из монахов или мирских жителей Афона забудет эту ужасную ночь на Крестовоздвиженье».

Русский Афон людьми не понес потерь, но материально поплатился. (Севернее, у перешейка, в городке Иериссо бы-

ли убитые и раненые). Особенно пострадали скиты Ильинский и Андреевский. В Пантелеймоновом монастыре оба собора дали глубокие трещины! Во многих местах повреждены крыши и трубы, отвалилась штукатурка. На монастырском хуторе Крумица и в ските Фиваида разрушения особенно велики (это места в северной части полуострова, ближе к Иериссо и главному очагу катастрофы). Понесли урон и разные мелкие скиты, и т. н. «келлии».

Землетрясения не новость на Афоне. Известно несколько циклов их. Справка хронологическая небезынтересна...

Первое землетрясение в 1276 году – бедствия Афона «от латинян», конец крестовых походов. (Живьем сожжены за отказ присоединиться к унии монахи монастыря Зограф. Повешено двенадцать иеромонахов, утоплен игумен Ватопеда, и т. п.). Затем «страшнейшее» землетрясение 19 мая 1456 г. – падение Византии и начало новой истории. Третий возврат – конец XVI в. – борьба христианского мира с исламом. В четвертый раз колебался Афон в 1790 г. весь Великий пост. «Гора тряслась как тростник», говорит источник. (Можно поручиться, что тогдашние афонцы понятия не имели о том, что происходило одновременно во Франции).

Не знаю, дошли ли до них и дела России в октябре 1905 г., когда 27-го числа раздалась те же подземные удары.

Но прошлогоднее бедствие пришло на готовую почву. Теперь уже давно знает Афон, что с Родиной. В самый страшный, голодный для истерзанной России 1932 год, раскрылись

опять на святой земле раны... Не самое ли «бедочувствительное» в мире место гора Афон?

* * *

В нынешний день острее вспоминаешь этот уголок Руси. Вероятно, тихое солнце. В прозрачности над зеркалом залива Олимп – легким снеговым видением. Розы Пантелеимонова монастыря. Комната старинной гостиницы. Гулкие коридоры.

Много поэзии и красоты на Афоне. Но не из одной поэзии состоит жизнь. Монастырь не рай, и монахи не ангелы. Жизнь этих немолодых, в большинстве даже старых людей устремлена к вечности, но имеет и внешние условия. Эти условия из года в год хуже. Россия отрезана. Притока свежих сил почти нет. Афонцы чувствуют себя очень заброшенными. Старики вымирают – смены нет. Добывать пропитание, одеваться, поддерживать храмы и богослужения все труднее. А тут еще беды: огромные лесные пожары 1927 г., землетрясение 32-го. Пахотной земли нет – хлеб надо покупать в Греции. Для этого сводят леса – много ли может нарубить, напилить человек под семьдесят лет? И тем не менее трудится – но и лесные площади гибнут. Чинить храмы надо – да не на что.

...Я видел скудную и трудную афонскую жизнь. Она становится еще труднее. Все вести, доходящие с Афона, сходят-

ся на том. Особенно тяжело, видимо, мелким скитам и келлиям. Что можно было продать – продано, и вот, как и в России, просто голодают слабеющие старики. Из мешков шьют одежды, за гроши идут к грекам работать: в семьдесят пять лет!

Нынче за всеобщей вьюгой они соберутся, вьюгой престарелый игумен будет воздвигать Крест, который все они долгие годы уж несут.

Бор. Зайцев. 26 сентября 1933.

Афон

Светлые воды Архипелага»... да, светлыми водами этими встретил меня Афон, больше сорока лет назад. Афон греческо-русский, сербский, болгарский, румынский, всегда православный – для меня, конечно, прежде всего русский.

Я был путник, пилигрим, «поклонник», как там говорят. Жил в русском монастыре св. Пантелеймона, одном из крупнейших на Афоне. Оттуда совершили мы с незабвенным иеромонахом Пинуфрием объезд всего Афона – на лодке до южной оконечности полуострова и самой горы Афон, венчающей его, дальше пешком до Лавры св. Афанасия, опять на лодке вдоль берега на север до Ватопеда, затем на «осляти», переваливая через хребет лесистый, узкою тропинкой (на Афоне нет дорог), вновь в родные края русские – в монастырь кроткого Юноши-Целителя и мученика св. Пантелеймона.

Немало он претерпел при жизни, но не окончена его страда. Суждено мучиться ему – в творении своем – и ныне. Кому мешал, кого обидел безобидный Пантелеймон? Не нашего ума дело.

Вот и дошла до нас весть: старец в монастыре св. Пантелеймона затопил вечером печку. Все там ветхое, как и сами насельники. Накопилась ли в трубе сажа, труба ли попортилась, только загорелось где-то на чердаке во время утрени

(начинается на Афоне в час ночи), запылало под крышей. Ночь осенняя, бурная, ветер ворвался, раздувает, куда справиться старикам с пламенем бушующим!

Пожар пожирал детище св. Пантелеймона. «Иеромонах Серафим от скорби внезапно заболел и его немедленно отправили в госпиталь в Салоники»⁴⁴¹. А пожар не унимался. Надеюсь, не весь монастырь погиб, – все же дело серьезное, это чувствуется по вестям здешним и из Америки. Еще удар по православию русскому, и так уже многострадальному.

* * *

В 1927 г. на Афон отправился молодой поэт Дмитрий Шаховской, пробыл там сколько надо и вернулся монахом⁴⁴²,

⁴⁴¹ Этого письма среди доступных нам документов парижского архива Б. К. Зайцева отыскать не удалось.

⁴⁴² – е и зд. Munchen, 1945]. Интересный ряд фотографичек их портретов афонитов приведен в главах «О типах монашеского жития», с. 220–231 (здесь помещена илл. 143, с. 231 – архим. Кассиан Безобразов, о. Василий Кривошеин и один из немецких исследователей), с. 232–239 и «Монашество и литургия», с. 276–279. Фотопортреты афонских трудников помещены на с. 280–283. По окончании войны сотрудничество с германскими представителями было вменено в вину некоторым русским монахам греческим правительством и послужило основанием для выдворения из пределов греческого государства о. Софрония (Сахарова), о. Василия (Кривошеина) и о. Кассиана (Безобразова). // Отвечая на вопрос одного из старых своих знакомых и очень близкого друга Веры Алексеевны Зайцевой – Петра Константиновича Иванова о возможности участия в богослужениях послевоенного парижского Трехсвятительского подворья Московской патриархии, епископ Кассиан писал: «Лучше уж никаких попов, чем попы красные.

там и принял постриг (ныне он архиепископ С.-Францисский Иоанн). По литературе, да и лично я его знал. Теперь встретились мы несколько необычно: это был не редактор литературного журнала «Благонамеренный»⁴⁴³, а инок в рясе, все для него – Афон. Вслед беглой встрече я захотел углубления. Он назначил встречу в Сергиевом Подворье, в 7 1/2 ч. [асов] утра. Я покорно встал в шесть, и в полу подвальном, полутемном закоулке Подворья он подробно рассказал мне об Афоне. Значит же, хорошо рассказал! Денег не было ни гроша, но они явились – знаменитое слово профессии нашей: аванс. В мае плыл я уже «по хребтам беспредельно-пустынного моря» к таинственному этому Афону.

В книге, вышедшей через год, путешествие мое описано. Событием оказалось оно для меня. Сейчас горе Афона всколыхнуло былое, столь незаслуженно прекрасное.

Как и что там теперь, на смиренном «Земном Уделе Богоматери»? Что погибло, что уцелело из тех зданий монастыря

И не представить большего надругательства над верой Христовой, а для человека Вашей судьбы и Вашего смирения – как можно пожелать ЧКиста у смертного одра своего? Избави Вас и сохрани Господь от подобного самообмана». Письмо это, по всей вероятности посланное П. К. Ивановым В. А. Зайцевой для ознакомления (они часто пересылали друг другу письма общих знакомых, в особенности письма В. Н. Буниной) возвратилось к Петру Константиновичу с пометой Б. К. Зайцева, отчеркнувшего цитированные выше строки вертикальной чертой справа и сделавшего приписку «И я того же мнения. Б. З.» (Письмо еп. Кассиана Безобразова П. К. Иванову, декабрь 1946 г. Частное собрание. Париж).

⁴⁴³ Письмо архимандрита Кирика от 5 сентября (старого стиля) 1927 г. (Архив Б. К. Зайцева. Частное собрание. Париж.)

св. Пантелеймона, где я провел некогда «семнадцать незабываемых дней»?

Пешком входил в монастырь, поселился в гостинице монастырской – огромном корпусе, где бесконечными коридорами можно прямо пройти в церковь Успения Божией Матери (главный действующий храм обители). Гостиница чуть не на двести номеров. Мы жили в ней вдвоем, турист-немец да я.

Такой жизни я никогда не знал, ни до, ни после. Состояла она в чередовании служб церковных, чтений у себя в номере, беседах с монахами, небольших прогулках и пятидневном объезде других монастырей и скитов.

Службы на Афоне длинны. Утренняя начинается в час ночи, до шести. Затем ранняя обедня, потом поздняя. Завтрак. Отдых. Вечерня... – и так далее.

Только несколько суток отдал я полному обороту богослужений (а другие дни – поздняя литургия и вечерня).

Не забыть мне таинственного хода по длинейшим коридорам гостиницы, из моего номера прямо в церковь, в конце, мимо уже монашеских келий. Выползают из них, как ветхие жучки, седенькие монахи, тоже бредут в храм, там смиренно будут полудремать в стасидиях своих, пока вычитывает бесконечно канонарх. Для «мирского» непривычно, да и нелегко. Но торжественность и величие есть в этом утреннем безмолвном стоянии слабых телом, полуголодных людей перед лицом Бога, ночью, на пустынном полуострове страны древ-

ней. Рассвет застаёт в церкви. Из окна смутно белеет серебристо-синеватое море. Помню, донесся гудок пароходный – голос «мира» – и иеромонах Иосиф возгласил как бы ответ из алтаря:

– Слава Тебе, показавшему нам свет!

На что хор, скромно-старческий, отвечает великими словами – Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!

Усталый, но и легкий возвращаешься к себе. Гостинник, о. Иоасаф, монах неразговорчивый, но умный и внимательный, подает чай. Движения его медлительны и музыкальны, точно выходит он из алтаря со св. Дарами.

Так же торжественно и уносит свои чайники. Начинаешь читать.

Что читаешь? Не газету и не фельетон. «Мир» и его дела временно за бортом. А есть нечто и более интересное: например, о св. Ниле Мироточивом, из Афонского Патерика.

Был такой отшельник Нил, и за святую жизнь получил свойство, что когда умер, из тела его истекало целительное миро. Ручейками струилось оно в море. За этим миром приплывали издалека многие верующие на каиках, так что самое место под утесом получило название «корабо-стасион», стоянка кораблей.

«И при этом рассказывают, что ученик, оставшийся после св. Нила и бывший очевидцем скромности и глубокого смирения своего старца при земной жизни, не вынося мол-

вы от множества стекающих мирян, тревоживших покой св. Горы, будто бы решил жаловаться своему про славленно-му старцу на него самого, что он, вопреки своим словам – не иметь и не искать славы на земле, а только на небесах – весь мир скоро наполнит славою своего имени и нарушит чрез то спокойствие св. Горы, когда во множестве станут приходить к нему для исцелений. И это так подействовало на св. мироточца, что тогда же миро иссякло».

Патерик не утверждает – («рассказывают») – передает как бы легенду. Типично в ней, однако, что Афон более созерцателен и молитвен, чем действителен. Молитва за себя и за мир – выше реального врачевания. Прославление божества, в тишине благоговейной, как бы выше действий на пользу ближнему земному.

Но тогда, в афонской гостинице, я размышлениям не предавался. Владело мной очарование поэзии, природы, надземного. Я вдыхал мир особенный и высокий. Над-жизненный, хоть проявлялся он будто в обычных, земных обликах.

* * *

Вдоль всего ряда наших комнат тянулся снаружи балкон, перила его увиты виноградным листом, какие-то цветы прямо под окнами моими розовели и белели. По этому балкону я любил бродить, как бы по некоему воздушному мосту, с которого широко раскрывался волшебный мир афонский,

мир Божий в ласке солнца майского. Ниже – купол собора (гостиница как-то выше расположена), здание библиотеки, где застенчивый и нервный иеромонах Виссарион разыскивает для меня книги. Вдали море в дымно-синеватом тумане, соседний полуостров Лонгос, и еще дальше воздымается в небо полумистическая призрачно-белая глава Олимпа снегового – обиталище побежденных богов. Христос низверг Громовержца. Терновый венец победил Силу.

Но и в Зевсе этом, и во всем сонме богов выражалось все же (предшественно) надземное тяготение человечества. И сейчас восстает этот Олимп побежденно-вечным призраком белоснежным как-то не зря, как не напрасен этот сияющий и волшебный майский день. Он и «сам по себе», и выражает нечто высшее, чем просто полдень на афонском полуострове.

Недалеко от меня, на том же уровне, приемная зала монастыря – для посетителей, в прежние времена не таких, как я: митрополитов, архиереев, Великих Князей, генералов и адмиралов.

После прогулки по балконам можно зайти и сюда, мне дали ключ от залы.

Тоже старина и пустынность. Но это недалекий век – девятнадцатый (хотя кажется он теперь дальним, особенно его начало).

Портреты, диваны, кресла, ярко начищенный паркет, через него дорожка коврика, фикусы, напоминающие детство,

сладковато-затхлый воздух нежилого помещения – и вот бредешь по коврику диагональному, среди призраков, сам, может быть, тоже призрак...

А внизу, недалеко отсюда, есть странное помещение, называется «гробница».

На Афоне такой обычай: хоронят как раз не в гробах, а обвертывают тело пеленами и кладут в землю временно. Через несколько лет выкапывают, собирают скелет, отде ляют череп, и все это складывается в некую как бы часовню: это и есть «гробница». Черепа на одних полках, кости отдельно. Есть и оценка: если рано освобождается кость от плоти – это хорошо. Если не совсем, кладут вновь в землю, «дозреть».

Хорошо, если кость светла, блестяща: признак высокой духовности усопшего.

Все это древность уже не девятнадцатого века. Ее истоки – нерусский восток. У нас так не хоронили.

* * *

Может быть, старец, от скорби заболевший, был именно тот, кто затопил печку... – во всяком случае, горе невольного поджигателя разделяешь всемерно – не дай Бог оказаться в его положении. Он моих строк не прочтет, все равно, говорю, как по радио, в пространство, но и для него. Он не причем, он орудие. Значит, надо было еще пострадать делу ду-

ховному в земном облике. Все это область высшего Плана. Афон же был и есть, он существует, пожары и несчастья могут его уязвлять; как и всем, ему суждено страдание – тут выражено оно в форме резкой, отчасти и примитивной. Но Афон независим от пожаров, нашествий иноплеменных, иконоборцев и атомных бомб – мало ли что может придумать наш милый век...

Афон есть образ духовный, никаким бомбам неподсудный, а, как все живущее, бедам подверженный.

Беды проходят, вечное остается. Афон остается.

Афон. К тысячелетию его

Весной, 1927 г. я уехал на Афон. Провел девятнадцать незабываемых дней на этом узеньком полуострове Греции. Ничего нет на нем кроме лесов, монастырей, виноградников – некая монашеская республика православная на земле греческого государства. Жил преимущественно в русском монастыре св. Пантелеймона.

Благоговейно вспоминаю эти дни. И теперь, в год тысячелетия Афона, еще раз мысленно покло няюсь святым местам и памяти редкостных людей, виденных мной там – никого из них нет уже в живых, но в моей душе, они живы, будто я их вчера видел.

Выбираю отрывки из моей книжки об Афоне – может быть, это даст некое прикосновение к св. Горе и ее обитателям.

Монастырь св. Пантелеймона

На Афоне двадцать монастырей – греческих, русских, сербских, болгарских, румынских – всех православных стран Востока. Управляется он представителями этих монастырей – эписматами.

Русские попали на Афон в 1169 году – и сейчас еще сохранился монастырек Старый Руссик, но теперешний монастырь св. Пантелеймона – огромное учреждение, конца XVIII века (когда тесно стало наверху, в Руссике).

Я жил в двух комнатах почти пустой гостиницы монастырской: читал, ходил на службы – длиннейшие – все здесь особенное. Вспоминаю дни эти, как бы из лучших в моей жизни.

Вечерами, бесконечными коридорами, идешь ко всенощной. Она продлится в храме Покрова Богородицы всю ночь.

«Золото и синева» – так запомнился мне этот храм. Канонарх читает, хор поет, выходит диакон, служит очередной иеромонах. Ровность и протяженность службы погружают в легкое, текучее и благозвучное забвение, иногда, как рябь на глади, пробегают образы, слова «мирского» – это рассеяние внимания может даже огорчать. Часам к трем утра подбирается усталость. Борьба с нею хорошо известна монашескому быту. Для непривычного «мирского» борьба со сном особо нелегка: тупеешь и грубеешь, едва воспринимаешь службу. Но, перемогшись, в некий переломный час опять

легчаешь. Все-таки, это очень трудно.

Но одно то, что вот в эту лунную ночь, когда все спит, здесь, на пустынном мысу, сотни людей предстоят Богу, любовно и благоговейно направляются к Нему души наперекор дневным трудам, усталости – это глубоко действует.

Вот приподымаешься слегка, в стасидии, и над подоконником раскрытого окна увидишь серебристо-забелевшую полосу моря с лунным играющим следом. Раз я увидел так дальний огонь парохода и в напевы утрени слабо вошел звук мирской – гудок. Приветствовал он святой и таинственный Афон? Приходил, уходил? Бог знает.

Перед концом утрени изо всех углов вновь вытягиваются старички, ектлезиарх вновь ко мне подходит.

– Пожалуйста к иконам прикладываться!

Это сложное, медленное и торжественное действие. Оно завлекает своей благоговейностью и спокойным величием.

Море уже бледно-сиреневое. Серебристый утренний свет в окнах. В церкви сизый туман, когда по ходу служения иеромонах Иосиф возглашает:

– Слава Тебе, показавшему нам Свет!

На что хор отвечает удивительной, белой песнью славословием:

– Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение!

Афон считается Земным Уделом Богоматери. По преданию, св. Дева, получив при метании жребия с Апостолами вначале Иверскую землю (Грузия), была направлена, однако, на Афон, тогда еще языческий, и обратила жителей тех мест в христианство.

Богоматерь особенно почитается на Афоне, но ее культ здесь сильно отличается от католического. В нем нет экстаза, он отвлеченнее.

Я присутствовал в Пантелеймоновом монастыре на одной глубоко-трогательной службе – акафисте Пресвятой Деве. Это служба дневная. В ее заключительной, главнейшей части, игумен и два иеромонаха в белых праздничных ризах, стоя на амвоне против царских врат, по очереди читают акафист. Над вратами же находится Образ Пречистой, но особенный, написанный на тонком, золотеющем «плате». Низ его убран нежной работы кружевом. Во время чтения Образ тихо и медленно спускается все ниже и ниже, развевая легкую ткань своего омофора. Голоса чтецов становятся проникновеннее, легкий трепет, светлое воодушевление пробегают по церкви: Богоматерь «с честным своим омофором», в облике полувоздушном, златисто-облегченном как бы сама является среди своих верных. Образ останавливается на высоте человеческого роста. Поет хор, все один за другим при-

кладываются, вечерние лучи слева мягко ложатся на кружева и золотистые отливы колеблющейся иконы. И так же медленно, приняв поклонение, Образ уходит в свою небесную высь – кажется недостает только облаков, где бы почил он.

«Радуйся радости наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором».

* * *

Я любил тихую афонскую жизнь. Мне нравилось выходить иной раз из монастыря, сидеть на прибрежных камнях у огорода, любоваться «светлыми водами Архипелага».

В знойные часы полудня хорошо бродить по балкону, огибающему мой и соседний корпус. Свет легко плавится в голубоватом воздухе, море лежит зеркалом, окаймленное лиловатым Лонгосом (соседний полуостров), а в глубине залива золотисто сияет Олимп недосыгаемыми своими снегами.

Под вечер, перед сумерками, приходили нередко гости: седобородый, в очках, маленький, с золотым крестом на груди, добрейший о. архимандрит Кирик, духовник всей братии. Энергичный о. иеромонах Иосиф, библиотекарь. Скромный, застенчиво мягкий и слегка нервный помощник его о. Виссарион, и мой будущий спутник по странствию, очаровательный о. иеромонах Пинуфрий, и др. – Вспоминаю с большим удовольствием об этих кратких беседах с людьми, которых и мало знал, но с которыми сразу уста новилась ду-

шевная связь и говорить можно было почти как с друзьями. Поражала глубокая воспитанность и благообразие, придававшие разговору спокойную зна чительность, то, что противоположно так называемой «болтовне». Я видел в монастыре св. Пантелеймона столько доброты и братской расположенности, столько приветливости и тепла, что эти малые строки – лишь слабое эхо моей признательности.

Спускается сиреневый вечер. Иду по коридору гостиницы, мягко поблескивающему мозаичными плитками, мимо картин – город Прага, вид Афона – на террасу. Отпираю вход на нее особенным ключем, и мимо цветов гераниума, настурций и еще каких-то розовых, прохожу в огромную залу монастырских приемов.

Три ее стены в окнах, выходящих на балконы – на море и на кладбище. За день жаркий и слегка спертый воздух накопился в ней. Вот где тени былого! Облик неповторимого. Эти стены, увешанные портретами Императоров, Цариц, митрополитов, посланников, видали «Высочайших Особ» и князей Церкви. Давно, как бы раз навсегда натертый пол блестит зеркально. Чистые половички проложены по нем накрест, дорожка ми. Посреди залы овальный стол, уставленный фотографиями лицом к зрителю. Он окружен фикусами и рододендронами. И овал стульев, расставленных веером, окружает все это сооружение. На них, в часы приемов, вероятно после трапезы, с чашечками турецкого кофе в руках, обносимые «глико» и «раки», заседали Великие

князя, архиереи, консулы, посланники в Константинополе, богатые покровители монастыря из России – все, конечно, спят уже теперь вечным сном. Не могу передать, как «наводительна» сиреневыми вечерами, со струей свежего воздуха, втекающего в открытую на балкон дверь, была для меня эта зала, как почти одурманивала она крепкою настойкой грусти, как безмятежно сизело начинавшее к ночи серебриться море, за колокольнею св. Пантелеймона, над невидимым сейчас Олимпом, дотлевал оранжевый закат.

В монастыре тихо. Наступает краткий час отдыха. Пречистая простирает свой омофор.

Путешествие

Кроме нашего монастыря мне хотелось побывать и в других. Посмотреть уединенную Карулю, где живут отшельники на голых скалах. Для этого предпринято было странствие.

Ранним и чудесным утром мы спустились к пристани. Там ждала лодка. Архимандрит Кирик благословил меня, овеял своей легкой, снежной бородой, гребцы по грузили весла, слегка налегли и мы мягко тронулись.

Вот первый образ нашего отплытия: стеклянно-голубое море, легкий туман у подножия Лонгоса, тихий свет утра. Лодка идет нетрудно. Рядом со мной черный с проседью, карглазый, спокойный и ровный, слегка окающий по-нижегородски о. иеромонах Пинуфрий (у монахов нередко удивительные имена). Он многих знает в греческих монастырях, говорит по-гречески и хоть несколько я не похож на Данте, он назначен мне как бы Вергилием. Время плавания – между Пасхой и Троицей.

Опустив руку в воду, о. Пинуфрий пальцем чертит серебряный след. Негромким, привычным голосом начинает петь:

– Христос Воскресе из ме-ерт-вых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!

Мы – я и гребцы – подтягиваем. Безмятежная голубизна вод, тишина, легкий плеск струи за кормой. Мягко очерченный в утреннем дыму как бы евангельский пейзаж Геннисаретского [sic!] озера.

– И сушим во гробех живот, даро-ва-ав...

Огибаем юго-западный берег афонского полуострова, держим путь на Карулю, южную оконечность Афона, где в пустынных скалах живут пустынножители. А пока что – каменистые взгорья кое-где с виноградниками – все – непроходимое и первобытное.

Средневеково-восточные замки греческих небольших монастырей. В лесах пестрый Ксиропотам, Симонопетр, выросший продолжением скалы отвесно, весь уходящий ввысь, с балконами над пропастью.

Заходили в маленький, изумрудный заливчик Григориата, приложились в монастыре с черно-кудрявым привратником к знаменитой иконе св. Николая Мирликийского.

И уже вновь гребут отцы Эолий и Николай – плывем далее.

Когда в ущелье показался Дионисиат, о. Пинуфрий протянул к нему свой загорелый палец.

– Тут вот этот патриарх жил, Нифонт по имени. У него в Константинополе разные скорби вышли, его, стало быть, понапрасну увольнили [sic!], он сюда и перебрался. Это ко-

гда же было... – то ли в пятнадцатом, то ли в шестнадцатом веке, вот с точностью не упомяну. О. Эолий, как это, в пятнадцатом?

О. Эолий, полный немолодой монах, сидит передним гребцом. На голове его соломенная шляпа, придающая ему несколько женский вид. Он вспотел и оттирает платком лоб.

– Да, видимо, что в пятнадцатом.

– Ну вот, смиреннейший патриарх и пришел сюда, назвавшись простым эргатом, по нашему работником. Такой-то этот Нифонт был, скажи пожалуйста. «Я, мол, братия, тут дровец вам могу порубить, того, другого». Хорошо, он у них и жил. И хоронился, никому и в мысль не приходило, что этакий эргат... вон кто! Только нет, Господь его и открыл. Значит, раз он в лесу порубился, мулашки у него там были, он хворост навьючил, идут, к монастырю приближаются – и едва приблизились, ан нет, монастырские колокола сами зазвонили патриаршую встречу... Он, стало быть, хворостинкой мулашек подгоняет, шагай, дескать, а колокола полным трезвоном... Ну, тут и открылось.

Мы не без труда пристали к скалистому берегу Карули: юго-западный ветер «батос» развел к полудню волну, все же обошлось благополучно. Видели мы корзины на веревках, их спускают сверху отшельники из своих «калив» (хижин). Рыбаки кладут иной раз им рыбы туда. (Прежде и людей подымали в этих корзинах на кручи, но теперь этого нет). Головокружительные тропинки проложены по утесам. Отшель-

ники не боятся ходить по ним в темноте, после всеобщей (из ближнего скита). В одном месте я видел веревку, натянутую по самому краю пропасти – эти перила скользящей тропки. Далее тропка уходит в косую проточину в скале, подобную водопроводной трубе. По ней сползают к более низкому месту.

Этот день мы провели почти сплошь под открытым небом, встречая скромных «сиромах» (монахи бедняки, нередко странники).

Всем, при встрече, о. Пинуфрий говорил:

– Христос Воскресе! Или, по-гречески: Христос анэсти!

И все отвечали:

– Воистину Воскресе!

С некоторыми, знакомыми, он лобызался. Вообще же оставалось впечатление некоего братства христианского – в скромности и бедности. Да ведь вера и преданность Христу здесь дело самоочевидное, к этому так привыкли, что афонец с трудом поймет, как же иначе может быть.

Завтракали мы кой-чем, с собою взятым, под жидкой тенью дерева карульского. Встречный сиромеха взялся проводить нас в скит Св. Георгия, где можно переночевать.

День физически трудный! Мы взбирались по каким-то кручам, шли потом по ущелью, казавшемуся бесконечным. Сиромеха бесшумно и неутомимо шагнул впереди на своих кривых ногах, в обуви вроде мокасинов. Вот одинокая калыва. Здесь живет иконописец. С его балкона открывается

синий дым моря.

К закату тени залиловели в нашем ущелье. Стало прохладнее и сырей. Розовым сиял верх горы Афона, сзади туманно светилось еще море. Было радостно достигнуть перевала, сразу оказаться в густолиственном, высокоствольном лесу под дубами, увидеть иной склон Афонского полуострова, идти по ровному месту к живописнейшей келлии св. Георгия.

Как всегда, ласково встретили нас в наступающей ночи монахи – только что возвратившиеся с покоса. Пахло сеном. Раздавались голоса коренной великорусской речи. Было похоже на большую крестьянскую семью трудовой и благоустроенной жизни. Звезды очень ярко горели. Ночь прозрачна, черна.

Мы устали чрезмерно. Поужинали, чем Бог послал и на узких ложах, жестковатых, заснули беспробудно.

* * *

Святая гора! На другой день мы шли мимо нее, дорогою к Лавре св. Афанасия (гре ческая, тысячу лет назад созданная им).

Нас провожал вчерашний безответный сиромаха. Он нес сумку о. Пинуфрия. Мы шагали по камням «большой» дороги, по которой ехать никому не посоветуешь: лучше уж пешком. Да вообще в этом царстве нет дорог проезжих – плыви

в лодке или шагай по тропкам.

Мы проходили подлинно по святым местам. Там в пещере жил св. Петр Афонский – первый пустынножитель с такой длинной «брадой», что заворачивался в нее, как в тогу и спал на ней, как на одеяле. Там Кавсокаливийский скит в память св. Максима Кавсокаливита – «сжигателя шалашей» – образ совершенного странника, переходившего с места на место и уничтожавшего свой собственный след, свою хижинку или шалаш. Дальше – пещера Нила Мироточивого, целителя.

Идем час и два, и никого навстречу. Ледяной ключ попался у подножья вековых дубов. Проводник с детским простодушием срывал мне разные травы, цветы афонские, рассказывал, как на отвесных, голых скалах наверху Афона, цветет неувядаемый цвет Богоматери. Над Святой Горой остановилось облачко. Кругом синее небо, в нем белеет двузубец Горы, в синеве прозрачной ясно вижу я орла. Он плывет неподвижно.

Наконец, дошли до полуразвалившейся – не то часовенки, не то пастушьей хижины. Дорога поворачивала. Проводник должен был здесь оставить нас.

О. Пинуфрий снял свою камилавку, под которую был положен белый платочек, защищавший шею от солнца, отер загорелый лоб.

– Вот тут отдохнем, а потом к Лавре двинемся. Место хорошее. Это знаете, какое место? Тут святой Иоанн Кукузель

козлов пас. Как же, как же... Такой был он вроде музыканта или там певца, что ли... по смирению пастухом служил.

Мы сидели в тени. Целая рощица была вокруг, и дорожки вытоптаны козами, и даже нечто вроде маленького тырла козьего с остатками помета.

– До сих пор здесь пасутся... Па стухи доселе их здесь держат... Ну, а святой-то, Иоанн-то Кукузель, он очень хорошо псалмы пел. Так, знаете ли, пел, что просто на удивление... – да как же, представьте себе, ведь он же первый музыкант был, в Константинополе-то, при дворе императора. Только не выдержал, значит, удалился сюда в уединение. Как запоет, стало быть, козлы и соберутся в кружок, бороды вперед выставят и слушают... вон он как пел-то! Подумать! Бородатые-то, бессловесные, – он даже засмеялся, – бородами потряхивают, а слову Божию внимают. Да, этот Иоанн Кукузель пел особенно.

О. Пинуфрий умолк. Можно было подумать, что он лично был знаком с этим, жившим чуть не тысячу лет назад сладчайшим певцом и музыкантом Господним.

Наш проводник поднялся, откланиваясь.

– А засим до-свидания, – сказал робко, точно был виноват, что уходит. – Мне пора ворочаться.

– Господь с тобой, – ответил о. Пинуфрий.

Тот подошел под благословение, поцеловал руку.

– Спасибо тебе, подсобил сумку нести, потрудился. Заходи ко мне в монастырь, я тебе чего-нибудь соберу.

Я тоже поблагодарил и дал монетку. Хотелось дать больше, но не оказалось мелких. Он смиренно поклонился, исчез быстро.

До сих пор мне жаль, что мало я его «утешил». Значит, на роду ему написано быть сиромашой, а мне – запоздало сожалеть.

* * *

Этот Иоанн Кукузель и тогда еще пронзил мне сердце. Вот и теперь, чрез много лет, возвращаясь к житию его, как к свету и благодати.

Миловидный болгарский мальчик обладал удивительным голосом – прозрачным, сладостным. Иоанн был сирота, скромный и застенчивый. Попал в придворную капеллу Константинополя. По-гречески знал неважно. Когда сверстники спросили его раз, что он сегодня ел, ответил:

– Куку и зелиа («кукиа» – бобы).

Дети над ним посмеялись и прозвали Кукузелем. Думали ли они, что «смешное» имя в великой славе перейдет в историю?

Иоанн очень скоро выделился среди певцов и стал солистом императора. Тот полюбил его, приблизил к себе. Решил женить. Кажется, это и определило судьбу певца: он и вообще был склонен к уединенной жизни, созерцательной, а никак не семейной. Мысль о женитьбе просто поразила. Блеск

Двора не привлекал. Он бежал на Афон, и в Лавре св. Афанасия стал простым пастухом «козлиц» – скрыл от братии прежнюю свою жизнь. Никто не подозревал, что знаменитый певец уходит в горы со своим стадом. Там, в одиночестве, он пел. Да, о. Пинуфрий правильно рассказал о слушателях. Это были «козлища»: Иоанн пел псалмы столь «нежно и сладостно», что козлища эти окружали его как зачарованные, козы и козлы, потряхивая иногда бородками.

По преданию, отшельник случайно подслушал его. В монастыре узнали о его таланте. Узнал и император, где, скрывается певец. Но разрешил остаться в Лавре.

Иоанн пел теперь на клиросе. Более всех, видимо, воспевал Приснодеву. Однажды, пропев ей акафист, сел в стасидии и от утомления уснул. Во сне Пречистая явилась ему и поблагодарив, дала златницу.

– Пой, и не переставай петь, – сказала Она. – Я не оставлю тебя.

Проснувшись, он увидел у себя в руке червонец – благодарность Богородицы. Как идет скромному и робкому Кукузелю такой подарок! И как точно определена его судьба: «пой, и не переставай петь».

Он и пел. Он так и пел, всю жизнь, житие ничего другого о нем и не сообщает.

В лице его Церковь благословила поэта и певца, христианского Орфея, «музыканта Господня».

В Лавре я благоговейно приложился к коричнево-медвя-

ному, в золотом венце, слегка благоухающему черепу святого.

Лавра и вновь странствие

Лавра св. Афанасия Великого древнейший и знаменитейший из греческих монастырей. Его создал титанической силы святой-строитель Афанасий, таинственно погибший под рухнувшим куполом воздвигавшегося Собора. Во дворе обители сохранились два могучих кипариса времен святого, вся Лавра полна Византией, отголосками разных императоров – Фоки, Иоанна Цимисхия. В ризнице череп св. Василия Великого, Иоанна Кукузеля.

Место скорее для историка и археолога, а не для простого паломника, как я. И не могу сказать, чтобы Лавра тронула меня особым, христианским звуком. С нами была любезны, но это совсем не то, что со своими русскими.

Мы не долго пробыли в Лавре. И вот уже медленно плывем по гладкой слюде архипелаговых вод – снова в лодке. Слева теперь гора Афон, другие горы, справа море с туманными, голубоватыми, то же будто плывущими в зеркальности островами. В том направлении, за морем, холмы многовековой Трои.

Мы сидим на корме. Гребет рыжебородый и рыжегривый албанец. Его сменяет иногда другой албанец. На носу, выставив к нам пятку в рваном носке, спал юноша (бородач обещал подвезти земляка до пристани Морфино).

В самый стеклянно-знойный час, когда только что про-

шли келлию св. Артемия и Воздвижения Креста, о. Пинуфрий, омочив руку в воде и обтерев лоб, поглядывая на эту голую бесхитростную пятку, вдруг сказал:

– Вот ведь он и Господь так же... – да, плывут, значит, по озеру апостолы, как бы сказать, на веслах, или парус там поставили... да и знойно так же было... Палестина! Очень жаркая страна. Я в Иерусалиме бывал.

Господь и притомился, прилег, они гребут, а Он вон этак и заснул. Да представьте себе, вдруг буря. Ах ты, батюшки мои! Как туча зашла, да как гром ахнет, ветер, волны пошли... – Что тут делать? Прямо беда! Апостолы испугались. Что ж, говорят, видно уж тонуть нам надобно? В такую-то бурю, да на простой лодочке... Тут и Господь проснулся. Они к Нему. Так и так, говорят, погибаем! А Он им отвечает: что же это вы так испугались? Нет, говорит, это значит, веры в вас мало, чего уж тут бояться? Да-а... и ну, конечно, простер Господь руку, дескать, чтобы опять было тихо – и усмирились волны, и какая буря? Никакой бури больше нет, солнышко печет, вода покойная, вот оно ка-а-к...

В бухте Морфино, нисколько не похожие на апостолов, мы высадили албанца с голой пяткой, зато погрузили мешки с ячменем. Поставили парус, при слабом ветерке пошли дальше, вдоль восточного берега векового Афона. Проходили на берегу перед нами все в том же светлом дне скиты и монастыри.

Мы заезжали в монастырь Иверской Божией Матери

и прикладывались к древнему Ее Образу. В приемной зале обители старенький, слабый и грустный архимандрит, долго живший в Москве, дружелюбно принимал нас, сидя в мягком кресле, вспоминая Москву, ее Иверскую, поглаживал черно-седую греческую свою бороду. Полузакрывал старческие глаза и вздыхал – не по далекой ли, но уж полюбленной земле, стране, которую в остаток дней не увидишь?

С мягких кресел и от тихого света Иверского монастыря незаметно мы переселились на новую лодку, где новый гребец, при вечерющем солнце и дымно-заро зовевших островах Архипелага, повлек нас вдоль все того же берега к небольшому монастырю Пантократору. Там мы переночевали. А на другой день, после недалекого пути открылся нам Ватопед, древнейший, ученейший и второй по значительности монастырь греческого Афона.

В Ватопеде мы провели очень приятный, несколько «итальянский» и ренессансный день. Когда в великолепной, чистой и тихой зале с бесшумным ковром во всю комнату, светлыми окнами с балконом на синий залив, охваченный холмами, мы дожидались приема, что-то среднее мне показалось, между отелем «Джотто» в Ассизи и гостиницею в Неаполе.

Конечно, как в Лавре, посетили Собор, прикладывались к многочисленным ватопедским святыням, слушали литургию. Из всех осмотров ярче всего осталась в памяти библиотека, а в ней такая «светская», но замечательная вещь, как Птолемеевы географические карты (если не ошибаюсь,

XI века). Это для Ватопеда, думаю, типично: он вообще «ученый» монастырь, нечто вроде православного бенедиктинизма в нем чувствуется. В XVIII веке при нем была даже Духовная Академия, основанная виднейшим богословом того времени Булгарисом. (Академия эта, к сожалению, просуществовала недолго. Дух ее был признан слишком новаторским и ее закрыли).

Вечером мы с юным чешским поэтом Мاستиком (случайная встреча в пути), долго сидели на балконе. Холмы вокруг сливались в сумраке, за ними собралась туча и зеленоватые зарницы вспыхивали. В их мгновенном блеске разорванным, лохматым казался пейзаж. Его мягкая котловина, фермы, отдельные черные кипарисы при них, щетинка лесов по гребням напоминали Тоскану, окрестности Флоренции. Мы вспоминали чудесный облик ее, говорили о Рильке, поэзии и путешествиях. О. Пинуфрий уже спал.

* * *

Утром два оседланных мула под пестрыми потниками, ждали нас у главного входа.

Майское путешествие на муле по горам и влажно-прохладным лесам Афона! Впереди широко, слегка коряво ступает по неровным камням проводник. Мулы следят за его движениями, повторяют их. Мы покачиваемся в седлах. Дороги никакой – тропинка.

Слева развалины Ватопедской Академии. Тянутся аркады водопровода, последние знаки европейской культуры уходящего монастыря. За ними сине-молочное море в сиянии. Острова. Кукует афонская кукушка. Мы достигли гребня, вступили в непробудные леса, в гущу прохладной, нетронутой – влажной зелени, пронизанной теплым светом. Внизу скит Богородицы Ксилургу, где при Ярославе поселились русские, и отсюда в 1169 году вышли в Старый Руссик.

Мулы бредут теперь по ровному. Мы на хребтовой тропе. Местами открываются синие дали полуострова к Фракии, все леса и леса, очертания заливов, туманно-сияющее море – уже склон западный.

Вот выглянул Старый Руссик. Византия окончилась.

* * *

Полянка среди диких лесов, неказистая стройка в тени огромных деревьев, недоделанный новый Собор – все глухое, запущенное, так запрятанное, что его и не скоро разыщешь. Бедность и скромность. Темноватая лесенка, небольшая трапезная вроде како го-нибудь средне-русского монастырька.

Пахнет сладковато-кисло щами, квасом, летают вялые мухи. Никакие Комнены или Палеологи сюда не заглядывали. Но это колыбель наша, русская, здесь зародилось русское монашество на Афоне – отсюда и распространилось.

Наше явление походило на приход марсиан: редко кого заносит в эту глушь. Скоро мы хлебали уж монастырский суп. С любопытством и доброжелательным удивлением глядели на нас русские глаза, простые лица монашеско-крестьянского общежития.

Пришел с огорода о. Васой живыми и веселыми глазами лесного духа, весь заросший седеющим волосом, благодушный, полный и какой-то уютный. Узнав, что я из Парижа, таинственно отвел в сторону и справился об общем знакомом – его друге. По лучив весть приятную, о. Васой так просиял, так хлопал себя руками по бокам, крестился и приседал от удовольствия, что на все наше недолго[е] бытие в Руссике остался в восторженно-размягченном состоянии.

– Ну и утешили, уж как утешили, и сказать не могу! – го ворил он мне, показывая скромные параклисы Руссика, где нет ни жемчужных крестов, ни золотых чаш, ни бесценных миниатюр на Псалтырях.

– Пожалуйста, сюда пожалуйста, тут вот пройдем к пирку [sic!] св. Саввы...

Мы заглянули на залитую солнцем галерейку – вся она занята разложенными для просушки маками, жасминами и розами – на них о. Васой настаивает «чай».

– Это мое тут хозяйство, вот, утешаемся...

Сладковатый и нежный запах стоял в галерейке. Темно-красные лепестки маков, переходящие в черные, тунцовый [sic!] пух роз, все истаивало, истлевало под афонским солн-

цем, обращаясь в тончайшие как бы тени Божьих созданий, в полубесплотные души, хранящие, однако, капли святых благоуханий.

О. Васой вдруг опять весело засмеялся и слегка присел, вспомнив что-то, и его зеленоватые глаза заискрились.

– Прямо как праздник для меня нынче, уж так вы меня порадовали, так утешили!

И о. Васой, цветовод и, ка жется, пчеловод Руссика, веселое простое сердце, повел меня к древней башне, главной святыне монастырька, откуда некогда царевич сербский Савва, впоследствии прославленный святой, сбросил посланным отца царские свои одежды, отказавшись возвратиться во дворец, избрав бесхитростный путь о. Васоя.

Прощание с Афоном

Еще несколько дней провел я в монастыре св. Пантелеймона. Перед отъездом исповедывался у архимандрита Кирика и причащался.

Последний вечер перед отъездом был несколько грустный. За две недели я успел полюбить этих людей и их святой дом. Мои новые друзья заходили прощаться. (У о. Игумена я был сам). Я получил афонские подарки: книги, чётки, иконки, благословенное масло Целителя Пантелеймона, деревянную ложечку с резьбой – «по хребтам беспредельно-пустынного моря» мне удалось довести домой эти милые знаки. Я их храню и буду хранить.

Грусть того вечера заключалась в расставании навсегда. Нет вероятий, что еще раз увидишь эти места. Для монаха нет, или не должно быть «земной печали». Но для нас, мирских, облики видимости так глубоко ценны! И отъезд из места и от людей, навсегда уходящих, есть как бы частичная смерть: ведь и Афон и его насельники стали теперь для меня елисейскими тенями.

Утром, в день отъезда, я был на литургии, ее совершал архим. Кирик, он же отслужил и напутственный молебен.

А потом о. Петр, тот самый веселый-и художавый мой земляк-калужанин, со светлыми, полными вольного ветра глазами, который в бурю встречал меня на пристани афон-

ской Дафни, повез меня на эту же пристань. День был чудесный. О. Кирик тихо сидел со мной на лавочке лодки, кругом голубоватое стекло. Легкая и пушисто-белая борода о. Кирика как бы овевала эту гладь.

Слегка подмигивая черным глазом из-под очков и поглаживая бороду, он сказал мне:

– Самая прозрачная вода в мире. Обратите внимание: светлые воды Архипелага!

Видимо, ему нравились эти слова. Через некоторое время он повторил:

– Светлые воды Архипелага.

На Дафни еще раз почувство валась забота и внимание монастыря – в частности архим. Кирика. (Ждать парохода в Салоники иногда приходится долго). Все заранее приготовлено. Мы прошли в монастырское подворье. О. Петр устроил обед – появились знакомые афонские салаты, рыбки, октоподы, красное вино. Мы пообедали весело и солнечно – в прямом даже смысле; солнце затопляло комнату, выходявшую на море. За эти сутки о. Кирик спал полтора часа. Я видел, что он бледен. После обеда лег вздремнуть, а я пошел бродить к морю, в золотом вечернем солнце. У пристани толпились греки с ослами. Два таможенника сидели в кафе. Вдали за зеркальными водами, на берегу подымались колокольни в кресты св. Пантелеймона.

Ударили к вечерне. Я возвратился. Прошло не более сорока минут. О. Кирик, в ореоле своей бороды, маленький,

тихий, сидел уже на диване и «вычитывал» вечерню по захваченному с собой служебнику. Как же, в монастыре вечерня, а он будет спать!

На закате из-за скалы появился пароход. О. Кирик благословил меня. Почтительно поцеловал я его худую, желтоватую и легкую руку, и когда о. Петр, улыбаясь, быстрым калужским говорком с прибаутками и словечками разговаривая, вез меня, на борт «Хризаллиды», я все махал и кивал небольшой фигурке в черной рясе с золотым крестом на груди, седобородому «прирожденному монаху», спящему чуть не два часа в сутки, вечно на ногах, вечно в служении – к которому незаметно установилось у меня сыновнее отношение.

* * *

Время за полночь. Кажется, мы миновали и Лонгос, и Кассандру. Тихо. Люди спят. Лишь в капитанской будке огонь и человеческий глаз непрестанно озирает бело-туманящееся море в редком звездном свете. Надо мной, над спящим «человечеством» корабля, над мирными бутылками оливкового масла и рядами ящичков летит черный дым из трубы, ухо дит мрачным следом к Афону. Туда же ведет бледно-серебристый путь за кормой со вспыхивающими синими водяными искрами – игра фосфора южных морей.

Верно у нас, у Св. Пантелеймона, идет уже утренняя. Это самое моревидно из окон храма Покрова Богородицы, и то-

му же Отцу солнца, что скоро встанет над нами и осветит Салоники, древний город Солунь. – Ему же воздаю и хвалу иеромонах Иосиф, заключая службу утрени:

– Слава Тебе, показавшему нам свет!

Если бы я был архимандритом, то сойдя в каюту, вынужденный служебник, стал бы «вычитывать» утреню. Но я не монах. Я простой паломник, как здесь говорят «поклонник», со Святой Горы возвращающийся в мир бурный, сам этого мира часть. В своем грешном сердце уношу частицу света афонского, несу ее благоговейно, и что бы ни случилось со мной в жизни, мне не забыть этого странствия и поклонения, как, верю, не погаснуть самой искре в ветрах мира.

В час пустынный, пред звездами, морем, можно снять, шляпу и перекрестившись, вспомнив о живых и мертвых, кого почитал, любил, к кому был близок, вслух прочесть молитву Господню.

Публикуемые в приложении к книге Б. К. Зайцева воспоминания о митрополите Антонии Храповицком написаны его келейником, архимандритом Феодосием Мельником (1890–1957). В течение последних лет жизни о. Феодосий был игуменом Высоко-Дечанской Лавры.

Воспоминания о Карульском старце Феодосии Харитонове написаны игуменом (впоследствии архиепископом Чикагском и Детройтским) Серафимом Ивановым (1897–1987), с 1935 г. руководившим деятельностью Типографского монашеского братства преподобного Иова Почаевского в селе-

нии Ладомира в Чехословацкой республике, а затем и в независимом Словацком государстве. Именно о. Серафим подготовил к печати и издал в ладомирской типографии упоминаемую в этих воспоминаниях брошюру о календарных стилях, составленную при участии о. Феодосия Харитонова. Эти материалы, как и статья об архимандрите Мисаиле (в мире Михаиле Григорьевиче Сапегине, 1852–1940), были помещены в издававшейся ладомирским братством газете «Православная Русь» и, насколько нам известно, с тех пор не воспроизводились в печати.

Приложение

Архимандрит Феодосий Мельник С митрополитом Антонием на св. Афоне⁴⁴⁴

Начиная с 1920 года, когда Блаженнейший Владыка Антоний побывал на Св. Афоне, душа его все время рвалась туда, на Св. Гору, где он проводил в молитве и духовных беседах со старцами насельниками ее все время в течение 6 с половиной месяцев.

Много Владыка хлопотал о разрешении ему поселиться на Афоне, и письменно и лично пред Константинопольским Патриархом (которому подчинена в каноническом отношении Афонская гора), но тот ничего не отвечал. Писал Владыка непосредственно и в «Кинот» (как бы парламент монашеской страны – Св. Афона), но и оттуда ничего не отвечали или отписывались пустыми фразами, в которых выражали всякую любовь и преданность, но не больше. Писал Владыка и о. Архимандриту Мисаилу, игумену Св. Пантелеимоновского монастыря, но и тот, при всей своей любви к Блажен-

⁴⁴⁴ «Православная Русь». (Ladomirova, Чехословакия). № 20 (226) 24 октября старого стиля 1937 г.; № 21 (227) 10 ноября старого стиля 1937 г.

нейшему Владыке, ничего не мог сделать без Кинота.

Так длилось года два с половиной и вдруг в один прекрасный день Владыка получает очень любезное письмо от архимандрита Мисаила, который с большой радостью пересылает Владыке разрешение поселиться на Афоне. Владыка был тогда в Белграде и помещался в Патриархии. Когда принесли почту, вижу пакет с Афона, знакомый почерк. Владыка вскрыл письмо и стал креститься и говорит:

– Слава Тебе Господи, слава Тебе Царица Небесная, что вы услышали мое моление...

Я спрашиваю:

– В чем дело Владыко Святой? А Владыка не отвечает и все смотрит на бумажку на греческом языке и с печатью, составленную из четырех частей, на которой изображение Божией Матери. Владыка не отвечает, а я стою и недоумеваю, чему он радуется... Но вот Владыка поднимает голову и говорит:

– Ну, так и быть, я скажу тебе, а ты смотри никому не говори, а то тут начнутся всякие толки да уговоры... Вот посмотри эту бумажку.

– Я взял, посмотрел печать, прочел обращение, вижу, что пишется Владыке и стал: больше ничего не понимаю, смотрю на Владыку, и он посмотрел на меня ласково, ласково и говорит:

– Ну, вот что, Федя: получено разрешение мне поехать и поселиться на Св. Афоне... Так вот что: ты никому ничего

не говори, а тихонько возьми паспорт, поставь где нужно визы, а когда все будет готово, тогда и скажем в день отъезда.

Я страшно обрадовался, что мне опять придется вернуться на Афон, к любимой братии, с которой я так сжился и полюбил их как родных, полюбил афонский быт, устав и порядок служб, душа трепетала от восторга, радовался и Владыка.

Вдруг, стук в дверь, пришел кто-то из просителей. Владыка принял его, полез в карман за динарами, утешил, поговорил, благословил и тот вышел. Пока Владыка принимал посетителя, я тщательно рассматривал греческую бумажку и все искал своего имени, но его так и не было... Сначала я подумал, что я не умею прочесть по-гречески, но потом вижу, что я кое-что разбираю, и все-таки обо мне там ничего не написано... тогда я говорю владыке:

– Владыко Святой, здесь обо мне ничего не пишут. Владыка как бы неохотно отвечает:

– Да, но я думаю, что с Божией помощью и ты поедешь.

– Как же я поеду – меня не пустят.

– Почему тебя не пустят? Говорит Владыка, – ты ведь едешь со мной, и они не посмеют тебя не пустить...

Я нос повесил, но тем не менее пошел хлопотать о паспортах, которые быстро выдали и поставили все визы. Это было перед Рождеством Христовым в 1922 году. Положили мы паспорта в карман и никому ни слова. Приехали в Карловцы. Там все собрали, уложили, пораздали книги, картинки

и проч. [ее] и через два дня едем в Белград, там мол отслужим первых 3 дня Праздника, а Новый год будем встречать на св. Афоне. В Карловцах в Патриархии со всеми распростились, были тут и слезы, так как к Владыке насельники Патриархии привыкли и полюбили его. На вокзал провожать Владыку вышла Семинария с преподавателями и ректором, говорились речи и всякие взаимные пожелания.

Приехали мы со всеми чемоданами в Белград, отслужили на первый день Рождества. Масса визитеров, прием и угощение; многочисленные представители обществ, из бывших и настоящих, по прежнему обычаю Владыке первому делали визиты. На второй день Праздника утром читаем правило перед литургией, которую Владыка должен был служить в соборе, вдруг стук в дверь: принесли телеграмму, читаем, пишут из Пантелеймоновского монастыря: «Кинот пересмотрел свое постановление о разрешении Вам поселиться на Афоне, отменил свое постановление, письмо следует»...

Владыка был очень огорчен, но перекрестился и сказал:

– Слава Богу и за это, потерпим и сию плюху.

– Что же, спрашиваю, мы теперь будем делать?

– Ничего, поговорю со Святейшим и вероятно опять вернемся в Карловцы, а сейчас читай правило...

Так оно и вышло и через несколько дней мы с некоторым смущением вернулись в Карловцы, где среди насельников Патриархии, сего «Сербского Сиона» не встретили ни насмешки, ни злорадства по поводу нашей неудачи, а наобо-

рот все, как святители Сербской Церкви, так и преподаватели семинарии с еще большей любовью и вниманием отнеслись к Владыке, потому что искренно полюбили его.

Но как произошло, что Кинот вдруг изменил свое решение? когда он это сделал? и что происходило в этот день в Белграде?

Как ни секретно мы готовились к отъезду, но когда стали получать паспорта и визы, про наши планы узнал кто-то из русских, без которых в то время не обходилось ни одно учреждение, и тогда вскоре узнал о них весь русский Белград. Но узнал уже тогда, когда паспорта со всеми визами были у нас в кармане.

Владыка был недоволен, когда кто приходил его уговаривать не ездить и на эту тему прекращал всякие разговоры. На другой день после того как стало известно об отъезде Владыки на Афон, рано утром смотрю в окно и вижу спускается с горки к Патриархии, по улице Кр.[аля] Петра Княгиня М. А. и несет образ.

– Владыка Святой, – говорю, – идет Княгиня и несет, кажется, Чудотворный образ.

Владыка был очень недоволен:

– Ну вот, этого еще не хватало, что я Борис Годунов, что ли, что ко – мне из-за пустяков тревожат святыни?

Я вышел навстречу Княгине, но она входит к Владыке не решилась, ибо знала, что Владыка будет недоволен, а только полушепотом сказала, передавая мне икону:

– Пожалуйста, поставьте святой образ у Владыки, пусть он помолится и приложится, а я приду и возьму его около 11 часов дня... Он Царицу Небесную лучше послушает чем нас всех, а Она сделает так, как нужно.

Вошел я с Курской иконой Божией Матери Знамения. Владыка часто крестился несколько раз, пока я нес и ставил икону на столик. Когда поставил, Владыка положил два поклона земных, приложился, а затем еще поклон положил. Я сделал также.

Тогда Владыка спрашивает:

– А где же княгиня?

Я передал подлинно то, что она сказала. Владыка улыбнулся:

– Ну, ее счастье, а может быть и мое: я бы ее обругал, и обидел бы без толку, а оно ведь и хорошо, что она принесла святыню – я давно уже не прикладывался.

В скором времени пришел один студент, очень верующий, но по своему, долго стоял и молился перед иконой, затем приложился и говорит мне, уже в коридоре:

– Знаете, о чем я молился? Я говорю:

– Знаю, хотите не учивши сдать два экзамена.

– Нет, говорит, не о том, я молился к Царице Небесной, чтобы Она ни за что не пускала Владыку на Св. Афон, ибо он здесь нужнее чем там. И я знаете, что думал, когда молился? Что если есть Бог, то он должен услышать и не пустить от нас Владыку, а если Его нет, то конечно Владыка поедет...

Я его немного пробрал, назвал его искушителем Бога и еще что-то говорил ему, но не помню, но он не сердился на меня, ибо он был очень предан Владыке и ко мне хорошо относился.

Что же было в это время в Киноте, на Св. Афоне?

В Киноте шло заседание в этот самый день и что еще страшнее в тот же самый час, когда у Владыки в комнате стояла чудотворная икона Божией Матери Знамения Курской [sic!], и Кинот пересмотрел и отменил свое решение о разрешении Владыке Митрополиту Антонию приехать и поселиться на Св. Горе. Тут не может быть и речи, чтобы кто-нибудь из Белграда хлопотал об этой отмене, никто и ничего не делал в этом отношении, и все это произошло промыслительно. Царица Небесная устроила так, как нужно было и для Владыки и для нас чтущих его, а главное для Св. Русской Церкви.

Итак, вернулись мы в Карловцы и началась наша обычная суетная, по сравнению со Св. Афоном жизнь... вплоть до 1924 года, когда Владыке все-таки дано было Господом посетить дорогой ему Св. Афон.

В этом году Владыка поехал в объезд своей обширной паствы, а главное в Иерусалим, где наша Духовная Миссия после Великой войны была в довольно тяжелом и запутанном положении. Ехал Владыка туда к Пасхе, но потом не помню почему мы не поехали прямо в Иерусалим, а заехали на Св. Афон, где и встречали Св. Пасху. В Солуни

Владыка был на вербную субботу и служил там в русском храме. Там было очень хорошо – служило два священника, пел русский хор и обстановка была хотя и бедная, но очень душевная.

Там пробыли три дня, причем Владыка читал лекцию, а в Великую среду вечером погрузились на небольшой пароходик и, когда совсем стемнело, пароходик двинулся к Св. Афону. Погода была сравнительно тихая, качки не было, да и Владыка переносил море хорошо. Только стало небо сереть и чуть-чуть рассветать, пред нашим взором стала обрисовываться темная гора, это и был Св. Афон. Чем ближе мы приближались к нему, тем все яснее и яснее становились нам уже св.[ятые] места. Сердце трепетало от радости, что Господь дает еще раз помолиться и поклониться святыням Афона, снова повидаться с братией, совершенно не тронутой никакой революцией, – все они там, как дети, тихи, скромны, доверчивы.

Но, вот, причаливаем и видим на лодке подкатывает неизменный отец Петр «лодочник», он всегда встречает гостей. Лет ему за 60, но он такой живой и моложавый, что можно подумать ему и 30 лет еще нет. С ним рядом духовник св. Пантелеимоновского монастыря, белый как лунь, небольшого роста с огромной бородой и усами отец Архимандрит Кирик и еще один монах, имени его не помню. Владыка увидел о. Кирика и говорит:

– Смотри, о. Кирик, в лодке, как он не боится, ведь ему

уже много лет, а такой живой, да и о. Петр, видишь как суетится, чтобы поближе подъехать и нас сгрузить поскорее в лодку... Благодать Божия их укрепляет, – говорит Владыка, крестясь на показавшийся монастырь, – спаси их, Господи.

Погрузили, сперва, вещи в лодку, потом сошел Владыка, за ним я. Приняли гребцы благословение от Владыки и поплыли по морской глади, как по бархату. Восходило солнце и зелень цветущего Афона и в ней утопающие св.[ятые] обители, монастыри, скиты и келлии, представляли неопишемую и чудную картину полной тишины и присутствия Божией благодати. Пока ехали в лодке все время смотрели на эту красоту, Самим Господом устроенную и данную в удел Своей Пречистой Матери для возделывания на ней цветов неувядаемых – святых душ, которые растут и благоухают своими подвигами, трудами и постоянной борьбой со всякого рода искушениями.

Лодка причалила к пристани Пантелеимоновского монастыря, на пристани встретил нас о. наместник и еще несколько человек братии. В церкви шла утренняя Великого Четвертка. Служил батюшка Игумен Мисаил, любимец всего Афона. Владыку отвели в Царские комнаты, там Владыка помылся и сразу же пошел в церковь.

Служба Великого Четвертка всюду правится торжественно и благодать Божественной Евхаристии особенно чувствуется в этот день, но тут на Св. Афоне в этом священном

монашеском царстве, где дни и ночи проходят в молитве, где от поста и подвига иноки утомляются телесно, но горят духом, где у иноков изможденные лица, они едва ходят, а глаза их полны любви и ласки и преданности воле Божией, там заутреня Великого Четвертка совершается с особым благодатным подъемом, особенно заметным для нас, прибывших из суетного мира в тихую пристань Божественной любви и благодати.

Митрополит Антоний Храповицкий благословляет братию Пантелеимонова монастыря после трапезы. 1920 г.

На Св. Афоне установлен обычай – в Великий четверг

елеосвящать всякого и к этому готовятся весь пост. Пришло время елеопомазания – во время утрени, когда помазывается народ священником за всякой всенощной. О. Игумен Архимандрит Мисаил подошел к Владыке, который стоял на отведенном ему месте и предложил и ему помазаться елеем. Владыка сказал: «Как же Батюшка я буду помазываться? я не готовился... был в пути», а о. игумен говорит: «О, Владыко Святой, вы не готовившись гораздо готовее нас готовившихся». Тогда Владыка, чтобы не перечить сказал: «Только за послушание Вам, Батюшка, сделаю как прикажете и верю, что за Ваши святые молитвы Господь с меня не взыщет». Игумен поклонился низко Владыке, а Владыка ему ответил таким же низким поклоном. В это время читался чин елеосвящения полностью, как положено в требнике: читались 7 евангелий и 7 апостолов и все молитвы, все подряд, как положено, затем началось помазание елеем. Первый приложился к образам Владыка, а за ним Игумен, и Владыка стал на свое место. К нему принесли елей, подошел о. игумен и помазал Владыку елеем: лоб, бороду, обе щеки, уши и руки. Затем Владыка взаимно сделал то же самое Игумену и Игумен стал рядом с Владыкою. Подошли иеромонахи по чину. Владыка помазал первому лоб, бороду, щеки и уши, а о. игумен сверху руки и ладони. Затем последующему Владыка помазывал только лоб, а все остальное помазывали уже ставшие вслед за игуменом старшие иеромонахи. Так подходила вся братия и богомольцы, вообще все, кто был в храме.

Было очень трогательно и умирительно. Владыка после прихода из церкви сказал мне:

– Ну, вот видишь, Федя, как хорошо, теперь и умирать не страшно.

Так началась наша жизнь на Св. Афоне.

Разрешение на служение исходатайствовали не скоро, прошел целый месяц, пока пришло это разрешение из Цареграда. О. Игумен очень волновался по поводу этой задержки, так как было несколько пар ставленников к рукоположению во иеродиаконы и иеромонахи и духовный собор монастыря естественно заботился, чтобы сии рукоположения Владыка совершил, что потом и было сделано. Однако, всех рукоположений конечно невозможно было успеть сделать, так как в каждом монастыре русском были кандидаты для рукоположения.

Владыка очень часто служил посещая монастыри и скиты Андреевский, Ильинский и некоторые келлии, везде и всюду неся утешение братии и умиление от служб, и особенно от личного простого, отеческой любви и смирения исполненного, отношения. Надо было видеть с какими вопросами обращались старцы к Владыке. Какой-нибудь совершенно незначительный грех, который не то, что миряне, но и современные монахи за грех не считают, они приходили и чуть не со слезами сокрушения исповедывали при мне Владыке, при чем, волнуясь, называли его то Владыко Святой, то Батюшка, и, когда спохватывались, еще больше волнова-

лись. Рассказывали свои тяжкие грехи: «вот, батюшка, будучи на подворье в Одессе, по послушанию, я спал без подрысника и без скуфьи»... Другой жаловался, что иногда после повечерия пил воду и т. д.

«Их чистые души всякую малейшую соринку чувствуют на своей душе, не то что мы грешные толкущиеся в миру – целые горы носим на своих душах и нам все кажется, что ничего особенного нет у нас» – говорил потом Владыка, когда я резонировал по-своему, что это де просто старцы не знают, что им сказать.

Приходил один старец, который написал массу акафистов и брошюр. Он был знаменит среди афонцев, особенно келиотов, тем, что рассылал всюду иконы в благословение от Св. Горы и за это благословение ничего не требовал, а только за упаковку и за веревки, которыми увязана была упаковка. Сей старец не мог лично беседовать с Владыкой, ибо у него не хватало слов, он беседовал письменно: приносил целый список своих мыслей и вопросов и передавал Владыке, который терпеливейшим образом прочитывал и давал ему уже словесно ответы и советы.

Проповедей Владыка по тамошнему обычаю за литургией не говорил, там этого не любят: на всенощной, на утрени, говори хоть 2 часа, – слушают и умиляются, а за литургией не любят, ибо если затянется служба, то братия лишается того небольшого отдыха, который положен.

Первый Великий четверток и вообще первая Страстная

седмица, что Владыка не служил, так же, как и на св. Пасху не мог служить, т. к. не пришло упомянутое разрешение. Литургия Великого Четвертка, затем всенощная с чтением 12 Евангелий, это такая красота и умиление, которые передать трудно. Великая Пятница, Часы Царские, затем небольшой перерыв, вечерня и вынос Плащаницы. Колокола не звонят, а только стучат в било. Лица у иноков серьезные, помотришь на них – просто как с иконы сошли, да и только. Великая суббота, утренняя, пение статьи-погребения Христа, красота прямо-таки не земная. Много облаченных священнослужителей, два хора на клиросах, чудное пение, все это действительно переносит в иной мир, где нет печали ни вздыхания, а одна сплошная радость, которую Христос Своим страданием уготовал любящим Его. Затем литургия Великой Субботы. На утрени казалось все устали, чуть живы, особенно на клиросах, и литургию с вечерней, которые длятся около 4 1/2 часов, я думал, они не вынесут. До Апостола пели как-то тихо, заунывно, но после прочтения паремии и Апостола, когда запели илиллуарий «Воскресни Боже, суди земли» – сразу почувствовалась какая-то свежесть в голосах, на лицах виден восторг, – прямо воочию можно было убедиться, что поистине «суббота сия священная», и что после скорби и страданий и смерти Спасителя наступает великая радость воскресения.

Наступает Пасхальная ночь. Всюду темно и тихо. Около 11 часов ночи пошел я в Церковь – читают Деяния, затем

началась полунощница и монахи стоят в своих стасидиях и внимательно слушают чтение и молятся. Так прошло с полчаса, затем пришел я к Владыке, который немного прилег отдохнуть после длинных служб.

Владыка поднялся, и мы пошли в Покровскую церковь, которая с внутреннего двора достигает 6-го этажа, а с наружного двухэтажна. Она похожа на домовую церковь. Главный же собор, где служитя пополам по-славянски и по-гречески, так заведено издревле, находится в центре монастыря. Кроме того есть еще много церквей домовых и отдельных в этом же монастыре, где служатя литургии каждый день, а утренняя только в двух главных храмах, на которых обязательно присутствие всей братии. Владыку встретил очень симпатичный иеромонах библиотекарь о. Иосиф, который все время всюду сопровождал Владыку по св. Горе.

Подходит он и говорит: – «Владыко святой, благословите о. Феодосию облачиться и служить Пасхальную заутреню и литургию».

Владыка с радостью согласился, а я чувствовал себя счастливейшим из людей, что удостоюсь служения со святыми: – «Вы, Владыко, – продолжал о. Иосиф, – останетесь здесь с о. Феодосием наверху, ибо у нас такой обычай, что Пасхальная заутреня начинается в главном соборе, а потом оттуда братия расходится по своим церквам и параклисам с пением „Христос Воскресе“ и там заканчивают заутреню и сразу же начинают литургию».

Кругом темно, на всех паникадилах висят быстровоспламеняющиеся нитки и в подсвечниках вставлены огромные чистого воска свечи, лампадки тихо мерцают. Темные фигуры во мраке тихо спускаются по лестнице к собору – это братья спешит в собор. Кончилась полунощница в Покровской церкви, унесли плащаницу в алтарь, все убрали, стало в церкви тихо, пусто и напряженно торжественно.

Ровно в 12 часов ночи раздался колокольный звон и после него послышалось пение в нижнем соборе на славянском языке: «Воскресение Твое Христе Спасе», а затем тоже самое на греческом. Все монахи с возженными свечами в руках выходили чинно из собора, а за ними вышло больше сотни священнослужителей в чудных, богатой парчи ризах, во главе с игуменом о. Мисаилом, и как только они вышли и стали стройно перед собором, могучий голос архидиакона Киприана провозгласил: «И осподобитися нам слышания св. Евангелия Господа Бога молим», прекрасным баритональным тенором отец игумен прочел Евангелие Воскресное от Матфея, зачало 116, глава 28, 16. Каждая фраза прерывалась чудесным могучим колокольным трезвонном (почти 1000 пудовый главный колокол).

С балкона наблюдать этот священный лик с морем свечей, так умирительно, что мы стояли с затаенным дыханием, как бы не на балконе, а на небе и эта Пасхальная ночь неизгладимо врезалась в мою душу. Владыка молился и слезы умиления, которые он быстро смахивал платком, тихо ка-

тились по его лицу. Затем внизу обошли крестным ходом вокруг собора и только тогда, вернувшись, провозгласил о. Игумен «Слава Святей» и прочел стих «Да воскреснет Бог». Хоры пели то по-гречески, то по-славянски и этим еще больше переносилась душа в ту даль времен, от которой нас отделяют около 2000 лет...

Затем о. игумен с назначенным для служения священством вошел в собор, а остальные с пением «Христос Воскресе» пошли по своим церквям. В Покровской церкви служил наместник о. Иоаким и с ним 18 иеромонахов и 8 иеродиаконов и архидиакон Киприан, краса Афона, ныне преставившийся ко Господу 83-летним старцем.

С воскресением Христовым все как бы воскресло: братия воспрянула духом, на лицах радость сияет, голоса свежие молодые, хотя это поют пожилые старцы. Служба идет быстро без задержек, по многожды повторяется Пасхальный канон, впечатление таковое: как жаждущий долго не видел воды и дорвался до источника и его никак не оторвешь от него. Так и тут с клироса на клирос перекачивается одна и та же песнь и кажется никогда они не напоятся и не нарядуются этими священными песнопениями. Священнослужители по 2 иеромонаха и по 2 иеродиакона совершают каждения на каждой песни, как положено по уставу, чинно говорятся ектении после каждой песни. Весь храм пылает в освещении свечей и драгоценных лампад. Одним словом, ликует земля, вместе с небом радуясь о Воскресшем Спасителе.

Владыка радовался, но как будто и грусть была на его лице, что такой большой праздник, а он не участвует в богослужении, и мне немного было обидно за него, и я вслух ворчал по адресу тех, кто является виновниками лишения Владыки служения в такие дни. Владыка и говорит мне:

«Ничего, Федя, не волнуйся, все что ни делается, делается по воле Божией и тут видимо за какие-то мои грехи Господь наказал и лишил меня служения, но я и за это благодарю Господа Бога, что Он сподобил меня видеть то, что я видел сегодня: в эту ночь, я себя чувствовал не как на земле, а как на небе. А кроме того я еще раз воочию убедился и увидел, какая красота наше православное богослужение: – когда участвуешь в нем тогда ничего не видишь, а со стороны гораздо интереснее смотреть. Видимо и это было полезно для моей души. Слава Богу за все».

Наконец, пришло разрешение на служение. Владыка обрадовался, и не меньше радовалась братия. Служил и рукополагал Владыка в Пантелеймоновском монастыре, затем поехал в Андреевский и Ильинский скиты. Так прошло время до Св. Троицы. В этот день Владыка служил литургию в Пантелеймоновском монастыре. Вечерня у них не соединяется с литургией, как это делается почти всюду, а отдельно в 3 часа дня и служитя она весьма торжественно, не торопясь. Эту вечерню Владыка служил с множеством священнослужителей, читал очень умирительно, высоким тенором, коленапреклоненные молитвы, а после вечерни простился с бра-

тией и вскоре мы погрузились в моторную лодку и отправились в Дафну, – Афонскую пристань, к которой пристают пароходы, заходящие на Афон. Надо было видеть ту умирительную картину, то трогательное прощание, которое происходило на берегу у Пантелеймоновской пристани, какими умиленными слезами старцы монастыря провожали Владыку! Колокольный звон тревожно умиляет душу, слезы текут, а на душе грусть смешалась с радостью.

Митрополит Антоний Храповицкий и архимандрит Феодосий Мельник на курорте в Рогашкой Слатине. Отдых после питья воды. 25 августа / 7 сентября 1929 года

Владыка отправляется в Иерусалим по послушанию Архиерейскому Синоду – тогда еще именовавшемуся Высшее Церковное Управление за границей. Погрузились в моторный пароходик и с нами сели человек 10–12 старшей братии и под незабываемый трезвон колоколов, под пение братии долго стоявшей на берегу, мы поплыли к Дафне. Владыка был растроган, слезы катились по его щекам, братия плакала, а я ревел, забившись в уголок, за мотором. Ибо знал, что не скоро Господь приведет меня на св. Гору, да и приведет ли еще? И эти мысли больно сжимали сердце, и слезы ручьем лились из глаз. Но была и радость на сердце, ибо мы двигались в Иерусалим и мысль, что я увижу Гроб Господень, Божественную Голгофу, Вертеп и другие святыни, умилила душу и останавливала слезы.

Приехали на Дафну; вскоре подошел и пароход и Владыку поместили в каюту. Распрощались, пропели старцы тропарь Великомученику Пантелеймону и Пятидесятницы, а когда двинулся пароход пропели «Ис пола ети деспота». Так мы оставили старцев и берега св. Афона, который и теперь стоит в моей памяти как живой.

«Как бы мне не хотелось теперь ехать отсюда, – говорил

Владыка на Афоне, – но взялся поехать в Иерусалим, неудобно обманывать... А главное я дал слово собратии, что вернусь. Послушание это выполняю, а там что Бог даст».

Архимандрит Феодосий Ср.[емские] Карловцы

Архимандрит Серафим Иванов

Ученый отшельник

(Памяти иеросхимонаха Феодосия)⁴⁴⁵

С Афонской Горы пришла короткая весть: на Каруле на другой день по Покрову блаженно скончался иеросхимонах Феодосий. И далее пишут: «он мало поболел; 1 октября в день Покрова Божией Матери отслужили для него раннюю литургию, причастили. Старец особенно был благодушен и весел, прочитали ему отходную, но он остался жить до следующего дня. Опять отслужили раннюю литургию, причастили; о. Феодосий сидел и молился и через 20 минут с молитвой на устах незаметно перешел в горний мир».

Бог даст, мы еще получим более подробные сведения о жизни и кончине сего великого современного нам праведника и прозорливца. А пока поделимся с читателями тем, что нам известно.

О. Феодосий происходил из духовной семьи. По окончании семинарии, как отличный ученик, был принят на казенный счет в Казанскую Духовную Академию, которую и окончил в середине девяностых годов. Еще в академии он был пострижен в монашество с наречением имени Феофана.

⁴⁴⁵ «Православная Русь». (Ladomirova, Чехословакия). № 21 (227) 10 ноября старого стиля 1937 г.; № 22 (228) 20 ноября старого стиля 1937 г.

Как казенно-коштный о. Феофан по окончании Академии обязан был служить Церкви за свое образование в течение 5 лет.

Между тем еще на школьной скамье о. Феофан почувствовал тяготение к отшельничеству. Долгими казались ему те пять лет учебно-административной службы. Его назначили преподавателем в одну из приволжских семинарий, если не ошибаюсь симбирскую.

Вскоре о. Феофан был назначен инспектором той же семинарии. Как всякому ученому монаху в те времена ему открывалась блестящая духовная карьера.

Уже вошло в синод представление его в архимандриты. Но тут минуло пять лет его обязательной службы, и о. Феофан подает прошение на покой без пенсии и к удивлению всех уезжает на Афон...

Так начинается тернистый путь ученого отшельника. На Афоне ученому монаху рады: принимают, ублажают. А как только попросится принять в число братии, – всюду отказ. На Афоне строгая иерархичность. Чтобы дослужиться до иеромонаха надо протянуть трудовую лямку послушника, монаха и диакона добрых 20 годков. А тут молодой ученый иеромонах да еще с золотым наперсным крестом. В послушники его не определишь, ставить его в ряды заслуженных старых иеромонахов только к закату жизни удастаивавшихся золотого креста – за какие такие заслуги?

И куда не попросится о. Феофан, всюду отказ, да отказ.

И не рад о. Феофан, ни своему золотому кресту, ни иеромонашеству.

Начал он скитаться по келлиям пустынным и, наконец, притулился он у одного иеродиакона, кажется (пишу по памяти) о. Лукьяна, занимавшегося иконописью и с того жившего в пустынной своей келлии недалеко от Пантелеймоновского монастыря.

Поселился на правах послушника-келейника.

Строгий был старец о. Лукьян. Жестоко испытывал он о. Феофана, не блажь ли у него желание пустынноческого желания [sic!] [здесь, возможно, должно быть: жития. – А. К.].

Бывало придут к о. Лукьяну заказчики на иконы. Ну, по Афонскому обычаю надо гостей чайком угостить.

Кричит о. Лукьян о. Феофану:

– Эй ты, ученый дурак, ставь скорее самовар, гостей потчевать.

И начнет при гостях корить: и неповоротлив де, и глуп, и бестолков.

А о. Феофан стоит, да только смиренно кланяется:

– Простите батюшка.

Так прошло немало лет тяжелого искуса в послушании и смирении.

Наверно много можно было бы рассказать про те годы, но этот период жития о. Феофана мне, к сожалению, неизвестен.

Знаю я уже о. Феофана, как знаменитого Карульского от-

шельника и старца, в схиме о. Феодосия.

В 1926 году привел Господь меня прожить у него в гостях целых четыре незабвенных дня.

Тут надо сказать несколько слов о Каруле, самой суровой пустыне св. Афона.

Представьте себе почти отвесную каменную скалу, лишённую, можно сказать, всякой растительности. На ней на высоте добрых двухсот-трехсот метров прилеплены, подобно ласточкиным гнездам с десятков калливок отшельников. Есть несколько и пещер. Но самое чудесное, что отшельники на этих утаенных скалах ухитрились выстроить две крохотных церкви, вместимостью однако каждая человек на 20. Весь матерьял был ими вынесен наверх на собственных спинах. Нелегкий был этот труд. От моря сначала еще идет тропа, хоть и очень крутая. После, она прекращается и приходится идти по узкому выступу скалы шириной не более полуметра над бездной в несколько сот метров. Для безопасности одним еще довоенным русским благодетелем на всем протяжении этого опасного пути, длиной в добрую сотню метров, вдоль стен протянуты железные цепи.

И все же нужно быть акробатом, чтобы путешествовать по этой, с позволения сказать, дорожке над бездонной пучиной моря.

Дорожка сия сначала поднимается немного наверх, а потом начинает спускаться. То самая страшная часть пути, ибо невольно, чтобы знать, куда поставить ногу, приходится

смотреть вниз, и бездна тянет. Ведь это все равно, что пути по карнизу стоэтажного небоскреба.

А старцы ничего, привыкли. Идут себе, как будто по Невскому, одной рукой слегка касаясь цепи, да еще с полной нагрузкой частенько. До войны богомольцам вход на Карулю разрешался только в исключительных случаях, да и сами карульские отшельники редко покидали свою пустыню. Воду они употребляли исключительно дождевую, которую собирали с крыш своих калливок в цистерны. Конечно ее едва-едва хватало. И питались подаянием.

Братия Типографского монашеского братства в Ладомировой, в Словакии, перед зданием типографского корпуса в дни визита Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Начало сентября 1940 г. Первый ряд (слева направо): игумен Филимон (Никитин), АРХИМАНДРИТ Серафим (Иванов, настоятель), Митрополит Анастасий (Грибановский), архимандрит Нафанаил (Львов), игумен Савва (Струве). Второй ряд: монах Вячеслав, монах Григорий (Пыжов), монах Виталий (Устинов), иеромонах Герман,

монах Сергей (Ромберг), инок Афанасий, А. П. Белонин.

На длинной веревке, прикрепленной к колесу, спускали они вниз к морю небольшую корзину. В эту корзину проезжавшие богомольцы клали свои даяния, главным образом, сухарики. Рыбу класть воспрещалось, и ее немедленно выкидывали в море, если случайно оказывалась в корзине. Молоко и яйца только на Пасху. Все посты проводили в сухоястии.

Строго жили, да и доселе живут отшельники на Каруле.

Среди них-то и поселился о. Феофан, которого мы будем теперь называть его схимонашеским именем Феодосий.

Проводил он там зело жестокое житие, изнуря себя особенно мало-спанием и трудами на солнцепеке. Летом на карульских скалах стоит невыносимая жара, от которой старцы спасаются по глубоким пещерам, отдыхая от бессонных ночей, проводимых ими обычно в молитвенном бдении. Отец же Феодосий в самый полудневный зной лазает по скалам, собирает сухие сучья мелкого горного кустарника. Не для себя трудится – для престарелых собратий своих. И спит о. Феодосий час-другой в сутки не больше: на бессонницу ссылается, чтобы скрыть подвиг.

Так житийствует он долгие годы.

Не закопал о. Феодосий и своего ученого таланта. Много перевел он древних греческих рукописей по аскетике, увы,

до сих пор за неимением средств не напечатанных. Он же был главным составителем выпущенной брошюры в защиту старого стиля.

И если Афон сохранил, несмотря на натиск Константинопольского Патриарха, старый стиль, – в том немалая заслуга и о. Феодосия, к которому обращались за советом даже настоятели греческих афонских монастырей.

Теперь немного из личных впечатлений об о. Феодосии.

Еще на богословском факультете много приходилось слышать о карульцах и особенно об о. Феодосии. Говорили, что это один из немногих оставшихся прозорливцев и вообще старец великой жизни.

Готовясь к иночеству со всей серьезностью идейной юности, я очень был озабочен поисками «настоящего», как я тогда говорил, старца. И по тому же юношескому максимализму решил ехать на Афон просить о. Феодосия быть моим старцем и постричь меня в малую схиму.

Сказано-сделано. В те времена визы на Афон давали сравнительно легко.

И вот, я на св. Горе. В сопровождении своего доброго знакомого, еще по первому путешествию на Афон, о. Харалампия двинулись мы из Андреевского скита в трудный горный сорокаверстный путь на Карулю.

Был конец июня. Стояла ужасная жара. Двое суток пути по каменистой тропе показались очень утомительными.

Зная скудость карульскую, несли мы за плечами по изряд-

ному мешку провизии: сухарей белых для утешения старцев, рису, сахару, чаю, оливкового масла и несколько коробок рыбных и молочных консервов. Мешочки эти тоже порядком вгоняли в пот.

Первую ночь ночевали в гостеприимной Крестовской келлии. Вторую – у не очень гостеприимных греков в монастыре Симоно-Петре, где нас всю ночь поедом ели огромные злющие клопы...

Вот, наконец, вожденная Каруля. У о. Феодосия келлия под его собственной церковкой, построенной ему еще до войны одним благодетелем. Есть, впрочем, и «гостиница» – крохотный домик, сложенный им из камня в три «номера» – кабинки. Нельзя без нее – много приходит иноков за советом, или просто на богослужение в церковь.

Приветливо встречает нас о. Феодосий, неторопливо истово благословляет. Лицо серьезно, задумчиво, но глазами улыбается старец. И чувствуешь, что он уже тебя любит. Сердце радостно сжимается. Хочется по-детски приласкаться, свою любовь как-то показать.

Далеких гостей первым делом, по афонскому обычаю, накормить надо. Тут уж мы оказались «прозорливцами» – кроме сухариков ничего путного у старца в запасе не оказалось, если не считать небольшого количества сухих полузаплесневевших смокв.

Разгрузили мы свои мешки, о. Харалампий начал варить обед, а старец на короткое время скрылся и вскоре принес

пустынной капустики, кисленькой травки, растущей на скалах карульских. Вкуса в ней было однако немного, и рисовый суп без нее был бы, пожалуй, даже вкуснее. Но ведь это было единственное собственное угощение старца. Открыли мы и рыбные консервы, но о. Феодосий к ним не прикоснулся, ссылаясь на Петровский пост. Нам же, как в пути сущим, благословил добродушно.

После обеда и небольшого отдыха деликатный о. Харалампий распрощался с нами и ушел в лежащий неподалеку св. Георгиевский скит на Кирашах у подножия «шпиля». Там он обещал ожидать меня до пяти дней.

И мы остались с о. Феодосием. Рассказал я старцу всю свою жизнь. Он молча слушал мое длинное повествование. Изредка поднимал на меня свой лучистый взор и ласково и любовно обнимал им меня.

Незаметно подошла ночь. Старец прервал беседу и предложил совершить вечернее правило. Пропели вечерню, повечерие с трехканоником и акафистом. А тут полночь как раз. Как не прочитать полунощницу с ее чудным тропарем: «се жених грядет в полунощи и блажен раб, его же обрящет бдяща».

После полунощницы старец отвел меня с свою келлию отдохнуть, обещая разбудить к утрени.

Но разбудил только к Литургии, которую мы начали в шестом часу утра. Пока я спал о. Феодосий отпел утрению. Сколько же отдыхал старец, судите сами.

После Литургии мы продолжили вчерашнюю беседу. Начал я просить о. Феодосия постричь меня.

Улыбнулся старец, сказал:

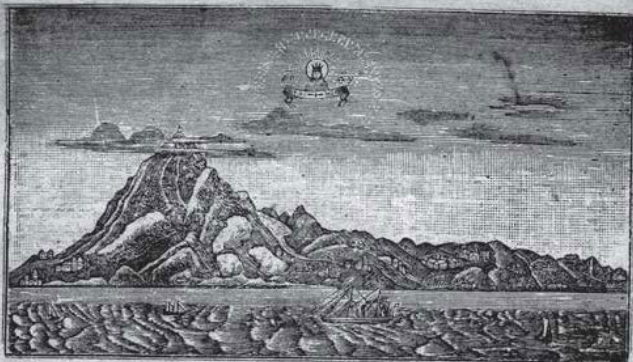
– Давно я уже никого не постригал. У меня правило, кого постригу – тот должен, как чадо мое духовное, остаться при мне, ибо я взял пред Богом ответственность за его душу. Было несколько таких усердствующих, да вот, должно быть по сварливости характера моего, никто не удержался...

– Действительно, – рассказывал мне после один из карульцев схимонах Антоний, – многие из нас хотели стать учениками батюшки. И ревнители были великие, но никто больше года у него не выдерживал. За ним не угонишься.

От о. Антония я узнал о великих подвижнических трудах о. Феодосия, о каковых я упоминал выше.

По молодости заупрямился я, прося сделать для меня исключение.

Три дня препирались мы со старцем. Попутно и о многом другом беседовали. Не забуду четкой характеристики старцем восточного и западного монашества.

Ученіе

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О СВЯЩЕН-
НОМЪ ПРЕДАНИИ И ОТНОШЕНІЕ
ЕЯ КЪ НОВОМУЪ СТИЛЮ.

*Составлено Авонскими ревнителями
православнаго благочестія.*

Изданіе
Возстановленной Почаевской Типографіи преп. Гова во Владиміровой
1934 г.

Обложка брошюры, составленной при участии старца Феодосия Карульского и изданной Ладомировской типографией в 1934 году.

– Восточный православный монах, спасая себя – спасает других, – говорил о. Феодосий. – А римокатолический монах начинает свой подвиг заботой о спасении других, чем надеется заслужить спасение и себе. Уподобляется евангельскому слепцу, который взялся вести другого слепца, и оба упали в яму (Мф. 15, 14). Нет, надо сначала, как учил пр. Серафим, стяжать внутренний мир и тогда тысячи около тебя спасутся. Из грязного колодца не напоишь жаждущего. Надо его сначала очистить...

На четвертый день старец, видя мою неотступность, решил послать меня к своему духовнику стопятидесятилетнему старцу иеросхи-монаху Игнатию, ныне тоже уже покойному. Как решит о. Игнатий так и будет. Велит остаться на Афоне, пострижет меня о. Феодосий и оставит у себя. Велит ехать в мир, буду искать пострига в одном из монастырей афонских.

Не пришло еще время рассказать о беседе моей с великим старцем о. Игнатием, истинным прозорливцем, каковым считает его и о. Феодосий, да и не на тему это моего повествования.

Многое из того, что предсказал он мне, уже сбылось. Сбудется, конечно, и остальное.

О главном, зачем пришел, о. Игнатий сказал, постучав меня коленопреклоненного по голове: – В мир иди, там ты нужен.

С этим наставлением и вернулся я к о. Феодосию. Рассказал все, о чем говорил мне о. Игнатий.

О. Феодосий подробно растолковал мне некоторые непонятные слова великого своего наставника и духовника. Слушая эти толкования, я убедился, что и сам о. Феодосий великий прозорливец.

На прощание благословил меня о. Феодосий своим параманным деревянным крестом, который носил больше 20 лет, пока не был пострижен в великую схиму, подарил требник и иконку.

Крест сей я с благоговением ношу всегда на груди, как память о святом старце.

Ищущий обрящет.

Привел Господь и меня недостойного удостоиться зреть и беседовать с Божьими праведниками, один из которых незабвенный батюшка о. Феодосий.

P. S. Так уж человек устроен: хорошо удерживает в памяти только то, что его касается. Так и я грешный. Четыре дня беседовал с о. Феодосием, и не только же о своем деле. И вот из общих его наставлений мало что осталось в памяти. Личное же помню до последнего слова. Потому и пришлось, рассказывая об о. Феодосии, попутно говорить и о себе, за что прошу прощения у читателя.

А.[рхимандрит] С.[ерафим Иванов]

Инок обители св. Панте леимона Кончина Архимандрита Мисаила, игумена русского на Афоне Пантелеимонова монастыря⁴⁴⁶

*Блаженни умирающие о Господе.
Ей, глаголет Дух, да почиют от трудов своих.
(Апок. XIV, 13).*

В воскресенье, 22 сего января, мирно почил о Господе архимандрит Мисаил, игумен русского на Афоне Пантелеимонова монастыря. Осиротела обитель. Почти 35 л.[ет] стоял он на страже ее бессменным вождем. Много бурь пронеслось за это время, много скорбей пришлось ему перенести, но благодать Божия помогла все это пережить.

Архимандрит Мисаил, в мире Михаил Григорьевич Сапегин, уроженец рязанской губ.[ернии], родился в 1852 г. Рано почувствовав призвание к монашеству, он, по слову Божию, оставил родителей, родину и приехал на Афон (1874 г.), где и поступил послушником в русский монастырь св. Пантелеимона. Здесь он ревностно предался иноческим подвигам и в 1879 г. принял монашество с именем Мисаила.

⁴⁴⁶ «Православная Русь». (Ladomirova, Чехословакия). № 4 (282), 15 февраля 1940 г. С. 5.

За свою добродетельную жизнь, спустя 6 л.[ет], был рукоположен во иеродиакона и иеромонаха (1885 г.). Прошло еще 20 л.[ет]. За это время иером.[онах] Мисаил побывал на монастырских подворьях Таганрога, Москвы, Константинополя и Одессы. В последних двух был настоятелем.

Избранный в 1905 г. наместником монастыря, он вызывается на Афон. Здесь, по кончине игумена Нифонта, возводится в сан архимандрита и игумена монастыря. С тех пор почти 35 л.[ет] правил обителью.

Много печального пришлось пережить на этом долгом пути: имябожническая смута, мировая война, крушение Родины – все это оставило глубокий неизгладимый след в его душе. За последнее время о. игумена постигла новая скорбь: была парализована правая сторона тела. В таком положении он пробыл 5 л.[ет], не оставляя своих забот о братии.

В текущем году, за несколько дней до смерти, архим.[андрит] Мисаил почувствовал общее недомогание. Очевидно елей его жизненной лампы догорал.

Настал час воли Божией, и авва окончил свой земной путь. Напутствованный всеми церковными таинствами, он незаметно уснул сном праведника.

В воскресенье, 22 января, в 10 ч.[асов] утра по восточному времени (5 ч.[асов] по-европейски) три удара большого монастырского колокола возвестили братии, что уже не стало их любимого игумена.

Через несколько времени тело почившего было перенесе-

но в Покровский храм. Там была отслужена соборная панихида, и началось чтение св. Евангелия по очереди всеми иеромонахами и иеродиаконами монастыря, продолжавшееся до самого отпевания. На вторник [sic!] было совершено заупокойное бдение, а затем, после заупокойной литургии, отпевание митрополитом Иерофеем (проживающим на св. Горе), при участии о.о. игуменов Зографского монастыря, русских скитов: Андреевского и Ильинского, а также представителей других обителей и большого числа монашествующих со всего Афона.

Ильинский игумен, о. Архим.[андрит] Иоанн, перед отпеванием сказал от имени всех следующее слово:

«Ваше Высокопреосвященство, высокопреподобнейшие Отцы Игумены и все отцы и братия!

Хотелось бы сказать в назидание себе и всем несколько слов над мертвенным телом в Бозе почившего нашего общего Отца Игумена положившего многие труды и скорбно болезненную долгую жизнь в этой святой обители. «Блаженни умирающие о Господе, ей глаголет Дух, – почиют от дел своих и дела их идут в след их». (Откр. 14, 13).

Подвигнись священная сия обитель и воздаждь свой сыновний долг почившему своему Авве, наставнику и великому труженику Отцу Игумену Священно-Архимандриту Мисаилу, посвятившему всю свою жизнь во благо обители и спасению вверенной ему от Господа братии.

Для верующей души, смерть есть сон, переход в луч-

шую безмятежную жизнь, и почивший наш Батюшка, после многих трудов иночества, теперь имеет предстать пред лице Праведного Господа, чтобы дать отчет, яже содела блага или зла в этой земной жизни, а на нас с вами отцы и братия лежит святой долг, возносить усердные молитвы ко Господу, чтобы Он Милосердный простил рабу Своему вольные и невольные согрешения и вселил душу его в обители небесные, идеже вси святии почивают.

Новопреставленный наш Авва, обращается теперь к нам с своим словом прощальным, отходя в загробный мир, как бы так говоря: Я навсегда телом оставляю тебя, святая обитель, – место моих многолетних трудов и подвигов, ты приняла меня земного странника и пришельца под тихий покров твой, когда я бегая от мира, стремился под покров Царицы Небесной, и ты послужила для меня, с одной стороны, местом многих скорбей, нужд и печалей, а с другой, – местом сладкого упокоения от зол и треволнений века сего. В тебе святая обитель, я прожил лучшие дни моей жизни и, наконец, слагаю многотрудное тело мое. И вот, расставаясь с тобой навеки, я бросаю на тебя свой прощальный взгляд. Простите мне, святые величественные храмы Божии, место селения славы Божией, где пребывая, дух мой возносился горе, и душа моя просвещалась светом Божией благодати. Настало время моего отхода отсюда, теперь связаны руки и ноги мои, настал час, когда я прах сущ, должен паки в землю возвратиться.

Простите и вы сожители, други и чада мои, молитесь о мне Всемилостивого Бога. Я отхожу от вас и к тому не буду с вами в настоящем веке, а потому и нарекаю вам последнее слово: Спасайтесь отцы и братия, спасайтесь и во вся дни житие свое исправляйте. Я преплыл житейское море воздвигаемое напастью бурей и теперь гряду к тихому пристанищу и умиленно вопию да возведет от тли живот мой Многомилостивый Господь и да удостоит быть наследником обителей праведных.

С своей стороны и мы, бывшие собратия и чада твои, обстоим ныне гроб твой и молитвенно взываем: прости нам, дорогой батюшка, наши вольные и невольные согрешения и оскорбления, которые когда-либо наносили тебе и, если обратишь милость у Господа, то помяни нас у престола славы Его, а мы здесь на земле будем молиться, чтобы Всеблагий Господь, по ходатайству Всепетой Богоматери и всех святых, простил тебе согрешения и удостоил избранных Своих. Аминь».

Всякий, кто бывал на св. Горе, навсегда запомнят личность игумена Мисаила. Добрый, отзывчивый, он оставлял на каждом [sic!] самое лучшее впечатление. Проводя подвижническую жизнь, строгий к себе, он был снисходителен к другим, принимая во внимание человеческие слабости. Отношение его к братии было отношением отца к любимым детям. Для каждого из них во всякое время отверсты были двери его келлии и сердца. Каждый шел к нему со своими

скорбями и нуждами и возвращался успокоенным. Все свои силы – душевные и физические почивший отдал на служение братии и благочестивым посетителям монастыря. Много бы и еще можно было сказать о жизни и деятельности архим.[андрита] Мисаила, но и этого довольно для его характеристики.

Было пролито довольно слез, много было скорби. Воскресение, понедельник и вторник были днями печали и сетования для всего братства обители. Слезы братии – лучший венок на могилу аввы Мисаила.

Да упокоит Господь душу его со всеми преподобными во Царствии Своем.

Инок обители св. Вмч. Пантелеимона. Св. гора Афон.